

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024 Том 28 № 3

Специальная тема номера: «ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРАВО»

doi: 10.22363/2313-2337-2024-28-3

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61218 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Ястребов Олег Александрович,

доктор юридических наук, профессор,

РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Руководство производством журнала,

техническое и организационное

обеспечение, формирование редакционной

политики, взаимодействие и контакты

с партнерами и официальными структурами.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Власенко Николай Александрович,

доктор юридических наук,

профессор, РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Научная политика, организация

отбора статей, качество

публикуемых материалов,

формирование выпусков.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь

Андреева Полина Николаевна,

кандидат юридических наук,

РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Переписка с авторами,

документооборот журнала,

информационная инфраструктура

журнала, организация

рецензирования материалов.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич, доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

Варламова Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения

Джансарова Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика

Нематов Акмал Рауфджонович, доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Панагиотопулос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция

Почкаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Петробои Александра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия

Робинсон Николас, доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Russian Science Citation Index (RSCI)*, *РИНЦ*, *перечень ВАК*, *Google Scholar*, *Ulrich's Periodicals Directory*, *WorldCat*, *Cyberleninka*, *DOAJ*, *East View*, *Dimensions*, *ResearchBib*, *Lens*, *Research4Life*, *JournalTOCs*

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – периодическое научное издание, посвященное фундаментальным и отраслевым исследованиям в области права.

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности – научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учеными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализацией;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематикам, соответствующим специальностям ВАК РФ: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании. Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Материалы для опубликования принимаются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>

Редакторы И.А. Гроник, К.В. Зенкин
Редактор-переводчик В.В. Степанова
Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

1115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 15.08.2024. Выход в свет 25.08.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,95. Тираж 500 экз. Заказ 1063. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LAW

2024 VOLUME 28 No. 3

Special theme of the issue: “DIGITALIZATION AND LAW”

DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-3

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA**

Editor-in-Chief

Oleg A. Yastrebov,

Doctor of Legal Sciences, Professor;
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal production management,
technical and organisational support,
formation of editorial policy,
engagement and communication with
partners and official structures.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay A. Vlasenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Scientific policy, organisation
of articles selection,
quality of published materials,
formation of issues.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Executive Secretary

Polina N. Andreeva,

Candidate of Legal Sciences,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Editorial Board

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

Natalia V. Varlamova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Artur S. Gambaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Rima Y. Dzhansarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sandra Liebenberg, LL.D (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa

Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Alessandra Pietrobon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, New York, USA

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Frequency: Quarterly

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *Russian Index of Science Citation, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Aims and Scope

RUDN Journal of Law is a scientific periodical devoted to fundamental and sectoral studies in the field of law.

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance – scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

The goals and objectives of the journal are as follows:

- to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world,
- to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields,
- to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science, including their practical implementation, both in Russia and abroad,
- to publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.,
- to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation. The policy of the journal is built upon compliance with the norms of scientific ethics.

The submission of the manuscripts is operated through an online system:
<http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Editors *I.A. Gronic, K.V. Zenkin*

Editor-translator *V.V. Stepanova*

Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru

Printing run 500 copies. Non-fixed price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Черемисинова М.Е. Правовая культура в виртуальном пространстве	477
Довгань К.Е. Глобальный вызов цифровизации как условие развития казуистики ...	494
Демкин В.О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий	512
Цзя Шаосюе. Обзор законодательства и практики КНР в области развития современного цифрового права	528

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А. Правовые проблемы цифрового гражданства	546
Романовская О.В., Романовский Г.Б. Право и цифровизация современного здравоохранения	565
Дискин Е.И. Применение технологий искусственного интеллекта при осуществлении цензуры со стороны интернет-платформ	584

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Бегичев А.В., Цандер Я.М. Доктрина тщетности (a doctrine of frustration) и доктрина форс-мажора (a doctrine of force majeure) в индийской правоприменительной практике в цифровую эпоху	604
Зюбанов К.А. Согласие на обработку персональных данных – sui generis действие	622
Ефимов А.В. Демистификация имущественных прав в контексте цифровой трансформации экономики	634
Агамагомедова С.А. Трансграничные аспекты административной защиты интеллектуальной собственности: обзор российской судебной практики	651

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Гармаев Ю.П., Осипов Г.П. Привлечение специалиста для исследования криптовалют в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводствах	669
--	-----

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

Алферова Е.В., Скурко Е.В. Рецензия на монографию: Rochford F. Environmental Personhood: New Trajectories in Law. Abingdon, Oxon [UK]; New York: Routledge, 2024. 106 p. = Рочфорд Ф. Экологическое лицо: новые направления в юриспруденции. Абингдон, Оксон [Великобритания]; Нью-Йорк: Раутледж, 2024. 106 с.	685
Комлев Е.Ю., Добряков Д.А. Судебная власть и судоустройство: обзор международной научно-практической конференции	694

CONTENTS

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

Maria E. Cheremisinova. Legal culture in the virtual space.....	477
Kseniya E. Dovgan. Global challenge of digitalization as a condition for the development of casuistry	494
Vladislav O. Demkin. Digital identity and digital image of an individual: Legal characteristics and the place in the system of related categories	512
Jia Shaoxue. Overview of PRC law and practice in the development of modern digital law	528

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGY

Yulia A. Gavrilova, Yuri A. Bokov. Legal issues of digital citizenship.....	546
Olga V. Romanovskaya, Georgy B. Romanovskiy. Law and digitalization of modern healthcare	565
Evgeni I. Diskin. The use of Artificial Intelligence technologies by internet platforms for the purposes of censorship	584

CIVIL LAW

Alexander V. Begichev, Yana M. Tsander. The doctrine of frustration and the doctrine of force majeure in Indian law enforcement practice in the digital era	604
Kyrill A. Zyubanov. Consent to personal data processing – a sui generis action	622
Anatoly V. Efimov. Demystification of property rights in the context of the digital transformation of the economy	634
Saniyat A. Agamagomedova. Cross-border aspects of administrative protection of intellectual property: a survey of Russian court practice	651

PROCEEDING LAW. PROSECUTOR SUPERVISION

Yury P. Garmaev, Grigory P. Osipov. Engaging a specialist for the investigation of cryptocurrencies in criminal, civil and arbitration proceedings	669
---	-----

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

Elena V. Alferova, Elena V. Skurko. Review of the monograph: Rochford F. (2024) Environmental Personhood: New Trajectories in Law. Abingdon, Oxon [UK]; New York: Routledge	685
Evgeny Y. Komlev, Denis A. Dobryakov. Judicial Power and Judicial System: Review of the international scientific and practical conference	694

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-477-493>

EDN: FDEMVT

Научная статья / Research Article

Правовая культура в виртуальном пространстве

М.Е. Черемисинова

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

 mecjuly@yandex.ru

Аннотация. Цель работы – исследование особенностей формирования правовой культуры в виртуальном пространстве с позиций необходимости создания безопасной и продуктивной среды для интернет-коммуникации. Актуальность исследования определяется особым вниманием, которое уделяется поведению участников сетевого взаимодействия в Интернете, воздействию на их деятельность кросс-культурных процессов, технологических нововведений и социальных последствий использования технологий. В ходе исследования использован диалектический метод познания. Культурно-правовые характеристики рассматриваются с точки зрения: правовых традиций; социальных новаций; свободы от правовых ограничений; скорости развития технологий, позволяющих пользователям выбирать определенные варианты поведения. В результате выявлены специфические черты правовой культуры, проявляющиеся в виртуальном пространстве и отражающие ее устойчивые, а также подвижные характеристики. Подчеркивается, что в виртуальном пространстве происходит в определенном смысле борьба за правовую культуру, адаптация различных ее образцов к новой социально-технологической среде. Сформулирован вывод о том, что правовая культура и ее отдельные проявления становятся восполняющими, иногда замещающими способами регулирования интернет-отношений в отсутствие четких нормативных правовых предписаний. В связи с этим возрастает значение правовой культуры, способствующей поиску подходов к правовому регулированию в условиях социализации технологий.

Ключевые слова: правовая культура, интернет, виртуальное пространство, новые технологии, правовые традиции, правовой статус субъекта, правовое состояние субъекта, социализация технологий

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 24 августа 2023 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

© Черемисинова М.Е., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Черемисинова М.Е. Правовая культура в виртуальном пространстве // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 477–493. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-477-493>

Legal culture in the virtual space

Maria E. Cheremisinova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*

 mecjuly@yandex.ru

Abstract. The article aims to examine the peculiarities of the formation of legal culture in the virtual space from the standpoint of creating a safe and productive environment for internet communication. The relevance of the research is determined by the special attention given to the behavior of participants in online interactions, the impact of cross-cultural aspects, technological innovations and the social consequences of technology on their activities. In the course of the study, the dialectical method of cognition was used. Cultural and legal characteristics are considered from the point of view of legal traditions, social innovations, freedom from legal restrictions, and the development of technologies that dictate certain behaviors. As a result, specific characteristics of legal culture manifested in the virtual space have been identified, reflecting its stable and dynamic features. It is emphasized that in the virtual space, there is so called struggle for legal culture, as various samples are adapted to the new socio-technological environment. The conclusion is drawn that legal culture and its individual manifestations become supplementary, sometimes substituting means of regulating internet relations in the absence of clear regulatory legal prescriptions. In this regard, the importance of legal culture increases, contributing to the search for approaches to legal regulation in the conditions of technology socialization.

Key words: legal culture, Internet, new technologies, virtual space, legal traditions, legal status of the subject, socialization of technology

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 24th August 2023

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Cheremisinova, M.E. (2024) Legal culture in the virtual space. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 477–493. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-477-493>

Введение

Виртуальное пространство рассматривается в настоящем исследовании как синоним Интернета – глобальной информационно-коммуникационной сети, в которой осуществляется социальное взаимодействие множества субъектов права и цифровизации общественных процессов. Фактически это социально-технологическая система, стремительное распространение которой в новом тысячелетии повлекло переосмысление многих общественных установок, сформировавшихся на предыдущих этапах развития современной цивилизации.

В настоящее время очевидно, что, как и любое другое поле социального взаимодействия, виртуальное пространство подчинено законам развития права. Его

правовое наполнение постоянно увеличивается, отражая текущий этап эволюции правовых постулатов и уровень осознания субъектами важности правовых положений.

Природа виртуального пространства имеет определенные, в том числе технологические, особенности, отличающие ее от реального мира, в которых на протяжении веков утверждались регулятивные нормы общественных отношений. К таким особенностям, в первую очередь, относятся трансграничная архитектура, сетевое устройство и скорость распространения информации, позволяющая пользователям преодолевать естественные пространственно-временные границы.

Правовая культура в виртуальном пространстве как поведенческий фактор в деятельности субъектов также обладает определенной спецификой, требующей исследования с позиций необходимости создания безопасной и продуктивной среды для интернет-коммуникации. Актуальность этой темы постоянно возрастает в связи с серьезными ставками, которые государства делают на развитие цифровых технологий в целях повышения своей конкурентоспособности.

Подчеркнем, что акцент в данном исследовании ставится именно на поведенческом аспекте как первичном выражении всего сложного, многоаспектного феномена правовой культуры. В юридической литературе отмечается, что с понятием «правовая культура» тесно связано правосознание, а культура в широком смысле – это и есть общественное сознание (Vlasenko, 2009:227). При этом уровень и качество правовой культуры измеряются в том числе состоянием правосознания, т.е. степенью знания права, качеством отношения к нему (Vlasenko, 2009:227).

«Население» виртуального пространства определенным образом задает его культурно-правовые характеристики, которые влияют на весь процесс развития глобальной информационно-коммуникационной среды, причем не меньше, чем совершенствование технологий. Более того, контраст в поведении пользователей онлайн и офлайн, зачастую обостряет общеправовую проблему отношения людей к социальным, в первую очередь к правовым регуляторам. В этом случае уровень правовой культуры становится индикатором эффективности правовых норм, устойчивости правовых традиций и необходимости изменений в правовой сфере.

Проблематика правовой культуры в контексте развития новых технологий активно развивается (Ivanova, 2019:149; Shapovalova, 2020; Pevtsova & Sapogov, 2021; Khokhlova & Duvayarova, 2022), что обуславливает повышенное внимание к методологии ее исследования.

Методологические подходы к изучению правовой культуры в новой социально-технологической среде

Одна из ключевых причин устойчивости и ценности категории «правовая культура» как некоей юридической синтагмы – интонационно-смыслового единства, позволяющего не только вычлнить понятие из обширного понятийно-категориального и речевого потока, но и укоренить его в сознании и профессиональной деятельности людей. Полагаем, это важно отметить в связи со значительным разнообразием подходов к понятию правовой культуры, ее трактовок в социологической, философской, психологической и иных науках, дающих возможность междисциплинарного исследования этого вопроса.

Вместе с тем, обозначая виртуальное пространство как новое, до конца неизведанное с правовой точки зрения явление, большое значение имеет подход, сформулированный отечественными правоведами и касающийся относительности смысла правовой культуры. По мнению В.С. Нерсисянца, правовая культура – это не всегда совершенное, положительное в правовом бытии, поскольку она может быть высокой и низкой, совершенной и не очень (Nersesyants, Muromtsev & Mal'tsev, et al, 2002:66).

Действительно, в виртуальном пространстве происходит своеобразная борьба за правовую культуру, восприятие различных ее образцов, столкновение концепций. Во многом правовая культура и ее отдельные проявления становятся восполняющими, иногда замещающими способами регулирования интернет-отношений – в отсутствие четких нормативных правовых предписаний. В литературе отмечается, что «в структуре сферы правового регулирования появился новый элемент – отношения, которые должны быть, но на данном этапе объективно не могут быть урегулированы правом в необходимом объеме» (Khabrieva, 2018:11). Однако частично регуляция может быть осуществлена и во многом она складывается благодаря культурно-правовым средствам и способам.

Право и его культурная составляющая проверяются «на прочность», испытывая воздействие кросс-культурных коммуникаций, новых традиций, глобализации с ее мульти- и поликультурализмом, технологических нововведений и социальных последствий их использования. Это обуславливает наличие различных уровней культуры, что в свою очередь не позволяет идеализировать данную категорию. Речь можно вести скорее о правовой культуре как о рабочем инструменте, способствующем становлению правопорядка в новой социотехноантропосфере.

Тем не менее на данном этапе функционирования Интернета все, что сопряжено с правовыми установками, можно причислить именно к культуре, чтобы подчеркнуть значение права в целом для данной среды. Это имеет значение при разграничении понятий правовой культуры и антикультуры – полного отрицания моделей правомерного поведения, базирующегося либо на «слабых местах» действующего правового регулирования, либо на новых возможностях/свободах, еще не подпадающих под действие права, либо на незнании (непризнании) целесообразности использования правовых средств регулирования отдельных интернет-действий.

Стоит упомянуть, что виртуальное пространство и вся совокупность социальных процессов, протекающих в нем, — неотъемлемая часть постиндустриального общества, определившая все наиболее сложные вызовы современности. Его культурно-правовые характеристики можно рассмотреть с позиций:

- правовых традиций – сохранения (перенесения) обычаев и норм из реальной жизни в виртуальную;
- социальных новаций, повлекших новые возможности реализации прав, а следовательно, новую оценку (переоценку) правовых регуляторов, обеспечивавших ранее защиту от правонарушений;
- свободы от правовых ограничений, существующих в реальном мире;
- развития технологий, подконтрольных довольно узкому кругу субъектов, но диктующих определенные варианты поведения.

Правовая культура виртуального пространства и правовые традиции

Правовые традиции оказались довольно устойчивы в новой социально-технологической сфере. Этим обуславливается сильная система саморегулирования,

созданная как энтузиастами, так и профессиональными разработчиками интернет-ресурсов. Можно предположить, что правовая культура реализовалась в культуре саморегулирования, когда субъекты, очевидно имеющие довольно высокий уровень образования, воспитания и благосостояния (способные приобрести необходимое оборудование), выстроили индустрию информационных возможностей с привлечением огромного числа заинтересованных лиц. В начале 2000-х гг. в научной литературе отмечалось, что в России идеи саморегулирования постепенно начинали восприниматься в качестве одного из основных механизмов регулирования отношений, возникающих в связи с использованием сети Интернет (Lebedeva, 2004). В настоящее время ситуация определенным образом изменилась, и доля государственного участия в интернет-процессах возросла. Однако именно саморегулирование послужило активному развитию информационно-телекоммуникационных ресурсов, их глобальному распространению и внедрению в повседневную жизнь людей.

Под саморегулированием подразумевается деятельность частных лиц и организаций, которые внедрили в практику использования Интернета различного рода пользовательские соглашения (условия использования тех или иных ресурсов). Эти соглашения эволюционируют, их позиции меняются, но в целом они могут служить основанием для защиты прав сторон сетевого взаимодействия в судебном порядке.

Хорошим примером саморегулирования служит оперативность, с которой разработчики (владельцы), по крайней мере крупных IT-компаний, реагируют на сбои в работе своих систем. Для того чтобы принять меры по исправлению аварийных ситуаций, которые зачастую связаны с нарушением прав пользователей (в частности, утечкой персональных данных), они не нуждаются в принудительных механизмах со стороны властей. Брешы в программном обеспечении или восстановлении инфраструктуры закрываются достаточно быстро. В одном из исследований приводится ситуация, когда ошибка программного обеспечения Facebook¹ на 30 минут открыла все электронные адреса пользователей (Steinschaden, 2011:204). Иными словами, неисправность была устранена в течение получаса – «космическая» скорость реагирования на неполадки, затронувшие интересы пользователей с учетом технической сложности инфраструктуры социальной интернет-сети.

Тенденции распространения так называемого горизонтального регулирования – предмет многих современных правовых исследований. Так, отмечается, что в рамках регулирования медиаматики (Minbaleev, Martynov & Kamalova, 2020:83) – от отраслевой к интегрированной характеристике – происходит постепенное институциональное изменение в сфере телекоммуникаций и СМИ, а также развитие института конвергенции в Европе. Например, в Великобритании существует Комиссия по стандартам вещания, Независимая телевизионная комиссия и иные органы, которые осуществляют свою деятельность на основе стандартов и правил, выработанных профессиональным сообществом. По сути, речь идет о институте саморегулирования (Minbaleev, Martynov & Kamalova, 2020:85).

Примерами активного и эффективного саморегулирования являются также специализированные общественные организации, в частности РАЭК (Российская ассоциация электронных коммуникаций), РОЦИТ (Региональный общественный центр интернет-технологий), Фонд развития Интернета, Лига безопасного Интернета и др.

---

¹ Данный интернет-ресурс запрещен на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности (решение Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. по делу № 02-2473/2022).

В литературе также обращается внимание на наличие «стихийной регуляции в правовой сфере, когда кроме урегулированных правом существует множество неправовых фактических отношений. Последние можно назвать неформальными отношениями, которые складываются между людьми в силу их социально-психологических ценностей, мотивов и целей деятельности» (Tikhomirov, 2010:134). Социальное наполнение виртуального пространства во многом осуществляется именно таким «стихийным» способом. При этом важно создание правовых условий для саморегулирования – заключения договоров, локальных актов, норм-самообязательств (Tikhomirov, 2010:134), которые во многом – результат развитой правовой культуры и ее элементов.

Таким образом, традиции как элемент правовой культуры выполняют в виртуальном пространстве регулиующую роль на основе устойчивых представлений субъектов права о правомерном и неправомерном поведении, механизмах урегулирования различных вопросов, необходимости учета взаимных интересов и т.д. В условиях стихийного развития общественных отношений они могут выполнять восполняющую (замещающую) нормативные правовые акты роль с использованием институтов саморегулирования, самообязательств и самоограничений.

Влияние новых социальных практик на правовую культуру

Социальные новации выполняют иную функцию в становлении правовой культуры виртуального пространства. Под социальными новациями можно понимать новые возможности, которые получили субъекты права в результате распространения Интернета. В качестве примеров можно привести, в первую очередь, трансграничное общение, которое стало доступно в результате внедрения Интернета, а также процесс преобразования статусов субъектов права, когда потребитель информации стал полноправным участником создания информационных ресурсов, информация начала приобретать свойства товара, а культура субъектов – индивидуализироваться, т.е. субъекты получили возможность создавать свой собственный культурный контент и формировать собственную культурную среду.

В работе М. Кастельса можно найти описание такой новой социальной практики, как сетевой индивидуализм, формирующий образец взаимодействия в сетевом обществе (Castells, 2023:173). Со ссылкой на социологические исследования он утверждает, что в век Интернета индивиды расширяют свои взаимодействия, используя богатство коммуникационных сетей для их передачи, но делают это выборочно, создавая собственный культурный мир на основе своих предпочтений и целей и изменяя его в соответствии с изменением своих личных интересов и ценностей (Castells, 2023:173). Культурный мир в данной работе понимается максимально широко. При этом представляет интерес вопрос, сформулированный автором, – фрагментируется или интегрируется культура в процессе коммуникации (Castells, 2023:178).

В отношении правовой культуры постановка этого вопроса также требует внимания с учетом предложений об индивидуализации правового регулирования и применения, в частности, автоматизированных средств исполнения обязанностей. Существует теория, в которой применительно к информационному обществу сформулирована идея так называемого метаправа, способная, по мнению ее разработчика, разрешить социокультурную напряженность, а именно «регулировать самые

быстрые процессы в экономике и налоговой сфере в реальном времени, избавить субъекты от нарушения (по причине их незнания) некоторых норм права путем дозволению частичной автоматизации некоторых процессов правотворчества и правоприменения» (Goloskokov, 2003:168).

В связи с этим возникает вопрос об отношении субъекта к автоматизированным способам исполнения обязанностей, о влиянии такого подхода на правосознание с учетом того, что отношение к автоматическому исполнению обязанностей как к принудительному может повлечь: а) активизацию развития технологических способов правонарушений; б) девальвацию идеи об активной (перспективной) ответственности, развитие которой в контексте правового воспитания и правосознания играет одну из ключевых ролей.

В процессе апробирования новых социальных практик коммуникации происходит оценка (переоценка) действующих правовых регуляторов. Такая оценка и соответствующие оценочные отношения очень важны и, по данным некоторых исследований, являются структурными элементами правовой культуры (Keizerov, 1982:231; Granat & Panasyuk, 1998:3). Важное значение придавал оценке социальных процессов информатизации и Д. Белл, утверждая, что особенностью постиндустриального общества будет требование более совершенного социального управления и более широкого использования экспертных оценок (Bell, 2004).

Так, права и свободы человека и гражданина в виртуальной среде не подвергаются сомнению, сохраняются в качестве основной правовой ценности и опоры для развития законодательства как на международном, так и на национальном уровне регулирования. Вместе с тем приоритетность их защиты подвергается переосмыслению. В частности, возникает вопрос — что важнее: защита персональных данных или интересов субъекта предпринимательства (Lazarev, et al., 2020a:40, 41)². Ответ на это вопрос не настолько очевиден, как может показаться на первый взгляд. По мере совершенствования интернет-ресурсов и привлечения к их использованию все более широкой аудитории неизбежно возникла идея коммерциализации работы таких ресурсов. Сложность состояла в том, что для пользователей интернет-сайты должны были оставаться бесплатными. В результате возникла схема сбора больших данных и соответствующая технология, которая позволила развернуть масштабный «товарооборот» информации, курсирующей в Интернете. Это в определенной степени устраивает обе стороны таких информационных отношений — субъект персональных данных имеет доступ к почти неограниченным возможностям получения и распространения информации, а разработчики ресурсов — достойную отдачу от затраченных творческих и финансовых вложений. В то же время по мере углубления информационного взаимодействия и проникновения интернет-технологий практически во все сферы реализации прав и свобод (помимо информационных) влечет

² Этот вопрос уже стал предметом рассмотрения в практике Конституционного Суда РФ. В одном из дел заявительница констатировала приоритет интересов юридического лица над интересами субъекта персональных данных. Однако Конституционный Суд РФ отметил, что п. 5 ч. 1 ст. 6 Закона № 152-ФЗ, «допуская обработку персональных данных, если она необходима для исполнения договора, стороной которого либо выгодоприобретателем или поручителем по которому является субъект персональных данных, направлен на реализацию принципа надлежащего исполнения обязательств в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона (ст. 309 ГК РФ), обеспечивает защиту прав участников договорных отношений, в том числе по предоставлению коммунальных услуг, справедливый баланс их законных интересов и не может расцениваться как нарушающий конституционные права и свободы заявительницы в указанном в жалобе аспекте».

постановку вопроса о соотношении права на свободу предпринимательской деятельности и права на защиту персональных данных как составляющей фундаментального права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Боле того, простая (казалось бы) схема информационного обмена – услуги в обмен на информацию – стала охватывать и сферу национальной безопасности, что повлекло усиление государственных начал в регулировании интернет-отношений. В настоящее время это общемировая тенденция, которая в свою очередь повлекла новые вызовы для института защиты прав и свобод и даже формирование так называемого цифрового сопротивления, ратующего за сохранение максимальной свободы в виртуальной среде.

В исследовании одного из наиболее известных теоретиков информационного (постиндустриального) общества М. Маклюэна подчеркивается влияние технических средств на процесс формирования культуры, обозначается скрытая опасность использования информационных технологий, когда «объединенный человек» может стать объектом невидимой эксплуатации и всеобъемлющего контроля (McLuhan, 1987: 169, 170). В связи с этим автор отмечает, что средства информации становятся средой обитания человека и ему необходимо понять их природу и взять под контроль возможности их влияния на свое сознание.

При этом значимым фактором для правовой культуры становится осознание субъектом степени собственной незащищенности, снижения эффективности правовых механизмов, что может привести к сомнениям в правильности сути построения правовых основ и далее – к правовому нигилизму.

Во многом новые социальные практики и их правовое опосредование в нынешних условиях развития технологий и общества, как ни парадоксально, ведут к идее о том, что права и свободы в виртуальном пространстве (возможно, в их модифицированных или адаптированных к интернет-коммуникациям формах) требуют повторного утверждения, расстановки приоритетов и установления баланса между публичными и частными интересами. Права и свободы как остова правовой культуры, позволяющий их носителям осознавать свои возможности, соизмерять их со своими устремлениями и соответственно выстраивать поведение, нуждаются также в более четком дополнении обязанностями.

Обязанности в контексте правовой культуры, особенно в процессе формирования и апробирования социальных новаций, также имеют важное значение. В связи с тем, что корреляции прав и обязанностей в виртуальном пространстве остаются во многом неопределенными, как минимум в части гарантий и субъектов, способных их обеспечить (государство или частные субъекты – владельцы ресурсов или средств связи либо разработчики, контролирующие технические условия использования Интернета), культурно-правовые установки приобретают характер определяющих текущее и перспективное развитие глобальной сети.

Подобный оптимистичный прогноз можно дать благодаря такому признаку правовой культуры, как рациональность, имманентно присущему правовой культуре как «метаюридической» (Avtonomov, 2016:7) категории, определяющей поведение субъекта без прямого юридического (в том числе принудительного) воздействия. Иными словами, правовая культура «отбирает» и «вбирает в себя» те ценности и образцы поведения, которые субъекты – носители культуры – считают наиболее справедливыми, рациональными, полезными для себя и своей деятельности.

Полагаем в качестве социальной новации можно рассматривать феномен интернет-мемов, который чрезвычайно распространен в интернет-среде и становится предметом исследования представителей юридической науки (Lazarev, 2020b). Благодаря представителям теории права сами мемы постепенно выходят за рамки широко распространенных интернет-сюжетов и возвращаются к своему изначальному значению, предложенному Р. Докинзом при анализе структурных частей социокультурной информации («единицу передачи культурного наследия»), способных к изменению и развитию. В исследовании М.М. Барановой отмечается, что мем-идеи присущи правовой культуре, долговечны, распространяемы, широко и довольно точно копируемы. Они способны детерминировать и формировать представление граждан о праве и правовой реальности, влиять на уровень правовой культуры и правосознания (Baranova, 2020:128). Автор вводит термин «правокультурный мем» и предлагает понимать под этим термином единицу передачи правового культурного наследия, т.е. сжатую до легко воспринимаемого образа единицу правовой информации, способную передаваться от одного сознания к другому.

Подобный стиль трансляции правовой информации (а в перспективе, возможно, и правового знания) можно отнести к процессу поиска новых форм визуализации права (Chuiiko, 2013:121–131), его популяризации в современных молодежных социальных практиках, приспособления к скорости распространения информации в Интернете и необходимости реагирования на нее.

Свобода и правовая культура

Свобода как индикатор уровня правовой культуры, ее устойчивости и способности к развитию играет одну из ключевых ролей в пространстве Интернета. Полагаем, именно это направление исследований перспективно в плане изучения правовой культуры. В контексте свободы отчетливо проявляется сила (уровень) правосознания субъекта и способность выстраивать свое поведение без учета внешних рычагов контроля, давления, властного принуждения.

Кроме того, свобода дает возможность пересмотреть или подтвердить сложившиеся парадигмы в области урегулированных правом общественных отношений. Это можно продемонстрировать на примере проблемы защиты исключительных прав на произведения, ставшей одной из первых проблем, связанных с открытым доступом к результатам творческого труда. Нет сомнений в том, что ценность Интернета заключается в широких возможностях доступа к объектам культуры, литературы, искусства. Свободный доступ к информационным ресурсам, содержащим результаты творческой деятельности, сыграл решающую роль в успехе широкого распространения Интернета. Вместе с тем он обозначил уязвимость таких нормативно-правовых установок, которые на протяжении долгого времени обеспечивали справедливость во взаимоотношениях создателей и потребителей результатов творчества.

Необходимо напомнить, что для утверждения института защиты авторских и исключительных прав на произведения потребовалось более трех веков после внедрения печатного станка, изобретенного в XV в. Иоанном Гуттенбергом, что обусловило своеобразный информационный взрыв и оказало колоссальное влияние на всемирную историю и культуру. На начальных этапах развития книгопечатания авторы произведений находились в довольно невыгодном положении, поскольку основные

плоды их труда пожинали владельцы средств производства, позволявших распространять эти труды в удобной для восприятия форме. Фактически только с принятием Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 9 сентября 1886 г. ситуация коренным образом изменилась и началось активное развитие законодательства в области защиты интеллектуальных прав. Этому способствовала не только борьба авторов за свои права (большое влияние на это процесс оказал В. Гюго), но и осознание взаимозависимости авторов и книгопечатников друг от друга. К моменту, когда взаимная заинтересованность обеих сторон пришла к некоему балансу, сложились предпосылки выхода данного вопроса на законодательный уровень.

История виртуального пространства демонстрирует новый виток развития общественных отношений в этом вопросе. Приходится констатировать, что ситуация повторилась практически полностью. Интернет-ресурсы по своей значимости довольно быстро стали превалировать над интересами правообладателей, предоставляя в открытый доступ произведения в удобной форме, приемлемом качестве и обеспечивая их моментальную ретрансляцию для широкого круга лиц. В этой ситуации оказались малоэффективны как нормативные правовые регуляторы, так и культурно-правовые установки основной части пользователей Интернета. Последовательное введение нормативных регуляторов в этой сфере – от установления индивидуальной ответственности пользователей (в США) до формирования специализированных ведомств (например, интернет-полиции во Франции) позволило несколько преломить ситуацию, но серьезного прорыва не произошло. В сети можно найти практически любое произведение в открытом доступе. Для этого необходимы только технические навыки.

Таким образом, парадигма взаимодействия между автором и распространителем результатов его творчества сохранилась, она проявилась в новом цикле развития технологий, спроецировав те же проблемы, что возникли во времена И. Гуттенберга, отбросив правообладателей на несколько веков назад в их возможности реализовать свои исключительные права на созданные ими произведения.

При этом правовая культура в качестве обширного правового опыта и достаточных знаний о возможности и необходимости защиты прав определенной категории субъектов выполняет функцию поиска оптимальных регуляторов данной сферы общественных отношений. Иными словами, ситуация не принимается как данность, а заставляет заинтересованные стороны искать релевантные способы обеспечения своих прав и приемлемое соотношение прав и обязанностей.

Другим примером воздействия свободы на социальные процессы в виртуальном пространстве является анонимность, изначально заложенная в технические характеристики работы интернет-коммуникации. Известно, что в глобальной сети осуществляется идентификация прежде всего устройств, а не конкретных лиц, которые пользуются этим устройством. Это один из наиболее актуальных и сложных вопросов, связанных с правовым регулированием глобальной сети.

С одной стороны, возможность реализовать права и свободы, не раскрывая своей личности, ведет к злоупотреблениям и правонарушениям, позволяя избежать ответственности. С другой стороны, признается «естественное» значение права на анонимность для отношений в Интернете, направленное на защиту от произвола и трактуемое как основание гарантии свободы слова. Так, в Рекомендации Комитета

Министров Совета Европы о свободе в Интернете³ отмечается, что государство не запрещает законодательно или на практике анонимность, использование псевдонимов, конфиденциальность частных сообщений или использование шифровальных технологий. В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 г.⁴ говорилось, что право на частную жизнь предполагает и право на анонимность, право оставаться неузнанным. Все типовые ситуации, допускающие установление личности конкретного гражданина без его согласия, должны быть оговорены в федеральном законодательстве, а ему самому известны и понятны (Gracheva & Cheremisinova, 2021).

Однако в связи с тем, что анонимное использование интернет-ресурсов показало довольно низкий уровень правовой культуры (массовое распространение получили такие негативные явления, как кибербуллинг, неконтролируемое размещение противоправного контента, киберсквоттинг и многие виды криминальных действий, предусмотренных действующим уголовным законодательством), вопрос о правовом регулировании идентификации субъектов как ключевой в системе формирования правопорядка в виртуальном пространстве сохраняет свою актуальность.

В науке отмечается, что «цифровая трансформация влечет за собой развитие информационных отношений в сфере идентификации, обусловленное унификацией организационно-правовых требований к идентификации и необходимых для совершенствования государственного управления и обеспечения информационной безопасности, в том числе создание цифрового пространства доверия» (Naumov, 2021:14). Это подтверждает сентенцию о том, что при низком уровне правовой культуры и недостаточности общественных (добровольных) способов регулирования повышается значение государственных механизмов и институтов, способных «вернуть» новые отношения в правовое (правомерное) русло, обеспечив процессы правового воспитания, просвещения, властного принуждения и т.д.

Важной новеллой в науке и, возможно, правовой практике является предложение о формировании нового вида охраняемой тайны — тайны идентификации, под которой предлагается понимать совокупность сведений, полученных и (или) созданных идентифицирующим лицом в рамках его деятельности, доступ к которым ограничивается федеральным законом (Naumov, 2021:14). Это должно обеспечить некий баланс между защитой от правонарушений со стороны анонимных пользователей и возможного произвола со стороны получающих доступ к личной информации лиц. Подчеркнем, что закрепление данного института на уровне федерального закона обозначает важность роли государственного регулирования в вопросах формирования правовой культуры.

В России на государственном уровне этот вопрос зафиксирован в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы⁵, т.е. формирование правосознания граждан, их «пользовательской культуры» и ответственного отношения к использованию информационных технологий фактически отнесено к стратегическим задачам. Иными словами, сфера саморегулирования

³ CM/Rec(2016)5.

⁴ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год // Российская газета. 2011. № 101. Опубликовано: 12.05.2011.

⁵ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

здесь далеко не единственная, но вряд ли это можно рассматривать однозначно как сокращение поля свободы, скорее как попытку поиска необходимых гарантий безопасности и правопорядка.

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № A/RES/68/167 декларируется, что права, которые человек имеет офлайн (англ. offline – вне сети), должны защищаться и онлайн (англ. online – в Интернете). Этот постулат обоснован и позволяет судить о степени зрелости правовых подходов, которые распространяются на новую сферу общественных отношений в части защиты прав и свобод – основного правового завоевания человечества. Вместе с тем воспринятые обществом и государством ограничения в отношении определенных юридических действий, служащие оправданным механизмом поддержания правопорядка, в виртуальной среде либо ослаблены, либо отсутствуют полностью. Большая часть таких ограничений связана как раз с защитой.

Один из самых простых примеров – визовый режим. Фактически он не нарушает права на свободу передвижения, но формирует определенный механизм контроля за передвижением и служит общественным интересам. В виртуальном пространстве такого института нет в принципе. Свободные трансграничные перемещения являются «естественной» функцией глобальной сети, «принимающая сторона» при этом может даже не подозревать о том, кто «проникает на ее территорию».

Законом здесь может служить правило, сформулированное Джоном Постелом – одним из основных авторов интернет-протоколов, – «Будь требователен к тому, что отсылаешь, и либерален к тому, что принимаешь». Несмотря на то, что это правило было адресовано лицам, занимающимся технологическими вопросами обеспечения работы Интернета, оно приобрело характер закона и, вероятно, его действие надо осмыслить с точки зрения реализации общественных отношений, которые складываются в процессе трансграничного обмена информацией.

В литературе отмечается, что культура Интернета уходит корнями в культуру свободы и специфическую культуру хакеров, существует культурный резонанс между культурой дизайнеров Интернета, особенностями их деятельности как создателей относительно автономной сети коммуникаций и ростом культуры экспериментирования, которая находит путь к сознанию миллионов на основе разнотипной системы связей, создаваемой миллионами отправителей/получателей сообщений⁶.

Неслучайно здесь хотелось бы подчеркнуть «культуру экспериментирования». Эксперимент в виртуальном пространстве – это тоже сфера, где традиционные, в том числе правовые ограничения, стираются. Как правило, стадия испытаний технологических новаций совпадает со стадией внедрения новых информационных или программных продуктов. При этом оценка социальных последствий остается за рамками исследовательского поля и осуществляется уже при возникновении спорных либо конфликтных ситуаций или каких-либо иных неблагоприятных последствий.

В отсутствие четких правил и при ослаблении традиционных юридических ограничений факторы правовой культуры приобретают особую значимость и могут стать критерием сохранения свободы в виртуальном пространстве как новой социально-технологической реальности.

⁶ Гуманитарный портал «Рейтинг стран мира по уровню свободы Интернета». Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/freedom-on-the-net> (дата обращения: 25.05.2024).

Правовая культура и иерархия субъектов в виртуальном пространстве

Новые технологии также создают определенный контекст для исследования правовой культуры в виртуальном пространстве. В первую очередь, с точки зрения иерархии субъектов, вовлеченных в их развитие и распространение. Уровень правовой культуры субъектов здесь будет определять степень доверия к тем или иным информационным ресурсам, интенсивность их концентрации в наиболее безопасной и продуктивной онлайн-среде. Следует отметить, что современные интернет-гиганты, такие как Google, обязаны своим успехом в том числе правовым инструментам, способности оперативно реагировать на запросы интернет-общественности, разрабатывать подробные условия пользовательских соглашений, совершенствовать механизмы модерации сайтов и т.п.

Современные интернет-технологии послужили культурно-правовой эволюции государственных институтов, обеспечив тенденцию транспарентности государственной деятельности, широкое распространение правовых знаний и возможность обратной связи со стороны пользователей. Внедряются институты открытого (электронного) правительства, государственный контроль дополняется общественным контролем, право граждан осуществлять общественный контроль в сфере публичного управления закрепляется на законодательном уровне (Kasatkina, et al., 2014; Krysenkova, et al., 2021).

Важным выводом при анализе взаимовлияния правовой культуры и технологий является утверждение о неоднолинейном развитии социально-технологической сферы (Ross, 2007). Речь идет о практически паритетном взаимодействии технологий и общественных процессов, в которых правовая культура играет если не доминирующую, то одну из ключевых ролей (Ross, 2007). Такое взаимодействие определяет коммуникационные системы как силу, формирующую правовую культуру. Утверждается, что системы коммуникаций медленно и непреднамеренно помогают изменить то, как люди понимают и практикуют право. При этом их предположительно имманентные эффекты интериоризируются⁷ (а не блокируются или игнорируются) правовой системой. Вместе с тем констатируется и способность социального контекста сдерживать (а также направлять или ускорять) эффекты, присущие технологиям.

В подтверждение этого вывода можно привести факт начала изменения политики в отношении управления данными в Интернете – наиболее злободневного вопроса в сфере защиты цифровых прав и свобод. Компания Inrupt, за которой стоит создатель Всемирной паутины (World Wide Web) британский ученый Тимоти Бернерс-Ли (Timothy Berners-Lee), анонсировала выпуск коммерческой корпоративной версии программной платформы, которая, по заявлению разработчиков, позволит пользователям получить полный контроль над собственными данными. Только конечные пользователи смогут решать, какими именно данными, с кем и на каких условиях делиться в рамках указанной экосистемы. В представлении ученого интернет будущего – децентрализованный, то есть предполагает отсутствие хранилищ данных, контролируемых крупными интернет-компаниями, такими как Google и

---

⁷ Интериоризация – формирование внутренних структур человеческой психики благодаря усвоению структур внешней социальной деятельности. Понятие И. было введено французскими психологами (П. Жане, Ж. Пиаже, А. Валлон и др.).

Amazon⁸. За этой информацией фактически стоит признание в изначальном упущении при разработке основных интернет-протоколов социальной составляющей технологий – права участников интернет-общения на контроль за собственной информацией, которое является неотъемлемой частью ряда основных прав и свобод, включая право на защиту частной жизни.

Заключение

В настоящее время, когда в виртуальном пространстве эффективность традиционных механизмов снижена, а новые юридические догматы еще не сформировались, значительная роль в поддержании правопорядка принадлежит правовой культуре. В ней заложены накопленные знания о значении и действии права, возможных правонарушениях, реакции на них со стороны общества и государства, что позволяет воздействовать на субъекты интернет-отношений на уровне правосознания.

Таким образом, правовая культура в виртуальном пространстве имеет двойственную природу. С одной стороны, в виртуальную среду перенесены из реального мира наиболее устойчивые, рациональные и прошедшие проверку временем правовые ориентиры, которые в определенных случаях способны восполнить механизмы правового регулирования в новой социально-технологической реальности. С другой стороны, виртуальное пространство формирует новые культурно-правовые образцы поведения субъектов интернет-отношений, сочетающие механизмы саморегулирования и государственного регулирования, отражающие современные социальные практики и адаптирующие интернет-культуру к правовым нормам. Такие образцы могут служить результатами правовой культуры наравне с объектами культуры в общепринятом понимании этой категории. Так же как уровень культуры в широком понимании определяет социальный статус субъекта общественных отношений, уровень правовой культуры может повлиять на его правовой статус и место в социальной иерархии.

References / Список литературы

- Avtonomov, A.S. (2016) Structural Analysis of Legal Culture. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. (2), 5–9. <https://doi.org/10.12737/19194> (in Russian).
Автономов А.С. Структурный анализ правовой культуры // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. №. 2. С. 5–9. <https://doi.org/10.12737/19194>
- Baranova, M.M. (2020) Right-Cultural Memes in a Programmable Communications Society. In: Lazarev, V.V. (ed.) *Law and Statute in the Programmed Society (to the 100th anniversary of the Birth of Daniel Bell): collection of scientific articles*. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation, pp. 126–132. (in Russian).
Баранова М.М. Правокультурные мемы в обществе программируемых коммуникаций // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей; отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. С. 126–132.
- Bell, D. (2004) *The Coming Post-Industrial Society. The Experience of Social Forecasting*. Translated from English under the editorship of Inozemtsev V.L. Moscow, Academia Publ. (in Russian).

⁸ По данным сетевого издания «CNews». Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2020-11-09_otets_interneta_predlozhit (дата обращения: 25.05.2024)

- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 783 с.
- Castells, M. (2023) *The Power of Communication: a textbook*. Translated from English by Tylevich N.M.; the preface to the 2013 edition is translated from English by Arkhipova A.A.; under the scientific editorship of Chernykh A.I.; National research. Higher School of Economics Univ. 4th ed., Moscow, Higher School of Economics Univ. Publ. (in Russian).
- Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие; пер. с англ. Н.М. Тылевич; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А.А. Архиповой; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 4-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 591 с.
- Chuiko, N.A. (2013) Visualization of Law. *Journal of Russian Law*. (5), 121–131. (in Russian)
- Чуйко Н.А. Визуализация права // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 121–131.
- Goloskokov, L.V. (2003) *Legal Doctrines: from the Ancient World to the Information Age*. Moscow, Scientific World Publ. (in Russian).
- Голоскоков Л.В. Правовые доктрины: от Древнего мира до информационной эпохи. М.: Научный мир, 2003. 317 с.
- Gracheva, S.A. & Cheremisinova, M.E. (2021) Basic Rights and Freedoms in the Digital Dimension. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 21(1), 64–73. <https://doi.org/10.14529/law210110> (in Russian).
- Грачева С.А., Черемисинова М.Е. Основные права и свободы в цифровом измерении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21. № 1. С. 64–73. <https://doi.org/10.14529/law210110>
- Granat, N.L. & Panasyuk, V.V. (1998) Legal Awareness and Legal Culture. *Jurist*. (11–12), 2–8. (in Russian).
- Гранат Н.Л., Панасюк В.В. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 11–12. С. 2–8.
- Ivanova, M.A. (2019) Legal Culture in the Context of the Development of a Network Society. *Baltic Humanitarian Journal*. 8(2(27)), 149–152. (in Russian).
- Иванова М.А. Правовая культура в условиях развития сетевого общества // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 149–152.
- Kasatkina, N.M., Krysenkova, N.B. & Leshchenko, F.A., et al. (2014) *Open Government in Foreign Countries. Legal Regulation and Practice: Monograph*; Timoshenko, I.G. (ed.). Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M Publ. (in Russian).
- Открытое правительство за рубежом. Правовое регулирование и практика: монография / Н.М. Касапкина, Н.Б. Крысенкова, Ф.А. Лещенков и др.; отв. ред. И.Г. Тимошенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. 210 с.
- Khabrieva, T.Y. (2018) Law Facing the Challenges of Digital Reality. *Journal of Russian Law*. (9), 5–16. https://doi.org/10.12737/art_2018_9_1 (in Russian).
- Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16. https://doi.org/10.12737/art_2018_9_1
- Khokhlova, E.M. & Duvayarova, S.A. (2022) Legal Culture and Digitalization of Modern Society. *Problems of Law*. 4(87), 16–19. (in Russian).
- Хохлова Е.М., Дуваярова С.А. Правовая культура и цифровизационное современное общество // Проблемы права. 2022. № 4 (87). С. 16–19.
- Keizerov, N.M. (1982) *Political and Legal Culture. Methodological Problems*. Moscow, Legal literature Publ. (in Russian).
- Кейзеров Н.М. Политическая и правовая культура. Методологические проблемы. М.: Юридическая литература, 1982. 241 с.

- Krysenkova, N.B., Leschenkov, F.A. & Treshchetenkova, N.Yu., et al. (2021) *Trends in Digitalization of Executive Power in Foreign Countries: a scientific and practical guide*; Pilipenko, A.N. (ed.). Moscow, ILCL; Infotropik Media Publ. (in Russian).
Тенденции цифровизации исполнительной власти в зарубежных странах: научно-практическое пособие / Н.Б. Крысенкова, Ф.А. Лещенков, Н.Ю. Трещетенкова и др.; отв. ред. А.Н. Пилипенко. М.: ИЗиСП; Инфотропик Медиа, 2021. 232 с.
- Lazarev, V.V., Gadzhiev, H.I. & Alimov, E.V., et al. (2020a) *Data Protection: a scientific and practical commentary on judicial practice*; V.V. Lazarev, H.I. Gadzhiev (eds.). ILCL. Moscow, LLC "LEGAL FIRM CONTRACT" Publ. (in Russian).
Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев, Э.В. Алимов и др.; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ, 2020. 176 с.
- Lazarev, V.V. (2020b) The State in the light of mythology. *Journal of Russian Law*. (3), 5–18. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.026> (in Russian).
Лазарев В.В. Государство в свете мемуологии // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 5–18. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.026>
- Lebedeva, N.N. (2004) *Legal culture of personality and the Internet: Theoretical aspect*: abstract of Candidate of Legal Sciences dissertation. Moscow, Russian Academy of Law. Ministry of Justice of the Russian Federation. (in Russian).
Лебедева Н.Н. Правовая культура личности и Интернет: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ, 2004. 21 с.
- McLuhan, M. (1987) Television. The Timid Giant. Translation by Terin V.P. In: *Television yesterday, today, tomorrow*. Moscow, Iskusstvo, pp. 167–180. (in Russian)
Маклюэн М. Телевидение. Робкий гигант / пер. В.П. Терин // Телевидение вчера, сегодня, завтра. М.: Искусство, 1987. С. 167–180.
- Minbaleev, A.V., Martynov, A.V. & Kamalova, G.G. (2020) *Mechanisms and models of regulation of digital technologies: Monograph*; Minbaleev, A.V. (ed.). Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Минбалеев А.В., Мартынов А.В., Камалова Г.Г. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография / под ред. А.В. Минбалеева. М.: Проспект, 2020. 264 с.
- Naumov, V.B. (2021) *Institute of Identification in Information Law*: abstract of Candidate of Legal Sciences dissertation. Moscow, ISL RAS Publ. (in Russian).
Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ИПИ РАН, 2021. 52 с.
- Nersesyants, V.S., Muromtsev, G.I. & Mal'tsev, G.I., et al. (2002) *Law and Culture: Monograph*. Moscow, RUDN. (in Russian).
Право и культура: монография / Нерсисянц В.С., Муромцев Г.И., Мальцев Г.И., Лукашева Е.А., Варламова Н.В., Лапаева В.В., Соколова Н.С. М.: РУДН, 2002. 422 с.
- Pevtsova, E.A. & Sapogov, V.M. (2021) Formation of the Legal Culture of Minors in the Context of Digitalization of the Legal Life of Society. *Bulletin of Tomsk State University*. (470), 242–252. (in Russian).
Певцова Е.А., Сапогов В.М. Формирование правовой культуры несовершеннолетних в условиях цифровизации правовой жизни общества // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 242–252.
- Ross, Richard J. (2002) Communications Revolution and Legal Culture: An Elusive Relationship. *Law and Social Inquiry*. 27(3), 637–684.
- Shapovalova, G.M. (2020) *"Digital Culture" in the Concept of the Global Information Society: Theoretical and Legal Aspect: monograph*. Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Publishing House of Vladivostok State University of Economics and Service. (in Russian).

Шаповалова Г.М. «Цифровая культура» в концепции глобального информационного общества: теоретико-правовой аспект: монография. Владивосток: Изд-во Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, 2020. 176 с.

Steinschaden, Ja. (2011) *Social Network. The Facebook⁹ Phenomenon*. Saint Petersburg, Peter Publ. (in Russian).

Штайнишаден Я. Социальная сеть. Феномен Facebook¹⁰. СПб.: Питер, 2011. 223 с.

Tikhomirov, Yu.A. (2010) *Legal regulation: theory and practice*. Moscow, Formula of Law Publ. (in Russian).

Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 398 с.

Vlasenko, N.A. (2009) *Theory of State and Law: a scientific and practical guide*. Moscow, Jurisprudence Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Теория государства и права: научно-практическое пособие. М.: Юриспруденция, 2009. 423 с.

Об авторе:

Черемисинова Мария Евгеньевна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, д. 34

ORCID: 0000-0001-5812-1719; SPIN-код: 3470-2444

e-mail: mech.july@yandex.ru

About author:

Maria E. Cheremisinova – Candidate of Legal Science, Senior Researcher of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5812-1719; SPIN-code: 3470-2444

e-mail: mech.july@yandex.ru

---

⁹ On March 21, 2022, the Tverskoy District Court of Moscow satisfied a lawsuit filed by the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and recognized the activity of the social network Facebook and Instagram, owned by Meta, as extremist, banning its operation in Russia.

¹⁰ Данный интернет-ресурс запрещен на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности (решение Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. по делу № 02-2473/2022).

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-494-511>
EDN: FJEPVL

Научная статья / Research Article

Глобальный вызов цифровизации как условие развития казуистики

К.Е. Довгань

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация
 dok2122@bk.ru

Аннотация. Деятельность римских юристов заложила основы теории юридической казуистики. Отдельные элементы риторики, как метафоры, получившие развитие в римском праве, нашли свое выражение в языке юридической науки. Современная оценка юридической казуистики предполагает учет новых тенденций в развитии общества. «Искусственный интеллект» – проявление метафоры в праве, поэтому необходимо детально рассматривать информационные правоотношения в современных реалиях. Юридическая казуистика является вспомогательным инструментом в процессе юридической деятельности, благодаря своим элементам позволяет провести логическую, юридическую, психологическую, философскую оценку квалификации и толкования правоотношений, а также проследить антропологическую природу общественных отношений, оценить полноту и определенность нормотворческой деятельности, выступает критерием определения пределов существования юридических институтов. На основе юридической казуистики необходимо проводить анализ и оценку как существующих, так и новых динамично развивающихся информационных правоотношений.

Ключевые слова: юридическая казуистика, нормотворчество, правоприменение, рамочное правовое регулирование, толкование, информационные правоотношения

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о финансировании. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01400, <https://rscf.ru/project/24-28-01400/>.

Поступила в редакцию: 11 мая 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Довгань К.Е. Глобальный вызов цифровизации как условие развития казуистики // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 494–511. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-494-511>

Global challenge of digitalization as a condition for the development of casuistry

Kseniya E. Dovgan

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

 dok2122@bk.ru

Abstract. The work of Roman jurists laid foundation for the theory of legal casuistry. Certain elements of rhetoric, such as metaphors that evolved in Roman law, were reflected in the language of legal science. A contemporary evaluation of legal casuistry involves considering new trends in the development of society. “Artificial intelligence” serves as a metaphor in law; therefore, a more detailed examination of information legal relations in modern contexts is essential. Legal casuistry acts as a supplementary tool in legal processes; its components enable logical, legal, psychological and philosophical assessments and interpretations of legal relations. This tool allows for tracing the anthropological essence of social relations, evaluating the exhaustiveness and certainty of legislative activities, and serves as a criterion for defining the boundaries of legal institutions’ existence. Leveraging legal casuistry is essential for analyzing and evaluating both established and emerging dynamic information legal relations.

Key words: legal casuistry, rule making, law enforcement, legal regulation framework, interpretation, information legal relations, digitalization

Funding information. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No 24-28-01400, <https://rscf.ru/project/24-28-01400/>.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 11th May 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Dovgan, K.E. (2024) Global challenge of digitalization as a condition for the development of casuistry. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 494–511. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-494-511>

Введение

Значение и качество правовых норм проявляется в процессе их реализации и применения. На примере конкретных правоотношений становится возможным оценить принципы права и правовые нормы. Благодаря казуистике возможно осуществить всестороннюю оценку юридических процессов, явлений, событий и деяний. Актуальными остаются проблемы языка законов в свете включения в диспозиции правовых норм казуистических бланкетных отсылок и иных категорий, создающих правовую неопределенность.

Проблематикой исследований последних лет является разработка теории юридической казуистики информационных правоотношений, их философские, логические, психологические и юридические составляющие, характеризующиеся изучением политико-идеологической и государственно-правовой природы законодательства и судебной практики, управленческих и правовых механизмов их реализации на уровне Российской Федерации, федеральных округов и субъектов Российской Федерации. Считаю необходимым оценить технико-юридические аспекты информационных правоотношений, предложить варианты для осуществления эффективного правового регулирования в данной сфере.

Понятие и история возникновения термина «юридическая казуистика»

Термины «казуистика» и «юридическая казуистика» известны юридической доктрине давно и используются в процессе оценки юридической квалификации. В процессе динамики социогуманитарного знания, глобализации, информатизации классическое содержание казуистики наполняется новым содержанием.

С исторической точки зрения основы понятия «казуистика» были заложены в римском праве. И.Б. Новицкий отмечал значение творчества римских юристов в их «неразрывной связи науки и практики» (Novitsky, 2011:36–37). В период принципата (I–III вв н.э.) нормотворческая доктрина римского права состояла из анализа конкретных жизненных ситуаций («казусов»), источником которых выступали обращения граждан и представителей власти» (Novitsky, 2011:36–37). Деятельность римских юристов имела казуистический характер, основывалась на особенностях практики и существующих потребностях общества.

В этой связи показательны афоризмы о значении конкретного права или «живого права» над общим. В Дигестах Юстиниана, Титуле XVII D. 50.17.1. Павел писал: «non ex regula ius sumatur, sed ex iure quod est regula fiat (не следует, исходя из общего, отвлеченного правила, черпать, создавать конкретное право; наоборот, нужно, основываясь на существующем, живом праве, строить общую форму)»; Титул D. 1.3.24 также содержит указание на необходимость учета конкретных обстоятельств: «incivile est nisi tota lege perspecta una aliqua particula eius proposita iudicare vel respondere (неправильно давать ответы, консультации или решать дело, не имея в виду всего закона, а принимая во внимание только какую-нибудь его часть)» (Novitsky, 2011:36–37) и другие. В преторском праве термин *legitimus* (законный) не употреблялся, поскольку, как утверждал Цельс, – «Jus est ars boni et aequi» («Право есть искусство добра и справедливости») (Novitsky, 2011:36–37). В данной фразе акцент необходимо сделать на оценке права как искусства, соединяющем в себе не только благо, но и анализ казусов, с точки зрения, справедливости. В этой связи стиль юридического мышления носил казуистичный характер (Ioffe, 2020), что предполагало определенный набор средств и способов для формирования общих принципов из конкретных казусов.

Нормотворчество оценивалось как искусство, включающем комплекс способов и средств, по оценке казусов, с точки зрения философии, этики, религии. Прежде всего, необходимо обратиться к философским основам толкования данных терминов.

Казуистика (от лат. *casus* – случай) – это «рассмотрение отдельных случаев в их связи с общими принципами (права, морали и т.д.)¹. В этике – обсуждение «казусов совести», нравственных затруднений (например, при конфликте между различными обязанностями)². Также казуистика понимается, как «теория абстрактно-логического применения к отдельным частным случаям общих догматических положений в католическом богословии и средневековой юриспруденции»³.

¹ Католическая энциклопедия. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/catholic/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D1%83%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 12.05.2024).

² Большая российская энциклопедия. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/kazuistika-752412>.

³ Большой словарь иностранных слов. Режим доступа: https://gufo.me/dict/foreign_words/%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D1%83%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 12.05.2024).

Исследование казуистики характерно и для теологии. Казуистика предполагает оценку конкретных общественных отношений с точки зрения общих религиозных принципов, «подведение частных случаев под общую догму как прием средневековой схоластики и богословия»⁴. Выступала в качестве метода оценки конкретных жизненных ситуаций с помощью общих принципов морали, нравственности. Процесс казуистики сводится к поиску логического ответа на вопрос, иногда ответа на моральный («нравственный») вопрос. Почему в данной ситуации необходимо осуществить данное поведение? Какой вариант поведения в данной ситуации является правильным? Выделение практической казуистики как совокупности знаний об этических проблемах общества позволяет воплотить религиозные идеалы в общественных отношениях, в частности в семейной жизни людей⁵. Представляется, что теология также заложила основы для развития концепции юридической казуистики.

Нормы этики, морали, нравственности закрепляются в языке с помощью суждений. Язык выступает способом общения, средством передачи информации (Antushin & Mikhalkin, 2013:16). В этой связи для языка права термин «казуистика» используется при оценке фактических общественных отношений или обстоятельств дела, выбора норм права и юридических технологий, анализа связей между совершенным деянием и нормой права, анализ содержания иных норм права, оценка законности нормы права.

Н.В. Малиновская отмечает, что казуистичный характер источников права требовал «интерпретационной мыслительной деятельности» (Malinovskaya, 2021:63), толкования для «выяснения подлинного смысла» (Malinovskaya, 2021:66). В дальнейшем казуистика как комплексное явление, либо отдельные его элементы получили свое развитие в культурах многих государств и разных научных школ (Averintsev, 2006).

Однако Д.В. Дождев отмечает: «противопоставление казуистики и системного подхода в правоведении непродуктивно. Казуистика как чистая субсумпция невозможна; анализ конкретного дела всегда предполагает индуктивный элемент». Выступает «ведущим методом установления границ института или договорного типа». «Казуистический метод ведет к обоснованной группировке материала и формированию специальных норм» (Dozhdev, 2020).

В.В. Лазарев предлагает классифицировать развитие теорий толкования на условные периоды: классическое учение, модерн и постмодерн. В основе данного разделения был положен принцип полноты, ясности, определенности содержания правовых актов. Классическое понимание отрицало толкование в силу «условной полноты законов». Период модерна допускал, что законы в определенной мере неполные и неясные. Период постмодерна характеризовался противоположным содержанием, ставя на первое место усмотрение правоприменителя, а не закон. «Другими словами, классическая наука заботилась о поиске объективной истины, модерн всякую истину считает относительной, а постмодерн вообще отрицает достижение истины» (Khabrieva, Kovler & Kurbanov, 2024). Опасность постмодернистского подхода к толкованию законов состоит в том, что целеполагание в этом случае может пойти

⁴ Малый академический словарь. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/mas/%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D1%83%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 12.05.2024).

⁵ Маре́й А. Казуистика // Католическая энциклопедия. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/catholic/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D1%83%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 12.05.2024).

двумя путями: первый сведет толкование к казуистике, подводя частные жизненные ситуации под норму права, а второй отвергнет даже задачу суда по поиску истины» (Khabrieva, Kovler & Kurbanov, 2024; Lazarev, 2016:23).

Представляется, что с издание в начале XX в. П.И. Люблинским книги «Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса» (Lyublinsky, 2014) понятие юридической казуистики стало определяться как юридическая квалификация.

П.С. Яни рассматривал вопросы толкования закона в процессе уголовно-правовой квалификации. Он писал, что это «перевод с юридического языка на обыденный с целью последующего сопоставления в сознании правоприменителя тождества (или отсутствия такового) между описанием казуса и тем результатом перевода текста, в котором заключено содержание правовой нормы» (Yani, 2012:63).

А.В. Наумов отмечал, что «в содержание юридически понятий законодателем включается вся практика применения правовых норм, регулирующих определенные группы общественных отношений, учитываются связи с другими нормами, требования системности права и т.п.» (Naumov, 1978).

Стоит согласиться с И.А. Тархановым, что «правовая квалификация всегда включает юридическую оценку фактов» (Tarkhanov, 2012:132). Тем не менее, А.В. Корнев отмечает проблемы, когда правоприменитель вынужден «выходить за рамки буквального прочтения текста закона». Причиной тому – «открытые перечни, оценочные понятия», пробелы (Kornev, 2014:14).

Даже сегодня суды обращаются к историческому толкованию. Н.В. Генрих оценивает его как вспомогательное условие, позволяющее установить содержание лексических конструкций, целей законодательного регулирования новых правовых актов (Genrikh, 2023).

Таким образом, со временем понимание юридической казуистики стало оцениваться, как юридическая квалификация. Данная категория включает в себя мыслительный процесс по оценке фактических обстоятельств правоотношений. Основы, заложенные в римском праве по анализу юридических казусов, стали применяться в рамках толкования, интерпретации.

Лингвистические аспекты юридической казуистики

Отдельные элементы риторики, получившие развитие в римском праве, нашли свое выражение в языке юридической науки. В лингвистике метафора является «сложной языковой единицей», тропом (Vlasenko, 2023:111), предполагающим соединение слов на основе их общих признаков.

Философский энциклопедический словарь определяет метафору, как «подмену обычного выражения образным»⁶. В содержательном аспекте «метафора» рассматривается как переносное «значение слов»⁷.

⁶ Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2712/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90%D0%A4%D0%9E%D0%A0%D0%90?ysclid=lj2ouwnzxn723535071; Философский энциклопедический словарь. 2010. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2712/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90%D0%A4%D0%9E%D0%A0%D0%90?ysclid=lj2ouwnzxn723535071 (дата обращения: 12.05.2024).

⁷ Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2712/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90%D0

Определенный объем исследований сущности и свойств метафор сосредоточен в лингвистике. Исследованием языковой метафоры занимались Н.Д. Арутюнова, В.И. Корольков, С.В. Маслечкина, Н.Г. Скляревская и другие.

В.И. Корольков выделял следующие подходы к исследованию языковой метафоры: 1) предметное, 2) формально-логическое, 3) психологическое, 4) лингвистическое (Korolkov, 1983).

Г.Н. Скляревская, Н.Д. Арутюнова рассматривали: 1) семасиологическое направление, основанное на изучении структуры и условий образования метафор; 2) ономасиологическое направление, основанное на предметной составляющей; 3) гносеологическое – направлено на исследование лексического значения слова; 4) логическое направление, сочетающее в себе переосмысление языковой формы понятия и наделение его новым содержанием (Sklyarevskaya, 1993:7–8); 5) лингвистическое направление, исследуемое «языковые свойства метафоры»; 6) лингво-стилистическое направление; 7) психолингвистическое направление и другие.

С.В. Маслечкина отмечает такое свойство метафоры, как экспрессивность (Maslechkina, 2009). Причем данное свойство метафоры может сохраняться и при переводах текстов на русский язык (Maslechkina, 2009).

Н.А. Давыдова пишет, что «метафора – это авторская модель познания реальности. В метафоре заложен способ понимания ее смыслового содержания. Метафора является репрезентацией процессов мышления, а значит, участвует в построении компрессионной когнитивной модели в концептуальной системе юриста, формирующейся с учетом объективной действительности и опыта» (Davydova, 2010:51).

В юридической науке исследование метафор представлено в трудах В.М. Баранова, Н.А. Власенко, А.Ф. Черданцева и др. М.М. Исупова, И.Е. Коптелова отмечают, что «под юридическим дискурсом понимаются тексты права в динамике, в процессе толкования и разъяснения. Установить определенные границы юридического дискурсивного сообщества чрезвычайно трудно из-за его „размытости“» (Isupova & Koptelova, 2018:63).

В.М. Баранов, Н.А. Власенко утверждают, что «правовые метафоры, как правило, существуют в форме выразительных образов, которые усиливают их регулятивную мощь. При этом они упрощают, схематизируют, «уплотняют» юридическую информацию, заменяют длинные юридические умозаключения и суждения» (Baranov & Vlasenko, 2019).

В юридической доктрине выделяется несколько подходов к правовым метафорам.

Представители первого подхода связывают метафоры со способностью создавать новые знания, определение слов в переносном значении.

На основе данного подхода метафору можно рассматривать, как средство, позволяющее выделить дополнительные признаки объектов и процессов. У Аристотеля метафора – это «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» (Aristotle, 1927:66; Aristotle, 2013). Основы теории метафоры были описаны в период Античности.

%A4%D0%9E%D0%A0%D0%90?ysclid=lj2ouwnzxn723535071; Философский энциклопедический словарь. 2010. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2712/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90%D0%A4%D0%9E%D0%A0%D0%90?ysclid=lj2ouwnzxn723535071 (дата обращения: 12.05.2024).

Метафоричность представляет собой особый мыслительный процесс, а сама метафора является языковой единицей (Vlasenko, 2023:111). В.А. Курдюмов, Л.А. Семенова отмечают, что не всякая метафора может органично существовать в языке (Kurduymov, et al., 2022).

Представители второго подхода связывают метафоры со способностью «создания образности», что создает удвоение терминологии.

«Метафорические языковые единицы» формируются со временем и становятся устоявшимися, либо в силу определенных условий появляются и внедряются в языковую и юридическую практику новые метафоры и их производные. Г.Н. Скляревская к свойствам метафор относит способность обозначения предмета через элементы сходства (Sklyarevskaya, 1993:5).

Представители третьего подхода связывают метафоры с законодательными понятиями. Метафора не часто имеет привязку к определенной области или сфере жизни общества. К свойству метафоры относится ее возможность «существовать» в различных общественных отношениях, отраслях права, нормативных правовых актах, формулироваться с помощью различных средств юридической техники и т.д. А.Ф. Черданцев метафоры определял как «логико-языковой феномен» (Cherdantsev, 2012:290), обладающий особыми свойствами и правилами применения.

Метафоры в римском праве позволяли осуществить мыслительный процесс, оценку казусов при помощи образности и учета разных аспектов, осмыслить объекты правоотношений.

Сегодня оценка метафор изменилась, однако в определенных отраслях права они обладают устоявшимся содержанием. Так, традиционно в конституционном праве рамочное правовое регулирование упоминается применительно к вопросам разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов.

В.М. Баранов, Н.А. Власенко отмечают, что «метафора есть уникальное свойство языка, с помощью которого можно выразить неизвестное, плохо представляемое, сложное для понимания через известное, абстрактное, свести к простому и даже примитивному» (Baranov & Vlasenko, 2019:17). Формы выражения метафор бывают различными. Правовые нормы, в которых содержатся метафоры, могут создавать неопределенность в содержании. Но, при этом создается «образность и наглядность» (Cherdantsev, 2012:290), которые позволяют определить предметную область, очертить границы правоотношений.

Е.А. Зайцева отмечает, что метафоричность характерна для «мягкого» права: «наиболее показательными в этой связи служат современные исследования концепции мягкого права, посвященные проблеме соблюдения договоренностей, заключаемых субъектами международного права» (Zaitseva, 2012:38).

Однако существуют и риски, так многозначные термины создают путаницу в процессе квалификационной деятельности (Safonov, 2023). Сфера регулирования информации и информационного права не является исключением. М.А. Рожкова предлагает разработку комплексной отрасли как цифровое право, где важное место займет источник межотраслевой кодификации – Цифровой кодекс (Rozhkova, 2020). В случае наличия там полисемичных форм они также будут направлены на создание новых знаний, образности, наглядности.

Таким образом, метафоры, как элементы риторики, проявляются в законодательстве в различных формах. «Искусственный интеллект» является проявлением

метафоры в праве. В силу чего поэтому необходимо детальнее рассматривать информационные правоотношения в современных реалиях. Необходимо осуществлять качественную и полную оценку информационных правоотношений, повышать степень их детализации.

Технико-юридические особенности закрепления информационных правоотношений

В XXI в. стала очевидна проблема прикладной этики информационных правоотношений. Современная оценка социальной реальности показывает значительный рост числа средств связи, диджитализацию общества и экономики. По данным статистики, в 2023 г. закупка камер с искусственным интеллектом увеличилась в 2,5 раза объемом финансирования 1,5 млрд рублей⁸. Также отмечается внедрение искусственного интеллекта и нейронных сетей в деятельность прокурора с целью проведения анализа, прогнозирования динамики преступности для отдельных регионов, а также анализа документов, в том числе законопроектов⁹. Данные меры обусловлены рядом причин, в том числе повышением качества жизни, труда и занятости, безопасности городской среды.

С другой стороны, естественная и искусственная латентность цифровых преступлений не снижается. Не всегда потерпевшие сообщают, что в отношении них было совершено цифровое преступление. Среди данных категорий остаются не раскрытыми преступления в области неправомерного доступа к компьютерной информации, распространение вредоносных программ, мошенничество, сбыт наркотиков и другие.

По данным АНО «Белый интернет» к основным категориям цифровых преступлений относят хищения, прежде всего мошенничества, кражи. Проблема в том, что количество привлекаемых лиц к ответственности в разы меньше, чем количество преступлений.

Цифровые злоумышленники часто пользуются доверчивостью несовершеннолетних. Если раньше в отношении них совершались мошеннические действия, то сегодня – это буллинг, вовлечение в преступные схемы, путем психологического давления через контакты в социальных сетях, электронные приложения в мессенджерах.

Конечно, это всего лишь часть проблем, с которыми сталкиваются правоохранительные органы. Рассмотреть их стоит в другом ключе, с точки зрения содержания и качества нормотворчества и правоприменения. Очевидно, что не всегда относительно-определенные нормы эффективны для регламентации тех общественных отношений, где необходима казуистичность.

Юридическая казуистика информационных правоотношений должна включать в себя комплекс мер по их оценке, с точки зрения исторических, философских, логических, психологических и юридических вопросов. Последним двум аспектам необходимо уделить важное значение в силу оценки морального «элемента» в праве и

⁸ В России резко вырастет количество «штрафных» камер. Режим доступа: <https://iz.ru/1692801/2024-05-07/v-rossii-rezko-vyrastet-kolichestvo-shtrafnykh-kamer> (дата обращения: 12.05.2024).

⁹ Генеральная прокуратура РФ начала внедрять в свою деятельность искусственный интеллект и нейросети. Режим доступа: <https://ai.gov.ru/mediacenter/generalnaya-prokuratura-rf-nachala-vnedryat-v-svoyu-deyatelnost-iskusstvennyy-intellekt-i-neyroseti/?ysclid=lw09s610vx652220078> (дата обращения: 12.05.2024).

проблем нормотворчества информационных правоотношений. Например, как отградить несовершеннолетних от цифровых преступлений?

Важное значение имеют логические формы мысли в процессе юридической казуистики. Суждение как форма мысли позволяет определить признаки понятия в утвердительной или отрицательной форме. Так, определение терминов «цифровизации права», «информационные правоотношения» либо «цифровая трансформация государства и права» являются сложными суждениями. Данные суждения определяются в процессе оценки фактической стороны казусов, с точки зрения 1) существования как независимого феномена; 2) имеющихся свойств; 3) системных связей; 4) как элементов общественного отношения. Другой формой логической мысли является умозаключение, которое позволяет оценить общественное отношение. В процессе толкования, правоприменения информационных правоотношений необходимо обращаться к логическим правилам построения дедуктивных и индуктивных умозаключений.

Николя Пети рассматривал вопросы правового регулирования искусственного интеллекта и роботов. Он отмечает отсутствие разработанной единой методологии в исследовании информационных правоотношений. Также отсутствует определенность в отрасли права, к которым данные отношения следует относить¹⁰.

В юридической доктрине поднимается вопрос пересмотра классических общих правовых норм в сторону увеличения казуистичности их содержания. В том числе П.С. Яни предлагает разработать электронную систему поиска судебных прецедентов путем описания полного комплекса фактических обстоятельств, подлежащих квалификации (Yani, 2019). В.В. Поляков, С.М. Слободян отмечают необходимость всестороннего анализа высокотехнологичных способов неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации (Polyakov & Slobodyan, 2007:216). Представляется, что на основе юридической казуистики необходимо проводить анализ и оценку новых разновидностей информационных правоотношений.

Оперативность нормотворчества выступает в качестве одного из базовых принципов и условий правового регулирования. Правовые акты не должны отставать от реальности, в этой связи создание правовых норм на основе потребностей общества, оценки будущих казусов является необходимой и своевременной мерой. Однако в литературе существуют разные точки зрения. А.Г. Репьев пишет: «излишняя казуистичность правовой нормы, перегруженная доскональной проработкой условий действия правила поведения, построенная на максимальном учете всех возможных событий (как вписывающихся в конструкцию гипотезы и диспозиции, так и являющихся нестандартными), по нашему убеждению, может не меньше затормаживать, отягощать процесс правоприменения» (Репьев, 2021:42).

А.В. Минбалеев отмечает, что «последствия использования ИИ становятся все чаще непредсказуемыми, что требует превентивных законодательных мер по обеспечению и защите прав и свобод граждан, а также обеспечению безопасности общества и государства» (Minbaleev, 2023). Представляется необходимым развитие «гибкого правового регулирования», где возникающие риски «в рамках экспериментальных правовых режимов» могли бы быть под контролем государства (Polyakova,

---

¹⁰ Petit Nicolas. Law and Regulation of Artificial Intelligence and Robots – Conceptual Framework and Normative Implications (March 9, 2017). Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2931339> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2931339> (дата обращения: 04.05.2024).

Minbaleev & Krotkova, 2023). Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, Н.В. Кроткова считают, что контроль возможен при проведении экспериментов, включающих дискретные функции государственных органов. О гибком правовом регулировании говорится в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹¹. Представляется, что рамочное правовое регулирование позволяет обеспечить гибкость регламентирования информационных правоотношений.

Также в юридической доктрине отмечается, что информационные правоотношения регламентируются при помощи рамочного правового регулирования, включающим абстрактные приемы выражения фактов и связей. К формально-юридическим элементам относятся рамочные правовые акты, включающие относительно определенные нормы, допускающие правовую неопределенность, например, программные документы, акты стратегического характера и другие.

Т.В. Шатковская, Т.В. Епифанова, Н.Г. Вовченко анализировали процессы правового регулирования цифровой экономики, где по их мнению происходит «стирание границ межнационального и государственного правового регулирования» (Shatkovskaya, et al., 2018). Они говорили так же «о появлении новой разновидности общедозволительного способа правового регулирования – рамочное регулирование, согласно которому участники правоотношений в определенных пределах добровольно ограничивают свои права, в общих интересах, передав регулирование деятельности частных лиц в прямо предусмотренных в соглашении областях деятельности коллективным органам управления» (Shatkovskaya, Epifanova & Vovchenko, 2018:146).

Анализ судебной практики, юридической доктрины свидетельствует о необходимости соблюдения правил языкового толкования информационных правоотношений. Так, словам и выражениям закона необходимо придавать однозначное значение, исключая возможности иной интерпретации. При наличии законодательного определения необходимо руководствоваться им в процессе юридической деятельности. Данный тезис касается сферы информационных правоотношений, которые наглядно показали свой потенциал создания «второй реальности» с иными возможностями, рисками и последствиями.

Представляется, что юридическая казуистика информационных правоотношений как вспомогательный элемент в нормотворчестве и правоприменении необходима для развития и динамики юридической техники, повышения качества принимаемых правовых актов. Не часто можно наблюдать единство в технике создания юридических конструкций. Нарушение конвенционального свойства юридических конструкций выражается в отсутствии общепризнанных конструкций у научного общества.

Не всегда категории одних отраслей права могут быть применимы к другим. Так, вряд ли уместно говорить об искусственном интеллекте как субъекте права (в классическом понимании), «правосубъектности искусственного интеллекта», применять теорию правосубъектности к искусственному интеллекту (Kovalenko, 2023a). Данные темы требуют отдельных исследований. Специальных исследований требует категория «искусственный интеллект», очевидно, что его содержание в отраслях

---

¹¹ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20, ст. 2817.

права будет различным. До конца не решен вопрос о понимании искусственного интеллекта субъектом или объектом права (Kovalenko, 2023b; Kovalenko, 2023c). И.А. Филипова, В.Д. Коротеев отмечают «юридическую нецелесообразность признания за искусственным интеллектом статуса субъекта права в классическом понимании теории права». Данные ученые убеждены в использовании «комбинированного подхода», предлагают проводить квалификацию с точки зрения объектов гражданских прав, но с дифференциацией правового регулирования искусственного интеллекта в качестве объекта права и «электронного агента» как квазисубъекта права» (Filipova & Koroteev, 2023), к которым они относят робота, виртуальную интеллектуальную систему. Но «в конечном счете ответственность за его действия должен нести человек» (Filipova & Koroteev, 2023).

А.В. Аверин отмечает необходимость соблюдения баланса между абстрактностью содержания нормотворчества и правоприменением, «недопустимо забывать о жизненных реалиях, в которых это явление существует ... не сводить научную мысль к примитивной казуистике» (Averin, 2023:149).

«Красной линией» будет выступать вопрос этики в сфере искусственного интеллекта. Н.В. Перова ставит под сомнение контроль нравственного поведения со стороны искусственного интеллекта, в силу рисков ограничения безопасности и свободы (Perova, 2022). Действительно, возникает вопрос о пропаганде противоправного поведения в материале, составленном искусственным интеллектом. Данные и многие другие вопросы поднимались на Форуме «этики в сфере ИИ: Поколение GPT. Красные линии».

Правовое регулирование осуществляет на основе целей и задач, который ставит законодатель в достижении эффективности правового регулирования. При оценке первой стадии правового регулирования можно предположить, одним из способов получения информации о необходимости осуществления нормотворчества является толкование, осуществляемое на основе юридической казуистики общественных отношений. Регламентирование информационных правоотношений создает особую сложность в силу междисциплинарного характера.

А.А. Дядченко, И.И. Карташов отмечают необходимость перехода «от принятия программных документов к разработке проектов нормативных правовых актов в области регулирования искусственного интеллекта» (Dyadchenko & Kartashov, 2023:40). Логично, что правовые акты будут иметь абстрактный способ выражения, однако для правоприменителя это создаст трудности в плане их конкретизации. В связи с этим считаем необходимым осуществить правовое регулирование, используя не только относительно-определенные, но и абсолютные правовые нормы.

Представляется, что не менее ценным в достижении эффективности правового регулирования будет казуистический прием изложения законодательной воли. В силу особенностей информационных правоотношений считаем необходимым сделать иной подход к их правовому регулированию. Необходимо разумное сочетание, с одной стороны, регламентирования обобщенных родовых понятий, и с другой, и закрепление фактических обстоятельств, путем указания на индивидуальные признаки. Казуистичное изложение правовых норм позволит снизить объем судебного усмотрения, создаст определенность для оценки ситуаций, требующих юридического разрешения.

В обосновании представленной точки зрения следует отметить следующее.

Во-первых, на законодательном уровне необходимо делать акцент на пределы правового регулирования. Пределы правового регулирования определяются его инструментарием, определенным набором правовых норм и их свойствами. А.С. Шабуров определяет пределы через правовые ограничения (Shaburov, 2018). Н.А. Власенко отмечает, что относительно определенные нормы, в которых содержится правовая неопределенность, закрепляют пределы правового регулирования (Vlasenko, 2017:11), условия их изменения. Е.А. Березина выделяет внешние и внутренние пределы (Berezina, 2020:65). Особо это заметно при рамочном правовом регулировании, где закрепляются временные, пространственные, климатические, субъектные, политические, компетентностные, национальные пределы правового регулирования.

Во-вторых, прослеживается необходимость в аутентичном (аутентическом, авторском) толковании. И.А. Минникес, И.В. Минникес анализируют практику Конституционного Суда Российской Федерации. Отмечают, что его решения обладают нормативным и индивидуальным характером, «что позволяет говорить и о правотворческой, и о правоприменительной деятельности этого органа» (Minnikes, et al., 2021). Кроме того, отмечается интерпретационная деятельность, которая основана на делегированном толковании. Подчеркивается, что ст. 83 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹² закрепляет «аутентическое (авторское) толкование» собственных решений. Аналогично вышеупомянутые авторы приводят ст. 202 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: «в случае неясности решения суда суд, принявший его, по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя вправе разъяснить решение суда, не изменяя его содержания»¹³.

Стоит отметить, что аутентическое (авторское) толкование стоит распространить на область правового регулирования информационных правоотношений. На примере разъяснения конкретных правоотношений нормоустановитель бы позволил оценить логико-содержательные элементы правовых актов. А.Ф. Черданцев писал, что «если тот или иной орган обладает нормотворческой компетенцией, то он обладает и компетенцией толкования своих нормативных актов» (Cherdantsev, 1979:145).

В монографии «Применение советского права» В.В. Лазарев отмечал значение разъяснений органов исполнительной власти для правоприменительной деятельности, например, «для прокурорско-следственных работников имеют значение в этом плане директивные письма и приказы Генерального Прокурора СССР, для работников милиции приказы и инструкции, исходящие от министра». «В тех случаях, когда отсутствует ясность в понимании нормативного акта и его разъяснение выходит за пределы компетенции данного органа, последний должен обращаться к другому органу, более компетентному, или войти с представлением об аутентичном толковании» (Lazarev, 1972:88).

Правовое регулирование информационных отношений отличается сложным междисциплинарным характером, требующим специальных знаний. Не стоит забывать и об общественной опасности данных отношений для человека, общества и государства. В той связи считаем необходимым разумное сочетание национальных

¹² Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.07.1994. № 13, ст. 1447.

¹³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46, ст. 4532.

правотворческих традиций в процессе правового регулирования информационных правоотношений, с одной стороны. А с другой стороны существует объективная необходимость в казуистической описании отдельных отношений, в особенности новых видов общественных правоотношений, требующих аутентического (авторского) толкования.

Заключение

Сущность казуистики со времен римского права изменилась. Тем не менее сохранилась логическая, психологическая, историческая, философская и юридическая оценка общественных отношений. Сегодня её анализ предполагает учет новых тенденций в развитии общества. Юридическая казуистика является вспомогательным инструментом в процессе юридической деятельности. Она позволяет оценить полноту, определенность нормотворческой деятельности, а также является вспомогательным элементом для нормотворчества и правоприменения и толкования, благодаря своим элементам позволяет провести логическую, юридическую, психологическую, философскую оценку квалификации деяний.

Юридическая казуистика необходима при оценке информационных правоотношений. Она позволяет проанализировать достоинства и риски фактических отношений в целях разумного, качественно и полного нормотворчества и правоприменения. Юридическая казуистика будет выступать критерием определения пределов существования юридических институтов.

Кроме того, существуют и риски. Искусственный интеллект является проявлением метафоры в праве, поэтому необходимо детальнее рассматривать информационные правоотношения в современных реалиях. Отдельные юридические термины информационных правоотношений обладают многозначностью. Необходима детальная и качественная проработка юридических конструкций, правовых принципов, правовых презумпций, соблюдение языковых стандартов качества законодательства, установлению пределов регламентирования фактических отношений.

Представляется, что на основе юридической казуистики необходимо проводить анализ и оценку новых разновидностей информационных правоотношений, определять их цель, содержание, смысловую направленность, правовой статус, меры ответственности. Необходимо разумное сочетание, с одной стороны, обобщенных родовых понятий, и с другой, закрепление фактических обстоятельств путем указания на индивидуальные признаки. Казуистичное изложение правовых норм позволит снизить объем судебного усмотрения, создаст определенность для оценки ситуаций, требующих юридического разрешения.

References / Список литературы

- Antushin, S.S. & Mikhalkin, N.V. (2013) *Logic: Textbook*. Moscow, RAP Publ. (in Russian).
Антушин С.С., Михалкин Н.В. Логика: Учебное пособие. М.: РАП, 2013. 244 с.
- Aristotle (1927) *Poetics*. Transl., introduction and notes. N.I. Novosadsky. Leningrad, ACADEMIA Publ. (in Russian).
Аристотель. Поэтика / пер., введ и примеч. Н.И. Новосадского. Ленинград: АКАДЕМИА, 1927. 120 с.
- Aristotle (2013) *Poetics; Rhetoric*. Transl. from ancient Greek V. Appelrot, N. Platonova. Saint Petersburg, Azbuka Publ. (in Russian).

- Аристотель. Поэтика; Риторика / пер. с древнегреч. В. Апфельрота, Н. Платоновой. Санкт-Петербург: Азбука, 2013. 346 с.
- Averintsev, S.S. (2006) *Collected works: Sophia-Logos. Dictionary*. Averintseva, N.P. & Sigova, K.B. (eds.). Kyiv, Spirit and Litera Publ. (in Russian).
- Аверинцев С.С.* Собрание сочинений: София-Логос. Словарь / под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Киев: Дух и Литера, 2006. 912 с.
- Averin, A.V. (2023) Philosophy of legal technology of justice. *Metatheory and methodology of law and order: monograph*. Ed. Averin, A.V. & Davydova, M. L. Vladimir, Vladimir branch of RANERA, pp. 145–178. (in Russian).
- Аверин А.В.* Философия юридической техники правосудия. Метатеория и методология права и правопорядка: монография / под ред. А.В. Аверина, М.Л. Давыдовой. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2023. С.145–178.
- Baranov, V.M. & Vlasenko, N.A. (2019) Metaphors in law: methodological danger and prospects. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(45), 11–19. (in Russian).
- Баранов В.М., Власенко Н.А.* Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1(45). С. 11–19.
- Berezina, E.A. (2020) *Legal regulation: theoretical issues. Monograph*. M., 2020. (in Russian).
- Березина Е.А.* Правовое регулирование: вопросы теории: монография. М., 2020. 164с.
- Cherdantsev, A.F. (2012) *Logical-linguistic phenomena in law, legal science and practice*. Moscow, Infra-M Publ. (in Russian).
- Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Москва: Инфра-М, 2012. 320 с.
- Cherdancev, A.F. (1979) *Interpretation of Soviet law*. Moscow, Yurid. Lit. Publ. (in Russian).
- Черданцев А.Ф.* Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979. 166 с.
- Davydova, N.A. (2010) Cognitive aspects of the use of metaphor in the language of law. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. (593), 46–51. (in Russian).
- Давыдова Н.А.* Когнитивные аспекты использования метафоры в языке права // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 593. С. 46–51.
- Dozhdev, D.V. (2021) Casuistry in the context of system analysis: intent (dolus) in determining the luggage agreement. *Problems of methodology in legal science: from Roman law to modern legal concepts: Collection of scientific papers based on the results of the International Conference. Saratov, October 30-31, 2020*. Saratov, Saratov State Law Academy, pp. 17–60. (in Russian).
- Дождев Д. В.* Казуистика в контексте системного анализа: умысел (dolus) в определении договора поклажи // Проблемы методологии в юридической науке: от римского права к современным правовым концепциям: сборник научных трудов по итогам Международной конференции. Саратов, 30–31 октября 2020 года. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 17–60.
- Dyadchenko, A.A. & Kartashov, I.I. (2023) Ethical and legal aspects of regulation of artificial intelligence. *Ius publicum et privatum: network scientific and practical journal of private and public law*. (22), 34–44. (in Russian). <https://doi.org/10.46741/2713-2811.2023.22.2.003>
- Дядченко А.А., Карташов И.И.* Этический и правовой аспекты регулирования искусственного интеллекта // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 34–44. <https://doi.org/10.46741/2713-2811.2023.22.2.003>
- Ioffe, O.S. (2020) *Selected works on civil law: from the history of civilistic thought. Civil legal relations. Criticism of the theory of "economic law"*. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
- Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». Москва: Статут, 2020. 782 с.

- Isupova, M.M. & Koptelova, I.E. (2018) Conceptual metaphors in corporate law. *Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSAL)*. 11(51), 59–67. (in Russian).
Исупова М.М., Коптелова И.Е. Концептуальные метафоры в корпоративном праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 11(51). С. 59–67.
- Genrikh, N.V. (2023) Historical interpretation of criminal law in judicial practice. *Criminal policy and law enforcement practice: Collection of articles based on the materials of the X International Scientific and Practical Conference. October 27, 2023*. Saint Petersburg, Center for Scientific and Production Technologies “Asterion”, pp. 21–28. (in Russian).
Генрих Н.В. Историческое толкование уголовного закона в судебной практике // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник статей по материалам X Международной научно-практической конференции, 27 октября 2023 года. Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2023. С. 21–28.
- Filipova, I.A. & Koroteev, V.D. (2023) The future of artificial intelligence: an object or a subject of law? *Journal of Digital Technologies and Law*. 1(2), 359–386. (in Russian).
Филипова И.А., Коротеев В.Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023.1(2). С. 359–386.
- Khabrieva, T.Ya., Kovler, A.I. & Kurbanov, R.A. (2024) *Doctrinal foundations of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Monograph*. Khabrieva, T.Ya. (ed.). Moscow, Norma: INFRA-M Publ. (in Russian).
Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024 г. 384с.
- Kornev, A.V. (2014) Law enforcement and law-making aspects of justice. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Legal sciences*. (3), 13–23. (in Russian).
Корнев А. В. Правоприменительные и правотворческие аспекты правосудия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 3. С. 13–23.
- Korolkov, V.I. (1968) Semasiological structure of metaphor. *Scientific notes of the I Moscow State Pedagogical Institute named after. M. Thorez*. Moscow, MGPIYA. (in Russian).
Корольков В.И. Семасиологическая структура метафоры // Ученые записки I МГПИИЯ им. М. Тореца. М.: МГПИИЯ, 1983. 252 с.
- Kovalenko, N.E. (2023a) Deconstruction of postmodernism. Tendency of the subject of law in the information society. *Eurasian Legal Journal*. 1(176), 72–73. (in Russian). EDN: PPRWRY
Коваленко Н.Е. Деконструкция постмодернизма. Тенденция субъекта права в информационном обществе // Евразийский юридический журнал. 2023. № 1(176). С. 72–73. EDN: PPRWRY
- Kovalenko, N.E. (2023b) Features of the doctrine of legal regulation of public relations. *Law and Legislation*. (4), 31–33. (in Russian).
Коваленко Н.Е. Особенности доктрины правового регулирования общественных отношений // Закон и право. 2023. № 4. С. 31–33.
- Kovalenko, N.E. (2023c) True subject of law. *Regulation of legal relations: problems of theory and practice: Collection of articles of the XXI annual international student scientific and practical conference, Moscow, March 31–01 April 2022*. Moscow, Russian State University of Justice, pp. 18–20. (in Russian).
Коваленко Н.Е. Истинный субъект права // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики: сборник статей XXI ежегодной международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 31 марта – 1 апреля 2022 года. М.: Российский государственный университет правосудия, 2023. С. 18–20.
- Kurdyumov, V.A. & Semenova L.A. (2022) General concepts of metaphor and metaphor in Chinese. *Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*. 3(47), 90–98. (in Russian). <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.07>

- Курдюмов В.А., Семенова Л.А. Общие концепции метафоры и метафора в китайском языке // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 3 (47). С. 90–98. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.07>
- Lazarev, V.V. (1972) *Application of Soviet law*. Kazan, Kazan Publishing House University. (in Russian).
- Лазарев В.В. Применение советского права. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1972. 200 с.
- Lazarev V.V. (2016) Interpretation of law: classic, modern and postmodern. *Journal of Russian Law*. 8(236), 15–28. (in Russian).
- Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8(236). С. 15–28.
- Lyublinsky, P.I (2014) *Technique, interpretation and casuistry of the criminal code*. Tomsinov, V.A. (ed.). Moscow, Zertsalo-M Publ. (in Russian).
- Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред. В.А. Томсинова. Москва: Зерцало-М, 2014. 234 с.
- Malinovskaya, N.V. (2021) Interpretation of ancient legal acts as a mechanism for construction of legal reality. In: Starilov, Yu. N. & Makhina, S.N. (ed.) *Legal act: from the archaic to the 21st century: materials of the First Annual International Scientific and Practical Conference. Voronezh, June 30, 2021*. Boronezh, VSU Publishing House, pp. 62–68. (in Russian).
- Малиновская Н.В. Интерпретация древних правовых актов как механизм конструирования правовой реальности // Правовой акт: из архаики в XXI век: материалы Первой ежегодной международной научно-практической конференции. Воронеж, 30 июня 2021 г. / под ред. Ю.Н. Старилова, С.Н. Махиной. Воронеж: изд. дом ВГУ, 2021. С. 62–68.
- Maslechkina, S.V. (2009) *Transmission of expressiveness in the works of M.A. Bulgakov and E.M. Remark*: Diss ... cand. of Philological sciences. Moscow. (in Russian).
- Маслечкина С. В. Передача экспрессивности в произведениях М.А. Булгакова и Э.М. Ремарка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 224 с.
- Minbaleev, A. V. (2023) Regulation of artificial intelligence: pros and cons. *Ensuring information security: issues of theory and practice: Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Izhevsk, May 29, 2023*. Izhevsk, Udmurt University Publishing House, 2023. pp. 11–20. (in Russian).
- Минбалеев А.В. Регулирование искусственного интеллекта: за и против // Обеспечение информационной безопасности: вопросы теории и практики: сб. статей Всероссийской науч.-практ. конференции, Ижевск, 29 мая 2023 года. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. С. 11–20.
- Minnikes, I.A. & Minikes, I.V. (2021) Authentic (author's) interpretation: theoretical-legal and constitutional-legal aspects. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. (3), 36–55. (in Russian).
- Минникес И.А., Миникес И.В. Аутентическое (авторское) толкование: теоретико-правовой и конституционно-правовой аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 36–55.
- Naumov, A.V. (1978) *Laws of logic in the classification of crimes*. Moscow, Yurid. Lit. Publ. (in Russian).
- Наумов А.В. Законы логики при квалификации преступлений. М.: Юрид. лит., 1978. 104 с.
- Novitsky, I.B. (2011) *Roman law. Textbook*. Moscow, KNORUS Publ. (in Russian).
- Новицкий И.Б. Римское право: учебник. М.: КНОРУС, 2011. 304 с.
- Perova, N.V. (2022) Digitalization and transformation of the moral agent. *Internet and modern society: Collection of abstracts. Proceedings of the XXV International Joint Scientific Conference. Saint Petersburg, June 23–24, 2022*. Saint Petersburg, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research University ITMO”, pp. 28–29. (in Russian).

- Перова, Н.В. Цифровизация и трансформация морального агента // Интернет и современное общество: сб. тезисов докладов. Труды XXV Междунар. объедин. науч. конференции, Санкт-Петербург, 23–24 июня 2022 года. Санкт-Петербург: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО», 2022. С. 28–29.
- Polyakov, V.V. & Slobodyan, S.M. (2007) Analysis of high-tech methods of unauthorized remote access to computer information. *News of Tomsk Polytechnic University*. 310 (1), 212–216. (in Russian).
- Поляков В.В., Слободян С.М. Анализ высокотехнологичных способов неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 1. С. 212–216.
- Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V. & Krotkova, N.V. (2023) Development of the doctrine of Russian information law in the context of the transition to a data economy. *State and Law*. (9), 158–171. (in Russian).
- Полякова, Т.А. Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171.
- Repyev, A. G. (2021) Limits of casuisticity in the law-making process: omissions in the regulation of public relations and risks of legal discretion. *Philosophy of Law*. 3(98), 41–46. (in Russian).
- Репьев А.Г. Пределы казуистичности в правотворческом процессе: упущения регламентации общественных отношений и риски правового усмотрения // Философия права. 2021. №3(98). С. 41–46.
- Rozhkova, M.A. (2020) Is digital law a branch of law and should we expect the emergence of a digital code?. *Economy and law*. 4(519), 3–12. (in Russian).
- Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4(519). С. 3–12.
- Safonov, V.N. (2023) Polysemic criminal legal terms and stability of investigative and judicial practice. *Journal of Legal Research*. 8(2), 139–148. (in Russian).
- Сафонов, В. Н. Полисемичные уголовно-правовые термины и стабильность следственно-судебной практики // Журнал юридических исследований. 2023. Т. 8. № 2. С. 139–148.
- Sklyarevskaya, G.N. (1993) *Metaphor in the language system*. Shmelev, D.N. (ed.). Saint Petersburg, Science, Saint Petersburg Publ. (in Russian).
- Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка / отв. ред. Д.Н. Шмелев. Санкт-Петербург: Наука: Санкт-Петербург, изд. фирма, 1993. 150 с.
- Shaburov, A.S. (2018) “Restriction of the right”, “restrictions in the law”, “legal restrictions”: the relationship of concepts. *Legal technology*. (12), 365–370. (in Russian).
- Шабуров А.С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 365–370.
- Shatkovskaya, T.V., Epifanova, T.V. & Vovchenko, N.G. (2018) Transformation of the structure of the legal regulation mechanism in the digital economy. *Economic Problems and Legal Practice*. (3), 142–146. (in Russian).
- Шатковская Т.В., Епифанова Т.В., Вовченко Н.Г. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 142–146.
- Tarkhanov, I.A. (2012) Legal qualifications: Concept and place in the law enforcement process. *Russian Legal Journal*. 3(84), 130–140. (in Russian).
- Тарханов И.А. Юридическая квалификация: понятие и место в правоприменительном процессе // Российский юридический журнал. 2012. № 3(84). С. 130–140.
- Yani, P.S. (2012) Interpretation of the criminal law. *Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*. (4), 55–75. (in Russian).

- Яни П.С. Толкование уголовного закона // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. №4. С. 55–75.
- Yani, P.S. (2019) On the cybernization of the process of qualification of crimes. *Legality*. 12(1022), 42–45. (in Russian).
- Яни П.С. О кибернетизации процесса квалификации преступлений // Законность. 2019. № 12(1022). С. 42–45.
- Vlasenko, N.A. (2017) Categories “uncertainty” and “certainty” in the study of modern law. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 1(37), 8–17. (in Russian).
- Власенко Н.А. Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 8–17.
- Vlasenko, N.A. (2023) *Methodological foundations for the study of legal values*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей. М.: Норма, 2023. 200 с.
- Zaitseva, E.A. (2012) Soft law: objective reality or legal metaphor? *Modern law*. (1), 35–38. (in Russian).
- Зайцева Е.А. Мягкое право: объективная реальность или юридическая метафора? // Современное право. 2012. № 1. С. 35–38.

Об авторе:

Довгань Ксения Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Алтайский государственный университет; 656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61

ORCID: 0000-0003-4614-1936

e-mail: dok2122@bk.ru

About author:

Kseniya E. Dovgan – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Altai State University; 61 Lenin str., Barnaul, 656049, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4614-1936

e-mail: dok2122@bk.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527>
EDN: FTBYVW

Научная статья / Research Article

Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий

В.О. Демкин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
 vodemkin@hse.ru

Аннотация. Целью исследования – изучение определения и содержания терминов «цифровая личность», «цифровой образ человека», «цифровой профиль», «цифровое гражданство», их соотношение, а также правовые проблемы, связанные с указанными категориями. Актуальность темы подтверждается активным обсуждением нормативно-правовых актов в сферах построения системы цифровых профилей, цифрового гражданства в различных странах мира. Метод исследования составляет анализ имеющейся российской и зарубежной литературы и практики, вычленение их основополагающих положений, исследование взаимосвязей с более «классическими» правовыми категориями, в частности с классическими правами человека, с персональными данными. Сделан вывод об основополагающем положении категории «цифровая личность» для изучения феномена современного цифрового человека. Она связана в первую очередь с правами человека в современном цифровом мире. Такая категория напрямую влияет на иные изучаемые понятия, которые включают в себя, в частности, сведения (данные) об индивидах, а также в целом политику в сфере участия граждан в управлении государством. Для изучения феномена цифрового человека предлагается в первую очередь изучать категорию цифровой личности с точки зрения его прав в цифровом мире, то есть с точки зрения прав человека.

Ключевые слова: цифровой человек, цифровая личность, цифровой образ человека, цифровой профиль, цифровое гражданство, персональные данные, права человека, идентификация

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 3 января 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Демкин В.О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 512–527. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527>

© Демкин В.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Digital identity and digital image of an individual: Legal characteristics and the place in the system of related categories

Vladislav O. Demkin

National Research University Higher School of Economics (HSE University),
Moscow, Russian Federation
vodemkin@hse.ru

Abstract. The purpose of the work is to study the definition and content of the terms “digital personality”, “digital image of a person”, “digital profile”, “digital citizenship”, their interrelation, as well as legal problems related to these categories. The relevance of the topic is confirmed by the active discussion of regulatory legal acts in the areas of building a system of digital profiles, digital citizenship in different countries of the world. The method of research is the analysis of Russian and foreign literature and practice, identification of their fundamental provisions, study of interrelations with more “classical” legal categories, including classical human rights and personal data. The conclusion is drawn about the fundamental position of the category of “digital personality” for the study of the phenomenon of the modern digital person. It is primarily related to human rights in the modern digital world. Such a category directly affects other concepts under study, including information (data) about individuals, as well as the overall policy in the sphere of citizens' participation in state governance. In order to study the phenomenon of the digital person, it is necessary, first of all, to study the category of the digital person from the point of view of their rights in the digital world, i.e., from the point of view of human rights.

Key words: Digital person, digital identity, digital image of a person, digital profile, digital citizenship, personal data, human rights, identification

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 3rd January 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Demkin, V.O. (2024) Digital identity and digital image of an individual: Legal characteristics and the place in the system of related categories. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 512–527. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527>

Введение

В современном мире информация о человеке, как о наборе данных о нем, играет существенную роль в мировой экономике. Массивы данных накапливаются не только крупнейшими технологическими компаниями, но и более рядовыми субъектами предпринимательской деятельности, оказывающими бытовые услуги для населения. Кроме того, огромный объем информации, причем, можно предположить, наиболее чувствительной, собирается различными государственными органами и организациями. Всеми этими сведениями обмениваются как «горизонтально» (частное лицо с частным лицом, или государственный орган с себе подобным), так и «вертикально» (государство с частным хозяйствующим субъектом и наоборот). Различные лица могут совместно принимать участие в обработке данных о человеке, составлять его цифровой портрет для принятия автоматизированных решений относительно него.

Опасения цифровизации человечества находят свое выражение в различной литературе (отечественной и зарубежной) уже со времен начала стремительного развития технологий хранения и обработки больших массивов данных. Существенный массив таких публикаций относится и к правовой литературе. Большая ее часть написана в русле права персональных данных, обращая внимание на проблемы конфиденциальности, приватности, их структуры и теорий устройства. Не менее важны и социологические исследования феномена цифровой личности, в которых обсуждается такая ее характеристика, как восприятие человека окружающими. Такие работы, как правило, основаны на теории наличия у каждого индивидуума множества масок, которые он использует в социальной коммуникации.

Тем не менее в правовых публикациях феномен цифровой личности упоминается, в большинстве своем, вскользь, не удостоивая ее обстоятельной проработке. В настоящей публикации автор намеревается, по меньшей мере, дать начало обсуждениям публично-правовых характеристик цифровой личности, цифрового образа гражданина, а также дать необходимые определения. Исследование основано на положениях права персональных данных, права прав человека, информационного права, а также на некоторых социологических воззрениях на обсуждаемые явления.

Предметом исследования является изучение «цифровой личности», «цифрового образа личности» и иных сходных терминов как правовых категорий. Исследование основано на публикациях практиков и теоретиков в сфере права в области прав человека, персональных данных, приватности и конфиденциальности, конституционного права. Особое внимание уделяется работам различных центров по изучению права цифрового общества, в частности, Гарвардского и Стенфордского университетов. Не последнюю роль играют правовые акты и правоприменительная практика различных государств, в том числе членов Европейского союза, США, России. Таким образом, метод исследования составляет анализ имеющейся теоретической и практической базы по смежным вопросам, вычленение их основополагающих положений, связанных с формированием категории «цифровой личности», исследование взаимосвязей с более «классическими» правовыми категориями и построение на этой основе двух принципиальных представлений о составляющих понятии «цифровая личность», «цифровой образ человека».

Определение «цифровой личности» в литературе

В этой части работы следует описать имеющиеся в научных публикациях представления об определении терминов «личности», «человека», «идентичности», иных смежных понятий и их «цифровых» аналогов.

Под человеком (как базовое понятие биологического вида) в правовых науках понимают «физическое лицо, родившееся от людей живым, обладающее правоспособностью, индивидуализирующими его нематериальными благами, способное действовать автономно, имеющее обособленное имущество, а также характеризующееся биометрическими персональными данными, отделяющими его от других людей, жизнь которого прекращается с момента гибели головного мозга или наступления биологической смерти» (Maleina, 2017).

Существует множество понятий «личности», однако, как сообщается в специальных исследованиях на эту тему, в российской правовой литературе в настоящий момент преобладает понимание личности через перечень социальных связей,

общественных отношений, в которых такая личность участвует (Kapitonova, 2019). Например, Ю.К. Волконский определяет личность как «человека, обладающего индивидуальной системой социально значимых свойств, проявляющихся в отношениях между людьми в их деятельности» (Volkonsky, 2007).

Наиболее часто встречающееся определение цифровой же личности (а также сходных терминов наподобие «цифрового образа человека», «цифрового близнеца» и проч.) сводится к набору данных о ней. Так, Daniel J. Solove, профессор права интеллектуальной собственности и технологий Университета Джорджа Вашингтона и именитый ученый в области приватности, определяет цифрового человека как личность, переведенную в цифровую форму, которая составлена из записей, фрагментов данных и кусочков информации (Solove, 2004). Доктора юридических наук и профессора университета Катара, сотрудники Центра права и развития сформировали модель цифрового клона мысли, под которым они понимают персонализированного цифрового близнеца, состоящего из копии всех известных данных и поведения конкретного живого человека, записывающего его выбор, предпочтения, поведенческие тенденции и процессы принятия решений. Такой клон является чем-то большим, чем обычный «статический» набор данных о ком-либо. Он, представленный в качестве виртуальной модели, может для своего владельца воспроизводить различные заданные ситуации и показывать, как реальный «владелец личности» повел бы себя в ней (Truby & Brown, 2021). Это может быть использовано в маркетинговых, политических и иных целях. Можно сказать, что такой клон мысли – следующий и существенно более дорогостоящий этап развития цифровых личностей.

В социологических исследованиях идентичность определяется как концепт, приписываемый человеку социальными нормами, относящийся к самооценке, индивидуальности, видению самого себя (Zajmi, 2015), а также как возможность организовать свои мысли, чувства и действия (Myers, 2017). Соответственно, под «цифровой идентичностью» возможно понимать видение человеком самого себя в онлайн-мире, его представление в таком мире для других. Можно также сказать, что в различных социальных отношениях индивидуум представляет себя по-разному, в зависимости от того впечатления, которое он хочет произвести о себе для определенной группы собеседников или «обозревателей». Это особенно хорошо заметно при сравнении наполнения страницы о таком человеке в социальных сетях «для друзей» и на сайтах по поиску работы.

В некоторых социологических и правовых научных работах, посвященных трансформации общества в эпоху технологий, под изучаемыми в настоящем разделе терминами может пониматься индивидуум, реализующий свои права и исполняющий свои обязанности с использованием цифровых технологий. Публикации с таким пониманием терминов зачастую посвящены проблемам цифрового равенства, формированию права каждого человека на доступ к технологиям, применению принципа технологической нейтральности в нормотворчестве. По нашему мнению, именно в таких случаях наиболее уместно употреблять термин «цифровая личность».

«Цифровая личность» как офлайн-личность, обладающая правами в цифровом мире

Исходя из приведенных выше положений, видно, что авторы большинства работ (сугубо правовых и не только) под «цифровой личностью» понимают в первую очередь набор данных о ней, выраженный в цифровой, виртуальной среде

и пригодный для обработки автоматизированными средствами. Такое понимание сужает исследования лишь до сферы законодательства о персональных данных.

Нисколько не умаляя важность данной области права, считаем необходимым также обратить внимание на сферу прав человека. Так, появляется все больше публикаций, направленных на изучение новых прав человека в цифровой среде (точнее сказать – в цифровом мире), главным из которых называют право на доступ к Интернету. Среди прочих Э.В. Талапина и Н.В. Варламова освещают такие права и их составляющие и рассматривают сложившиеся теории об их месте в системе прав человека.

Выделяются следующие подходы (иногда они называются стадиями эволюции прав): а) «цифровые права человека» — это лишь классические права при их использовании в цифровой среде; б) «цифровые права человека» — это новые права человека, но являющиеся выражением устоявшихся офлайн-прав в онлайн-среде; в) «цифровые права человека» — это предвестники полностью нового поколения прав человека.

Полагаем, что такие показатели личности в современном информационном обществе, как ее права в онлайн-мире, являются неотъемлемым ее атрибутом как личности цифровой. Среди таких прав можно выделить право на доступ в Интернет, право «быть забытым», право на переносимость данных, право на «цифровую смерть», право на «технологическое равенство». Отметим, что некоторые из них уже выражены в законах разных стран.

Так, например, право «быть забытым» («to be left alone») родилось из права на неприкосновенность частной жизни. Такое новое право в российском законодательстве выражено в ст. 10.3. Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹. Оно выражает возможность индивида требовать удаления информации о нем, если таковая стала неактуальной или недостоверной, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость (такие сведения предполагаются имеющими общественное значение). Право на забвение и право на переносимость данных в европейской практике выражены в Общем регламенте по защите данных (*General Data Protection Regulation*, далее – «GDPR» или «Регламент») и означают право требовать исправления или уничтожения данных, которые обрабатываются с нарушением норм Регламента, право на отзыв своего согласия на их обработку и право требовать предоставления данных о себе в структурированном, повсеместно используемом и машиночитаемом формате соответственно.

Важность определения цифровой личности как личности, обладающей специфическими правами в цифровом мире, заключается в следующем. Н.В. Варламова, комментируя основополагающую работу К. Васака в области прав человека, в которой была предложена концепция поколений таких прав, характеризует их, сравнивая с формулой идеалов Французской революции «Свобода, равенство и братство». Так, права первого поколения (естественные неотчуждаемые права, «Свобода»), выражают притязания на личную свободу, на доступ граждан к осуществлению государственной власти. Они выражаются в негативных обязанностях государства

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2006 г., № 31, ст. 3448.

(и других лиц) не чинить препятствий в реализации таких прав, а также в позитивных обязанностях государства предоставлять защиту в случае их нарушения. Права второго поколения («Равенство») — это притязания на социальные услуги и помощь со стороны государства и общества в целях сглаживания социального неравенства и обеспечения каждому «достойного уровня жизни», на перераспределение доступных обществу ресурсов в пользу уязвимых слоев населения. Они выражаются в обязанностях государства принять меры к социальной помощи нуждающимся индивидам, в особенности – малоимущим. Права третьего поколения («Братство») соотносятся с идеей всеобщей солидарности, включают в себя право на мир, разоружение, справедливое мироустройство, совместное обладание общим наследием человечества, право нации на историческую родину, на самоопределение. Отмечается, что такие положения носят скорее декларативный, морально-политический характер (Varlamova, 2019).

Таким образом, говоря о цифровой личности как о «наборе» ее прав в цифровом мире, важно также и классифицировать, какие меры и способы правовой защиты, какую природу подразумевают эти права. Если не соглашаться с концепцией цифровых прав как четвертого поколения прав человека, то важно также и распределить их по сложившимся трем поколениям.

Так, право на доступ в Интернет является самым спорным из ряда цифровых прав, и на тему определения его места в системе прав человека имеется довольно много публикаций в российских и зарубежных изданиях. Так, некоторые право на доступ в Интернет понимают в качестве составляющего права на информацию (на доступ к информации, на ее распространение). Такое «устоявшееся» право первого поколения, действительно, может подразумевать свободу личности в выборе конкретного технического средства, с использованием которого она желает совершить доступ к интересующим ее сведениям или к их распространению. В этом смысле Интернет условно приравнивается к газетам, радио, телевидению и средствам массовой информации. Однако доступ к Интернету необходим также для получения различных государственных услуг, участия в политической жизни страны, для удобного и привычного уже большинству людей ведения жизнедеятельности. Особенностью Интернета также является его свобода в создании и поиске контента самими индивидами. В отличие от традиционных газет, радио и телевидения наполнение Интернета контентом не контролируется (в общем и целом) и не подвержено какой-либо редакционной политике, за исключением требований цензуры в различных странах. Этот факт также подчеркивает особую роль сети для создания, распространения, поиска и доступа к любой интересующей человека информации.

Исходя из этого преобладающим в литературе мнением относительно содержания права человека на доступ в Интернет является теория о двух его аспектах: технический – право иметь возможность подключиться к сети; идеологический – право на доступ к информации, на защиту от незаконной блокировки сайтов (Хуснутдинов, 2017). Возможность подключения к Интернету во многих странах уже сейчас обеспечивается государствами (и этот подход поддерживается в публикациях). В частности, эстонский Закон о публичной информации (параграф 33) предусматривает, что каждому человеку предоставляется возможность получения свободного доступа к общественной информации в Интернете в публичных библиотеках²

² Public Information Act. Режим доступа: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/518012016001/consolide> (дата обращения: 06.11.2023).

(без требований к скорости соединения с сетью, к доступности любой информации в целом). Статья 52 испанского Закона об устойчивой экономике устанавливает в качестве универсальной услуги связи услугу широкополосного соединения со скоростью не ниже 1 Мбит в секунду (или выше – по решению профильных министерств), что означает, в частности, государственное регулирование тарифов поставщиков таких услуг на такие соединения с минимальной скоростью³. Наконец, в России в рамках программы «Доступный Интернет» были включены обязанности операторов телематических услуг связи по предоставлению абонентам бесплатного доступа к отечественным социально значимым информационным ресурсам, срок которого с 1 сентября 2024 г. будет увеличен с 24 часов до 7 суток. При этом предоставляется доступ только тем гражданам, которые имеют договор с оператором связи; только к страницам, содержащим текстовый контент; только со стационарных устройств. Перечень таких социально значимых страниц устанавливается Правительством⁴.

Определение права на доступ к Интернету в качестве права цифровой личности порождает (может породить) некоторые интересные казусы. Так, в практике Европейского суда по правам человека (далее – «ЕСПЧ») отмечается, что право на доступ к Интернету (в его идеологическом аспекте) может быть ограничено с целью соблюдения общественных интересов, сохранения безопасности государства. В качестве примера приводятся случаи блокирования доступа к некоторым сайтам (страницам сайтов). Отмечается, что решение об этом возможно при следующих условиях: 1) оно основано на национальном законе; 2) владельцу сайта предложены реальные гарантии и механизмы защиты его интересов (в частности, предоставлена возможность участвовать в принятии решения); 3) блокируется лишь та информация, распространение которой запрещено, в минимально необходимом для этого объеме (Талапина, 2021).

Такое ограничение в доступе к информации из-за противоречия последней закону является общим и распространяется на всех пользователей на определенной территории. Решение о таком ограничении, при этом может приниматься не государственным органом «сверху», а частным лицом «снизу».

В литературе со ссылкой на Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2011)8 «О защите и поощрении универсальности, единства и открытости Интернета» отмечается, что действия государств по управлению информацией в Интернете должны оставаться в их территориальных границах и не препятствовать доступу к информации жителям других стран. Государствам следует поддерживать

³ Ley 2/2011, de 4 de marzo, de Economía Sostenible. Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2011-4117> (дата обращения: 06.11.2023).

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2021 № 2606 «Об утверждении Правил оказания услуг связи по передаче данных». Номер опубликования: 0001202201050010, дата опубликования: 05.01.2022. Режим доступа <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202201050010> (дата обращения: 15.11.2023); Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2021 г. № 2607 «Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи». Номер опубликования: 0001202201060008, дата опубликования: 06.01.2022. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202201060008> (дата обращения: 15.11.2023); Приказ Минкомсвязи России от 31 марта 2020 г. № 148 (ред. от 1 июля 2021 г.) «О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/documents/7146/> (дата обращения: 15.11.2023).

коммуникацию друг с другом для обеспечения свободного обмена информацией и целостности Интернета (Khusnutdinov, 2017)⁵.

В связи с подобными рекомендациями (и в случае признания права на доступ к Интернету в качестве права человека) возникает вопрос – являются ли некоторые положения «экономических санкций» нарушением прав человека? В частности, некоторые из них могут подразумевать не только необходимость прекращения доступа к определенным сайтам на территории некоторых стран, но и запрет на импорт каких-либо технических составляющих, необходимых для работы Интернета, или запрет на оказание определенных услуг связи в сфере доступа к сети. Также необходимо рассмотреть, изменится ли ответ в случае, если такие «ограничения» накладывают «на себя» частное лицо, являющееся владельцем сайтов или производителем определенной продукции, в том числе под влиянием законодательства страны своего места нахождения.

Подобные санкции являются мерой политической борьбы против неугодных действий государства-цели. Ограничительные меры при этом направлены против жителей такой страны. Различные общественные объединения в сфере защиты целостности Интернета обеспокоены подобным развитием событий и проводят исследования влияния санкций на работу сети⁶. В них отмечается, что органы власти Европейского союза поняли проблему ограничения доступа граждан страны-цели к Интернету и 3 июня 2022 г. приняли «Internet-carvout», в котором из санкций против России были исключены средства или экономические ресурсы и связанные с ними услуги, строго необходимые для работы электронных сервисов коммуникации операторами связи Европейского союза, среди прочего, в России и между Россией и Европейским Союзом.

Исследователями также отмечается, что «блокирование доступа человека к Интернету представляет серьезное вмешательство в свободу» (Talapina, 2021), а также что недопустимо отключение лица от Интернета в качестве санкции за совершение повторного нарушения в сфере интеллектуальной собственности (на основе опыта применения таких норм права во Франции и Великобритании) (Sartor, 2017). При этом запрет использования Интернета, иных сетей связи, даже отправление и получение почтово-телеграфных отправлений может быть наложен на подозреваемого в совершении преступления в соответствии со ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ. В этом смысле указанные запреты являются ограничением «классических» прав человека на доступ к информации и ее распространению. Является ли оправданным столь серьезное ограничение подозреваемого в реализации прав человека? Думается, что в случае признания права на доступ в Интернет в качестве такового следует снова задуматься над этим вопросом, в частности, над необходимостью сужения довольно обширного запрета на использование сети. Например, возможно разрешить подозреваемому использовать только социально значимые информационные ресурсы из перечня Правительства РФ либо отдельные их категории, необходимые для получения муниципальных и государственных услуг (что удобно, ведь в указанном перечне ресурсы уже разделены на категории).

⁵ Recommendation CM/Rec(2011)8 of the Committee of Ministers to member states on the protection and promotion of the universality, integrity and openness of the Internet. Режим доступа: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805cc2f8 (дата обращения: 17.11.2023).

⁶ Sanctions and Internet. Режим доступа: <https://digitalmedusa.outcondev.com/wp-content/uploads/2023/11/SanctionsandtheInternet-DigitalMedusa-1.pdf> (дата обращения: 10.11.2023).

Таким образом, предлагается использовать термин «цифровая личность» для обозначения индивида, который обладает правами (наличие и возможность реализации которых при этом гарантированы государством), связанными с цифровыми технологиями и цифровым миром.

Несмотря на то, что сложно представить противопоставление в виде «нецифровой личности», изучение этой категории важно для правовой науки. Исследования в этой сфере позволят более качественно соотносить предлагаемые инициативы в сфере принятия нормативных правовых актов с принципами и целями развития прав человека в Интернете. В частности, на основе таких исследований могут появиться закрепленные в законе дополнительные права человека, например, право на доступ в Интернет. А с учетом роли Интернета как основной платформы для обмена информацией между людьми и для получения государственных и муниципальных (социальных в первую очередь) услуг индивиды могут быть освобождены от ограничений в использовании сети, в том числе в соответствии с нормами уголовно-процессуального права.

Изучение цифровизации современной личности также предоставляет праву принципы его развития в будущем. Помимо необходимости гарантирования минимального доступа к Интернету большей части населения, появляются и иные правила формирования нормативных актов. Так, в частности, их положения должны быть технологически нейтральными с тем, чтобы права и обязанности индивидов могли быть реализованы и использованы не только онлайн, но и офлайн, и наоборот, а также с использованием различных технологий и систем.

«Цифровой образ» как система сведений о человеке. Смежные правовые категории

Наиболее распространенным в российской и зарубежной литературе методом определения «цифровой личности» является «подход данных». Она определяется через терминологию законодательства о персональных данных и означает, в первую очередь, бинарное выражение интересов, поведения истории человека. Такая «копия человека» может использоваться в политических и маркетинговых интересах с целью предсказания голоса человека за того или иного кандидата, вероятности заказа того или иного товара, проведения скоринга, а также выработки модели поведения в отношении него с тем, чтобы добиться совершения тех действий, которые интересны владельцу такой «копии». Подобное стало возможным в эпоху технологии «Больших данных». Под ней можно понимать, например, «совокупность инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов из различных источников, подверженных постоянным обновлениям, в целях повышения качества принятия управленческих решений, создания новых продуктов и повышения конкурентоспособности» (Saveliev, 2015).

Представляется, что в силу создания такого слежка личности индивида, перенесения его в цифровой мир для целей построения алгоритмических процессов в отношении него и для разграничения с термином «цифровая личность» в подобных случаях корректнее использовать термин «цифровой образ человека».

В зарубежной литературе зачастую используется термин «цифровая идентичность» («digital identity») для обозначения данных о человеке, участвующих в определенных транзакциях. Так, специалист в сфере особенностей правового

регулирования цифрового человека Клер Салливан (Clare Sullivan) разделяет «цифровую идентичность» на идентифицирующую информацию (identifying information), токен (token identity) и иную информацию о человеке (other information) (Sullivan, 2009). Согласно этому подходу формирование цифровой идентичности происходит в момент регистрации индивида в системе и предоставления им идентифицирующей информации (которой могут быть, например, фотография, образец подписи, биометрические данные, PIN-коды). Это позволяет установить связь между конкретным человеком и информацией о нем. После этого индивид, желая совершить сделку или вступить в отношения с государственными или муниципальными органами, предъявляет «заново» требуемый набор информации, которая автоматически сличается с той, что занесена в верифицированную базу данных. На основании этого Клер Салливан делает достаточно спорный вывод о том, что в таких отношениях участвует не человек, а токен, который является субъектом права (legal person).

Автор отмечает, что подобная схема отношений с участием цифровой личности использовалась в Великобритании с 2006 по 2011 г., когда в стране действовал национальный реестр удостоверений личности. В этот период времени гражданам Великобритании, гражданам стран Европейской экономической зоны и иммигрантам выдавались электронные карточки вместо паспортов, и определенная информация о них заносилась в национальную базу данных о владельцах таких карт. В 2011 г. этот эксперимент был прекращен, а информация была удалена из национального реестра.

В российской нормативно-правовой деятельности и научной литературе также часто используется термин «цифровой профиль (гражданина)» для целей описания единого окна для взаимодействия граждан и организаций с различными органами государственной власти, органами местного самоуправления, кредитными организациями, а также для управления предоставленными согласиями на обработку персональных данных, в том числе биометрических. Также с 2019 по 2022 г. в Государственной Думе РФ обсуждался законопроект, связанный с введением понятия «цифровой профиль» и некоторых иных норм в части идентификации и аутентификации с использованием специальных информационных систем цифрового профиля, электронного удостоверения личности в законодательство об информации.⁷ По итогам рассмотрения законопроект был отправлен на доработку с некоторыми замечаниями.

Термин «цифровой профиль», относимый к физическому лицу, входит в определение понятия «цифровой образ человека». Под цифровым профилем в литературе понимается совокупность актуальных, достоверных данных и иных сведений о физических и юридических лицах, формируемых в единой системе идентификации и аутентификации или других информационных системах органов государственной власти и местного самоуправления, а также подведомственных им организаций, взаимодействующих с ней посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия, в целях их предоставления с согласия соответствующих граждан или юридических лиц субъектам, запросившим доступ к этим сведениям посредством соответствующей инфраструктуры (Vinogradova, Polyakova & Minbaleev, 2021). Таким образом, в систему цифрового профиля входят персональные данные, в том числе специальные их категории, биометрические данные, а также

⁷ Законопроект № 747513-7. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (дата обращения: 31.12.2023).

иные чувствительные – например, сведения о здоровье, о вероисповедании, о финансовом статусе, о воинской обязанности, о трудоустройстве и месте жительства. В свою очередь, цифровой образ человека не ограничивается информацией, необходимой лишь для целей осуществления публичной государственной политики и содержащейся в соответствующих государственных информационных системах.

Процесс создания системы цифрового профиля также выражено в стремлениях российского государства использовать Единый регистр населения. В соответствии с принятым Федеральным законом «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» переходный период установлен на срок до 31.12.2025. В единую информационную систему будут включены разнообразные сведения о гражданах России, об иностранцах, об апатридах для целей реализации государственных полномочий.

Создание системы цифрового гражданства является логичным продолжением развития инфраструктуры цифрового профиля. Ученые в сфере конституционного и государственного права при этом под цифровым гражданством понимают не столько публично-правовую категорию отношения человека к определенному государству и подчинения правовой системе последнего, сколько следующий этап развития демократического общества и его институтов. Его можно определить, например, как возможность участвовать в жизни общества онлайн (Mossberger, Tolbert & McNeal, 2008); как публично-правовой порядок взаимодействия государства и личности в информационном и цифровом пространстве; как форму участия в публичном пространстве, в обсуждении и принятии публично значимых решений; как цифровую платформу для коммуникации при реализации как публичных, так и частных интересов (Kravets, 2023). Полагаем, что в этом смысле цифровое гражданство тесно связано с выражением прав цифровой личности в Интернете. В частности, для подлинного развития демократии, участия общества в управлении государством требуется совершенствовать системы общественного и экспертного контроля за обсуждаемыми законопроектами. Этого можно добиться путем создания портала для такого обсуждения и предложения поправок, комментирования отдельных положений (во избежание пакетного одобрения или неодобрения законопроекта в целом).

В любом случае наиболее существенную защиту индивидов при использовании их цифровых образов и цифровых профилей предоставляет законодательство о персональных данных. Важнейшими его элементами являются: 1) определение информации в качестве персональных данных (и, соответственно, распространение положений соответствующего законодательного массива на нее); 2) определение оснований, срока и целей для законной обработки персональных данных (и, соответственно, объема контроля субъекта за ней); 3) требования к операторам по защите персональных данных при их обработке (и, соответственно, определение действий, требовать совершения которых может субъект персональных данных под угрозой применения к оператору мер ответственности). При этом, с учетом построения «цифрового образа» при использовании технологий «Больших данных», возникает противоречие между целями законодательства о персональных данных, реальным применением его положений на практике и степенью защищенности субъектов персональных данных. Кроме того, объединение разнообразных персональных данных в одну базу (регистр, реестр) влечет за собой риски ее взлома, утечки силами злоумышленников. Это особенно важно учитывать при создании государством единой базы данных о населении.

В большинстве правовых систем мира термин «персональные данные» раскрывается через обширное определение, включающее в себя любую информацию, относящуюся к определенному или определяемому физическому лицу. Разъяснения такого определения даются в различных документах государственных органов и судебной практике. Так, например, в «Мнении 4/2007 о концепции персональных данных», выпущенном «Рабочей группой 29» – консультативным органом Европейского Союза по защите данных и конфиденциальности («Opinion 4/2007 on the concept of personal data», issued by Article 29 Working Party), понятие «персональные данные» разделяется на составные элементы и на практических примерах даются общие рекомендации по признанию тех или иных сведений персональными данными⁸. В США существенную роль играют решения Верховного суда по определению широты защиты частной жизни граждан в соответствии с Конституцией. Так, защита частной жизни и персональных данных (в том числе с использованием различных технологий) осуществляется с учетом разумных ожиданий потребителя – человек должен сформулировать разумное ожидание по поводу защиты частной жизни, и оно должно восприниматься обществом как разумное (Talapina, 2021).

Одним из практических способов для обработчика информации не выполнять требования законов о персональных данных – сделать их неперсональными. Такой процесс называется анонимизацией. Отметим, однако, что определение схожего термина «обезличивание», содержащееся в российском Федеральном законе «О персональных данных», не выводит такие данные из сферы персональных полностью, а GDPR использует слово «псевдонимизация» («pseudonymization»). Это связано с тем, что, убрав часть данных и заменив ее на некую общую информацию (цифровой идентификатор например), физическое лицо все равно может быть идентифицировано при использовании другой, также обезличенной, информации. Такое объединение баз данных и является самой сутью технологии «Больших данных». Отмечается, что в эпоху «Больших данных» данные могут быть либо представлять ценность для обработки, либо быть анонимными, но одновременно и тем, и другим – никогда (Ohm, 2010). Поэтому такой способ также вряд ли подойдет для использования операторами с целью ухода от требований законодательства о персональных данных.

Основное легитимирующее обработку персональных данных основание – согласие субъекта персональных данных – также не является по-настоящему эффективным в эпоху создания цифровых образов граждан с использованием технологий «Больших данных». Универсальными требованиями к согласию являются его информированность, конкретность и сознательность; согласие также должно даваться для обработки с определенной целью в течение оптимального срока. Этого невозможно добиться при использовании технологий «Больших данных», хотя бы потому что невозможно заранее предположить, какому лицу будут предоставлены персональные данные по результатам их обработки и, соответственно, невозможно заранее получить согласие на такое действие.

Разумность использования в современное время согласия субъекта как основного легитимирующего основания для обработки персональных данных является популярным вопросом в литературе в области защиты частной жизни⁹. Изучая

⁸ Opinion 4/2007 on the concept of personal data. Режим доступа: https://ec.europa.eu/justice/article-29/documentation/opinion-recommendation/index_en.htm (дата обращения: 01.12.2023).

⁹ Burt A. Nowhere to Hide: Data, Cyberspace, and the Dangers of the Digital World. Digital future whitepaper series. Режим доступа: https://law.yale.edu/sites/default/files/area/center/isp/documents/white_paper_2020_nowhere_to_hide_burt_yls_isp_digital_future.pdf (дата обращения: 03.12.2023).

исторические аспекты зарождения такой системы в мировых правовых порядках, исследователи приходят к выводу, что сейчас она не работает с достаточной степенью эффективности – индивиды зачастую не читают политики конфиденциальности или описания целей и условий обработки их данных, которые к тому же в большинстве случаев написаны сложным для рядового потребителя языком. Кроме того, пользователь всегда поставлен в зависимое положение и, желая получить благо от своего контрагента, он не сопоставляет ценность своих данных и получаемой цифровой услуги с разумной степенью достоверности, поскольку при отказе от предоставления персональных данных (согласия на их обработку) он несет риски отказа в получении желанного эффекта. Изучение дополнительных, побочных целей обработки персональных данных по поручению основного оператора еще более затруднительна.

Формирование же системы цифрового профиля гражданина опирается не на согласие как легитимирующее основание для обработки персональных данных и их объединения в единую базу, а на обработку для достижения целей, предусмотренных законом. В этом случае индивиды фактически теряют возможность осуществлять контроль за своими данными – они не могут принимать решение об их включении в единый регистр, об их извлечении и использовании третьими лицами (в случае получения банковских услуг например), об иных видах их обработки. Им доступна лишь актуализация сведений в информационных системах операторов, которые обязаны их обрабатывать.

Таким образом, с учетом определения цифровой персоны через данные о ней кажется более корректным использовать термин «цифровой образ», поскольку ключевым в подобного рода деятельности является обращение для достижения определенных целей именно к «слепок» личности индивида. Однако здесь стоит прямо отметить, что использование цифрового образа личности (ее цифрового профиля) неразрывно связано с правами цифровой личности.

В частности, это особенно заметно при предоставлении государственных услуг. В рамках исследований Гарвардского центра по изучению права цифрового общества было выпущено несколько работ, посвященных необходимой структуре любой, в том числе государственной системы, предполагающей отражение в ней слепков реальных личностей, их классификацию по тем или иным признакам¹⁰. В частности, отмечается, что одним из принципов построения таких систем должно быть стремление к совпадению личностей реальной и цифровой для каждого конкретного человека, что также предполагает возможность изменения цифровой личности вслед за реальной. Приводится простой пример: любая форма для регистрации предполагает классификацию пользователя по определенным критериям. Зачастую разработчик системы предполагает выбор из определенного закрытого перечня вариантов, что, в целом, понятно, так как это позволяет с большим удобством обрабатывать полученные результаты и делить индивидов на группы. Однако такой перечень не всегда соответствует представлением реальной личности о себе (которые при этом не всегда стабильны), а часть признаков может быть динамически развивающимися и меняющимися в течение жизни. Речь может идти о роде занятий, виде профессии, социальном статусе, достатке, политических предпочтениях, поле, возрасте, даже расе и нации.

¹⁰ См., напр., Digital Identity & Discretion. Режим доступа: <https://cyber.harvard.edu/projects/digital-identity> (дата обращения: 02.12.2023); Cortesi S., Gasser U., Hasse A. Transforming State-of-the-Art Offline Approaches for the Digital World. Режим доступа: <https://cyber.harvard.edu/publication/2022/transforming-state-art-offline-approaches-digital-world> (дата обращения: 02.12.2023).

Технологии «Больших данных» показали свою эффективность в ситуации, сложившейся в крупной торговой сети «Target», когда ее сотрудники в 2012 г. с довольно высокой степенью точности определили дату родов своей покупательницы и решили направлять последнюю рекламу – еще до того, как о беременности узнали родственники девушки¹¹.

Впрочем, указанное является не только риском или угрозой существования приватности, какой мы ее знаем или желаем знать, но также и технологической перспективой развития информационных систем. Не зря GDPR в качестве своей цели провозглашает не только обеспечение защиты персональных данных и их обработки, но также и свободный оборот этих данных («free flow of data»).

Таким образом, под «цифровым образом» человека можно понимать совокупность достоверных, точных, актуальных сведений о человеке, выраженных в цифровой форме и способных применяться для принятия автоматических решений в отношении него на основе алгоритмического анализа таких сведений.

Заключение

Категория «цифровая личность» прежде всего должна изучаться в науке о правах человека – о его правах в цифровом мире, о новых возможностях взаимодействия с другими индивидами, с юридическими лицами, с государством. Конечно, понимание цифровой личности как набора ее персональных данных не является неверным или некорректным, но является скорее зависимым от выводов, сделанных в исследовании с точки зрения прав человека. Таким образом, определение цифровой личности как персоны, обладающей новыми правами или новым выражением старых прав онлайн, является определяющей и, можно сказать, связующей, темой исследований в сфере цифрового человека. Специалист, овладевший пониманием цифровой личности с точки зрения прав человека, не способен, конечно, решить одновременно глубинные вопросы уголовного, информационного, процессуального, гражданского права, права персональных данных, но в состоянии обозначить, поставить соответствующие проблемы в этих областях и постепенно «направлять» своих профильных коллег в их исследованиях. Именно в этом состоит главная ценность изучения цифровой личности, цифрового человека в настоящий момент развития правовой науки.

В юридической литературе и нормативно-правовой деятельности используются схожие термины: «цифровая личность», «цифровой образ человека», «цифровой профиль», «цифровой гражданин». Цифровую личность следует относить в первую очередь ко всем людям безотносительно их национального происхождения, гражданства, места проживания (поскольку она обозначает в первую очередь права человека в цифровом мире и гарантии их реализации). Цифровой образ человека означает совокупность персональных данных о нем, составляющую слепок личности. Цифровой профиль используется при описании данных о гражданине в государственных и муниципальных информационных системах для его идентификации, оказания государственных и муниципальных услуг, принятия решений относительно него в сфере государственной политики. Цифровое гражданство необходимо для

---

¹¹ Hill K. How Target Figured Out A Teen Girl Was Pregnant Before Her Father Did. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/kashmirhill/2012/02/16/how-target-figured-out-a-teen-girl-was-pregnant-before-her-father-did/?sh=3f2acbd66668> (дата обращения: 02.12.2023).

выработки государственной политики в сфере реализации прав своих граждан в Интернете.

Все эти термины являются взаимосвязанными, а исследования в отношении них – взаимодополняемыми. Настоящая работа будет полезна в проведении будущих исследований для целей более четкого разграничения используемых терминов и их разделения по отраслям права, для выработки методов таких исследований и методов регулирования соответствующих общественных отношений.

References / Список литературы

- Kapitonova, E.A. (2019) On understanding of the term “person” in modern legal science. *Law and Right*. (9), 50–53. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10395> (in Russian).
Капитонова Е.А. О понимании термина «личность» в современной правовой науке // Закон и право. 2019. № 9. С. 50–53. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10395>
- Khusnutdinov, A.I. (2017) The right to access the Internet – a new human right? *Comparative Constitutional Review*. 4(119), 109–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2017-4-109-123> (in Russian).
Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет – новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4(119). С. 109–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2017-4-109-123>
- Kravets, I.A. (2023) Digital citizenship and constitutional challenges in the information and algorithmic society. *Comparative Constitutional Review*. (2), 93–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-93-123> (in Russian).
Кравец И.А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2. С. 93–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-93-123>
- Maleina, M.N. (2017) Formation of the concept of “human being” in Russian law. *State and Law*. (1), 16–23. (in Russian).
Малеина М.Н. Формирование понятия «человек» в российском праве // Государство и право. 2017. № 1. С. 16–23.
- Mossberger, K., Tolbert, C.J. & McNeal, R.S. (2008) *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Myers, D.G. (2017) *Exploring Social Psychology*. 8th edition. New York, McGraw Hill.
- Ohm, P. (2010) Broken promises of privacy: responding to the surprising failure of anonymization. *UCLA Law Review*. (57), 1701–1777.
- Sartor, G. (2017) Human Rights and Information Technologies. *The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology*. 424–450. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199680832.013.79>
- Saveliev, A.I. (2015) The issues of implementing legislation on personal data in the era of Big Data. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. (1), 43–66. (in Russian).
Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.
- Solove, D.J. (2004) *The Digital person. Technology and privacy in the information age*. New York, New York University Press.
- Sullivan, C. (2009) Digital identity – The legal person? *Computer Law & Security Review*. (25), 227–236. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2009.03.009>
- Talapina, E.V. (2021) Comparative digital law: formation and prospects. *Journal of Russian Law*. 25(9), 18–32. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.108> (in Russian).
Талпина Э.В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 9. С. 18–32. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.108>

- Talapina, E.V., Antopolsky, A.A. & Monakhov, V.N. (2021) *Human Rights in the Era of the Internet: public-law aspect: monograph*. Talapina, E.V. (ed.). Moscow, Prospect Publ. (in Russian). Права человека в эпоху интернета. Публично-правовой аспект: монография / Э.В. Талапина, А.А. Антопольский, В.Н. Монахов; отв. ред. Э.В. Талапина. М.: Проспект, 2021. 143 с.
- Truby, J. & Brown, R. (2021) Human digital thought clones: the Holy Grail of artificial intelligence for big data. *Information & Communications Technology Law*. 30 (2), 140–186. <https://doi.org/10.1080/13600834.2020.1850174>
- Varlamova, N.V. (2019) Digital rights – a new generation of human rights? *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 14(4), 9–46. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova> (in Russian).
Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 9–46. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova>
- Vinogradova, E.B., Polyakova, T.A. & Minbaleev, A.V. (2021) Digital profile: concept, mechanisms of regulation and problems of implementation. *Law Enforcement*. 5(4), 5–19. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).5-19](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19) (in Russian).
Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 5–19. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).5-19](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19)
- Volkonsky, Y.K. (2007) *Modern political and legal relations of the individual and the state in the Russian Federation: Candidate of Legal Sciences dissertation*. Vladimir, Vladimir State Pedagogical University. (in Russian).
Волконский Ю.К. Современные политико-правовые связи личности и государства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир: Владимирский государственный педагогический университет, 2007. 189 с.
- Zajmi, I. (2015) Online Identity. In: *Global Information and national cultures*. Pristina, Kosovo. pp. 331–341.

Об авторе:

Демкин Владислав Олегович – аспирант Аспирантской школы по праву, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 109028, Российская Федерация, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3
ORCID: 0000-0002-1079-425X; SPIN-код: 1755-2053
e-mail: vodemkin@hse.ru

About the author:

Vladislav O. Demkin – graduate student of the Doctoral School of Law, National Research University “Higher School of Economics”; 3 Bolshoy Trekhsvyatitelsky Pereulok, Moscow, 109028, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1079-425X; SPIN-код: 1755-2053
e-mail: vodemkin@hse.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-528-545>
EDN: HGDKPF

Научная статья / Research Article

Обзор законодательства и практики КНР в области развития современного цифрового права

Цзя Шаосюе

Центр Международной юридической подготовки и сотрудничества
для ШОС Шанхайского политико-юридического университета,
г. Шанхай, Китайская Народная Республика
ys02302041@126.com

Аннотация. За последние пять лет Китай стремительно входит в цифровое общество. Новое поколение цифровых технологий, включая большие данные и искусственный интеллект, играет все более важную роль. Для того чтобы ответить на новые вопросы, возникшие перед традиционной правовой системой в связи с широким применением новых технологий, такие как информационная безопасность и защита персональных данных, китайские законодатели провели беспрецедентные интеллектуальные инновации, и цифровое законодательство продолжает совершенствоваться. Развитие цифровых технологий и наступление цифровой эры не только привели к новым изменениям в общественном производстве и создали новое пространство для жизни человека, и также расширили новые сферы государственного управления, в связи с тем что концепция «цифровое правовое правительство» в качестве продукта интеграции цифрового правительства и правового правительства была введена китайскими юристами и играет важную роль в процессе государственного управления. В настоящее время Китай ускорил изменения в судебной реформе, всестороннее создание цифрового суда. Правила по онлайн-суду, Правила по онлайн-медиации и Правила по онлайн-операциям, последовательно вводимые Верховным судом Китая с июня 2021 года, обеспечили онлайн-работу цифрового суда. Подробно анализируется ряд новейших нормативных правовых актов в области трансформации цифрового права в Китае. Раскрываются основные концепции и меры в практике, связанные с построением «цифрового правового правительства». Демонстрируется опыт Китая по созданию типичных цифровых судов в качестве примера, в надежде предоставить другим странам полезный опыт по совершенствованию цифрового права.

Ключевые слова: цифровое законодательство, цифровое правовое правительство, судебная реформа, цифровые суды, онлайн-суд, китайский опыт, цифровое право

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках общего проекта Национального фонда общественных наук КНР под названием «Исследование механизма правового управления безопасностью данных в ШОС» (проект № 22BFX160).

Поступила в редакцию: 3 февраля 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

© Цзя Шаосюе, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Цзя Шаосюе. Обзор законодательства и практики КНР в области развития современного цифрового права // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. 528–545. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-528-545>

Overview of PRC law and practice in the development of modern digital law

Jia Shaoxue

Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO,
Shanghai University of Political Science and Law, *Shanghai, People's Republic of China*
ys02302041@126.com

Abstract. Over the past five years, China has rapidly embraced the digital society. The new generation of digital technologies, including big data and artificial intelligence, is playing an increasingly important role. To address the new challenges posed to the traditional legal system due to the wide application of new technologies, such as information security and personal data protection, Chinese legislators have undertaken unprecedented intellectual innovation, and digital legislation continues to evolve. The development of digital technologies and the onset of the digital era have not only led to new changes in public production and created new space for human life but have also expanded new areas of state administration. The concept of “digital legal governance” as a product of the integration of digital governance and legal governance has been introduced by Chinese jurists and plays a significant role in the process of public administration. In recent years, China has accelerated changes in judicial reform, comprehensively establishing digital courts. The rules for Online Court, Online Mediation and Online Operations, consistently introduced by the Supreme People’s Court of China since June 2021, have provided for the online function of the digital court. This article provides a detailed analysis of a series of the recent regulative acts in the field of transforming digital law in China. It elucidates the key concepts and measures in practice related to the construction of “digital legal governance”. The article also demonstrates China's experience in establishing typical digital courts as an example, with the hope of providing other countries with useful insights into improving digital law.

Key words: digital legislation, digital legal governance, judicial reform, digital courts, online court rules, Chinese experience, digital law

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. This article was prepared under the general project of the National Social Science Foundation of the People’s Republic of China entitled “Research on the Legal Governance Mechanism of Data Security in the SCO” (project No. 22BFX160).

Received: 3rd February 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Jia, Shaoxue (2024) Overview of PRC law and practice in the development of modern digital law. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 528–545. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-528-545>

Введение

В цифровую эпоху «данные» стали важным фактором производства и были названы «нефтью новой эры». Профессор Ма Чаншань отметил, что уже в 1990-х годах Китай начал строительство информатизации государства и информатизации права, в ходе которого он прошел три этапа развития. Первый – этап информационного верховенства права (1990–2015 гг.), на котором в основном происходит электронный, сетевой и информатизированный процесс государственных дел и правосудия, а его главной особенностью является инструментальное применение технологий. Второй – этап интеллектуального верховенства права (2016–2020 гг.). Этот период в основном включает в себя создание сервисов «Интернет-правительство», «умных судов» и «умных прокуратур», и характеризуется в основном вспомогательной функцией «умных технологий». В-третьих, этап цифрового верховенства права (2021 г. – настоящее время). В этот период в основном развивается цифровая экономика, создается цифровое правительство и строится цифровое общество (Ma, Changshan, 2023). В 2022 г. масштаб цифровой экономики Китая достигнет 50,2 триллиона юаней, а ее доля в ВВП увеличится до 41,5 %¹. По состоянию на июнь 2023 г. число китайских интернет-пользователей достигло 1,079 миллиарда, а уровень проникновения Интернета – 76,4 %². Стремительное развитие цифровой экономики невозможно отделить от активного продвижения национальной политики. В январе 2022 г. Госсовет выпустил 14-й пятилетний план развития цифровой экономики³, в котором предлагалось построить всеобъемлющую цифровую информационную инфраструктуру. В марте 2022 г. были изданы Мнения ЦК КПК и Госсовета об ускорении строительства национального единого рынка⁴, которые требуют устранить монополию предприятий платформ на данные и предотвратить использование данных, алгоритмов, технических средств и т. д. для исключения или ограничения конкуренции, усилить регулирование недобросовестной конкуренции в экономике платформ, экономике совместного использования и других новых отраслях. В феврале 2023 г. ЦК КПК и Госсовет опубликовали Общий план строительства цифрового Китая⁵, согласно которому Китай будет укреплять строительство цифровой инфраструктуры и систем информационных ресурсов, способствовать глубокой интеграции цифровых технологий в строительство экономической, политической, культурной, социальной и экологической цивилизации. 4 января 2024 г. Национальное бюро данных и 17 других ведомств совместно опубликовали Трехлетний план

¹ Доклад о развитии цифрового Китая (2022). Режим доступа: http://www.cac.gov.cn/2023-05/22/c_1686402318492248.htm?eqid=84a90a13000debd6000000026496580f (дата обращения: 16.01.2024).

² 52-й статистический отчет о развитии Интернета в Китае. Режим доступа: <https://www.hainan.gov.cn/hainan/zxdt/202308/54c66d3bddc841b89b5eae467e4bf8a3.shtml>. (дата обращения: 16.01.2024).

³ 14-й пятилетний план развития цифровой экономики. Режим доступа: https://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5671108.htm. (дата обращения: 11.01.2024).

⁴ Мнения ЦК КПК и Госсовета об ускорении строительства национального единого рынка: Режим доступа: <https://m.thepaper.cn/baijiahaos17547420> (дата обращения: 11.01.2024).

⁵ Общий план строительства цифрового Китая. Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/2023-02/27/content_5743484.htm?eqid=9560ad81001d13870000003645c9689. (дата обращения: 09.01.2024).

действий «Элемент данных „x“» (2024-2026)⁶, в котором выбраны 12 отраслей и сфер, включая промышленное производство, современное сельское хозяйство, коммерцию и товарооборот, транспорт, финансовые услуги, научно-технические инновации, культуру и туризм, медицину и здравоохранение, управление чрезвычайными ситуациями, метеорологические службы, городское управление, а также экологичные и низкоуглеродные технологии, чтобы способствовать мультипликативному эффекту элементов данных и высвободить их ценность.

Развитие цифровой экономики невозможно отделить от правовой защиты. В последние годы Китай продолжает продвигать верховенство права в киберпространстве, чтобы обеспечить здоровое функционирование Интернета на основе верховенства права, и соответствующее законодательство Китая в таких ключевых областях, как кибербезопасность, управление данными, надзор за платформами и другие ключевые области, сформировало множество достижений. Практическая значимость настоящей статьи заключается в том, что результаты исследования позволят более подробно разобраться в изучении законодательства и практике развития цифрового права в Китае за последние годы, что также может позволить другим исследователям эффективно использовать информацию для проведения соответствующих исследований, сравнений и т.п. Данное исследование поможет понять особенности китайского подхода к регулированию цифровых технологий, а также выявить тенденции и изменения в законодательстве рассматриваемой страны в этой области, что дает возможность другим странам и предпринимателям, работающим на китайском рынке, быть в курсе существующих и дополненных правил и требований во избежание возможных юридических проблем и сложностей в межкультурной коммуникации. Рассмотрим последние изменения в цифровом законодательстве Китая и соответствующие практики применения права.

Новейшие законодательные основы киберпространства в Китае

Во второй половине 2022 года Государственное управление интернет-информации последовательно выпустило нормативные правовые акты, такие как Положение об управлении информацией об учетной записи пользователя Интернета⁷, Положение об управлении службой проталкивания информации во всплывающих окнах Интернета⁸ и Положение об управлении службой информации о мобильных интернет-приложениях⁹, уточнив нормы регистрации и использования информации об учетной записи, повысив требования к отображению атрибуции IP-адреса учетной записи и усилив нормативное управление службой проталкивания информации во всплывающих окнах. Также были повышены требования к отображению атрибуции IP-адреса учетной записи, усилено нормативное управление информационными сервисами всплывающих окон и push-сервисами, а также всесторонне определены

⁶ Трехлетний план действий «Элемент данных „x“» (2024–2026). Режим доступа: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202401/content_6924380.htm. (дата обращения: 09.01.2024).

⁷ Положение об управлении информацией об учетной записи пользователя Интернета. Режим доступа: http://www.cac.gov.cn/2022-06/26/c_1657868775042841.htm?eqid=fea881ec0002da91000000026455c3c4 (дата обращения: 11.01.2024).

⁸ Положение об управлении службой проталкивания информации во всплывающих окнах Интернета. Режим доступа: http://www.cac.gov.cn/2022-09/08/c_1664260384702890.htm (дата обращения: 09.01.2024).

⁹ Положение об управлении службой информации о мобильных интернет-приложениях. Режим доступа: http://www.cac.gov.cn/2016-06/28/c_1119122192.htm?plg_nld=1&plg_uin=1&plg_nld=1&plg_vkey=1&plg_dev=1 (дата обращения: 08.01.2024).

обязанности платформ, таких как магазины приложений и платформы апплетов по управлению информационным контентом. Что касается совершенствования системы управления трансграничным потоком данных, то были изданы нормативные акты, такие как Меры по оценке безопасности при выводе данных¹⁰, Меры по заключению стандартных договоров о выводе личной информации¹¹ и Объявление о внедрении сертификации защиты личной информации¹², которые усовершенствовали систему вывода личной информации путем заключения стандартного договора с зарубежным получателем. В июле 2023 года Бюро секретариата Центрального информационного бюро Интернета выпустило Уведомление об усилении управления самомедиа-платформами¹³, которое эффективно решает проблему искажения содержания информации в самомедиа-платформах путем маркировки источника информации. Что касается управления ИИ, то в ноябре 2022 года Государственное управление интернет-информации и другие ведомства совместно выпустили Положение об управлении глубинным синтезом информационных интернет-услуг¹⁴, в котором четко указано, что ни одна организация или частное лицо не должны использовать услуги глубинного синтеза для производства, воспроизведения, публикации или распространения информации, запрещенной законами и административными правилами, и требуется, чтобы поставщик услуг глубинного синтеза создавал и совершенствовал механизм для рассеивания слухов. В июле 2023 года были опубликованы Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта¹⁵, в которых государству предлагается придерживаться принципов равного внимания к развитию и безопасности, а также сочетания поощрения инноваций и управления в соответствии с законом, принимать эффективные меры по поощрению инноваций и развития генеративного ИИ, а также выдвигать конкретные меры по поощрению развития технологии генеративного ИИ.

В области травли в Интернете, в ноябре 2022 года Государственное управление интернет-информации выпустило Уведомление об эффективном укреплении управления и контроля травли в Интернете¹⁶, приняв меры по улучшению мониторинга и идентификации, защиты в режиме реального времени, вмешательства и ликвидации, отслеживания и подотчетности, а также по предотвращению и борьбе с травлей в Интернете. По состоянию на март 2023 года было перехвачено и удалено 28,75 млн единиц информации, которая так или иначе затрагивает честь или достоинство пользователей, также более 22 000 учетных записей лиц, замешанных в травле и распространении незаконной информации, были строго наказаны в соответствии

¹⁰ Меры по оценке безопасности при выводе данных. Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/2022-11/26/content_5728937.htm?eqid=d9a5f628002a8fcd00000046464e3e8 (дата обращения: 07.01.2024).

¹¹ Меры по заключению стандартных договоров о выводе личной информации. Режим доступа: http://www.cac.gov.cn/2023-02/24/c_1678884830036813.htm?eqid=da53f9bc00013483000000066433c9f7&\wd=&eqid=9aa6fdac0000a452000000564795dbf (дата обращения: 10.01.2024).

¹² Объявление о внедрении сертификации защиты личной информации. Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-11/25/content_5728770.htm (дата обращения: 09.01.2024).

¹³ Уведомление об усилении управления самомедиа-платформами. Режим доступа: http://www.cac.gov.cn/2023-07/10/c_1690638496047430.htm (дата обращения: 11.01.2024).

¹⁴ Положение об управлении глубинным синтезом информационных интернет-услуг. Режим доступа: https://www.gov.cn/gongbao/content/2023/content_5741257.htm?eqid=ee2130b2000342090000000264913bba (дата обращения: 10.01.2024).

¹⁵ Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта. Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202307/content_6891752.htm (дата обращения: 09.01.2024).

¹⁶ Уведомление об эффективном укреплении управления и контроля травли в Интернете. Режим доступа: http://www.cac.gov.cn/2022-11/04/c_1669204414682178.htm?eqid=edf54ff40012dd5a00000003642d2f02&wd=&eqid=9dce2050005fa989000000026457ab4f (дата обращения: 07.01.2024).

с Законом¹⁷. В области укрепления защиты прав несовершеннолетних, в октябре 2023 года Госсовет принял Правила защиты прав несовершеннолетних в Интернете¹⁸. Далее в сентябре 2023 года Верховный суд, Верховная народная прокуратура и Министерство общественной безопасности совместно издали Руководящие заключения о наказании за травлю в Интернете в соответствии с законом¹⁹, которые регулируют деятельность в Интернете, такие как диффамация в Интернете, оскорбления в Интернете и борьбы с демонстрацией насилия в каком-либо виде, в Китае используется фигуральное выражение «поиск человеческой плоти»²⁰.

В марте 2022 года Государственное управление интернет-информации выпустило Мнение о дальнейшем регулировании коммерческой деятельности прямых трансляций и содействии их корректному развитию²¹. И в сфере онлайн-трансляций в прямом эфире и коротких видеороликов была проведена программа «Чистка – специальные акции по устранению хаотичных элементов в сфере онлайн-трансляций в прямом эфире и коротких видеороликов», в рамках которой особое внимание уделялось представлению информационного контента, сосредоточилось на первом экране главной страницы веб-сайтов и платформ, списке горячего поиска, горячих темах, всплывающих окнах PUSH, странице важного информационного контента и других ключевых местах и своевременно очистило вульгарную информацию, насилие, шокирующий контент и другую незаконную и нежелательную информацию, создав более чистое киберпространство, эффективно решив проблему чрезмерного бесконтрольного поведения людей на прямых трансляциях, усилило управление аккаунтами интернет-знаменитости и т.д. В 2022 году Государственное управление интернет-информации организовало 13 программ «Чистка – специальные меры», очистив более 54,3 млн незаконной и нежелательной информации в виде текста или рекламы, которые были размещены в Интернете, удалив более 6,8 млн аккаунтов, удалив более 2890 приложений и мини-программ, распустив и закрыв 260 000 групп и плакатов, закрыв более 7300 сайтов²².

¹⁷ Ключ к искоренению травли в Интернете на корню – законодательное закрепление и четкое определение основных обязанностей онлайн-платформ и других лиц // Интернет Китая. 8 июня 2023. Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1768126720979500267&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 09.01.2024).

¹⁸ Правила защиты прав несовершеннолетних в Интернете. Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202310/content_6911289.htm (дата обращения: 08.01.2024).

¹⁹ Руководящие заключения о наказании за травлю в Интернете в соответствии с законом. Режим доступа: <https://www.court.gov.cn/zixun/xiangqing/412992.html> (дата обращения: 07.01.2024).

²⁰ В Китае «поиск человеческой плоти» часто используется для выяснения деталей и обстоятельств, упущенных в новостях СМИ. Например, газета пишет, что в такой-то школе старшеклассница избивает учеников и выкладывает видео избияния в Интернет. Интернет-сообщество, используя разные каналы, выясняет всю информацию про старшеклассницу и выкладывает ее в публичный доступ. Система общественного правопорядка в древнем Китае имеет сильное сходство с «поиском человеческой плоти», основанное на принципах самосуда, то есть когда люди убивают преступника (или иные ситуации) без проведения суда, то это называют «поиском человеческой плоти».

²¹ Мнение о дальнейшем регулировании коммерческой деятельности прямых трансляций и содействии их корректному развитию. Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-03/31/content_5682636.htm (дата обращения: 06.01.2024).

²² Более 54,3 миллиона единиц незаконной и нежелательной информации в виде текста или рекламы, уничтоженной в 2022 году // Китайская ежедневная газета. 28 марта 2023. Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1761582979888628416&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 06.01.2024).

В области борьбы с мошенничеством 1 декабря 2022 года вступил в силу Закон КНР о борьбе с мошенничеством в телекоммуникационных сетях²³, обеспечивающий всестороннюю правовую поддержку борьбы с мошенничеством в телекоммуникационных сетях. 30 ноября 2023 года Верховная прокуратура опубликовала Отчет о работе органов прокуратуры по борьбе и регулированию мошенничества в телекоммуникационных сетях и связанных с ним преступлений (2023 год)²⁴, в котором говорится, что с января по октябрь 2023 года органы прокуратуры привлекли к уголовной ответственности более 34 000 человек за мошенничество в телекоммуникационных сетях, что почти на 52 % больше, чем в прошлом году. В настоящее время, в связи с усилением борьбы с мошенничеством внутри страны, большое количество преступных групп, занимающихся мошенничеством в телекоммуникационных сетях, переместились за пределы страны и организовали вербовку и привлечение людей внутри страны для участия в совершении преступлений за пределами страны путем незаконного пересечения через границу. В соответствии со ст. 321 УК КНР лицо, которое перевозит другое лицо с целью незаконного пересечения государственной границы, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не более пяти лет уголовного задержания или общественного наблюдения, а также подлежит штрафу²⁵. Так, с января по октябрь 2023 года органами прокуратуры по всей стране было привлечено к уголовной ответственности более 17 000 человек за преступление, связанное с незаконным пересечением через государственную границу, что на 5,3 % больше, чем в прошлом году; почти 2 000 человек – за организацию незаконного перевоза людей через государственную границу, что почти на 16 % больше, чем в прошлом году, и т.д. Целью незаконного выезда из страны или перевозки других людей является распространение ложной и мошеннической информации в сети Интернет. В настоящее время ситуация с преступлениями, связанными с мошенничеством в телекоммуникационных сетях, остается серьезной и сложной, а средства и методы совершения таких преступлений продолжают расширяться и развиваться, что делает их серьезной проблемой в управлении сетью в Китае.

Создание цифрового правового правительства в Китае

Развитие цифровых технологий и наступление цифровой эры не только привели к новым изменениям в общественном производстве и создали новое пространство для жизни человека, но и расширили новые сферы государственного управления. В августе 2021 года ЦК КПК и Госсовет опубликовали Основные направления реализации строительства правового государства (2021–2025)²⁶, в части IX которого предлагается улучшить систему научно-технических гарантий для строительства правового государства и всесторонне построить цифровое правовое государство, что знаменует собой новый этап в строительстве правового государства в Китае.

²³ Закон КНР о борьбе с мошенничеством в телекоммуникационных сетях. Режим доступа: https://www.miit.gov.cn/jgsj/zfs/fl/art/2022/art_d30139b442a141f48f05775d8c0b3cee.html (дата обращения: 05.01.2024).

²⁴ Отчет о работе органов прокуратуры по борьбе и регулированию мошенничества в телекоммуникационных сетях и связанных с ним преступлений (2023 год). Режим доступа: http://www.yncaw.gov.cn/html/2023/gczs_1130/114756.html (дата обращения: 05.01.2024).

²⁵ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. Режим доступа: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE3OTZhNmY2YTAxNzk4MjJhMTk2NDBjOTI> (дата обращения: 05.01.2024).

²⁶ Основные направления реализации строительства правового государства (2021–2025). Режим доступа: https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5633446.htm (дата обращения: 11.01.2024).

Профессор Гуань Баоин считает, что «цифровое правовое правительство» – это продукт интеграции цифрового правительства и правового правительства (Guan, Baoying & Wang, Junliang, 2022). Профессор Чжан Пэн считает, что ключ к построению «цифрового правового правительства» заключается в полном использовании цифровых технологий для продвижения управления в соответствии с законом, оптимизации и инновации процесса и способа государственного управления, а также в продвижении глубокой интеграции цифровых концепций и концепций правового государства в построении правительства, чтобы лучше предоставлять общественные услуги населению (Zhang, Peng, 2022).

С 2015 года Государственный совет выпустил План действий по содействию развитию больших данных²⁷, План национальной стратегии развития информатизации²⁸, План реализации интеграции и совместного использования государственных информационных систем²⁹ и Положения Государственного совета об онлайн-государственных услугах³⁰. Переход от электронного правительства, которое в основном основано на сетевой информатизации, к современному цифровому правительству, которое в основном основано на цифровой информатизации, означает, что форма правительства претерпевает глубокие изменения. Как новый тип структуры правительства, объединяющий цифровое правительство и правовое правительство, «цифровое правовое правительство» имеет большое значение для решения проблемы недостаточной интеграции строительства цифрового правительства и правового правительства, а также для уточнения целей, механизмов и способов комплексной цифровой трансформации правительства. Автор настоящей статьи считает, что «цифровое правовое правительство» нельзя понимать просто как некое принятие законов в сфере цифровизации правительства, а как глубокую интеграцию науки и техники, права и управления. Существенное различие между «цифровым правительством» и «цифровым правовым правительством» заключается в том, что первое стремится использовать цифровые технологии для достижения социального контроля, а второе стремится использовать цифровые технологии для служения обществу и народу. Первое сосредоточено на осуществлении власти, а второе – на защите прав человека.

В последние годы Китай добился определенных успехов в построении цифрового правового государства, которое служит народу. Например, в 2019 году Пекин использовал блокчейн для создания системы «каталог-блокчейн», которая эффективно и синергетически связывает каталоги компетенций и данные 53 городских департаментов, и данные 53 департаментов могут быть переданы в течение 10 минут, например, регистрация недвижимости, которая в противном случае заняла бы пять дней, может быть завершена за один раз.

Для того чтобы решить проблему, когда люди вынуждены преодолевать большие дистанции и посещать различные учреждения (например, если живут далеко от

²⁷ План действий по содействию развитию больших данных. Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2015-09/05/content_10137.htm (дата обращения: 08.01.2024).

²⁸ План национальной стратегии развития информатизации. Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/2016-07/27/content_5095336.htm?trs=1 (дата обращения: 09.01.2024).

²⁹ План реализации интеграции и совместного использования государственных информационных систем. Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2017-05/18/content_5195038.htm (дата обращения: 10.01.2024).

³⁰ Положения Государственного совета об онлайн-государственных услугах. Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/content/2019-04/30/content_5387879.htm (дата обращения: 11.01.2024).

суда и другие случаи), стоят в очередях по несколько раз для оформления документов, бюро общественной безопасности Ханчжоу создало «окна единой обработки» во всех 182 залах обслуживания города, принимая 99 высокочастотных предприятий 7 основных категорий, таких как регистрация недвижимости, контроль транспортных средств и вождения, иммиграция и общественная безопасность и т.д. В то же время каждое окно создало зону самообслуживания, энергично продвигает применение APP «Zheli Office», «Police Uncle», предлагая гражданам воспользоваться онлайн платформой на своих смартфонах, что является более удобным и быстрым способом решить свою проблему. К настоящему времени число зарегистрированных пользователей APP «Police Uncle» превысило 6 миллионов, а общее количество посещений превысило 200 миллионов, обеспечив 150 миллионов раз услуги портативного офиса для 37 миллионов пользователей³¹.

Другой пример – система «Sky Eagle» стала большим прорывом для Управления рыночного надзора района Цзиньань в Шанхае в области интеллектуального надзора. В условиях серьезных проблем с безопасностью пищевых продуктов в Китае система «Sky Eagle» обеспечила интеллектуальный надзор за 180 предприятиями по производству и управлению пищевыми продуктами с высокой степенью риска, а бюро образования также состыковало данные мониторинга 223 студенческих столовых с системой «Sky Eagle». Система «Sky Eagle» позволяет обнаруживать живых животных, вредящих гигиене, например, крыс, которые часто встречаются на кухнях. Камеры с функцией обнаружения грызунов могут анализировать динамические изображения кухни и фиксировать передвижение крыс. Когда камера фиксирует нарушение, система автоматически подает сигнал тревоги и отправляет его на мобильный телефон сотрудников надзорного органа района, а ответственное лицо предприятия общественного питания-нарушителя также получает тревожное уведомление и должно сотрудничать с сотрудниками правоохранительных органов, чтобы своевременно завершить работы по устранению нарушений. Когда работа по устранению нарушений будет завершена и подтверждена сотрудниками правоохранительных органов, система автоматически загрузит результаты обработки на платформу. С помощью такой уникальной системы в итоге достигается цель контроля за хранением пищевых продуктов в стране, своевременно предупреждая ответственных лиц о проблемах, что позволяет легко и быстро устранить нарушения уже на ранних этапах. Кроме того, система увеличивает камеру автоматической функции захвата по времени, оборудование будет в центре внимания времени съемки, надзорные сотрудники только нужно просмотреть фото, чтобы понять кухня очищена или нет³².

Однако строительство цифрового правового государства в Китае все еще находится на начальной стадии, и существующие проблемы нельзя игнорировать. Как китайские ученые отмечают, что стремление к справедливости, надзор за государственной властью и защита прав граждан, заложенные в концепции верховенства закона, – вот принципы, которым должны следовать любые технологические инновации в применении к процессу социального управления (Zhang, Zhiming & Zhao,

³¹ Бюро общественной безопасности Ханчжоу создало «окна единой обработки» во всех 182 залах обслуживания города, принимая 99 высокочастотных предприятий // Китайская ежедневная газета. 27 сентября 2022. Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1745100488617463869&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.01.2024).

³² Чистая кухня под контролем. Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1686032755912239489&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 09.01.2024).

Xuanyi, 2022). В контексте прежней традиционной плановой экономики Китая функции правительства были почти всеобъемлющими, и все функции в социальной, экономической и культурной сферах были централизованы в руках правительства, что привело к иллюзии «неограниченного правительства» и «всемогущего правительства» (Yang, Xiejun, 2020). Аналогичным образом, «цифровой левиафан» подчеркивает однонаправленное использование сверхмощности и неограниченное поглощение ресурсов (Tang, Huangfeng, 2018). Такая вертикальная концепция власти, очевидно, не может соответствовать требованиям построения «цифрового правового государства». В последние годы канадское правительство запустило программу «Консультации с канадцами» и программу «Открытое регулирование», чтобы дать гражданам возможность выразить свое мнение в режиме онлайн, проводить обзоры и общественные консультации, способствуя тем самым двустороннему диалогу и участию граждан (Tan, Xi, 2021). Китай также должен всеми силами стараться преодолеть инструментализм, технократизм, утилитаризм и формализм при построении цифрового правового правительства и сосредоточиться не только на расширении технологических возможностей и потенциала управления, но и превратить цифровое правительство в базовую платформу, которая лучше служит народу, способствует развитию народной демократии. Что еще более важно, позволить населению понимать политическую информацию, выражать свои предложения и участвовать в принятии решений (Gao, Qinwei, 2022). Поскольку административной цифровой системы обычно разрабатываются по заказу исполнительной власти частными компаниями, которые находятся в состоянии технологической монополии (Zhang, Linghan, 2020). Таким образом, общественность не имеет возможности узнать, как составляются алгоритмы автоматического принятия административных решений. Правительство должно позволить общественности выразить свои мнения и комментарии по основным вопросам, связанным с их собственными интересами или общественными интересами, связанными с законодательством и принятием решений, и предоставить общественности канал связи с правительством (Wang, Xixin, 2008).

В условиях цифрового разрыва и алгоритмической дискриминации группы населения, находящиеся в неблагоприятном положении с точки зрения цифровых технологий (пожилые люди, бедные и т. д.), имеют правоспособность и дееспособность, но они не умеют пользоваться программами для вызова такси, бронировать билеты онлайн, сканировать коды для автобусов или получать государственные услуги онлайн, не говоря уже о более высокой степени цифровой демократии и онлайн-участия в политике. Это означает, что после вступления в цифровую эпоху каждый гражданин должен обладать «третьей способностью», которая представляет собой цифровую способность (Ma, Changshan, 2022). Сегодня цифровое неравенство больше не определяется цифровыми устройствами и доступом в Интернет, а сосредоточено на цифровых навыках пользователей (Liao, Yi, 2023).

В настоящее время китайское правительство быстро продвигается в проектах, способных усилить государственный контроль, таких как налогообложение, таможня, управление сетями, видеонаблюдение и мониторинг общественного мнения, в то время как проекты, направленные на усиление внешнего контроля и укрепление взаимодействия между правительством, обществом и народом, явно отстают. В будущем при построении «цифрового правового государства» следует расширить сотрудничество между правительством и предприятиями, а также принять дополнительные меры по обслуживанию групп населения, находящихся в неблагоприятном

положении с точки зрения цифровых технологий (Wang, Weiling, 2022). Поскольку объективная алгоритмическая предвзятость может заставить правительство пойти против своего первоначального намерения работать для людей (Yao, Shangjian, 2022). Несмотря на то, что цифровые технологии обработки информации, такие как большие данные и облачные вычисления, произвели революцию в ведении государственных дел, какой бы инновационной ни была форма государственного управления, важно обеспечить, чтобы принципы верховенства закона руководствовались практикой оцифровки, и чтобы суть правового государства оставалась неизменной (Xie, Zhiyong, 2023). 25 октября 2023 года в Китае было создано Национальное бюро данных (НБД), призванное координировать планирование и строительство цифрового Китая, цифровой экономики и цифрового общества на национальном уровне. Для достижения максимальной безопасности данных граждан автор предлагает введение соответствующих дополнительных отделов, включающих специалистов, которые будут проверять данные о состоянии и возможностях использования информационными технологиями, а также создать регулирующие их деятельность правила и подзаконные акты для демонстрации ответственности государственных органов перед народом за управлением данными в правительстве и улучшении цифровых возможностей населения. Например, такие специалисты будут содействовать созданию и развитию новых информационных технологий, которые будут не только инновационными, но и будут учитывать потребности пожилых людей, людей с ограниченными возможностями, способствуя устойчивому и эффективному развитию инклюзивного цифрового общества. По мнению автора, такое новшество приведет к улучшению благосостояния всего населения, будет в какой-то мере преодолен цифровой разрыв, который возник в результате быстрого развития информационно-коммуникационных технологий. Правительство и предприятия, занимающиеся развитием цифровых технологий, совместно обновляют программное обеспечение на правительственных платформах, подходящее для пожилых людей и людей с ограниченными возможностями, готовят и распространяют своевременные научно-популярные видеоролики о том, как пользоваться соответствующими возрасту версиями правительства, и стремятся повысить уровень правовой грамотности нетизенов³³ в Интернете. Квартальные комитеты также должны взять на себя инициативу по организации для пожилых людей непрерывного тематического обучения и проведения курсов по использованию социальных программ, онлайн-покупок, онлайн-бронирования автомобилей, записи на прием к врачу и других жизненных сценариев, чтобы помочь пожилым людям повысить свою цифровую грамотность и лучше интегрироваться в современную жизнь.

Цифровое правосудие

В последние годы развитие интернет-судебной системы в Китае достигло значительных результатов, обеспечив возможность построения новой модели суда (Li, Zhanguo, 2022). Всестороннее развитие цифрового обслуживания, цифрового судопроизводства и цифрового исполнения судебных актов, а также создание цифрового

³³ Пользователь сети или человек, живущий в Интернете. Нетизен – это термин, набравший популярность среди пользователей Интернета на волне глобализации и всеобщей компьютеризации. В русскоязычной среде долгое время были популярны адаптированные варианты «сетянин» или «кибергражданин».

суда, все операции которого осуществляются в режиме онлайн. Правила по онлайн-суду³⁴, Правила по онлайн-медиации³⁵ и Правила по онлайн-операциям³⁶, последовательно вводимые Верховным судом с июня 2021 года, обеспечили единую спецификацию для функционирования цифрового суда. В сценарии цифрового суда судебные документы, такие как исковые заявления и ходатайства о медиации и другие, могут вводиться непосредственно на платформе, и электронные документы создаются напрямую. Процесс судебного разбирательства и медиации напрямую синхронизируется для создания электронных записей, а формат, установленный платформой для заполнения документов, формирует структурированное поведение судебного процесса. Согласно статье 11 Правил по онлайн-суду, если платформа, хранящая электронные данные, состыкована с платформой судебного процесса, стороны могут напрямую передавать электронные данные на платформу судебного процесса; в то время как бумажные доказательные материалы должны быть преобразованы в электронные материалы путем сканирования, расшифровки и другими способами. Кроме того, в суде повысилась осведомленность о сохранении доказательств из источника электронных данных, и все больше внимания уделяется безопасной передаче электронных данных, которые сохраняются в режиме реального времени для проверки. В статьях 16–19 Правил по онлайн-суду содержатся специальные положения о приеме и проверке электронных доказательств на основе блокчейна. С 2018 года Интернет-суд Ханчжоу объявил о первом случае определения достоверности доказательств блокчейн-депозита в первой инстанции, платформа блокчейн-депозита быстро развивается, и строительство судебного блокчейна в судах по всей стране происходит одно за другим. 25 мая 2022 года Верховный народный суд выпустил Мнения Верховного народного суда об усилении судебного применения блокчейна³⁷, в котором предлагается улучшать функцию проверки доказательств на платформе блокчейн, поддерживать сторон и судей в проверке электронных доказательств, хранящихся в блокчейне в режиме онлайн, способствовать совершенствованию стандартов и правил хранения в блокчейне. Мнения также предлагают установить процедуры смарт-контракта для автоматической подачи исковых заявлений и дел об исполнении в случае невыполнения соглашения о медиации. В рассмотренном Мнении предлагается создать взаимосвязанные приложения между Народными судами и судебно-административными департаментами для поддержки реализации онлайн-запросов и проверки квалификации адвокатов и кредитных историй сторон, повысить эффективность совместной работы разных органов.

Рассмотрим примеры типичного опыта строительства цифровых судов в Китае.

В 2023 году Шанхайский суд последовательно сформулировал Программу строительства цифрового суда Шанхая и Мнения по планированию строительства цифрового суда Шанхая (2023–2025 гг.), а также создал целевую группу по строительству цифрового суда. В судебной практике судьи часто сталкиваются с некоторыми общими проблемами, но не имеют путей решения, например, в процессе изменений и дополнений уже имеющихся законов, возникают следующие вопросы: как избежать ошибок в применении соответствующего закона? Какое еще имущество

³⁴ Правила по онлайн-суду. Режим доступа: <https://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-309551.html> (дата обращения: 09.01.2024).

³⁵ Правила по онлайн-медиации. Режим доступа: <https://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-339521.html> (дата обращения: 10.01.2024).

³⁶ Правила по онлайн-операциям. Режим доступа: <https://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-346471.html> (дата обращения: 12.01.2024).

³⁷ Мнения Верховного народного суда об усилении судебного применения блокчейна. Режим доступа: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/6743107386c86617673dcd3503bd3d.html> (дата обращения: 08.01.2024).

ответчика может быть арестовано? Для решения типичных проблем летом 2023 года Высший суд Шанхая организовал судей задавать вопросы при применении права, многие из которых можно было легко решить, если использовать цифровое моделирование и сотрудничество между различными органами власти. По состоянию на 9 ноября 2023 года суды города объявили более 2300 сценариев применения, завершили 544 цифровых моделирований, и 88 моделей данных сценариев применения были встроены в систему судебного рассмотрения дел³⁸. Шанхайский суд разрабатывает соответствующие сценарии применения и внедряет их в систему рассмотрения дел, благодаря чему дело автоматически проходит «медицинское обследование» в соответствующих процессах. Например, в июле 2023 года Народный суд района Путоу, судья Шао Лисин получил рано утром от платформы Шанхайского суда сообщения: «уважаемая Шао Лисин, в рассматриваемом деле № сторона-ответчик Чжао умер более года назад. В связи с этим нет основания для открытия уголовного дела, пожалуйста, проверьте указанную информацию тщательно и действуйте в соответствии с законом, чтобы избежать дальнейших ошибок». Шао Лисин была потрясена, дело уже прошло через судебное заседание, и вот-вот должен был быть вынесен приговор, но оказалось, что обвиняемый умер более года назад? Судебные органы, по просьбе стороны, немедленно приступили к рассмотрению произошедшей ситуации. Запросив органы общественной безопасности, регистрацию населения и общественное расследование для подтверждения, судья установил, что обвиняемый действительно умер, его мать из-за того, что ей было трудно смириться со смертью сына, намеренно скрывает этот факт. Под руководством судьи мать осознала свою ошибку, и в итоге дело было урегулировано путем применения медиации.

Приведем еще один пример, когда народный суд шанхайского района Цзинъань создал модель данных по предотвращению уклонения от уплаты налогов, с помощью которой были проанализированы контракты по передаче акционерного капитала и возмещению вознаграждения за труд после ухода руководителей компаний за последние пять лет, после чего было обнаружено 832 случая в подозрении в уклонении от уплаты налогов. Кроме того, система синхронно отправляла соответствующую информацию о делах в налоговые органы и создала механизм регулярной передачи информации о вновь выявленных случаях, способствуя улучшению системы налогового надзора. Помимо автоматического обмена данными шанхайские суды также разработали сценарии запроса судебных данных для удовлетворения потребностей общественных организаций. Так, в ответ на ситуацию, когда банки боятся давать кредиты малым и средним предприятиям, если те вовлечены в судебные процессы, суд создал сценарий приложения под названием «Обмен информацией о судебных процессах малых и средних предприятий с финансовыми учреждениями», который предоставляет финансовым учреждениям канал для запроса информации о судебных процессах предприятий. В настоящее время народный суд района Баошань уже сотрудничает с девятью финансовыми учреждениями, оказывая им помощь в проведении точной предварительной оценки предприятий, помогая ряду предприятий получить кредиты на сумму около 125 млн юаней. На основе изучения больших судебных данных в сочетании с технологией искусственного интеллекта, основанной на правовых знаниях, умная судебная система помогает судьям быстро сортировать

³⁸ Доклад на Шанхайской конференции по продвижению строительства цифрового суда. Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI0MTEzMjM5NQ==&mid=2648696857&idx=1&sn=ea3d16c55e060104e48c247e089be48e&chksm=f13bcc3dc64c452b3e444a9cbe597fa88ba54d6920dce3c1486814a7ed0731accff3f3fc6e65&scene=27 (дата обращения: 05.01.2024).

дела, автоматически генерировать судебные документы и интеллектуально помогать в вынесении приговора, обеспечивая всестороннюю интеллектуальную помощь судьям в рассмотрении дел (Zuo, Weimin, 2018).

Интернет-суд Ханчжоу был создан 18 августа 2017 года. По состоянию на июнь 2023 года было получено в общей сложности 204 953 искового заявления, при этом почти две трети дел были разрешены в досудебном порядке с использованием Интернета, и только одна треть – в процессе судебных заседаний³⁹. Как решить проблему досудебного разбирательства? Опираясь на большие данные, интернет-суд и административные правоохранительные органы, народная медиация, нотариальные органы создают «бесшовную интеграцию»⁴⁰ данных. Интернет работает 24 часа в сутки, как и суды. Здесь судебный процесс «ноль времени в пути», «ноль затрат на проезд». В связи с тем, что требования сторон к срокам очень высоки, был создан интернет-суд, среднее время суда составляет всего 32 минуты. Учитывая, что участники в судебных процессах – это люди в возрасте от 29 до 39 лет, что составило 46,2 % молодых людей, от 40 до 50 лет составили 22,9 % людей среднего возраста, первое пиковое время для поздней подачи заявления о возбуждении дела, – с 1:00 до 2:00 ночи, а второй пик в течение дня приходится на период с 16:00 до 18:00 вечера, так что стороны могут реализовать онлайн-суд в свободное время. Что касается преодоления трудностей, связанных с хранением и получением электронных доказательств, то Интернет-суд перешел на первую в стране судебную блокчейн-платформу. Если стороны предоставляют номер заказа, название счета и т. д., исходные данные могут быть найдены непосредственно из общих данных платформы, что предотвращает фальсификацию данных электронных доказательств. Интернет-суд Ханчжоу разработал совершенно новые правила судебного разбирательства, первый в суде режим асинхронного судебного процесса, позволяющий сторонам использовать свое свободное время не одновременно, а асинхронно участвовать в судебной деятельности, и все аспекты судебного процесса могут быть завершены асинхронно, путем входа на платформу в течение указанного периода времени и в соответствии с собственным выбором времени. Таким образом, традиционное присутствие в суде обретает новое понимание. Платформа также имеет две функции асинхронного и синхронного посредничества, они похожи на функцию отправки и получения коротких сообщений WeChat и функцию видеочата, чтобы достичь соглашения о посредничестве, стороны могут оставить сообщение друг другу, и также могут использовать видеозвонок. Так что стороны больше не будут испытывать беспокойства, а будут активнее участвовать в судебных процессах и решать проблемы более эффективно.

Народный суд района Шанчэн в Ханчжоу, провинция Чжэцзян, самостоятельно разработал и модернизировал версию 2.0 «единой платформы разрешения финансовых споров». Суд взял на себя инициативу по внедрению полнопроцессной автоматизированной обработки дел по принципу «пустить дело на самотек», реализовав пакетную обработку дел, эффективно снизив нагрузку на суд и одновременно облегчив ведение судебных процессов сторонами. Сотрудники банка могут работать непосредственно в собственной системе управления судебными процессами, извлекать

³⁹ Шесть лет исследований и практики: как интернет-суд Ханчжоу открывает новую эру // Интернет-суд Ханчжоу. 28 июня 2023. Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1769874936635045653&wfr=spider&for=pc>. (дата обращения: 06.01.2024).

⁴⁰ Бесшовная интеграция – это объединение различных систем, приложений или компонентов, с целью работы без перебоев и препятствий.

элементы, необходимые для судебного процесса, автоматически формировать исковое заявление и скреплять его электронной подписью, а анкеты кредитной карты, реквизиты погашения и другие доказательные материалы в виде электронных данных направлять непосредственно в суд по финансовым спорам с помощью платформы единого окна.

При традиционном режиме рассмотрения дела после его подачи департамент по рассмотрению дел должен определить судью-подрядчика и секретаря, а секретарь назначает слушание и вводит его в систему управления судебным процессом, составляет повестку, уведомление о доказательстве и другие документы, вручает их обеим сторонам, а затем вводит в судебный процесс. Версия 2.0 «единой платформы разрешения финансовых споров» не только дало возможность реализовать в полной мере автоматическую подачу искового заявления, но и последующее разделение дела, создание документов и другие транзакционные работы автоматически обрабатываются платформой для достижения всего процесса обработки дела, судебному персоналу нужно только поработать над подтверждением и рассмотрением документов, а объем работы секретаря сократился на 70 %. С помощью платформы судья рассматривает дело о конкретном случае, начиная с чтения подготовленной информации в виде файла, слушания и заканчивая вынесением решения, в среднем затрачивая на это всего около 15 минут. Значительное повышение эффективности работы судьи с делом также означает, что цикл получения сторонами судебных актов был эффективно сокращен⁴¹. Искусственный интеллект широко применяется в судебной практике, позволяет создать новую судебскую систему на основе алгоритмов и знаний судей (Xiao, Feng, 2021). Но такие технологии, как искусственный интеллект, могут быть лишь средством достижения справедливости, и с ними нельзя спешить (Ji, Weidong, 2018). Нельзя допустить, чтобы искусственный интеллект полностью заменил судью при вынесении решения. Если исходить из классификации логики, то в суждениях судьи применяется дедуктивный метод, то есть рассуждение от предпосылок к выводам, когда предпосылки истинны; а арифметическое правило больших данных – это индуктивный метод, благодаря полноте и всесторонности данных выводы приближаются к справедливости. Однако его предпосылки не обязательно истинны, а вывод не является стопроцентно верным, интеллектуальная система может быть лишь помощником судьи (Hong, Dongying, 2017).

Суды в провинции Чунцин используют 5G транспортные средства, в которых возможно использование Интернета, поддерживающие интеллектуальное судебное разбирательство. «Суд в автомобиле 5G» перенес судебное разбирательство на улицу города, деревни, открыто обрабатывая типичные споры, например, о взыскании оплаты труда и другие дела. С начала 2022 года «Суд в автомобиле 5G» провел и решил в общей сложности 7200 судебных разбирательств и дел, провел юридические консультации и другие интеллектуальные судебные услуги, принося пользу более чем 500 000 человек⁴². Юридические процедуры, такие как подача иска, медиация и судебное разбирательство, могут проводиться в автомобиле. По словам сотрудников низовых судов Чунцина, «каждый раз, когда они отправляются на окружной судебный процесс, автомобильный переносной гражданский суд может привлечь множество окружающих людей для участия в судебном процессе и поездок

⁴¹ Отчет по версии 2.0 «единой платформы разрешения финансовых споров». Режим доступа: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/89117334> (дата обращения: 11.01.2024).

⁴² Суд в автомобиле 5G // Интернет-право. 13 июля 2023. Режим доступа: <https://www.faanw.com/2023fyau/14261.html> (дата обращения: 03.01.2024).

в сельские и городские суды, что не только облегчает работу масс, но и способствует оживлению сельской местности». Данный способ проведения «суда в автомобиле 5G» позволяет решить проблемы людей в отдаленных районах на пути к судебному разбирательству и потребности судей в рассмотрении дел и представлении документов на месте, этот автомобиль может использовать искусственный интеллект и другие технологии для создания и продвижения «автомобильного портативного гражданского суда», который объединяет «цифровизацию», «искусственный интеллект» и «удобство» и доставляет «мобильный суд» прямо к двери, тем самым облегчая работу судов и предоставляя дополнительные варианты участия в судебном процессе гражданам.

Заключение

В рамках развития цифровой экономики и цифрового общества необходимо сделать акцент и на усилении государственного контроля и мониторинге и на улучшении доступа к необходимой информации, технологий для всех слоев населения. На данный момент можно проследить тенденцию, что в основном пожилая часть населения, а также люди с ограниченными возможностями имеют некоторые проблемы с использованием и наличием соответствующих технологий. Странам нужно продолжать развивать специализированные программы и обучение, продвигая тем самым и инклюзивность, цифровую грамотность с целью обеспечения полноценного участия всех групп населения в цифровом обществе.

Можно также сделать вывод, что в последние годы Китайская Народная Республика активно реформирует судебную систему, внедряя в нее определенные цифровые технологии для улучшения и более эффективной работы судопроизводства и исполнения судебных актов. Например, рассмотренное нововведение онлайн-суда и соответствующих правил гарантирует единый стандарт функционирования цифрового суда. Важным аспектом в данном случае можно выделить возможность ввода судебных документов с помощью созданной платформы и создания электронных подписей, что сокращает и экономит время сотрудников и граждан. Предложения о расширении и более плотного пользования технологией блокчейн для проверки доказательной базы и автоматической подачи исковых заявлений свидетельствует о стремлении государства к увеличению эффективности и прозрачности судебных процессов, что имеет огромное преимущество перед «устаревшей» системой Развитие блокчейна и смарт-контрактов не только повысило эффективность судов, но и увеличило взаимодействие между государственными органами и гражданами.

За последние два десятилетия развитие цифрового права в Китае претерпело огромные изменения, и за этот период был достигнут богатый исследовательский прогресс. Пока технологии продолжают развиваться, будут возникать новые проблемы, и цифровое право должно на них реагировать. В будущем на внутреннем уровне Китай продолжит совершенствовать систему цифрового управления, усилит управление данными и алгоритмами, будет регулировать порядок конкуренции в платформенной экономике, предотвратит бесконтрольное расширение капитала, оптимизирует условия ведения бизнеса, реализует слияние цифровой экономики и цифрового управления, чтобы постепенно сформировать благоприятные условия для стандартизированного, упорядоченного и здорового развития цифровой экономики. На международном уровне Китай будет активно участвовать в переговорах и нормотворчестве в цифровой сфере в таких международных организациях, как ООН,

Всемирная торговая организация, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество и страны БРИКС, а также вносить предложения и пожелания, основанные на практике развития цифровой экономики в Китае.

Исходя из данного исследования, можно с точностью сказать, что Китай сделал определенные успехи в развитии способов участия в судебном производстве, облегчив работу судебных сотрудников и разгрузив суды, предоставляя альтернативные варианты разрешения споров. Китай планирует и дальше совершенствоваться, и поддерживать двусторонние и многосторонние механизмы управления цифровой экономикой, активно создавать общественные продукты для цифрового управления, чтобы восполнить недостатки существующей международной системы управления цифровой экономикой, постоянно создавать новые аспекты международного сотрудничества в цифровой экономике и способствовать созданию мирного сообщества в киберпространстве.

References / Список литературы

- Gao, Qinwei (2022) Development of administrative rule of law and its challenges in the context of digital government. *Oriental jurisprudence*. (2), 174–187. (in Chinese).
高秦伟. 数字政府背景下行政法治的发展及其课题 // 东方法学. 2022. № 2. С. 174–187.
- Guan, Baoying & Wang, Junliang. (2022) Building digital legal government through collaborative governance. *Fujian Forum (Humanities and Social Science)*. (5), 188–200. (in Chinese).
关保英, 汪骏良. 基于合作治理的数字法治政府建设 // 福建论坛 (人文社会科学版). 2022. № 5. С. 188–200.
- Hong, Dongying. (2017) Jurisprudential Reflections on Smart Courts. *Jurisprudence*. (3), 55–64. (in Chinese).
洪冬英. 智慧法院的法理审思 // 法学. 2017. № 3. С. 55–64.
- Ji, Weidong. (2018) Changes in judicial power in the era of artificial intelligence. *Oriental Law*. (1), 125–133. (in Chinese).
季卫东. 人工智能时代的司法权之变 // 东方法学. 2018. № 1. С. 125–133.
- Li, Zhanguo. (2022) The construction and realization of digital courts in the whole area. *Peking University Law Journal*. (1), 5–24. (in Chinese).
李占国. 全域数字法院的构建与实现 // 中外法学. 2022. № 1. С. 5–24.
- Liao, Yi. (2023) Towards balance: the logic of digital rule of law in Chinese-style modernization. *Enforcement*. (11), 24–33. (in Chinese).
廖奕. 迈向均衡: 中国式现代化的数字法治逻辑 // 法律适用. 2023. № 11. С. 24–33.
- Ma, Changshan. (2023) Systematic construction of digital rule of law – based on the analysis of digital rule of law construction in China since 2021. *Bulletin of Zhejiang Police Institute*. (1), 1–10. (in Chinese).
马长山. 数字法治的体系性建构——基于2021年以来我国数字法治建设的观察分析 // 浙江警察学院学报. 2023. № 1. С. 1–10.
- Ma, Changshan. (2022) Reengineering the digital legal governance framework. *Policy and Law*. (11), 17–32. (in Chinese).
马长山. 数字法治政府的机制再造 // 政治与法律. 2022. № 11. С. 17–32.
- Tang, Huangfeng. (2018) Inherent risks of the digital leviathan and data governance. *Controversial Issues and Research*. (5), 42–45. (in Chinese).
唐皇凤. 数字利维坦的内在风险与数据治理 // 探索与争鸣. 2018. № 5. С. 42–45.
- Tan, Xi. (2021) Reform practices and reflections on digital public administration in Canada. *Chinese administration*. (7), 140–146. (in Chinese).
谭溪. 加拿大数字政府治理改革实践及反思 // 中国行政管理. 2021. № 7. С. 140–146.
- Wang, Weiling (2022) The Evolution of China's Digital Government Forms and Development Bottlenecks. *Administrative Reform*. (5), 23–30. (in Chinese).

- 王伟玲. 中国数字政府形态演进和发展瓶颈 // 行政管理改革. 2022. № 5. С. 23–30.
- Wang, Xixin. (2008) *Institutional Practice of Public Participation in the Administrative Process*, Beijing: China Law Press. (in Chinese).
- 王锡锌. 行政过程中公众参与的制度实践, 北京:中国法制出版社. 2008. 306 с.
- Xiao, Feng. (2021) Algorithmic elaboration of cognition: implications of artificial intelligence for contemporary epistemological research. // *Academia*. (2), 67–78. (in Chinese).
- 肖峰. 认知的算法阐释: 人工智能对当代认识论研究的启示 // 学术界. 2021. № 2. С. 67–78.
- Xie, Zhiyong. (2023) Four directions of the construction of digital rule of law government and its realization. *Comparative law studies*.(1), 1–18. (in Chinese).
- 解志勇. 数字法治政府构建的四个面向及其实现 // 比较法研究. 2023. № 1. С. 1–18.
- Yang, Xiejun (2020) Building Public Administration: Characteristics, Process and Role. *Modern Law*. (1), 15–30. (in Chinese).
- 杨解君. 政府治理体系的构建: 特色、过程与角色 // 现代法学. 2020. № 1. С. 15–30.
- Yao, Shangjian. (2022) Power control and rights breaking in digital governance. *Theory and reform*. (3), 130–140. (in Chinese).
- 姚尚建. 数字治理中权力控制与权利破茧 // 理论与改革. 2022. № 3. С. 130–140.
- Zuo, Weimin. (2018) How to realize the judgment of class cases through artificial intelligence. *China Law Review*. (2), 26–32. (in Chinese).
- 左卫民. 如何通过人工智能实现类案类判 // 中国法律评论. 2018. № 2. С. 26–32.
- Zhang, Linghan. (2020) Conflict and Reconciliation of Algorithmic Automated Decision Making and Administrative Due Process System. *Oriental Jurisprudence*. (6), 4–17. (in Chinese).
- 张凌寒. 算法自动化决策与行政正当程序制度的冲突与调和 // 东方法学. 2020. № 6. С. 4–17.
- Zhang, Peng (2022) Building Blockchain-Influenced Digital Legal Government: Content, Connectivity and Pathway. *Electronic Government*. (7), 88–97. (in Chinese).
- 张鹏. 区块链赋能下的数字法治政府建设: 内涵、关联及路径 // 电子政务. 2022. № 7. С. 88–97.
- Zhang, Zhiming & Zhao, Xuanyi. (2022) Where the future rule of law lies: a conceptual introspection of the analytical approach. *Journal of the National Prosecuting Attorney's Institute*. (1), 92–104. (in Chinese).
- 张志铭, 赵轩毅. 未来法治植根何处: 一种分析进路的概念省察 // 国家检察官学院学报. 2022. № 1. С. 92–104.

Об авторе:

Цзя Шаосюэ – доктор юридических наук, доцент Центра Международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС Шанхайского политико-юридического университета; Китайская Народная Республика, 201701, г. Шанхай, район Ципу, проспект Вэйцисун, 7989

ORCID: 0000-0002-3159-0387

e-mail: ys02302041@126.com

About the author:

Jia Shaoxue – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of the Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO, Shanghai University of Political Science and Law; 7989, Weiqingsong Ave, Qingpu District, Shanghai, 201701, People's Republic of China

ORCID: 0000-0002-3159-0387

e-mail: ys02302041@126.com

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-546-564>

EDN: GQDGD0

Научная статья / Research Article

Правовые проблемы цифрового гражданства

Ю.А. Гаврилова , Ю.А. Боков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

 gavrilova_ua@volsu.ru

Аннотация. Анализируется феномен цифрового гражданства в юридической науке. Интерес к цифровому гражданству обусловлен интенсивным развитием цифрового общества и технологий, кардинальными трансформациями личности гражданина и правовой культуры в данную эпоху, неоднозначностью универсального и национального понимания цифровизации, междисциплинарной рассогласованностью научных взглядов на это явление и различной его отраслевой правовой интерпретацией. Цель исследования – выделить правовые проблемы цифрового гражданства как непосредственный объект познания для юридической науки. Применены методы: формально-юридический, конкретно-социологический, сравнительно-правовой, статистический, моделирование, прогнозирование, культурологический. Рассмотрены три наиболее актуальные правовые проблемы цифрового гражданства как юридической конструкции, комплексного правового института и особого феномена современной правовой культуры. Юридическая конструкция цифрового гражданства позволит обобщить типовые элементы многообразных явлений и ситуаций, объединенных атрибутом «цифровой» в жизни гражданина. Предложены элементы конструкции цифрового гражданства: цифровое образование, цифровая компетенция (грамотность), цифровая идентичность, цифровое мышление и цифровое поведение. Комплексный правовой институт цифрового гражданства обеспечит единство научных, законодательных и прикладных подходов в точном и эффективном правовом урегулировании всех сфер общественной жизни, в которые внедрены цифровые технологии. В состав комплексного правового института цифрового гражданства могут входить институты электронной демократии и электронного голосования, электронного бизнеса, электронного правительства, электронного правосудия и пр. Цифровое гражданство как явление правовой культуры может измеряться с помощью количественных и качественных методов, отражать уровень цифровой зрелости гражданина на примере сформированных правовых знаний, умений, навыков, ценностей, рефлексии и опыта практики в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровое гражданство, правовая культура, юридическая конструкция, комплексный правовой институт, цифровые технологии, личность, общество, власть, государство

© Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01342 «Правовая культура цифровых граждан».

Поступила в редакцию: 14 февраля 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А. Правовые проблемы цифрового гражданства // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. С. 546–564. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-546-564>

Legal issues of digital citizenship

Yulia A. Gavrilova , Yuri A. Bokov

Volgograd State University, *Volgograd, Russian Federation*

gavrilova_ua@volsu.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of digital citizenship in legal science. Interest in digital citizenship is driven by the rapid development of digital society and technology, radical transformations of individuals's identity and legal culture in this era, ambiguity between universal and national understanding of digitalization, interdisciplinary disagreement in scientific views on this phenomenon, and its varying sectoral legal interpretations. The purpose of the study is to identify the legal issues of digital citizenship as a direct subject of study for legal science. Methods applied include formal-legal, socio-legal, concrete sociological, comparative legal, statistical, modeling, forecasting, and cultural studies. Three of the most relevant legal issues of digital citizenship are examined as a legal construct, a comprehensive legal institution, and a distinct phenomenon of modern legal culture. The legal construct of digital citizenship allows for the generalization of typical elements of diverse phenomena and situations united by the attribute “digital” in a citizen's life. Elements of the digital citizenship construct are proposed as follows: digital education, digital literacy competence, digital identity, digital thinking and digital behavior. A comprehensive legal institution of digital citizenship will ensure the unity of scientific, legislative and applied approaches in precise and effective legal regulation of all areas of public life where digital technologies are integrated. The comprehensive legal institution of digital citizenship may include institutions of e-democracy and e-voting, e-business, e-government, e-justice, and others. Digital citizenship as a phenomenon of legal culture can be measured using quantitative and qualitative methods, reflecting the level of a citizen's digital maturity through established legal knowledge, skills, values, reflection, and practical experience in the digital environment.

Key words: digital citizenship, legal culture, legal construction, complex legal institution, digital technologies, personality, society, power, state

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: inseparable co-authorship.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01342 “Legal culture of digital citizens”.

Received: 14th February 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Gavrilova, Yu.A., Bokov, Y.A. (2024) Legal issues of digital citizenship. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 546–564. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-546-564>

Введение

В современной отечественной и зарубежной литературе возрастает интерес к проблеме цифрового гражданства. Данная тема порождена потребностями цифровой эпохи, которая привела к качественным изменениям общества, сделав его более удобным, комфортным и привлекательным, внедрила в жизнь людей информационно-коммуникационные технологии связи, построила на их основе глобальные системы интерактивной коммуникации.

Несмотря на то, что о цифровом гражданстве говорят уже примерно 15–20 лет, до настоящего времени это понятие относится к числу недостаточно изученных, что определяется рядом причин.

1. Распространение феномена цифрового гражданства в современном мире ставит на повестку дня вопрос о возможности универсализации и глобализации понимания цифрового гражданина, что является проблематичным. При наличии общих точек соприкосновения во взглядах разных специалистов остро ощущается потребность учета национально-культурных контекстов и социальной среды, в которой формируется «ткань» цифрового гражданства. Будучи встроенными в процесс всемирного развития Интернета и других информационных систем, отечественные концептуальные представления о цифровом гражданине должны иметь свои характерные черты и особенности.

2. В научном сообществе относительно единообразное междисциплинарное понимание природы, элементов и сущности цифрового гражданства отсутствует. Ученые, эксперты, политики и общественные деятели либо вообще не проводят четких границ понятия цифрового гражданства, отождествляя его со всем, с чем сталкивается человек в период цифровизации социальных отношений, либо ограничивают объем понятия дисциплинарными рамками:

- а) философскими (тематика человека, общества, власти и технологий);
- б) социологическими (цифровой капитал граждан, малых и больших социальных групп, корпораций);
- в) политологическими (императивная и делиберативная демократия) и
- г) юридическими (гражданство, собственность, публичная власть, государственная территория и суверенитет в цифровом мире и т.д.).

Плодотворная научная дискуссия возможна при более четком и фиксированном статусе предмета исследования.

3. В юриспруденции первостепенный интерес к проблеме цифрового гражданства проявляют специалисты конституционного права, изучающие конституционно-правовой статус личности и его динамику в период цифровых трансформаций.

Некоторые аспекты цифрового гражданства рассматриваются в гражданском праве при освещении нормативной правовой регламентации электронной коммерции или цифровой интеллектуальной собственности, классификации новых объектов гражданских прав, соблюдения антимонопольных требований.

В административном праве постоянно увеличивается объем законодательных и иных правовых актов по вопросам информатизации деятельности органов

государственной власти и органов местного самоуправления, их взаимодействия в электронной среде, защиты информации и обеспечения информационной безопасности. Расширяется пространство гражданских дискуссий и социального предпринимательства, которое инициируется гражданами и общественными объединениями в социальных сетях и на цифровых платформах.

Государство также заинтересовано в надлежащей финансово-правовой легализации цифрового экономического оборота, являющегося мощным потенциальным источником налоговых поступлений в российский бюджет.

Следовательно, юридическая природа цифрового гражданства многообразна и рассматривается с разных сторон. Для анализа этого явления требуется определить понятие, изучить признаки, структуру и виды, выделить функциональные аспекты и раскрыть механизм формирования, развития и правовой охраны цифрового гражданства. Но в узких отраслевых рамках еще пока не разработан и вряд ли может быть сформулирован целостный общеправовой подход к цифровому гражданству. Следует консолидировать усилия юридического сообщества по данному вопросу и выделить в качестве самостоятельного направления исследований именно правовые проблемы цифрового гражданства.

Предлагаем рассмотреть три правовые проблемы: 1) разработка цифрового гражданства как юридической конструкции; 2) формирование цифрового гражданства как комплексного правового института; 3) становление цифрового гражданства как особого феномена современной правовой культуры.

Цифровое гражданство как юридическая конструкция

Под юридической конструкцией понимается идеальная модель юридически значимых общественных отношений, отражающая в определенной логико-языковой форме сложный состав и структурную взаимосвязь элементов таких отношений, а также способная выполнять функции как метода познания права, так и средства правотворческой и правоприменительной техники (Cherdantsev, 1993:131; Vlasenko, 2013:167).

Юридическая конструкция имеет существенное методологическое и прикладное значение в правоведении. Она воплощает в себе гносеологический подход к абстрагированию элементов и обобщению типовых правовых явлений, которые характеризуются структурным подобием и функциональной близостью и, следовательно, могут быть основанием для точного и емкого правового регулирования. Юридическая конструкция классифицирует и группирует правовые явления, нацелена на оптимальное объединение многообразного правового материала в единые нормативные комплексы, предлагает готовые алгоритмы разумной и рациональной правовой регламентации жизненных ситуаций, стремится максимально полно и непротиворечиво охватить правовым воздействием социальные связи, повысить эффективность правоприменения.

Имеющиеся сегодня в научной литературе взгляды на определение цифрового гражданства имеют в основном описательный и обзорный характер, что свидетельствует не только об отсутствии почвы для моделирования соответствующей правовой конструкции, но и недостаточно проработанном содержании этого понятия.

По мнению авторов, цифровой гражданин — это человек, который должен обладать необходимыми знаниями и навыками для эффективного использования

цифровых технологий для общения с другими людьми, участия в жизни общества, взаимодействия с государственными институтами, а также для создания и потребления цифрового контента (Vokov & Abezin, 2020:444).

Результаты некоторых исследований показывают, что цифровое гражданство достигается за счет безопасного, надежного, этического, морального и ответственного использования платформ социальных сетей. Здесь безопасное и ответственное применение Интернета означает позитивное восприятие и использование цифровых инструментов в онлайн-сотрудничестве на благо других лиц (не причиняя вреда другим лицам), защиту собственной и чужой информации в сети. При этом затруднительно провести различие между моральными и этическими требованиями к цифровому гражданину, что предопределено языковыми и философскими аргументами о соотношении сущего и должного, индивидуального и социального, профессионального и личного начал (Chukwuere & Munapo, 2023:1009).

Утверждается, что приобретение статуса цифрового гражданина возможно при: 1) обеспечении подлинной безопасности интернет-взаимодействия, основанной на сознательном и ответственном отношении к правам и интересам своим и других пользователей; 2) раскрытии потенциала цифровой среды для индивидуального, предпринимательского, культурного роста; 3) применении публичных сервисов для расширения гражданской и политической активности граждан, построения диалога с органами власти. Следовательно, основными сферами реализации цифрового гражданства можно считать безопасность, бизнес, демократию, ответственность, эффективность, цифровую этику (Brodovskaya, 2019:66–68).

Высказывается мнение, что цифровое гражданство закрепляет возможность участвовать в социальных отношениях в условиях цифровых трансформаций общества, когда имеются в наличии несколько условий: постоянная пользовательская сетевая активность, цифровое гражданское и политическое участие (электронная демократия), предпринимательская и трудовая деятельность (электронная торговля и цифровой бизнес). Однако в связи с общедоступностью современных цифровых коммуникаций вступают в конфликт свобода цифрового гражданина, рассчитывающего на диффузию власти онлайн, и власть, которая по-новому концентрируется в руках интернет-сообществ и владельцев цифровых платформ, устанавливает новый цифровой порядок за счет организации и программной настройки, интеграции и координации функционирования различных сетей (Pugta, 2019:73).

Отдельные исследователи видят назначение цифрового гражданства только в постепенном государственном внедрении инновационных цифровых сервисов, а процесс конфигурирования архитектуры цифрового гражданства складывается из введения и наращивания объема государственных услуг, цифрового профилирования гражданина, оформления цифрового удостоверения личности на Едином портале государственных услуг и в Единой системе идентификации и аутентификации граждан (Bronnikov & Karova, 2021:128).

Следовательно, можно констатировать, что существенные признаки понятия цифрового гражданства рассматриваются неоднозначно, а иногда фрагментарно и неопределенно. Большинство ученых понимают, что концепция цифрового гражданства вращается вокруг слова «цифровое», но то, какие составляющие должны структурно и содержательно преобладать в этой предметно-понятийной области, формируя общее понимание, до сегодняшнего дня обосновано слабо и явным образом не представлено.

В этой связи представляется возможным и целесообразным максимально обобщенно оценивать место гражданина в цифровой реальности в рамках соответствующей правовой конструкции цифрового гражданства, основными элементами которой, на наш взгляд, являются:

- 1) цифровое образование;
- 2) цифровая компетенция (грамотность);
- 3) цифровая идентичность;
- 4) цифровое мышление;
- 5) цифровое поведение.

Исходные знания, представления, возможности для цифровой эволюции человек получает в рамках института социализации: образования, обучения, воспитания и т.п. **Цифровое образование** понимается как урегулированная правом качественная трансформация традиционного образовательного процесса, связанная с внедрением компьютерной техники и распространением цифровых технологий, совершенствованием форматов и методик обучения (аудиторное, дистанционное, смешанное и т.д.), изменением требований к самому образовательному процессу, результатом которого должно быть производство инноваций в экономике, бизнесе, технике и социальной сфере.

Юридизация цифрового образования, а равно цифровизация юридического образования, позволяют выделить ряд общих ситуационных элементов, нуждающихся в правовой регламентации. Это выполнение педагогами дополнительного объема работ в процессе цифрового образования, унификация баз данных обучаемых лиц в учебных заведениях, защита персональных данных, равный цифровой доступ и преодоление цифрового разрыва в образовании, соотношение скорости и цены изготовления учебного контента с его актуальностью и качеством и т.д. Для правильного понимания правовых средств разрешения подобных вопросов существует потребность закрепить цифровое образование как элемент юридической конструкции цифрового гражданства.

Цифровая компетенция (грамотность) включает в себя совокупность знаний, умений и навыков эффективного использования цифровых технологий и программных инструментов, необходимых для решения конкретных прикладных задач в онлайн-среде (сбор, обработка, анализ, интерпретация, перераспределение информации и т.д.). Способность человека применять приобретенные знания, умения и навыки в соответствующих целях на различных цифровых платформах называют также цифровой грамотностью.

Существует более широкое понимание цифровой грамотности, включающее в себя цифровые компетенции, цифровое потребление и цифровую безопасность. Между тем цифровая грамотность выступает как закономерный и неизбежный результат формирования надлежащих цифровых компетенций лица, поэтому в данном исследовании цифровая компетенция (грамотность) рассматривается в неразрывной взаимосвязи процесса и результата.

Цифровые компетенции: их виды, уровни, пути формирования, требования к профессиональной деятельности регламентируются федеральными государственными образовательными стандартами и другими общими и локальными нормативными актами. Здесь тоже имеются очевидные основания отражать и совершенствовать этот элемент в содержании юридической конструкции цифрового гражданства.

В зарубежной литературе наряду с техническим или функциональным аспектом выделяют т.н. «критическую» цифровую грамотность, т.е. дальнейшее развитие лингвистических способностей индивида к онлайн-чтению и письму и формированию на базе цифровых технологий более широкого визуального образа мира как культурного феномена. Данный взгляд исходит из того, что любая цифровая технология создается в экономическом, социальном и культурном контексте, вследствие чего несет на себе «след» пристрастных убеждений авторов технологии. Именно в связи с отсутствием нейтральности важно развивать критический подход к изучению цифрового пространства, направленный отнюдь не против власти и основ демократии, а на преобразование цифровой среды в направлении справедливости, равенства, улучшения общего блага (Mamluk, 2021:164–165).

В отличие от этого высказано мнение, что для анализа общества в актуальном состоянии имеющихся в нем цифровых технологий необходимо изучение человеческой деятельности по разграничению материального и цифрового, онлайн и офлайн, описание технологического развития на основе соотнесения различных представлений о технологиях. Поэтому для преодоления негативного воздействия власти на цифровые технологии (наблюдение за человеком в сети, алгоритмизация управления) следует развивать такие знания и компетенции, которые будут приводить к саморазвитию личности, ее раскрепощению в отношениях с властью и достижению социальной справедливости, формированию идеального гражданина в ходе формального, неформального образования и иных значимых контекстах цифрового гражданства (Örtegren, 2024).

Цифровая идентичность – это пространственно-временное осознание и переживание человеком своего «Я» как устойчивого целостного образования в цифровом мире. Оно выражено в актах самоопределения и самосознания, самооценки и общественной оценки его деятельности, позволяющих идентифицировать себя с социальными группами и (или) отличаться от других сетевых сообществ и субкультур, но неизменно сохранять ядро личности в изменяющихся социальных условиях. В противном случае имеет место феномен ослабления или утраты цифровой идентичности.

Важно отметить, что цифровая идентичность не сводится только к юридически безопасным операциям с цифровым профилем человека. Совокупность персональных данных (логин, пароль, электронная почта и т.д.) используется не только для идентификации, аутентификации и авторизации пользователей, а также для обеспечения конфиденциальности, сохранности цифровых данных, устройств и платформ. Более того, реальная цифровая идентичность не может быть полной «копией» общей социально-психологической идентичности, так как имеет свой путь формирования.

На ранних этапах Интернет часто служил сферой экспериментальной самопрезентации человека. Многие люди и сейчас обращаются к цифровому миру для раскрытия дополнительного личностного потенциала, который они не могут проявить в подлинном мире, либо чтобы визуализировать собственный образ, сделать ярче и привлекательнее индивидуальные черты характера, скрыть недостатки внешности и поведения, реализовать идеалы и мечты.

Для выполнения этих задач человек активно ведет себя в Интернете, осуществляет познавательную (обучение и чтение), коммуникативную (сетевое общение) и досуговую деятельность (онлайн-игры и пр.). Одновременное осуществление разноплановой деятельности в Интернете укрепляет цифровую идентичность, так

как человек не только ищет и обрабатывает информацию, но и самостоятельно создает новый цифровой контент.

В итоге гражданин формирует внутреннее оценочное отношение к явлениям цифровой реальности, действуя в нем осознанно и целенаправленно, получая умения и навыки максимального использования цифровых технологий для личностного роста, развивая способность проводить границу между цифровой средой и социальной реальностью. И лишь внешним формально-юридическим выражением этого процесса является общая сетевая идентификация субъекта в виде его цифрового профиля, цифрового образа, цифрового «двойника», т.е. цифровая идентичность в единстве внутреннего и внешнего компонентов.

Важная роль в конструкции цифрового гражданства принадлежит *цифровому мышлению*. Оно заключается в творческом решении социальных проблем с использованием расширенных возможностей цифровых технологий, из чего развивается готовность к непрерывному обучению в течение всей жизни, открытость, адаптивность к быстро меняющимся технологическим трансформациям общества. Стандартное доцифровое мышление внесло положительный вклад для формирования объективного мировосприятия, понятийной иерархизации и классификации объектов, процессов по родовидовым признакам, выработки готовых схем познания и деятельности человека в физической, социальной реальности, однако его становится недостаточно в цифровую эпоху.

Изложенное определяет интерес юриспруденции не только к конституционно-правовому регулированию политической и гражданской активности в интернет-пространстве, но и обеспечению трудовой, учебной и профессиональной мобильности. Цифровая эпоха конструирует новый социальный образ, в котором предьявляется запрос на гипертекстуальность («ссылочность») мышления, гибкость, символичность, вариативность значений и смыслов и пр. Работник, студент, избиратель, налогоплательщик, родитель или ребенок должны нести максимальную ответственность, инициативность и самостоятельность за выбор и результаты своей деятельности в онлайн-среде, предвидеть тенденции будущего и расставлять приоритеты в достижении целей.

В рамках цифрового мышления формируется новая цифровая аксиология права: ценности позитивного отношения к цифровой правовой среде, определения межличностных границ сетевой коммуникации и юридической допустимости форматов онлайн-общения, удобство, привлекательность, прозрачность, подотчетность и т.д.

Зарубежные ученые расходятся во взглядах о роли современных практик цифрового гражданства в мире, что можно объяснить концептуальными различиями в подходах на основе цифрового мышления. Большинство ученых признает, что цифровая эпоха видоизменяет традиционную юридическую форму гражданства, которая содержит ограничения. Статичный характер этой формы гражданства определен понятием правового статуса личности, который законодательно закрепляет права, обязанности по прямому участию в государственных делах и общественной жизни. Такие пределы отсутствуют в динамичном новом цифровом гражданстве «повседневности», когда с помощью применения цифровых технологий в опыте повседневной жизни граждане реактуализируют текущие и консолидируют новые правопритязания и возможности будущего правового статуса (Third, et al., 2019:188–191).

Признавая правильность разделения двух форм гражданства, следует подчеркнуть необоснованность чрезмерного противопоставления т.н. «послушного»,

«должного» гражданства, гарантированного со стороны государства, и «актуализированного», «нового» гражданства, реализуемого в рамках цифрового мышления. Этот взгляд сохраняет либеральную трактовку цифровой среды как безраздельно господствующей свободы пользователей, связывает негативные коннотации с действиями власти в процессе цифровизации в противовес коммунитарному подходу, который защищает общественные и государственные интересы (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Более правильной представляется точка зрения, что нет принципиальной разницы между реальным и цифровым гражданством. В настоящее время мир является единым пространством, в котором сочетается онлайн- и офлайн-сфера. Следовательно, и в той, и в другой сфере важны не только морально правильное и безопасное поведение, но и активная гражданская вовлеченность, чему и должно учить цифровое мышление: участвовать в жизни общества с помощью цифровых инструментов (Chapman, 2023:100–101).

Цифровое поведение – это эмоционально окрашенное поведение человека в цифровой среде, выражающее на основе убеждения/принуждения его отношение к принятым в обществе нормам и правилам (одобрение/порицание), оценку циркулирующей в нем информации (достоверная/недостоверная). Цифровое поведение по объему понятия шире, чем только цифровое потребление (вопреки распространенному мнению), поскольку включает в себя совокупность всех процессов поиска, создания, обмена и потребления цифровой информации. Ключевое значение для развития информационной культуры личности имеет, тем не менее, цифровое потребление, в котором личность пользуется услугами цифровых сообществ: операторов проводного и мобильного Интернета, электронных СМИ, социальных сетей и др.

Как особая форма общей правовой активности личности и практическое выражение цифрового гражданства цифровое поведение может и должно регулироваться правовыми нормами. Данное понятие затрагивает экономические отношения в цифровой среде (электронная торговля), реализацию избирательных прав граждан и избирательных объединений (электронная демократия), рассмотрение судебных споров в дистанционном режиме или с применением искусственного интеллекта (электронное правосудие), оказание государственных услуг (электронное правительство), опрос населения и выдвижение муниципальной правотворческой инициативы (цифровое местное самоуправление) и т.д.

Имплементация цифрового поведения в структуру цифрового гражданства потребует критически важных законодательных решений и подходов по определению особенностей объективной и субъективной стороны состава преступления (место, время, форма вины, мотив, цель, эмоция), особенностей расследования преступлений, совершаемых в цифровой среде или с использованием компьютерной цифровой информации и пр. Соответственно, необходимо объединение доктринальных достижений научных коллективов юристов, работающих в пространстве цифровизации.

Рассмотрение вышеуказанных компонентов не может считаться исчерпывающим описанием юридической конструкции цифрового гражданства, поэтому мы призываем продолжить анализ этой правовой проблемы, ограничившись на данном этапе перечислением элементов соответствующей правовой конструкции: цифровое образование, цифровая компетенция (грамотность), цифровая идентичность, цифровое мышление и цифровое поведение.

Цифровое гражданство как комплексный правовой институт

В одной из ранних работ С.В. Полениной обосновано существование в системе права комплексных правовых институтов, вызванных к жизни необходимостью единой настройки близких по характеру общественных отношений, подпадающих под действие нескольких отраслей права. Для комплексных правовых институтов могут частично совпадать предметы, методы, принципы и механизм правового регулирования «материнской» и «заимствованной» отраслей права, однако отраслевая принадлежность норм «дочерней» отрасли сохраняется, хотя они и закрепляются преимущественно в источнике «профильной» отрасли права.

Комплексные правовые институты могут быть внутриотраслевыми, направленными на фиксацию норм разных отраслевых институтов в рамках одной отрасли права (например, институт труда молодых специалистов в трудовом праве) и межотраслевыми – в рамках двух и более отраслей. При этом комплексные межотраслевые правовые институты подразделяются на пограничные и функциональные. Погораничные межотраслевые институты образуются на стыке смежных однородных отраслей права, а функциональные – на границе смежных неоднородных отраслей права. В последнем случае между нормами права существует только функциональная связь для решения конкретных задач правового регулирования. В результате дальнейшего развития некоторые комплексные правовые институты могут трансформироваться в подотрасль права или самостоятельную новую отрасль права (Polenina, 1975:74–77).

Если говорить о цифровом гражданстве как о перспективном комплексном правовом институте, то его основная отраслевая принадлежность определяется материей конституционного права, где гражданство формулируется как устойчивая правовая связь лица и государства, выраженная в их взаимных правах, обязанностях и ответственности.

Однако правильно отмечено, что под влиянием новых цифровых технологий институт гражданства трансформируется за счет синтеза расширения форм политико-правового участия граждан в публичном управлении и их вовлечения в конституционную мобилизацию и конституционную модернизацию. Отсюда цифровое гражданство возникает как раз на границе взаимодействия технологий и деятельности человека в политике, когда общество становится не просто информационным, а алгоритмическим, т.е. автоматически управляемым с помощью ИТ-технологий (Kravets, 2023:95–99).

По мнению исследователей, в ближайшее время одной из самых актуальных проблем электронной демократии станет специальное нормативное закрепление в конституционном законодательстве цифровых политических прав. Для этого необходимо разрешить доктринальные дискуссии о разграничении полноценных цифровых прав и традиционных прав, реализуемых с помощью цифровых технологий и устройств.

Если реализация конституционных прав возможна и в традиционном, и в цифровом формате, то необходима законодательная регламентация особенностей реализации таких традиционных политических прав в цифровой среде (избирательные права, право на обращение). В том случае, когда реализация прав возможна исключительно в цифровом формате (голосование по отбору территорий для благоустройства), то можно выделять особую категорию цифровых политических прав граждан в цифровом публично-правовом пространстве, что потребует решения проблем

цифровой идентификации гражданина и цифровой безопасности (Egurova & Egurov, 2023:69).

Говоря о цифровизации избирательного процесса в Российской Федерации и за рубежом, следует отметить тенденцию к увеличению количества правовых норм, направленных на разработку и использование электронных форм голосования. В современной России законы устанавливают рамочное правовое регулирование, предусматривая возможность очного голосования на избирательном участке (бумажным бюллетенем и с помощью комплекса (машины) для электронного голосования – КЭГ), так и дистанционного голосования без посещения избирательного участка (с помощью мобильного или иного устройства связи – ДЭГ). Конкретизация этих положений осуществляется в подзаконных нормативных актах ЦИК России, определяющих порядок электронного голосования с применением КЭГ и ДЭГ, требования к специальному аппаратному и программному обеспечению и т.д.

Между тем наращивание объема и плотности нормативного регулирования электронных форм голосования отражает объективные потребности научно-технического прогресса, направленные на максимизацию удобства, понятности и доступности избирательных процедур, обеспечение конфиденциальности голосования и прозрачности подсчета голосов, достоверности результатов волеизъявления, на повышение вовлеченности населения в демократические процессы, снижение материальных и временных затрат в работе избирательных комиссий, расширение альтернативных форм участия в голосовании, экстерриториальный доступ избирателей независимо от места их нахождения и пр. (Gadzhieva, 2023:652).

Это может свидетельствовать о становлении в рамках института избирательного права субинститута электронного голосования, который, в свою очередь, вместе с другими элементами может входить в содержание комплексного правового института цифрового гражданства.

Широкое распространение получили технологии публичного управления, именуемые «электронным правительством», построенные на началах блокчейна. Взаимодействие между гражданином и органами публичной администрации в процессе выполнения функций исполнительной власти осуществляется в разных сферах: экономике, финансах, медицине, предпринимательстве, промышленности, сельском хозяйстве и т.п. Однако за счет скорости и точности принятия решений, удешевления операций, усиления безопасности и конфиденциальности данных, автоматизации деятельности в блокчейне можно максимально полно и эффективно добиваться поставленных управленческих целей и отвечать на вызовы времени. К ним относятся государственное регулирование обращения цифрового рубля и (или) национальной криптовалюты, организация телемедицины и единого реестра учета медицинских сведений и болезней, мониторинговое отслеживание производства и оборота сельскохозяйственной продукции, государственный надзор за соблюдением цифровых авторских прав и пр. (Shamrin & Galkina, 2023:959–965).

Мы видим, что оптимальное управление с помощью цифровых технологий в важнейших сферах общественной жизни способно формировать в рамках цифрового административного права соответствующие правовые институты электронной коммерции, электронных публичных финансов, цифрового транспорта и т.д. Поэтому в той части, в которой эти институты регламентируют административно-правовой статус гражданина в отношениях с органами исполнительной власти, они

могут быть включены в состав комплексного правового института цифрового гражданства.

Электронное правосудие – это еще одна сфера влияния цифровых технологий на жизнедеятельность граждан. Цели внедрения электронного правосудия идентичны: расширение доступа граждан к правосудию, усиление гарантий процессуальных прав в судопроизводстве, укрепление законности и повышение эффективности судебных актов. Вместе с тем типичные проблемы сохраняются и в рамках электронного судопроизводства: повышение цифровой грамотности населения, преодоление цифрового «разрыва», защита персональных данных, борьба со злоупотреблениями и т.д.

Электронное правосудие включает также в свой состав тематику искусственного интеллекта, улучшающего качество правосудия за счет внедрения достижений науки и техники, алгоритмов и автоматизации процессуальной деятельности. Опыт Китайской Народной Республики показывает, что необходимо установление баланса между ценностями эффективности и справедливости правосудия, общественными традициями, этическими нормами и основными правами цифрового гражданина. Особо следует оговорить, что полная автоматизация искусственного интеллекта может привести к серьезному вмешательству в деятельность судьи, парализовать его работу. С помощью рационального суждения машины можно определить пределы усмотрения, но чувства и эмоции судьи не заменить при решении дела (Rusakova, 2023:478; Gavrilova, 2023:108).

Рассматривая понятие искусственного интеллекта, отметим большое значение, которое придается искусственному интеллекту при автоматизированном формировании и поддержании нравственной составляющей в гарантировании фактического правового равенства людей. Подчеркивается, что такое воздействие будет носить универсальный всеобъемлющий характер (Isakov, 2023:930). Соглашаясь в целом с таким утверждением, полагаем, что оно ограничено лишь сохранением человеческого контроля за действиями искусственного интеллекта. В случае утраты этого контроля отсутствуют какие-либо гарантии соблюдения искусственным интеллектом человеческой морали и, вероятно, как считают некоторые футурологи, она может быть заменена т.н. «новой», «машинной» этикой.

Думается, что субинститут электронного правосудия как элемент института организации и деятельности судебной власти регулирует доступ и участие гражданина в судопроизводстве на базе цифровых технологий, из чего следует возможность его включения в комплексный правовой институт цифрового гражданства.

Концептуальной проблемой правового обеспечения цифрового гражданства является управление рисками цифровизации. Представление о рисках основывается на исходных понятиях безопасности/опасности и защищенности/угрозы. Риск – категория оценочная, так как охватывает осознанный выбор варианта поведения в условиях неопределенности с равной или неодинаковой вероятностью причинения пользы/вреда и множественной степенью значимости/тяжести возможных последствий поступка для общества, индивида или третьих лиц. Очевидно, что для плодотворного пользования цифровыми технологиями, приносящими обществу и человеку преимущества и риски, необходимо интенсифицировать положительное влияние цифровизации и минимизировать риски.

Особо важной является борьба и профилактика рисков в сегменте детского Интернета, где требуется усилить законодательные и практические меры информационно-психологической безопасности несовершеннолетних. Для разработки таких мер следует учитывать классификацию рисков на контентные, коммуникационные и поведенческие в зависимости от роли ребенка в их наступлении и сферы проявления: финансы, общение, информация и гендерные отношения (Bogdanova & Burkatovskaya, 2017:149).

В Российской Федерации законодательно предусмотрены средства надзора за безопасностью поведения ребенка в сети: регистрация на публичных сайтах по паспорту, фильтрация контента, упрощенная навигация и др., но эти мероприятия нуждаются в функциональном расширении, упорядочивании применения и адекватном правовом обеспечении. Например, необходимо с помощью правовых норм и правовых гарантий распространять опыт создания платформ со специальным программным обеспечением, защищающим информационную безопасность ребенка и (или) контролирующим его цифровое поведение.

В зарубежной литературе отмечены сходные риски цифровизации. Существуют большие проблемы в демократическом управлении цифровым пространством: вопросы безопасности в Интернете, шпионаж, хакеры, разжигание ненависти, киберзапугивание, сообщения ненависти, непристойность, экстремизм, преступность, терроризм, трудности с защитой безопасности, вторжение в личные данные (например, сканирование фотографий и обеспечение распознавания лиц), вопросы интеллектуальной собственности, защиты конфиденциальности, прав как свободы выражения мнений, рисков манипулирования, гомогенизации общества и фейковых новостей, а также цифрового разрыва. Решение этих вопросов за рубежом находится в плоскости гражданского сотрудничества правительств, неправительственных организаций и индивидов в расширении цифровой грамотности и развитии цифрового образования (Bombardelli, 2021:820).

Обобщая сказанное, отметим, что цифровые технологии и виртуальная реальность как полноценная часть жизни человека определяют потребности и мотивацию создания комплексного правового института цифрового гражданства. В основе его построения будут лежать практическая целесообразность и функциональный критерий (оптимально должное правовое урегулирование отдельных сфер жизнедеятельности общества на основе цифровых устройств, данных и технологий). Создание условий для появления такого комплексного правового института – это перспективная задача российской юридической науки.

Цифровое гражданство как особый феномен современной правовой культуры

Появление цифрового гражданства в современном обществе связывается с генезисом и развитием цифровой культуры, цифровых ценностей и цифрового мышления. Следует отметить, что цифровое гражданство вполне может рассматриваться как качественно своеобразный феномен правовой культуры, особый тип или форма современной правовой культуры.

Цифровая культура личности включает в состав три компонента: онтологический (осознание своей реальной социально-культурной идентичности в цифровой

среде); информационный (поиск, отбор и оценка цифровой информации); коммуникационно-этический: моральные цели вступать в сетевое общение или воздерживаться от коммуникации (Garkusha, 2023:55).

На наш взгляд, цифровое гражданство можно понимать как особый феномен современной правовой культуры, который представлен уровнем (степенью, мерой) приобретенных цифровых знаний, умений, навыков и убеждений, развития ценностных и поведенческих установок, определяющих отношение гражданина к цифровому миру и роли государства в его правовой регламентации, понимание юридического смысла цифровой реальности, мотивационные и волевые механизмы юридически значимого цифрового поведения гражданина.

Особенностью восприятия цифрового гражданства как правокультурного феномена является возможность измерить его с помощью количественных и качественных методов исследования. Они применяются как в зарубежной, так и в отечественной литературе, отражая специфические особенности страны или географического региона.

Так, например, среди студентов университета Султана Кабуса в Омане проведено исследование по определению уровня цифровой идентичности, цифровой гражданской активности, цифровой этики, цифровой грамотности, цифровой безопасности и глобальной цифровой коммуникации в период пандемии COVID-2019. В результате выполнения 26 сценарных заданий, оцениваемых по 4-бальной шкале уровней (очень низкий; низкий; средний; передовой), рассчитан уровень цифрового гражданства от среднего к низкому с более высоким уровнем развития цифровых навыков у женщин по сравнению с мужчинами (Alsaadi, et al., 2023:286–291).

Безусловно, в силу разных учебных программ и разных критериев оценки данные выводы нельзя автоматически распространять на другие высшие учебные заведения страны. Однако из приведенного примера становится ясно, что для развития цифрового гражданства как правокультурного феномена следует не только накапливать знания о правовых аспектах цифровых инструментов или технических навыках их законного применения, но и практиковать цифровое гражданство как установку правомерного поведения, т.е. активно использовать и обучаться цифровым навыкам в течение всей повседневной жизни в юриспруденции.

Во время президентских выборов 2006 г. в Эквадоре социальные сети показали себя как эффективные инструменты продвижения политической повестки, распространения нужного политического контента, как платформы для политических дебатов. И сегодня в муниципалитетах Эквадора можно отметить стабильное соотношение между количеством публикаций и ростом подписчиков и их сетевой активности, спецификой тем взаимодействия, когда участие цифровых граждан в нахождении и распространении релевантной информации способствует не только усилению гражданских дискуссий, но и общей демократической эволюции государственной политики. Отсюда можно отметить более широкое влияние социальных сетей на политику и выборы в Эквадоре (Morales, et al., 2020:683).

В отличие от этого в скандинавских странах наблюдается низкая политическая активность в контексте применения цифровых технологий при обучении. Так, в школьном образовании Норвегии и Швеции преобладает философский подход к технологиям как средствам для улучшения социальной жизни, защиты моральных ценностей, укрепления фундамента демократии, верховенства закона и расширения политического участия граждан. В Дании цифровая гражданственность описывается

как умение обучаемых получать доступ к информации в Интернете и техническое освоение цифровых инструментов. В Финляндии целью обучения цифровой гражданской ответственности является ответственное и этичное использование цифровых технологий для вовлечения людей в обучение, исследования и творчество, взаимодействие и общение друг с другом в сети (Christensen, et al., 2021:74–78).

Цифровое образование в Новой Зеландии направлено на свободное владение цифровыми технологиями для расширения социально-экономических, политических и культурных возможностей по более активному участию в онлайн-жизни общества. В то же время знания цифровой среды и навыки цифровой грамотности должны выражать традиционные верования и ценности коренных жителей Новой Зеландии (маори), к числу которых относятся мудрость, сопричастность, забота о других, благополучие, сотрудничество, единство (Dabner, 2019:3–4).

Для совершенствования практики цифрового гражданства необходимо привлечение детей и молодежи, но в период пандемии COVID-2019 в Гонконге столкнулись с проблемой воспитания цифровой гражданской ответственности и грамотности родителей, когда остро возникла необходимость оказания поддержки детям во время онлайн-обучения, а дети не обращались к родителям за помощью в обучении по причине либо цифрового неравенства, либо цифрового разрыва.

В одном случае для семей с низкими доходами правительство и частные фонды начали выделять субсидии на приобретение программного обеспечения и компьютеров для домашнего обучения. В другом случае для семей с низким уровнем образования создан Единый веб-сайт «Smart Parent Net», который предназначен для самостоятельного приобретения родителями достаточных компьютерных знаний, быстрого поиска полезной учебной информации, предоставлении практических навыков в дистанционном обучении детей (Chun, et al., 2023:169–174). Из этого следует, что основы правовой культуры цифрового гражданства должны закладываться в процессе обучения, воспитания детей и социализации с ответственным и деятельным участием родителей.

Во внутренней государственной политике Китайской Народной Республики китайское государство рассматривается как гигантская платформа интернет-предпринимательства, открытая для успешного ведения цифрового бизнеса любым гражданином. Китайцы четко представляют себе, что только инновационные технологические достижения дают мировое конкурентное преимущество страны, формируют ее образ как локомотива мировой цифровой экономики (Degtyarenko & Kirko, 2023:14).

Говоря об отечественных чертах правовой культуры цифрового гражданства, следует выделить нацеленность действий субъектов российского права на поэтапное внедрение цифровых инноваций, тщательное экспертное обсуждение и экспериментальную апробацию их пользы и рисков, учет максимального объема научных знаний в законодательном регулировании цифрового пространства. Кроме того, обращает на себя внимание факт введения в специальный терминологический оборот такого понятия, как «цифровая зрелость», которое почти не встречается в зарубежной литературе. Например, цифровая зрелость понимается как степень цифровизации базовых процессов и динамика развития цифровой среды (Ershova & Enkova, 2022:29).

Более детально цифровая зрелость может использоваться как качественный показатель правовой культуры при диагностической оценке цифровых компетенций школьников, студентов и выпускников юридических вузов. К видам цифровой зрелости относятся: базовая, ключевая, универсальная, сквозная, специальная. К

уровням цифровой зрелости можно отнести необходимый, уверенного пользователя и экспертный (Panasyuk, et al., 2023:114–115). На аналогичной основе может быть доработан и закреплён в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по направлениям подготовки бакалавриата и специалитета юриспруденции перечень показателей профессиональной, социальной и личной цифровой зрелости юриста.

Заключение

В результате анализа актуального в России и за рубежом феномена цифрового гражданства отмечены его междисциплинарное значение для различных общественных наук и национально-культурная специфика его содержательных компонентов. Для юридической науки специальный объект исследования составляют правовые проблемы цифрового гражданства. К числу наиболее значимых правовых проблем, нуждающихся в перспективном изучении, относятся разработка юридической конструкции и формирование комплексного правового института цифрового гражданства, а также становление цифрового гражданства как особого феномена современной правовой культуры.

References / Список литературы

- Alsaadi, M., Alharassi, N., Alsalmi, J. & Alkindi, S. (2023) The Practices of Digital Citizenship Among Undergraduates at Sultan Qaboos University in Oman During COVID-19. In: Al Naimiy, H.M.K., Bettayeb, M., Elmehdi, H.M. & Shehadi, I. (eds.). *Future Trends in Education Post COVID-19. SHJEDU 2022*. Springer, Singapore. pp. 281–294. https://doi.org/10.1007/978-981-99-1927-7_22
- Bogdanova, D.A. & Burkatovskaya, G.R. (2017) From Internet risks to digital citizenship. *Public education*. 1464(8), 147–153. (in Russian).
Богданова Д.А., Буркатовская Г.Р. От интернет-рисков – к цифровому гражданству // Народное образование. 2017. № 8(1464). С. 147–153.
- Bokov, Y.A. & Abezin, D.A. (2020) Digital Citizenship: Implementation in the Modern World. In: Inshakova, A. & Inshakova, E. (eds.). *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 110. Springer, Cham. pp. 442–448. https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_52
- Bombardelli, O. (2021) Digital Citizenship and Life Long Learning. In: Auer, M. & May, D. (eds.). *Cross Reality and Data Science in Engineering. REV 2020. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 1231. Springer, Cham. pp. 817–826. https://doi.org/10.1007/978-3-030-52575-0_67
- Brodovskaya, E.V. (2019) Digital citizens, digital citizenship and digital citizenship. *Power*. 27(4), 65–69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587> (in Russian).
Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. Т. 27. № 4. С. 65–69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587>
- Bronnikov, I.A. & Karpova, V.V. (2021) Digital citizenship in the Russian Federation: political risks and prospects. *Bulletin of Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relationships*. 26(3), 123–133. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.11> (in Russian).
Бронников И.А., Карпова В.В. Цифровое гражданство в Российской Федерации: политические риски и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 123–133. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.11>

- Chapman, A.L. (2023) (Digital) Citizenship: Dissenting from Indifference. *Social Media for Civic Education. Palgrave Studies in Educational Media*. Palgrave Macmillan, Cham. pp. 93–103. https://doi.org/10.1007/978-3-031-10865-5_6/
- Cherdantsev, A.F. (1993) Logical and linguistic phenomena in law, legal science and practice. Yekaterinburg, Nauka Publ. (in Russian).
Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: Наука, 1993. 189 с.
- Christensen, I.R., Biseth, H. & Huang, L. (2021) Developing Digital Citizenship and Civic Engagement Through Social Media Use in Nordic Schools. In: Biseth, H., Hoskins, B. & Huang, L. (eds.). *Northern Lights on Civic and Citizenship Education. IEA Research for Education*. Vol. 11. Springer, Cham. pp. 65–92. https://doi.org/10.1007/978-3-030-66788-7_4
- Chukwuere, J.E. & Munapo, E. (2023) Factors Influencing the Development of Digital Citizenship on Social Media Platforms: Narrative Review. In: Vasant, P., Weber, G.W., Marmolejo-Saucedo, J.A., Munapo, E. & Thomas, J.J. (eds.). *Intelligent Computing & Optimization. ICO 2022. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 569. Springer, Cham. pp. 1007–1015. https://doi.org/10.1007/978-3-031-19958-5_94
- Chun, W.S.D., Yau, S.H., Chan, W.M. & Leung, C.Y. (2023) Bridging the Gap Between Digital Divide and Educational Equity by Engaging Parental Digital Citizenship and Literacy at Post-Covid-19 Age in the Hong Kong Context. In: TSO, A.W.B., NG, S.K.K., LAW, L., BAI, T.S. (eds.). *The Post-pandemic Landscape of Education and Beyond: Innovation and Transformation. HKAECT 2022. Educational Communications and Technology Yearbook*. Springer, Singapore. pp. 165–182. https://doi.org/10.1007/978-981-19-9217-9_11
- Dabner, N. (2019) Digital Citizenship: A Sociocultural Snapshot. In: Tatnall, A. (ed.). *Encyclopedia of Education and Information Technologies*. Springer, Cham. pp. 1–5. https://doi.org/10.1007/978-3-319-60013-0_179-1
- Degtyarenko, K.A. & Kirko, V.I. (2023) Digital policy of China: digital image of the national state. *Digitalization*. 4(4), 8–25. (in Russian).
Дежтяренко К.А., Кирко В.И. Цифровая политика Китая: цифровой образ национального государства // Цифровизация. 2023. Т. 4. № 4. С. 8–25.
- Egurova, M.A. & Egurov, A.V. (2023) Digital Political Rights as New Reality in Digital PublicLaw Space. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 24(2), 65–77. <https://doi.org/10.31429/26190567-24-2-65-77> (in Russian).
Егунова М.А., Егунов А.В. Цифровые политические права как новая реальность цифрового публично-правового пространства: политико-правовой аспект // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 2. С. 65–77. <https://doi.org/10.31429/26190567-24-2-65-77>
- Ershova, I.V. & Enkova, E.E. (2022) Digital maturity as an indicator of the success of digital transformation of a university. *Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSAL)*. 100(12), 20–29. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.100.12.020-029> (in Russian).
Ершова И.В., Енькова Е.Е. Цифровая зрелость как показатель успешности цифровой трансформации университета // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 12(100). С. 20–29. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.100.12.020-029>
- Gadzhieva, A.O. (2023) Electronic Voting Technologies in Elections: Russian and Foreign Experience. *RUDN Journal of Law*. 27(3), 649–669. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-649-669> (in Russian).
Гаджиева А.О. Электронные технологии голосования на выборах: опыт применения в России и за рубежом // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 3. С. 649–669. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-649-669>
- Garkusha, V.N. (2023) Digital civilization, digital thinking and digital culture. *Information–Communication–Society*. (1), 55–59. (in Russian).
Гаркуша В.Н. Цифровая цивилизация, цифровое мышление и цифровая культура // Информация–Коммуникация–Общество. 2023. Т. 1. С. 55–59.

- Gavrilova, Yu.A. (2023) The Constitutionalization of information security in Russian Law: improving the theoretical model. *RUDN Journal of Law*. 27(1), 97–116. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-97-116> (in Russian).
Гаврилова Ю.А. Конституционализация информационной безопасности в российском праве: проблема совершенствования теоретической модели // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 1. С. 97–116. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-97-116>
- Isakov, I.N. (2023) New technologies in law as a highly effective means of implementing the constitutional principle of equality in conditions of multi-level legal regulation. *RUDN Journal of Law*. 27(4), 919–938. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-919-938> (in Russian).
Исаков И.Н. Новые технологии в праве как высокоэффективное средство реализации конституционного принципа равенства в условиях разноуровневого правового регулирования // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 4. С. 919–938. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-919-938>
- Kravets, I.A. (2023) Digital citizenship and constitutional challenges in the information and algorithmic society. *Comparative constitutional review*. 153(2), 93–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-93-123> (in Russian).
Кравец И.А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2023. № 2(153). С. 93–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-93-123>
- Mamlok, D. (2021) Advancing Digital Citizenship. *The Great Promise of Educational Technology. New Frontiers in Education, Culture, and Politics*. Palgrave Macmillan, Cham. pp. 155–167. https://doi.org/10.1007/978-3-030-83613-9_9
- Morales, N.J.M., Micles, V.D.P., Ibáñez, D.B. & Lagos, C.P. (2020) Digital Citizenship and Participation Through Twitter: The Case of Provincial Capital Municipalities in Ecuador (2009–2019). In: Rocha, Á., Ferrás, C., Montenegro Marin, C. & Medina García, V. (eds.). *Information Technology and Systems. ICITS 2020. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 1137. Springer, Cham. pp. 681–692. https://doi.org/10.1007/978-3-030-40690-5_65
- Örtengren, A. (2024) Philosophical underpinnings of digital citizenship through a postdigital lens: Implications for teacher educators’ professional digital competence. *Educ Inf Technol*. 29, 4253–4285. <https://doi.org/10.1007/s10639-023-11965-5>
- Panasyuk, V.P., Monakhova, L.Yu. & Sherayzina, R.M. (2023) Digital maturity of an individual as an assessment of his digital competence: types and levels. *Person and Education*. 76(3), 110–118. (in Russian).
Панасюк В.П., Монахова Л.Ю., Шерайзина Р.М. Цифровая зрелость индивида как оценка его цифровой компетентности: виды и уровни // *Человек и образование*. 2023. № 3 (76). С. 110–118.
- Polenina, S.V. (1975) Complex legal institutions and the formation of new branches of law. *Jurisprudence*. (3), 71–79. (in Russian).
Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // *Правоведение*. 1975. № 3. С. 71–79.
- Pyrma, R.V. (2019) Political facets of digital citizenship. *Power*. 27(4), 69–78. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6588> (in Russian).
Пырма Р.В. Политические грани цифрового гражданства // *Власть*. 2019. Т. 27. № 4. С. 69–78. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6588>
- Rusakova, E.P. (2023) The application of artificial intelligence in the civil proceedings of the People’s Republic of China: theoretical and legal analysis. *RUDN Journal of Law*. 27(2), 468–480. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-468-480> (in Russian).
- Shamrin, M.Yu. & Galkina, M.V. (2023) The role of blockchain in improving public administration. *RUDN Journal of Law*. 27(4), 956–968. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-956-968> (in Russian).

Шамрин М.Ю., Галкина М.В. Роль блокчейна в совершенствовании публичного управления // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 956–968. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-956-968>

Third, A., Collin, P., Walsh, L. & Black, R. (2019) Digital Citizenship. *Young People in Digital Society. Studies in Childhood and Youth*. Palgrave Macmillan, London. pp. 175–219. https://doi.org/10.1057/978-1-137-57369-8_5

Vlasenko, N.A. (2013) Logical and linguistic requirements for legal constructions. *Legal technique*. (7–2), 164–167. (in Russian).

Власенко Н.А. Логико-языковые требования к юридическим конструкциям // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 164–167.

Об авторах:

Гаврилова Юлия Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и теории права, Институт права, Волгоградский государственный университет; 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

ORCID: 0000-0002-8055-4710

e-mail: gavriloVA_ua@volsu.ru

Боков Юрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Институт права, Волгоградский государственный университет; 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

ORCID: 0000-0001-6357-9599

e-mail: bokov@volsu.ru

About the authors:

Yulia A. Gavrilova – Candidate of Legal Science, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Law, Law Institute, Volgograd State University; 100 Universitetsky ave., Volgograd, 400062, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8055-4710

e-mail: gavriloVA_ua@volsu.ru

Yuri A. Bokov – Candidate of Legal Science, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Law Institute, Volgograd State University; 100 Universitetsky ave., Volgograd, 400062, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6357-9599

e-mail: bokov@volsu.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-565-583>
EDN: HWMBJC

Научная статья / Research Article

Право и цифровизация современного здравоохранения

О.В. Романовская , Г.Б. Романовский

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

 pgu-gpd@yandex.ru

Аннотация. Раскрываются актуальные проблемы оказания медицинской помощи и организации общественного здравоохранения в условиях стремительного развития цифровых технологий. Цель исследования – охарактеризовать юридические проблемы, возникающие в процессе внедрения таких концепций, как цифровое здравоохранение, электронное здравоохранение, мобильное здравоохранение; определить правовой режим электронной медицинской карты и телемедицины, некоторых видов инновационной биомедицинской деятельности. Показано последовательное влияние информационно-коммуникационных технологий на процесс взаимодействия пациента и медицинского работника. Определен правовой режим телемедицины, а также ее переход к электронному здравоохранению. В статье систематизированы особенности правового регулирования как общей электронной медицинской карты, так и создаваемых специализированными медицинскими организациями. Представлены юридические проблемы совместимости данных, а также возможного трансграничного обмена. Проанализирована концепция мобильного здравоохранения. Уделено внимание рискам, возникающим в силу ее развития, где основное место занимают угрозы неприкосновенности частной жизни и кибербезопасности. Обобщены основные направления цифровой медицины и ее сложности, с которыми сталкивается современное правовое регулирование, а именно: использование больших данных и внедрение искусственного интеллекта, трансляционная биоинформатика и геймификация различных этапов оказания медицинской помощи и др. Обозначены правовые проблемы, возникающие при внедрении в медицинскую практику некоторых цифровых устройств, где особое внимание уделено интерфейсу «мозг-компьютер». Представлены комплексные рекомендации по совершенствованию здравоохранительного законодательства.

Ключевые слова: правовое регулирование, электронное здравоохранение, мобильное здравоохранение, электронная медицинская карта, цифровое здравоохранение, биомедицина, телемедицина

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Романовская О.В. – ведение, концепция, научный анализ материалов; Романовский Г.Б. – научное руководство, теоретическое обоснование исследования, обобщение полученных результатов, заключение.

© Романовская О.В., Романовский Г.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00365, <https://rscf.ru/project/24-28-00365/>

Поступила в редакцию: 18 января 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Романовская О.В., Романовский Г.Б. Право и цифровизация современного здравоохранения // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 565–583. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-565-583>

Law and digitalization of modern healthcare

Olga V. Romanovskaya , Georgy B. Romanovskiy

Penza State University, Penza, Russian Federation

 pgu-gpd@yandex.ru

Abstract. The article addresses the issues in healthcare delivery and organization of public healthcare in the face of rapid advancements in digital technologies. The purpose of the study is to outline the legal challenges arising during the implementation of concepts such as digital health, e-health, mobile health as well as establishing the legal framework for electronic medical records and telemedicine, and certain types of innovative biomedical activities. The article illustrates the consistent impact of information and communication technologies on the interaction between patients and healthcare providers. It defines the legal framework for telemedicine and its transition to e-health. The study systematizes the particularities of legal regulations concerning both general electronic medical record and those developed by specialized medical organizations. It presents legal challenges related to data compatibility and potential cross-border exchanges. The concept of mobile healthcare is analyzed, with attention given to the risks associated with its development, notably threats to privacy and cybersecurity. The main directions of digital medicine and the challenges faced by modern legal regulations are summarized, including the use of big data, the integration of artificial intelligence, translational bioinformatics, gamification of various stages of medical care, etc. Additionally, the legal challenges arising from the use of big data and introduction of certain digital devices into medical practice are outlined, with special attention given to the brain-computer interface. Comprehensive recommendations for the improvement of healthcare legislation are presented.

Key words: legal regulation, e-health, mobile health, electronic health record, digital health, biomedicine, telemedicine

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Romanovskaya O.V.* – introduction, concept, scientific analysis of materials; *Romanovskiy G.B.* – scientific leadership, theoretical substantiation of the study, generalization of the results obtained, conclusion.

Funding. The study was financed by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00365, <https://rscf.ru/project/24-28-00365/>

Received: 18th January 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Romanovskaya, O.V., Romanovskiy, G.B. (2024) Law and digitalization of modern healthcare. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 565–583. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-565-583>

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий приводит к масштабной трансформации многих аспектов человеческого общежития. В их центре информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые определяют современное межличностное общение, а значит, находятся в основе любого взаимодействия. Не стало исключением и здравоохранение, цифровизация которого обозначена как одно из приоритетных направлений правовой политики Российской Федерации. Это отмечается в различных нормативных документах, определяющих развитие данной отрасли. Так, в 2016 г. Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам утвердил Паспорт приоритетного проекта «Совершенствование процессов организации медицинской помощи на основе внедрения информационных технологий» (протокол президиума от 25.10.2016 г. № 9). Чуть позже в Паспорте национального проекта «Здравоохранение» появился Федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)» (протокол президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018 г. № 16). Создание единого цифрового контура – одна из целей Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 06.06.2019 г. № 254. Несколько шире представлена концепция в Стратегическом направлении в области цифровой трансформации здравоохранения (утверждено распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.12.2021 г. № 3980-р). Одновременно с этим в рамках проекта «Цифровое государственное управление» утверждены ведомственные программы цифровой трансформации Министерства здравоохранения России (далее Минздрав России) и Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения.

Цифровые технологии одновременно способствуют построению горизонтальных связей и получению информации и услуг в режиме реального времени, что не просто ускоряет любые общественные процессы, но и применительно к здравоохранению создает дополнительные возможности для развития «медицины 4Р»¹. В Российской Федерации данный концепт зачастую объединяют общим термином – «персонализированная медицина». Приказом Минздрава России от 24.04.2018 № 186 утверждена Концепция предиктивной, превентивной и персонализированной медицины, которая согласно этому документу нацелена на развитие индивидуальных подходов к пациенту. Таким образом, цифровизация может стать технологической основой персонализации медицины.

Цифровизация способствует и иным масштабным изменениям в общественном здравоохранении. Возможность быстрой и интеллектуальной обработки больших

---

¹ Собираемый термин, используемый в англоязычной литературе, включающий в себя четыре элемента медицины будущего: *personalized* – персонализированная; *predictive* – предикативная, или предсказательная; *preventive* – превентивная, или профилактическая; *participatory* – партисипативная.

данных («*big data*») позволяет не только оптимизировать финансовые расходы, способствуя их более правильному распределению, но и прогнозировать государственную политику в отношении профилактики заболеваемости, предотвращения некоторых из них, создания логистической основы здравоохранения. К тому же государство, накапливая большие объемы данных, должно следовать принципу открытости, что выразилось в появлении еще одного концепта «открытые данные». Сайт Минздрава России содержит соответствующий раздел².

Право, электронное здравоохранение и электронная медицинская карта

Появление компьютеров в системе здравоохранения практически сразу позволило автоматизировать некоторые процессы, что привело к появлению медицинской информатики. Одновременно с этим возможность передачи информации с помощью телекоммуникационных технологий породило понятие телемедицины, начало которому было положено в начале 90-х гг. прошлого столетия. Уже тогда происходила апробация различных моделей передачи данных, обнажившая при этом ряд универсальных проблем, которые не утратили свое значение в современных условиях: защита данных о пациентах (Margolis, 1994:14), достоверность консультаций (Sanders & Bashshur, 1995:118), зоны ответственности участников консультации (Brahams, 1995:199). Телемедицина в настоящее время не утратила свое значение, заметно расширив свои возможности благодаря различным методам обмена информацией в режиме реального времени, став электронным помощником, позволяющим по-новому раскрыть принцип доступности медицинской помощи.

Российское законодательство в вопросах развития телемедицины заметно отставало. Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и плана ее реализации была утверждена Приказом Минздрава РФ № 344, РАМН № 76 от 27.08.2001 г. Однако возможные проекты их легализации не находили должной поддержки в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Так, в 2006 г. официально был внесен проект Федерального закона «Об информационно-коммуникационных технологиях в медицине» (группой депутатов), но в 2011 г. (после пяти лет отсутствия реакции) был формально отклонен. Внимание к проблеме было приковано благодаря Посланию Президента РФ в 2016 г., что сразу привело к принятию Федерального закона от 29.07.2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья». В его развитие принят Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий (Приказ Минздрава России от 30.11.2017 г. № 965н).

Наращивание возможностей ИКТ привело к появлению нового термина – электронное здравоохранение (сокращенное, «eHealth»). В зарубежной научной литературе традиционно считается, что первооткрывателем стал Дж. Митчелл, который и обозначил этим понятием качественный переход от телемедицины³. Термин набрал быструю популярность, в чем заслуга была и компании Intel, продвигавшей его для показа тесной связи органов управления здравоохранением и бизнес-структур

² Министерство здравоохранения Российской Федерации. Открытые данные. Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/opendata> (дата обращения: 15.02.2024).

³ Mitchell, J. (1999) From Telehealth to e-Health: The Unstoppable Rise of e-Health. Canberra, Australia: Department of Communications, Information Technology and the Arts. 55–56.

в вопросах продвижения преимуществ, создаваемых конвергенцией интернета и медицины. Г. Эйзенбах в 2001 г., сокрушаясь, что термин «электронная медицина» был введен маркетинговыми и вряд ли имеет научное значение, признал, что его широкое распространение создало целый концепт. Г. Эйзенбах отмечал, что в широком смысле электронное здравоохранение – это «состояние ума, приверженность сетевому мышлению», выделяя 10–Е (по первой букве приведенных характеристик на английском языке): эффективность (Efficiency), обучение (Education), этика (Ethics), справедливость (Equity) и др. (Eysenbach, 2001). Определения Дж. Митчелла и Г. Эйзенбаха являются традиционными, они используются во всех энциклопедиях и базовых публикациях по электронному здравоохранению, хотя разночтения в понимании присутствуют до сих пор.

При общем понимании электронного здравоохранения и условности терминологии по настоящее время есть понятийный «разлом», делящий его на три основные концепции:

– электронное здравоохранение – собственно здравоохранение, вобравшее новые технологии;

– электронное здравоохранение – совокупность технологических возможностей, инфраструктура, позволяющая ее использовать в целях оказания медицинской помощи;

– электронное здравоохранение – сфера услуг, элемент коммерческого сектора (электронной коммерции), позволяющего максимизировать прибыль.

При таком разрозненном понимании будут меняться и правовые подходы, а точнее те цели, которые будут ставиться при формировании правового поля. Если цель регулирования здравоохранения – это одна аксиология, где медицинский работник и пациент должны находиться в центре внимания; если – технология, то первоначально будут учитываться интересы разработчиков оборудования и программного обеспечения; если – рыночный сектор, то коммерческие интересы подчинят себе все остальное. По-видимому, государство должно учесть все аспекты, но отталкиваться необходимо от обеспечения интересов пациента и медицинского работника.

Как в России, так и за рубежом, одним из ключевых направлений развития электронного здравоохранения выступает создание электронной медицинской карты (ЭМК). В Российской Федерации эта тема стала активно обсуждаться в 2010-х гг. при разработке Концепции развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года. А.А. Мохов одним из первых ученых-юристов, кто предложил собственное видение ЭМК – «документ, в котором содержится персональная информация о пациенте, его обращениях за медицинской помощью, оказанных услугах, проводимой терапии, инвазивных вмешательствах, проведенных прививках и других особенностях жизнедеятельности (аномалиях развития, перенесенных травмах, аллергических реакциях и др.)» (Mokhov, 2010:23).

Несмотря на актуальность данного нововведения, ЭМК не имеет повсеместного хождения. Наиболее проработанная модель создана только в городе Москве⁴, где есть как удаленный сервер, систематизирующий информацию (но только в пределах города Москвы), так и мобильное приложение, позволяющее отслеживать информацию в режиме реального времени. Федеральный законодатель пошел несколько иным путем. Поставлена цель – развитие единого портала «ГосУслуги», в рамках

⁴ Ваша электронная медицинская карта. Режим доступа: <https://www.mos.ru/city/projects/medcarta/?ysclid=lox8k640vz450123579> (дата обращения: 15.02.2024).

которого создается профиль «Здоровье». Таким образом наполнение происходит не через персонифицированную специализированную карту, а через создание информационного блока, который наполняет портал. А уже благодаря развитию общего ресурса происходит наполнение данными личного раздела каждого пользователя. Правовое развитие произошло в 2017 г., когда старт новациям был дан Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 242-ФЗ (выше он упоминался в связи с телемедициной). Следом было принято Распоряжение Правительства РФ от 15 ноября 2017 г. № 2521-р, утвердившее Перечень услуг в сфере здравоохранения, возможность предоставления которых гражданам в электронной форме посредством единого портала государственных и муниципальных услуг обеспечивает единая государственная информационная система в сфере здравоохранения.

Некоторую путаницу создает Федеральный закон от 29.11.2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», в котором п. 2 части 3 статьи 50 предусматривает финансирование на ведение медицинских карт пациентов в электронном виде. Минздравом России (11.11.2013 г. № 18-1/1010) утвержден документ «Основные разделы электронной медицинской карты». Он был направлен на реализацию указанного закона о ОМС. В нем представлено узкое понятие ЭМК – «совокупность электронных персональных медицинских записей (ЭПМЗ), относящихся к одному пациенту, собираемых, хранящихся и используемых в рамках одной медицинской организации». При обращении гражданина в различные медицинские организации должны формироваться различные ЭМК. К тому же видно, что пациент не может вносить коррективы, отсутствует и обратная связь.

Приказом Минздрава России от 15.12.2014 г. № 834н утверждены различные унифицированные формы медицинской документации (которые используются в медицинских организациях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях), среди них – медицинская карта пациента, получающего медицинскую помощь в амбулаторных условиях (учетная форма № 025/у). Несмотря на то, что все содержание Приказа № 834н исходит из «бумажной» карты пациента, Приказом Минздрава России от 09.01.2018 г. № 2н введен п. 2.1, согласно которому карта должна формироваться в форме электронного документа, а порядок ее оборота определяется Приказом Минздрава России от 7 сентября 2020 г. № 947н (устанавливающий весь порядок электронного документооборота в медицинских организациях). Добавим, что по профилям онкология, фтизиатрия, психиатрия, психиатрия-наркология, дерматология, стоматология и ортодонтия специализированные медицинские организации ведут свои медицинские карты пациента. Перспективный план работы Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2023 год⁵ обозначал начало работы над цифровым профилем пациента, с помощью которого можно было бы осуществлять контроль за качеством оказания медицинской помощи и правильностью распределения денежных средств, выделяемых ФОМС.

Технологической платформой выступает единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ), правовой режим которой определен Постановлением Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 140 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения». Предполагается создание суперсервиса, который должен объединить различные базы данных, включая в себя:

⁵ Утвержден правлением ФФОМС 29 декабря 2022 г., решение № 1, протокол № 4.

– различные регистры пациентов, реестры лиц, находящихся на диспансерном и ином специализированном учете, а также каталоги учета оказания видов медицинской помощи;

- реестры медицинских организаций и медицинских работников;
- документы статистического наблюдения и различные аналитические таблицы;
- данные, внесенные самим пациентом (в том числе с помощью «ГосУслуг»).

Предполагается, что ЕГИСЗ станет площадкой обмена различных файлов, как например, содержащих визуализацию результатов тех или иных медицинских исследований (снимки МРТ, КТ и др.), выполняя отдельные функции телемедицины. Кроме того, платформа должна объединить взаимодействие всех возможных участников электронного здравоохранения: пациенты, медицинские организации, медицинские работники, органы управления здравоохранением, участники фармрынка (от опта до розницы) и некоторые другие. Всеобщий охват должен создать такую систему, в рамках которой информационный обмен будет охватывать любые аспекты как общественного здравоохранения, так и персонального здоровья. Необходимо также спрогнозировать и тот объем информации, который будет объединяться ЕГИСЗ.

Широта суперсервиса нацелена на будущее. Краткий обзор показывает, что весь планируемый функционал не задействован. Получается, что многие аспекты до сих пор законодательно не урегулированы. Определение правового режима данных происходит по мере их накопления. Так, после принятия Федерального закона от 30 апреля 2021 г. № 126-ФЗ появилась возможность оформления электронного больничного листа, отражение которого происходит на портале «ГосУслуги». Участие самого пациента минимизировалось. В то же время посещение негосударственной медицинской организации (вне получения больничного листа) не будет отражено на «ГосУслугах», минимизированы возможности самого гражданина по заполнению личных медицинских данных. В субъектах Российской Федерации разрабатываются собственные ЭМК, где технологическая платформа – региональный портал медицинских услуг.

Анализ европейской практики показывает, что путь принятия специального закона об ЭМК пациента достаточно редкий. Примером может служить швейцарский Союзный закон об электронных картах пациентов от 19.06.2015 г. (вступил в силу 15.04.2017 г.)⁶. Так, статья 2 закрепляет понятие ЭМК – «виртуальное досье, посредством которого децентрализованно хранящиеся важные для лечения данные из истории болезни пациента или его собственные записанные данные могут быть доступны в процессе поиска в конкретном случае лечения». Создание ЭМК – личное дело каждого, необходимо добровольное согласие, которое одновременно выступает согласием на внесение информации со стороны медицинских организаций. Пациент может отозвать согласие в любое время и без объяснения причин. В 2023 г. представлен план о полном пересмотре законодательства в этой сфере. Основные предложения нацелены на автоматическое создание ЭМК (бесплатно для всех граждан) при допустимости внесения отказа от нее. Таким образом, активные действия пациента будут заключаться не в выражении согласия на создание, а в оформлении отказа от ЭМК. Создается также основа для возможного использования данных из ЭМК для проведения научных исследований. Предполагается использование будущего

---

⁶ Bundesgesetz über das elektronische Patientendossier. Режим доступа: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2017/203/de> (дата обращения: 15.02.2024).

государственного E-ID (электронного идентификационного сертификата) для доступа к ЭМК, благодаря чему должно произойти совмещение с электронным документом гражданина.

Государства-члены Евросоюза исходят из общих правил обработки персональных данных, с дополнительным указанием, что медицинские данные относятся к конфиденциальным, к тому же отличающимся особой чувствительностью. Это означает, что на ЭМК распространяется Общий регламент защиты персональных данных (General Data Protection Regulation; GDPR⁷), имеющий прямое действие в государствах-членах. Режим, установленный GDPR, отличается жесткостью, за что подвергается критике со стороны медицинских работников, поскольку тотальное следование GDPR препятствует сбору необходимых данных, позволяющему ускорить развитие общественного здравоохранения. Е.-Б. ван Вин настаивает, что на информационные банки медицинской документации нельзя распространять режим функционирования социальных сетей (Van Veen, 2018:70–80). С. Уильямс также высказывал опасения о возможном вреде GDPR для экспериментальных медицинских исследований (Williams, 2018:508). В научной литературе указывалось на риски значительных ограничений, возложенных на медицинские организации (Staunton, Slokenberga & Mascalconi, 2019). Если рассматривать зону Евросоюза, то сейчас одна из задач – интеграция ЭМК всех стран, входящих в ЕС, под одну технологическую платформу. Этому способствует Рекомендация ЕК о европейском формате обмена электронными медицинскими картами (С(2019)800)⁸ от 6 февраля 2019 г. Несмотря на проделанную работу и выделенные финансовые ресурсы, еще очень много барьеров, которые некоторыми учеными видятся как непреодолимые. Настройка единых информационных систем между двумя странами Финляндией и Эстонией высветил некоторые из них⁹. Более того, создание ЭМК по единому стандарту и на единой платформе содержит в себе дополнительные риски утечки информации, использования ее в преступных целях (Kierkegaard, 2011). Высказываются также опасения использования данных из единой системы в целях осуществления социального контроля со стороны государства и транснациональных корпораций (Birger, He & Just, 2023). Конфиденциальность, ставшая условием доверительных отношений между врачом и пациентом, выстроившая всю современную систему здравоохранения, оценивается при таком уровне цифровизации как «категория зомби» – понятие, продолжающее свою жизнь, даже если оно утратило свою актуальность (Wadmann, Hartlev & Hoeyer, 2023).

Тренд на универсализацию ставится во всем мире. Этому способствует принятие единого стандарта ИСО 10781:2023 Информатика здоровья. Функциональная

⁷ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R0679> (дата обращения: 05.02.2024).

⁸ Recommendation on a European Electronic Health Record exchange format. Режим доступа: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/recommendation-european-electronic-health-record-exchange-format> (дата обращения: 06.02.2024).

⁹ Исследование было проведено по заданию Европейской Комиссии. Итоговый отчет: eHealth, Interoperability of Health Data and Artificial Intelligence for Health and Care in the EU. Interoperability of Electronic Health Records in the EU. Режим доступа: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/interoperability-electronic-health-records-eu> (дата обращения: 06.02.2024).

модель электронной системы медицинских карт HL7, версия 2.1 (EHR FM)¹⁰. Однако поставленная теоретическая задача (универсальность) требует серьезных технологических усилий. Не будем углубляться в данном направлении, это имеет опосредованное отношение к юриспруденции, но отметим несколько факторов:

- технические правила по многим аспектам превалируют над юридическими;
- модели взаимодействия и протоколы передачи данных могут различаться, не всегда выбор унифицированной формы будет способствовать соблюдению таких конституционных ценностей, как безопасность и конфиденциальность;
- достижение поставленных целей в области электронного здравоохранения зависит от уровня технологической независимости, а отсутствие собственных технологических решений может установить дополнительную зависимость всего населения страны от иностранных компаний;
- создание технологических возможностей должно сопровождаться появлением специальных навыков и компетенций у медицинских работников и пациентов, позволяющих им эффективно использовать все появившиеся цифровые возможности.

Каждый из приведенных аспектов должен учитываться при формировании национальной правовой основы ЭМК.

Право и мобильное здравоохранение

Появление многофункциональных мобильных телефонов (смартфонов) и мессенджеров, позволяющих обмениваться информацией в режиме реального времени, внесло свои коррективы в принципы межличностных коммуникаций, а значит, безусловно, затронуло и здравоохранение. Данная тенденция усилилась за счет появления различных гаджетов, способствующих самостоятельному отслеживанию личных медицинских показателей, участию в сборе медицинской информации и самооказанию различных видов помощи. Фармацевтические организации предлагают небольшие технологические устройства – тонометры, глюкометры, портативные пульсоксиметры, многофункциональные измерители холестерина, мочевой кислоты в крови, системы подачи лекарств. Созданы даже носимые портативные устройства на патче (ultrasound-system-on-a-patch, USoP), способные осуществлять ультразвуковую диагностику для раннего выявления различного вида заболеваний, как, например, рака молочной железы (Burgess, Gluskin & Pinker, 2023:1948), либо для контроля состояний (Lin, Zhang & Gao, et al., 2023). Перечень таких устройств с каждым годом растет.

Смарт-часы («умные часы») – современный аксессуар, используемый практически каждым гражданином, способен не только измерять количество пройденных шагов, но и кардиовыносливость, уровень кислорода в крови, пульс, а в некоторых случаях – ЭКГ, температуру тела и артериальное давление. В медицинских журналах постоянно стали появляться публикации об использовании смарт-часов для диагностики сердечнососудистых заболеваний (в том числе инфаркта миокарда) (Drexler, et al., 2020:2224).

Наличие подобных средств создает огромнейшие массивы информации, которые ранее (еще в недалеком прошлом) можно было собрать только при непосредственном обращении в медицинскую организацию. Сейчас пациент становится не

¹⁰ ISO 10781:2023. Режим доступа: <https://www.iso.org/ru/standard/84722.html> (дата обращения: 09.02.2024).

просто пассивным субъектом, а партнером. Появление различных приложений также способствуют соучастию (что обеспечивает партисипативность в системе персонализированной медицины) любого гражданина в процессе оказания медицинской помощи. Можно выделить наиболее распространенные (по функционалу), чтобы показать их возможности, которые позволяют упростить порядок взаимодействия с врачом. Так, специальные приложения популярны среди будущих мам, с помощью которых можно вести журнал беременности, загружать снимки, сделанные во время УЗИ, фиксировать визиты к врачу и др. Активно развиваются приложения по следующим направлениям: 1) здоровый образ жизни, включая физическую активность, и контроль питания; 2) управление хроническими заболеваниями (первенство занимают диабет, бронхиальная астма и психические расстройства); 3) напоминание о приеме лекарств; 4) реабилитация, в рамках которой необходима приверженность определенным действиям (Kim, et al., 2021).

Кроме того, создаются различные приложения для врачей, ускоряющие поиск специализированной литературы, инструкций по лекарственным средствам; для пациентов – от специальных облачных хранилищ результатов различных исследований, электронных помощников по здоровому питанию до чат-ботов, консультирующих по профилактике заболеваний, и сервисов удаленного общения с лечащим врачом или семейным доктором. Благодаря этому разрабатывается концепция «соединенного здравоохранения» (Connected Health), которая предполагает создание целой экосистемы – «медицинская организация – врач – пациент», – становящейся элементом общественного здравоохранения (Carroll, Kennedy & Richardson, 2016:67).

Необходимо добавить, что наличие различных устройств ставит задачу по их совместимости и возможности систематизации собранной информации из различных источников. Совокупность всевозможных устройств и их массовое распространение обусловило появление отдельного направления – мобильного здравоохранения mHealth. Мобильные устройства получили большее распространение, они не требуют проводного подключения, что только облегчает их доступность. Не меньшую роль сыграла цена как самого устройства, так и предлагаемых приложений; тем более, что действует принцип – с размерами охвата уменьшается стоимость. К тому же классическое электронное здравоохранение больше ориентируется на статику – телемедицину и карты пациентов, mHealth – на динамику – отслеживание симптомов, физической формы, напоминания о приеме лекарств, персонализированная поддержка по целому ряду заболеваний, доступ к различной информации, связанной со здоровьем (и все это в режиме реального времени) (Stecher, et al., 2023).

Стремительное развитие mHealth получило во время введения карантинных ограничений в результате распространения коронавирусной инфекции. С учетом введения режима самоизоляции доступность медицинской помощи приобрела новые свойства. В ряде стран появились приложения, которые позволяли самостоятельно отслеживать контакты с лицами, заразившимися COVID-19, предупреждать о возможном заражении, а также ограничивать больных в передвижениях. Кроме того, различные чат-боты давали советы по контролю симптомов и рекомендации по непосредственному посещению медицинских организаций, приему лекарств и контролю различных показателей (Alsahli, Hor & Lam, 2023).

Произошедшая «тихая» революция показала, что цифровая трансформация – нечто большее, чем просто технологический сдвиг, она стала влиять как на стратегию, так и тактику управления в сфере здравоохранения, что требует адекватного

правового обеспечения (Angerer, Stahl, Krasniqi & Banning, 2022). Возникла необходимость правового закрепления цифрового формата общения «врач – пациент», поскольку в этих отношениях одно из ключевых мест принадлежит вопросам ответственности и юридической квалификации врачебной ошибки.

Кроме того, вовлечение практически всей частной жизни (существенным элементом которой следует признать состояние здоровья) в цифровое пространство создает дополнительные риски в ее нарушениях и обеспечении кибер-безопасности. Интеграция данных mHealth в единую сеть позволяет осуществлять контроль за личностью. С учетом того, что медицинская информация отличается особой чувствительностью, желание завладеть ею может возникнуть у большого числа заинтересованных лиц (в числе первых – страховые, банковские организации, работодатели и др.). Утечки персональных данных в медицинских организациях, и сопровождающие их кибер-атаки, стали, к сожалению, привычной новостью. Только среди получивших медийное освещение можно выделить целевой фишинг (внедрение программы-вымогателя), которому подверглись Университетская больница Брно в Чехии, исследовательская группа Hammersmith Medicines в Великобритании (занималась испытанием вакцины против COVID-19), Управление парижских больниц во Франции, Babylon Health (система видеоконференций для записи в больницу и телеконсультаций) в Соединенном Королевстве (Muthuppalaniappan & Stevenson, 2021). В каждом случае деятельность медицинских организаций была парализована на какое-то время, затем требовалось отвлечение ресурсов на восстановление записей и электронных систем. Подобная уязвимость создает долгосрочные негативные последствия: снижение уровня доверия со стороны пациентов (что всегда выступает залогом эффективности оказания медицинской помощи); компрометация государственной политики в отношении здравоохранения (поскольку временная недоступность медицинской помощи снижает уровень конституционных гарантий права на охрану здоровья); наложение финансовых санкций (со стороны не только государства, но и иных участников – поставщиков оборудования, лекарственных средств).

Создание различных медицинских портативных устройств в настоящее время сопровождается включением двух функций: возможность удаленной передачи информации (как правило, происходит с помощью Bluetooth), зачастую с наличием обратной связи, и участие в интернете вещей (Internet of Things, IoT). Это также создает дополнительные риски. Так, удаленное управление допускает хакинг, взлом программы и перенастройку устройства. Аналогичные риски создает и интернет вещей, причем они усиливаются, поскольку передача данных происходит внутри системы, где решение одного элемента зависит от предоставленной информации от других элементов. При этом специально созданные приложения задействуют современные мобильные телефоны (как минимум для постоянной визуализации). Например, от наличия датчиков, размещенных на теле пациента, посылающих сигнал, зависит работа иных аппаратов, обеспечивающих жизнедеятельность организма. Если указывать на современные больничные учреждения, то система управления и внутренняя логистика все больше строится по принципу интернета вещей (Haidhar Athir Mohd Puat & Nor Azlina Abd Rahman, 2020). Одновременная такая модель управления становится уязвимой для внешнего воздействия, что создает угрозы как для конкретной медицинской организации, так и для всей системы здравоохранения.

Право и цифровое здравоохранение

Цифровое здравоохранение – обобщающее понятие, охватывающее электронное здравоохранение, мобильное здравоохранение, медицинскую информатику, а также иные цифровые инструменты, способствующие развитию полного спектра оказания медицинских услуг и общественного здравоохранения. Анализ зарубежного права показывает, что законодатель не спешит принимать специализированный нормативный акт. Отчасти это связано с быстрым темпом технологического преобразования. Амбициозным стал проект Закона о цифровом здравоохранении, разработанный в Мексике в 2023 г., но наличие значительного числа спорных инициатив привело к его заморозке¹¹.

Иногда упоминается Закон Германии «Об электронном здравоохранении», но это сокращенное наименование (E-Health-Gesetz) Закона от 21 декабря 2015 г. о безопасных цифровых коммуникациях и приложениях в здравоохранении¹². Так что ассоциировать его с регулированием всей цифровой среды было бы неправильным. Однако он задал определенный тренд: в течение непродолжительного времени были приняты следующие законы:

- Закон от 6 мая 2019 г. об ускорении записи на прием и улучшении ухода¹³;
- Закон от 9 августа 2019 г. о большей безопасности поставок лекарств¹⁴;
- Закон от 9 декабря 2019 г. об улучшении медицинского обслуживания посредством цифровизации и инноваций (Закон о цифровом снабжении)¹⁵;
- Закон от 14 октября 2020 г. о защите электронных данных пациентов в телематической инфраструктуре (Закон о защите данных пациентов)¹⁶;
- Закон от 3 июня 2021 г. о цифровой модернизации заботы и ухода¹⁷.

Представленные законы определили режим электронных данных о пациенте (с установлением гарантий защиты неприкосновенности частной жизни); внедрили

¹¹ Digital Health Laws and Regulations, Mexico, 2023. Режим доступа: <https://iclg.com/practice-areas/digital-health-laws-and-regulations/mexico> (дата обращения: 03.02.2024).

¹² Gesetz für sichere digitale Kommunikation und Anwendungen im Gesundheitswesen. Режим доступа: <https://dip.bundestag.de/vorgang/gesetz-f%C3%BCr-sichere-digitale-kommunikation-und-anwendungen-im-gesundheitswesen-sowie/67134> (дата обращения: 03.02.2024).

¹³ Gesetz für schnellere Termine und bessere Versorgung (Terminservice- und Versorgungsgesetz – TSVG). Режим доступа: <https://dip.bundestag.de/vorgang/gesetz-f%C3%BCr-schnellere-termine-und-bessere-versorgung-terminservice-und-versorgungsgesetz/240321?term=TSVG&f.typ=Vorgang&rows=25&pos=1> (дата обращения: 03.02.2024).

¹⁴ Gesetz für mehr Sicherheit in der Arzneimittelversorgung. Режим доступа: <https://dip.bundestag.de/vorgang/gesetz-f%C3%BCr-mehr-sicherheit-in-der-arzneimittelversorgung/243802?term=GSAV&f.typ=Vorgang&rows=25&pos=2> (дата обращения: 03.02.2024).

¹⁵ Gesetz für eine bessere Versorgung durch Digitalisierung und Innovation (Digitale-Versorgung-Gesetz – DVG). Режим доступа: <https://dip.bundestag.de/vorgang/gesetz-f%C3%BCr-eine-bessere-versorgung-durch-digitalisierung-und-innovation-digitale-versorgung-gesetz/251761?term=DVG&f.typ=Vorgang&rows=25&pos=2> (дата обращения: 03.02.2024).

¹⁶ Gesetz zum Schutz elektronischer Patientendaten in der Telematikinfrastruktur (Patientendaten-Schutz-Gesetz – PDSG). Режим доступа: <https://dip.bundestag.de/vorgang/gesetz-zum-schutz-elektronischer-patientendaten-in-der-telematikinfrastruktur-patientendaten-schutz-gesetz/260962?term=PDSG&f.typ=Vorgang&rows=25&pos=4> (дата обращения: 03.02.2024).

¹⁷ Gesetz zur digitalen Modernisierung von Versorgung und Pflege (Digitale-Versorgung-und-Pflege-Modernisierungsgesetz – DVPMG). Режим доступа: <https://dip.bundestag.de/vorgang/gesetz-zur-digitalen-modernisierung-von-versorgung-und-pflege-digitale-versorgung-und-pflege-modernisierungsgesetz/272822?term=DVPMG&f.typ=Vorgang&rows=25&pos=3> (дата обращения: 03.02.2024).

юридические стимулы ускоренного внедрения медицинских электронных приложений; создали протекционистские условия для развития IT-структуры немецкого здравоохранения (определив, например, обязательные требования по технологической совместимости различных приложений, баз данных, платформ и сервисов); включили телемедицинские услуги в перечень, оплачиваемый за счет страховых организаций; установили механизм повышения цифровой грамотности в области здравоохранения и «суверенитета пациентов» и др. Германский опыт вполне мог бы учитываться в российской правовой политике (с учетом национальных особенностей государственного управления в сфере здравоохранения).

Перспективы цифровизации открывают новые возможности, становясь ориентиром в стратегическом планировании многих отраслей регулирования. В Российской Федерации действует национальный проект «Национальная программа „Цифровая экономика Российской Федерации“» (паспорт утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 г. № 7). В рамках проекта действуют различные подпрограммы, однако отсутствует стратегический документ, посвященный цифровому здравоохранению. Зарубежный опыт свидетельствует об ином.

Обобщим (тезисно) основные направления цифровой медицины и те сложности, с которыми сталкивается современное правовое регулирование.

1. Использование больших данных в здравоохранении позволяет качественно менять подходы в лечении конкретного пациента. Вся информация, собираемая с различных электронных устройств или занесенная в цифровое пространство с помощью алгоритмов, может обрабатываться по заданным параметрам. Особенность больших данных заключается в том, что изменение параметров обуславливает новый результат. Это позволяет постоянно работать с большими данными, выдавая необходимые итоговые заключения. Один из признаков больших данных – их анонимизация, что создает условия для безопасности самого субъекта данных.

Возникновение больших информационных массивов обусловило необходимость закрепления правового режима больших данных. В Российской Федерации в 2018 г. был внесен законопроект (№ 571124-7) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁸, предлагавший закрепить понятие «большие пользовательские данные» и определить статус оператора таких данных. Отрицательные заключения от профильных комитетов Государственной Думы привели к возврату проекта инициаторам. Иные попытки внесения проекта в законодательный орган страны не повторялись.

2. Большие данные являются условием функционирования искусственного интеллекта (ИИ), где особую озабоченность вызывает участие в процессе принятия решений медицинских работников. Например, уже сейчас представлены неплохие результаты использования искусственного интеллекта при прогнозировании риска (с определением фактора) развития и дифференциальной диагностики рака (Yang, et al., 2022). Если углубиться в проблематику, то необходимо указать на выделение слабого ИИ и сильного ИИ. В первом случае речь идет о дополнительных технических устройствах, программах, алгоритмах, помогающих врачу самостоятельно определять процесс диагностики заболевания и оказания медицинской помощи (что не

¹⁸ Проект № 571124-7. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/571124-7> (дата обращения: 07.02.2024).

требует принципиальных изменений законодательства). Во втором случае разрабатывается концепция «цифрового врача» – машины, выполняющей отдельные функции медицинского работника, или полностью его заменяющего (здесь отсутствуют единые подходы в регулировании, что предопределяет отсутствие законов в большинстве стран мира). В любом случае в ближайшее время будет поставлен ряд юридических вопросов, нуждающихся в разрешении, а именно: право интеллектуальной собственности на усовершенствованный алгоритм машинного обучения (не только программист, но и врач может участвовать в описании алгоритма); ответственность за врачебные ошибки; разделение труда между врачом и машиной.

Необходимо еще указать, что сейчас внедряются системы поддержки клинических решений и персонального помощника в лечении различных заболеваний (наиболее активно ведется работа по таким заболеваниям, как инсульт, диабет, рак). В каждом случае ИИ обрабатывает информацию, полученную о пациентах. Например, система поддержки клинических решений для мониторинга раковых опухолей нуждается в доступе к жидкой биопсии и ее цифровому описанию. Чем больше доступа, тем точнее информация. В идеале – обработка данных, полученных по всем миру, что актуализирует трансграничный обмен большими данными в сфере здравоохранения (а это создает свои дополнительные юридические трудности¹⁹).

Прогресс ИИ в здравоохранении создает условия для развития смежных направлений:

- трансляционная биоинформатика, благодаря которой системный анализ статистики, геномной информации, клинических данных приводит к улучшению качества, доступности, эффективности здравоохранения (это потребует внесения изменений в законодательство о геномных технологиях, которое в отношении ДНК человека в Российской Федерации практически отсутствует);

- управление цифровой медицинской информацией обуславливает оптимизацию рабочих процессов в любой медицинской организации. Выработана специальная концепция «Digital Hospital», которая модифицирует практически все вопросы управления, вплоть до процесса перемещения медицинского персонала;

- виртуальная реальность, дополненная реальность и метавселенная (в частности, по многим аспектам внедряется компьютерное моделирование (Bakshi, et al., 2021:1326), геймификация различных этапов оказания медицинской помощи, виртуальные сенсорные тесты для пациентов с мышечной слабостью²⁰ и др.), правовой режим которых в Российской Федерации не определен.

3. Цифровая биомедицина предполагает внедрение значительного числа цифровых продуктов и технологий, среди которых: биомедицинские чипы (Driver & Mishra, 2023), виртуальные помощники (Curtis, et al., 2021), биопринтинг (Romanovskaya & Romanovsky, 2023), интерфейс «мозг–компьютер» (brain-computer interface – BCI)²¹, цифровые биомедицинские устройства (например, бионические

¹⁹ В частности, в России введены ограничения на перемещение биоматериалов за пределы государства.

²⁰ Gottsegen G. How Virtual Reality and Augmented Reality in Healthcare Is Changing Medicine. Режим доступа: <https://builtin.com/healthcare-technology/ar-virtual-reality-healthcare> (дата обращения: 13.02.2024).

²¹ Внедрение чипов в мозг человека предлагает компания Илона Маска «Нейралинк». В 2019-2021 гг. прошли успешные опыты на обезьянах. Осенью 2023 г. компания получила разрешение на проведение тестовых испытаний на человеке. Официально объявлен набор добровольцев с параличом. См.: Neuralink. Режим доступа: <https://neuralink.com/>

протезы²²). Внедрение многих из них порождает серьезные этические проблемы, ведет к пересмотру содержания некоторых основных прав человека. Например, внедрение интерфейса «мозг–компьютер» связано с внедрением в человеческий мозг небольших чипов, стимулирующих участки, отвечающие за двигательные способности. Их следует отличать от биомедицинских чипов (которые уже распространены в биомедицинской практике, как например, микрофлюидные чипы). В то же время перспективы указывают на расширенное применение интерфейса и использования его для наращивания различных интеллектуальных возможностей человека, а также для стирания границ между биологическим и цифровым миром, получившим свое собственное название – биоцифровая конвергенция (Peters, Jandrić & Hayes, 2021:377). Подобные технологии именуют биодигитальными, и их число и социальное значение постоянно растет. Следует признать, что тотальная цифровизация затрагивает все больше сторон не только социальной, но и биологической жизни, превращая ее в цифровой код. Биопринтинг тому подтверждение, когда биопечать органов, тканей человека, нервных клеток (Rad, et al., 2022) осуществляется на основе такого цифрового кода. Подобное развитие обязательно приведет к таким дискуссиям юридической направленности, как: распространение конституционной правосубъектности на различные модели, обладающие интеллектуальными способностями; уточнение принципа недискриминации в силу биологического разделения граждан с природными и измененными способностями (сегрегация по генетическим признакам); границы таких прав человека, как право на жизнь, право на личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни и др. Ряд компаний зарегистрировали патенты на создание цифровых копий человека, повторяющие различные социальные и психологические особенности конкретной личности²³. Есть возможность создания посмертного чат-бота, который, возможно, в будущем может преобразоваться в 3D-оболочку своего прообраза. Это породило целое движение «цифрового бессмертия» (Hurtado, 2022). Активно обсуждается концепция цифровых прав человека, которая в новых условиях охватывает и биомедицинский аспект.

Заключение

Перспективы цифровизации здравоохранения масштабны. Они могут значительным образом преобразить всю систему общественного здравоохранения, а также вывести на новый уровень персонализацию охраны здоровья конкретного человека. В то же время изменяется роль отдельной личности, чья собственная история биологической, социальной и психической жизни пока еще недоиспользована как ресурс всей системы оказания медицинской помощи. Персональные данные (а этот термин используем в самом расширительном виде) – «новая кровь» не только экономики (как это принято указывать при характеристике цифровой революции), но и здравоохранения, все больше набирающего приоритет в системе ценностей публичной политики. Возрастающая индивидуализация, обеспечивающая взаимодействие пациента с цифровым здравоохранением, расширяет его возможности, но и заставляет

²² В России лидером является компания «Моторика»: <https://motorica.org/home?ysclid=lpbled93662152565>

²³ Компания Google зарегистрировала еще в 2017 г. патент «Система и способ использования цифрового виртуального клона в качестве входных данных в моделируемой среде». Режим доступа: <https://patents.google.com/patent/US9959497B1/en> (дата обращения: 15.02.2024).

звучать по-иному вопрос об ответственности за свое собственное здоровье. Появление новых возможностей в установлении контроля не только за процессом лечения, но и за всем образом жизни, нацелено на профилактику и минимизацию последствий многих болезней (а зачастую и предотвращает их появление). Это одновременно приведет к пересмотру оценки обязанностей в сфере охраны здоровья, переведет некоторые аспекты состояния здоровья из личной в сферу публичную. Это несет в себе определенные угрозы в части распространения социального контроля на столь чувствительные грани частной жизни.

Цифровые технологии, совершенствующие оказание медицинской помощи, обуславливают различные подходы в их правовом регулировании. Некоторые из них требуют лишь незначительных уточнений. Например, использование новых мобильных приложений потребует внесения изменений в статью 38 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и Номенклатурную классификацию медицинских изделий (утверждена Приказом Минздрава России от 06.06.2012 № 4н). Простое указание на программное обеспечение, которое есть в представленных актах, явно недостаточно. И таких моментов, требующих точечных изменений и дополнений, накопилось уже достаточно много, что требует определенного мониторинга и инициативы со стороны Минздрава России. Такая же кропотливая работа требуется для унификации значительного числа технических требований, предъявляемых к цифровизации всего процесса оказания медицинской помощи. В первую очередь это относится к единому формату введения данных, чтобы они могли использоваться для дальнейшей обработки. С учетом общемировой заинтересованности в обработке медицинских больших данных универсализация выступает одновременно с правилами их трансграничного обмена. Большой охват позволит формулировать более четкие рекомендации по организации здравоохранения и оказанию медицинской помощи (как по группам заболеваний, так и при классификации пациентов).

Ряд аспектов цифрового здравоохранения нуждается в организационной настройке, что может реализоваться в общем федеральном проекте «Цифровое государственное управление» (составной части национального проекта «Цифровая экономика»). Это потребует управленческих решений, правовое оформление которых должно происходить в рамках общей административной реформы. В то же время это обусловит изменение роли Минздрава России, как архитектора публичного управления. Цифровизация ведет к децентрализации, что не означает отказ от системы государственных органов, но серьезным образом изменит их методы управления (отход от императива в сторону использования принципов поведенческой экономики и учета интересов каждого гражданина, в центре которых подталкивание, а не прямое принуждение).

Есть глобальные тренды, которые требуют детального осмысления и этической, а затем правовой оценки. Это, в частности, касается не только чипирования головного мозга, но и внедрения ЭМК. Первичная цель – упростить работу врача, создать удобства для пациента – опирается в определенные технические проблемы приведения всего информационного массива к «единому знаменателю». К тому же в Российской Федерации обозначена задача по формированию глобального супер-сервиса – ЕГИСЗ, которая должна объединить различные ресурсы и реестры, а также стать платформой для многофункционального обмена данными. Если анализировать зарубежный опыт, то в странах с высоким уровнем цифровизации, но с менее

амбициозными требованиями, высказываются сомнения в целесообразности такой унификации. Объединение баз данных упрощает утечку (кражу), кибератаки со стороны злоумышленников, а также злоупотребления со стороны публичных органов и медицинских работников. На протяжении не одного столетия оказание медицинской помощи строилось на основании доверия, которое выстраивалось с помощью таких институтов, как врачебная тайна, автономия пациента и приоритет его интересов. Появляющаяся из-за ломки этих базовых принципов неуверенность в сознании пациента приведет к сокрытию информации, поиску альтернативных путей получения медицинской помощи (что благодаря социальным сетям вполне реально, но приведет к появлению значительного числа мошенников и шарлатанов). Уже сейчас происходит поиск минимизации негативных последствий (в частности, закрепление обязательного ознакомления пациента с любым фактом допуска к его личной ЭМК, использование блокчейн-технологий для хранения медицинских данных), что также требует самостоятельной правовой оценки.

Еще более значимые проблемы, возникающие в силу появления новой философии биоцифровой конвергенции. Тотальная цифровизация может привести к тому, что человеческая личность может превратиться в модель со своим серийным номером. Первые шаги в эту сторону происходят: аддитивные технологии, позволяющие осуществлять биопечать человеческих тканей и органов, основаны на их преобразовании в числовой код и последующую передачу на расстояние.

Подобные перспективы, как и описанные выше, требуют адекватного юридического ответа, который в российском законодательстве пока не наблюдается. Многие реформы, предложенные Минздравом России, проходят в российском законодательном органе затруднительно и долго. Ряд законов заметно устарели (в частности, касающиеся регулирования геномных технологий), а часть нуждается в серьезных дополнениях (например, Закон «О персональных данных», в части регулирования больших данных и режима ЭМК). Масштабные изменения видятся в преобразовании всего здравоохранительного законодательства, завершением которого должен стать новый Здравоохранительный кодекс Российской Федерации. Но это потребует также решения значимых экзистенциальных дилемм, в решении которых юристы должны принимать самое активное участие.

References / Список литературы

- Alsahli, S., Hor, S. & Lam, M. (2023) Factors Influencing the Acceptance and Adoption of Mobile Health Apps by Physicians During the COVID-19 Pandemic: Systematic Review. *JMIR Mhealth Uhealth*. (11), e50419. <https://doi.org/10.2196/50419>
- Angerer, A., Stahl, J., Krasniqi, E. & Banning, S. (2022) The Management Perspective in Digital Health Literature: Systematic Review. *JMIR Mhealth Uhealth*. 10(11), e37624. <https://doi.org/10.2196/37624>
- Bakshi, S.K., Lin, S.R., Ting, D.S.W., Chiang, M.F. & Chodosh, J. (2021) The era of artificial intelligence and virtual reality: transforming surgical education in ophthalmology. *British Journal of Ophthalmology*. 105(10), 1325–1328. <https://doi.org/10.1136/bjophthalmol-2020-316845>
- Birrer, A., He, D. & Just, N. (2023) The state is watching you – A cross-national comparison of data retention in Europe. *Telecommunications Policy*. 47(4), 102542. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2023.102542>
- Brahams, D. (1995) The medicolegal implications of teleconsulting in the UK. *Journal of telemedicine and telecare*. 1(4), 196–201. <https://doi.org/10.1177/1357633X9500100402>

- Burgess, Gluskin & Pinker, (2023) From bedside to portable and wearable: development of a conformable ultrasound patch for deep breast tissue imaging. *Molecular Oncology*. 17(10), 1947–1949. <https://doi.org/10.1002/1878-0261.13531>
- Carroll, N., Kennedy, C. & Richardson, I. (2016) Connected Community Healthcare Ecosystem (CCHHE) for managing long-term conditions. *Gerontechnology*. 14(2), 64–77.
- Curtis, R.G., Bartel, B., Ferguson, T., Blake, H.T., Northcott, C., Virgara, R. & Maher, C.A. (2021) Improving User Experience of Virtual Health Assistants: Scoping Review. *Journal of Medical Internet Research*. 23(12), e31737. <https://doi.org/10.2196/31737>
- Drexler, M., Elsner, C., Gabelmann, V., Gori, T. & Münzel, T. (2020) Apple Watch detecting coronary ischaemia during chest pain episodes or an apple a day may keep myocardial infarction away. *European Heart Journal*. 41(23), 2224. <https://doi.org/10.1093/eurheartj/ehaa290>
- Driver, R. & Mishra, S. (2023) Organ-On-A-Chip Technology: An In-depth Review of Recent Advancements and Future of Whole Body-on-chip. *BioChip Journal*. (17), 1–23. <https://doi.org/10.1007/s13206-022-00087-8>
- Eysenbach, G. (2001) What is e-health? *Journal of Medical Internet Research*. 3(2), e20. <https://doi.org/10.2196/jmir.3.2.e20>
- Haidhar Athir Mohd Puat & Nor Azlina Abd Rahman (2020). IoMT: A Review of Pacemaker Vulnerabilities and Security Strategy. *Journal of Physics: Conference Series*. (1712), 012009. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1712/1/012009>
- Hurtado, J.H. (2022) Envisioning postmortal futures: six archetypes on future societal approaches to seeking immortality. *Mortality*, 1–19. <https://doi.org/10.1080/13576275.2022.2100250>
- Kierkegaard, P. (2011) Electronic health record: Wiring Europe’s healthcare. *Computer Law & Security Review*. 27(5), 503–515.
- Kim, O.T., Dadaeva, V.A., Telhigova, A.A. & Drapkina, O.M. (2021) Mobile medical applications: opportunities, problems and prospects. *Russian Journal of Preventive Medicine*. 24(7). 96–102. <https://doi.org/10.17116/profmed20212407196> (in Russian).
Ким О.Т., Дадаева В.А., Тельхигова А.А., Драпкина О.М. (2021) Мобильные медицинские приложения: возможности, проблемы и перспективы // Профилактическая медицина. Т. 24. № 7. 96–102. <https://doi.org/10.17116/profmed20212407196>
- Lin, M., Zhang, Z. & Gao, X., et al. (2023) A fully integrated wearable ultrasound system to monitor deep tissues in moving subjects. *Nature Biotechnology*. (42), 448–457. <https://doi.org/10.1038/s41587-023-01800-0>
- Margolis, R.E. (1994) Law and policy barriers hamper growth of telemedicine. *Healthspan*. 11 (10), 14–15.
- Mokhov, A.A. (2010) Electronic medical record as a factor in the development of healthcare and protection of the rights of Russian citizens. *Medical Law*. (1), 23–26. (in Russian).
Мохов А.А. (2010) Электронная медицинская карта как фактор развития здравоохранения и защиты прав российских граждан // Медицинское право. 2010. № 1. С. 23–26.
- Muthuppalaniappan, M. & Stevenson, K. (2021) Healthcare cyber-attacks and the COVID-19 pandemic: An urgent threat to global health. *International Journal for Quality in Health Care. Journal of the International Society for Quality in Health Care*. 33(1), mzaa117. <https://doi.org/10.1093/intqhc/mzaa117>
- Peters, M.A., Jandrić, P. & Hayes, S. (2021) Bidigital Philosophy, Technological Convergence, and Postdigital Knowledge Ecologies. *Postdigital Science and Education*. 3(2), 370–388. <https://doi.org/10.1007/s42438-020-00211-7>
- Rad, M.A., Mahmodi, H., Filipe, E.C., Cox, T.R., Kabakova, I. & Tipper, J.L. (2022) Micromechanical characterisation of 3D bioprinted neural cell models using Brillouin microspectroscopy. *Bioprinting*. (25), e00179. <https://doi.org/10.1101/2021.08.17.456575>
- Romanovskaya, O.V. & Romanovsky, G.B. (2023) Legal regulation of additive technologies in modern biomedicine. *RUDN Journal of Law*. 27(1), 21–40. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-21-40> (in Russian).

- Романовская О.В., Романовский Г.Б.* Правовое регулирование аддитивных технологий в современной биомедицине // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 1. С. 21–40. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-21-40>
- Sanders, J.H. & Bashshur, R.L. (1995) Challenges to the implementation of telemedicine. *Telemedicine Journal*. 1(2), 115–123.
- Staunton, C., Slokenberga, S. & Mascalconi, D. (2019) The GDPR and the research exemption: Considerations on the necessary safeguards for research biobanks. *European Journal of Human Genetics*. 27(8). 1159–1167.
- Stecher, C., Pfisterer, B., Harden, S.M., Epstein, D., Hirschmann, J.M., Wunsch, K. & Buman, M.P. (2023) Assessing the Pragmatic Nature of Mobile Health Interventions Promoting Physical Activity: Systematic Review and Meta-analysis. *JMIR Mhealth Uhealth*. (11), e43162. <https://doi.org/10.2196/43162>
- Van Veen, E.-B. (2018) Observational health research in Europe: understanding the General Data Protection Regulation and underlying debate. *European Journal of Cancer*. (104), 70–80. <https://doi.org/10.1016/j.ejca.2018.09.032>
- Wadmann, S., Hartlev, M. & Hoeyer, K. (2023) The life and death of confidentiality: A historical analysis of the flows of patient information. *BioSocieties*. (18), 282–307. <https://doi.org/10.1057/s41292-021-00269-x>
- Williams, S. (2018) GDPR – not just an EU regulation? *The Lancet Oncology*. 19(10), e508. [https://doi.org/10.1016/S1470-2045\(18\)30696-X](https://doi.org/10.1016/S1470-2045(18)30696-X)
- Yang, X., Mu, D., Peng, H., Li, H., Wang, Y., Wang, P., Wang, Y. & Han, S. (2022) Research and Application of Artificial Intelligence Based on Electronic Health Records of Patients with Cancer: Systematic Review. *JMIR Medical Informatics*. 10(4). e33799. <https://doi.org/10.2196/33799>

Об авторах:

Романовская Ольга Валентиновна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет; 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

ORCID: 0000-0002-4563-1725; ResearcherID: C-7120-2017; SPIN-код: 5496-7700

e-mail: pgu-gpd@yandex.ru

Романовский Георгий Борисович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Пензенский государственный университет; 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

ORCID: 0000-0003-0546-2557; ResearcherID: S-7012-2016; SPIN-code: 2791-8376

e-mail: vlad93@sura.ru

About the authors:

Olga V. Romanovskaya – Doctor of Law, Full Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Penza State University; 40 Krasnaya str., Penza, 440026, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4563-1725; ResearcherID: C-7120-2017; SPIN-code: 5496-7700

e-mail: pgu-gpd@yandex.ru

Georgy B. Romanovskiy – Doctor of Law, Full Professor, Head of the Department of Criminal Law, Penza State University; 40 Krasnaya str., Penza, 440026, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0546-2557; ResearcherID: S-7012-2016; SPIN-code: 2791-8376

e-mail: vlad93@sura.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-584-603>

EDN: HYOTYN

Научная статья / Research Article

Применение технологий искусственного интеллекта при осуществлении цензуры со стороны интернет-платформ

Е.И. Дискин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация

 ediskin@hse.ru

Аннотация. Проблема злоупотреблений при осуществлении модерации интернет-платформ с помощью технологий искусственного интеллекта в значительной степени нова для юридической науки и практики, нормативное регулирование данной сферы только формируется, правоприменительная практика пока не сложилась. Автор, используя формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический методы и метод правового моделирования, анализирует негативные последствия применения программных комплексов с элементами искусственного интеллекта для осуществления модерации пользовательского контента. Исследуя некоторые технологические решения, с помощью которых интернет-платформы собирают и обрабатывают значительные массивы разнообразных данных о пользователях, автор указывает на потенциальную угрозу правам граждан на поиск и распространение информации в том случае, если правоотношения в области модерации контента с помощью искусственного интеллекта не будут законодательно регулироваться на качественно новом уровне. Исследуется ряд фактов, которые подтверждают тезис о том, что интернет-платформы, в условиях отсутствия нормативных ограничений, требований к прозрачности их деятельности, контроля со стороны государства и общества начинают осуществлять цензуру путем удаления мнений, высказываний и информации, которые могут ими рассматриваться как нежелательные, при том, что данные высказывания не нарушают законодательства и правила платформы. Автор приходит к выводу о том, что интернет-платформы наращивают возможности по контролю за высказываниями, играющими существенную роль в поддержании информационного баланса, т.е. возможности различных политических сил доносить свою точку зрения до широкой общественности, что в свою очередь представляет собой серьезную угрозу демократическому правопорядку. По результатам анализа российского законодательства и законодательства стран ЕС и США, с учетом сложившихся тенденций в работе интернет-платформ, сделан вывод о несовершенстве существующего правового регулирования, необходимости законодательного ограничения и контроля подобных технологий, применительно к осуществлению модерации, использованию алгоритмов и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: модерация, интернет-платформы, законодательство об информации, цензура, права интернет-пользователей, искусственный интеллект

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дискин Е.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Статья подготовлена в ходе исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Поступила в редакцию: 11 августа 2023 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Дискин Е.И. Применение технологий искусственного интеллекта при осуществлении цензуры со стороны интернет-платформ // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. С. 584–603. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-584-603>

The use of Artificial Intelligence technologies by internet platforms for the purposes of censorship

Evgeni I. Diskin

National Research University “Higher School of Economics” (HSE),
Moscow, Russian Federation
 ediskin@hse.ru

Abstract. The issue of abuse in regulating content moderation on internet platforms using artificial intelligence technologies is relatively new in legal science and practice. Regulatory frameworks in this area are still evolving, and enforcement practices have yet to be fully established. The author employs formal-legal, comparative-legal, historical methods and legal modeling to analyze the negative consequences of using software systems with artificial intelligence elements for user content moderation. By examining various technological solutions utilized by internet platforms for data collection and processing, the article highlights a potential threat to citizens’ rights to access and share information if legal relations governing content moderation with artificial intelligence are not significantly enhanced. It explores evidence suggesting that in the absence of regulatory constraints transparency requirements, internet platforms may begin censorship by removing content, based on their own criteria, even if it does not violate laws or platform guidelines. The author argues that unchecked actions by internet platforms could restrict individuals and political entities from expressing their views, posing a significant threat to democratic principles. By examining Russian, EU and US laws alongside current trends in internet platforms operations, the article concludes that the existing legal frameworks are inadequate and calls for legislative oversight and control over technologies used for content moderation, algorithms, and artificial intelligence applications.

Key words: moderation, internet platforms, information law, censorship, digital rights, Artificial Intelligence

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The article was prepared during the research within the framework of the Basic Research Program of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE).

Received: 11th August 2023

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Diskin, E.I. (2024) The use of Artificial Intelligence technologies by internet platforms for the purposes of censorship. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 584–603. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-584-603>

Введение

Проблемы модерации интернет-платформ, то есть вопросы, связанные с удалением или ограничением распространения нежелательного контента и сообщений пользователей, обостряются по мере увеличения значимости цифровизации в жизни человека. Очевидно, что удаление нежелательных массовых рассылок (спама), ограничение возможностей взаимодействия с другими пользователями тех, кто ведет себя агрессивно, рассылает сообщения с угрозами жизни и здоровью, оскорбляет с использованием ненормативной лексики, распространяет порнографию и материалы, содержащие сцены насилия правомерно, в целом необходимо, чтобы интернет-платформы не были пространством полной анархии и беззакония. Так, например, распространение порнографической продукции среди пользователей интернет-платформ с огромной аудиторией в десятки и сотни миллионов человек до сих пор представляет собой серьезную проблему, которая не нашла однозначного решения (Sorbán, 2023). Тем не менее, модерация может быть предметом злоупотребления, когда разумные и законные ограничения заменяются цензурой, т.е. удалением сообщений и контента, которые считаются интернет-платформами нежелательными по идеологическим и другим причинам (Diskin, 2023). Некоторые авторы называют данный процесс «приватизацией цензуры» в том смысле, что в современных условиях цензура исходит не только от государственных органов, но и от частных компаний (Monti, 2020). К сожалению, ввиду тяжелой геополитической ситуации одной из наиболее уязвимых групп пользователей являются российские граждане, СМИ, государственные органы, которые де-факто подвергаются массовому преследованию на иностранных интернет-платформах. Более того, в ведущих зарубежных научных журналах отмечены публикации по данной тематике, с требованием максимального ужесточения цензуры русскоязычного сегмента сети «Интернет» (далее – Сеть) под предлогом того, что российские СМИ разжигают ненависть и публикуют только недостоверную информацию (Filatova-Bilous, 2023). Данные факты не могут не вызывать тревогу и требуют усилий, направленных на регулирование правоотношений, связанных с процессами модерации интернет-платформ, идентификацию практики злоупотреблений с их стороны. Данная публикация анализирует текущий вектор развития Искусственного интеллекта (далее – ИИ) как средства модерации интернет-платформ, она нацелена на повышение качества и широты дискурса по данной проблематике, привлечение внимания к тому, какие угрозы несет применение данной технологии, оценки опыта нормотворчества в данной сфере в России и в других странах. Кроме того, в статье содержатся предложения по изменению действующего законодательства.

Искусственный интеллект как средство модерации

Решение задач по модерации контента интернет-платформами требует привлечения значительных людских и вычислительных ресурсов, так как подобные задачи связаны с обработкой огромных объемов информации. В 2020 году Марк Цукерберг

сообщал о том, что модераторы Facebook¹ проверяют более 3 миллионов запросов на удаление контента в день². Огромную роль в том, что интернет-платформы успевают обрабатывать данные объемы информации в режиме реального времени играют специализированные программные комплексы, использующие элементы ИИ для обнаружения и удаления запрещенной правилами платформы информации. Многие интернет-платформы используют программные комплексы, которые недоступны для продажи третьим лицам, однако появляются и коммерческие решения для решения таких задач. Так, в 2023 году корпорация Microsoft объявила о запуске в промышленную эксплуатацию программного комплекса Azure AI Content Safety³. Упомянутый программный комплекс с помощью ИИ автоматизирует процесс модерации, то есть удаления, ограничения и контроля над информацией публикуемой, распространяемой и комментируемой пользователями интернет-платформ, площадок электронной коммерции и игровых сервисов. Обращает внимание заявление Microsoft Corp. о том, что в настоящее время процесс модерации является критически важным для любых форм ведения коммерческой деятельности с использованием Сети ввиду необходимости удовлетворять ожидания пользователей в части создания так называемого «безопасного онлайн-пространства» и соблюдения регуляторных требований по недопущению распространения запрещенной информации⁴.

Модерация и право на свободу слова

Обращает на себя внимание тот факт, что в официальном заявлении Microsoft Corp. по поводу запуска программного комплекса Azure AI Content Safety отсутствует указание на то, как данный программный комплекс будет способствовать соблюдению законных прав пользователей Сети. Данное обстоятельство отражает сложившиеся в последнее время тенденции последовательного сокращения возможностей для реализации прав, закрепленных статьей 19 Всеобщей декларации прав человека⁵, которая гласит, что каждому гарантируется свобода искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ. Статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах конкретизирует данное право. Часть 2 упомянутой статьи содержит условие, согласно которому допустимы некоторые ограничения права на свободу слова — они должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения

¹ Продукт корпорации Meta Inc. признанной экстремистской организацией в Российской Федерации. 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

² John Koetsier. Report: Facebook* Makes 300,000 Content Moderation Mistakes Every Day. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/johnkoetsier/2020/06/09/300000-facebook-content-moderation-mistakes-daily-report-says/?sh=221b87854d03> (дата обращения: 16.01.2024). *21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

³ Federico Zarfati. Introducing Azure AI Content Safety: Helping Organizations to Maintain Safe Online Spaces. Режим доступа: <https://techcommunity.microsoft.com/t5/ai-cognitive-services-blog/introducing-azure-ai-content-safety-helping-organizations-to/ba-p/3825744> (дата обращения: 16.01.2024).

⁴ Federico Zarfati. Introducing Azure AI Content Safety: Helping Organizations to Maintain Safe Online Spaces. Режим доступа: <https://techcommunity.microsoft.com/t5/ai-cognitive-services-blog/introducing-azure-ai-content-safety-helping-organizations-to/ba-p/3825744> (дата обращения: 16.01.2024).

⁵ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 16.01.2024 г.).

прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения⁶. Эти основополагающие принципы отражены в статье 29 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует свободу слова и мысли, но одновременно запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Соседство этих положений внутри статьи 29 подчеркивает, что свободе слова всегда должно соответствовать разумное ограничение этой свободы. Отдельно отметим, что запрет цензуры установлен частью 5 данной статьи.

Фиксация недобросовестных практик интернет-платформ

На наш взгляд, вопрос о том, каковы реальные, фактически действующие гарантии защиты прав пользователей сети «Интернет» (далее — Сеть) при осуществлении модерации, является одним из ключевых для определения того, как будет развиваться Сеть в ближайшие годы в контексте массового внедрения технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) в различных сферах профессиональной деятельности. Особенно это касается тех сфер, где происходит обработка, анализ и распространение разного рода информации, в первую очередь это касается интернет-платформ.

Отсутствие эффективных гарантий и способов защиты прав пользователей, особенно в тех случаях, когда граждане одного государства пользуются интернет-платформами, созданными и контролируемые в другом государстве (для России данный вопрос стоит особо остро), опосредует необходимость повышенного внимания к негативным практикам, связанным с нарушением прав граждан на доступ к информации, возможности свободно высказывать свои мысли путем размещения сообщений, распространения информации любым законным способом. С подобной проблемой сталкиваются не только в России, и нередко конфликт, который возникает из-за нежелания интернет-платформ прекратить такие практики, приводит к их блокировкам — например, платформа X (ранее Twitter) была заблокирована в Нигерии в 2021 году (Chigoma & Sule, 2022). В 2023 году краткосрочные блокировки данной платформы отмечались в Турции⁷. В 2021 году блокировки ряда интернет-платформ (Twitter, VK, Tik-Tok) в связи с неисполнением законодательства о персональных данных вводились в Узбекистане⁸.

Не приветствуя блокировки Сетевых ресурсов как универсальный метод борьбы с нарушением применимого законодательства, отметим, что в ряде случаев злоупотребления со стороны интернет-платформ не оставляют иного выбора, как прибегать к ограничениям, в том числе радикального характера. В качестве примера таких вынужденных мер можно привести блокировку интернет-платформы

⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 16.01.2024 г.).

⁷ Adam Satariano. Twitter Was Blocked in Turkey, Internet-Monitoring Group Says. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2023/02/08/world/europe/turkey-earthquake-twitter-blocked.html> (дата обращения: 11.01.2024).

⁸ Catherine Putz. Uzbekistan Unblocks Twitter, TikTok Still Restricted. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2022/08/uzbekistan-unblocks-twitter-tiktok-still-restricted/> (дата обращения: 11.01.2024).

LinkedIn, нарушившей требования о переносе в Россию оборудования для обработки персональных данных российских пользователей, установленного ч. 5 ст. 18 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (Sherstobitov, Neverov & Barinova, 2018).

Отметим, что в сложившихся внешнеполитических условиях необходимо подробное описание недобросовестных практик интернет-платформ в области модерации, совершенствование и внедрение через нормотворчество соответствующих гарантий и средств защиты, широкого внедрения в юридическую практику обжалования неправомерных действий интернет-платформ, в том числе путем увеличения числа обращений граждан и организаций за защитой своих прав в судебном порядке.

Искусственный интеллект как средство модерации интернет-платформ

Искусственный интеллект, используемый в программных комплексах для осуществления функций модерации постоянно совершенствуется и потенциально может сделать контроль за высказываниями в Сети, распространяемой информацией и контентом абсолютным и тотальным со стороны «левиафанов киберпространства» (Sirichit, 2015). В отличие от методов модерации Сетевого контента, которые требуют принятия человеком (модератором) решения по конкретному спорному случаю применения правил и ограничений той или иной интернет-платформы, теоретическая пиковая производительность специализированных систем ИИ в качестве средства модерации практически не ограничена (точнее ограничена лишь уровнем затрат на построение центров обработки данных). Иными словами, специализированные программные комплексы, использующие ИИ в качестве базового инструмента принятия решений, такие как Microsoft Azure AI Content Safety⁹ и Google Content ID, смогут практически в режиме реального времени фильтровать то, что публикуют пользователи на любой интернет-платформе. Такой рост скорости модерации, когда все решения относительно возможности осуществлять одно из базовых индивидуальных прав человека, на котором зиждется демократическое государственное устройство, принимает машина, несет в себе беспрецедентный риск для дальнейшего развития и функционирования общества и государства. Отметим, что данный вывод подтверждается исследованиями, которые фиксируют значительную долю ошибок, которые допускают подобные программные комплексы. В частности, только по внутренним оценкам Facebook¹⁰ не менее 10% решений о модерации являются ошибочными¹¹ (Barret, 2020). Осложняет ситуацию и то, что ради снижения затрат, интернет-платформы занимаются аутсорсингом, в результате чего окончательные решения о модерации осуществляются низкоквалифицированным персоналом, не

⁹ Прим.: инструменты ИИ, встроенные в программный комплекс модерации контента Google, Facebook*, X (бывш. Twitter) и других крупных интернет-платформ обычно не имеют определенного фирменного обозначения, т.к. не предлагаются как самостоятельный рыночный продукт, однако умозаключения автора по поводу Azure AI Content Moderation в полной мере относятся и к ним. * 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

¹⁰ Продукт корпорации Meta Inc. признанной экстремистской организацией в Российской Федерации. 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

¹¹ Barret, P.M. (2020) Who Moderates the Social Media Giants? A Call to End Outsourcing. Режим доступа: https://issuu.com/nyusterncenterforbusinessandhumanri/docs/nyu_content_moderation_report_final_version (дата обращения: 16.01.2024).

имеющим достаточных навыков и подготовки (Roberts, 2019). Эпидемия COVID-19 ухудшила описанные тенденции, так как в условиях недоступности защищенных рабочих мест, большинство решений о модерации принималось машинами самостоятельно. Как признали в X в марте 2020 года, «ИИ может не понимать контекст высказываний и делать ошибки»¹². Данное признание было сделано под давлением фактов о том, что алгоритмы ИИ приняли ошибочные решения о многочисленных блокировках пользователей, которые не совершали нарушений¹³. Отметим, что помимо прямых последствий применения ИИ для осуществления модерации в виде ограничений на доступ и распространение информации отмечается эффект сужения информационных потоков человека, что получило название «эхо камеры» (echo chamber) (Kovaleva, et al., 2022), однако данный вопрос не входит в предмет рассмотрения данной статьи в силу его специфики.

Законодательство и его влияние на внедрение ИИ для целей модерации

Описанные выше тенденции требуют изучения определенного контекста, который следует рассмотреть подробнее. В частности, расширение использования программных комплексов с элементами ИИ для целей модерации является не только результатом внутреннего развития и конкуренции интернет-платформ, но и результатом давления со стороны ряда государств, продиктованном в том числе реакцией на ряд террористических актов, сопровождавшихся трансляцией случаев насилия в прямом эфире и массовым распространением такого контента (Crosset & Dupont, 2022). В частности, одним из знаковых законодательных актов такого рода, появившихся в результате реакции на упомянутые события, является Закон ФРГ от 1 сентября 2017 года «О мерах в отношении социальных сетей» (нем. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken, NetzDG), который требует от интернет-платформ удаления противоправного контента в течение 24 часов¹⁴.

В этом контексте обращает на себя внимание тональность дискуссии по поводу законодательных концепций модерации интернет-платформ, которая ведется в иностранной научной среде. В частности, такими зарубежными исследователями, как Jonathan Zittrain¹⁵, Tim Wu (Wu, 2019), Rachael Griffin (Griffin, 2022), Evelyn Douek (Douek, 2021), провозглашается переход «от эпохи прав к эпохе «публичного здоровья», где ценность высказываний сопоставляется с рисками их распространения». За этим скрывается идея необходимости превращения интернет-платформ в некую «безопасную среду», что требует от них больших ограничений высказываний, чем требует текущее законодательство, а соответственно и отход от традиционной модели конституционной защиты права на свободу слова.

¹² Vijaya Gadde, Matt Derella. An update on our continuity strategy during COVID-19. Режим доступа: https://blog.twitter.com/en_us/topics/company/2020/An-update-on-our-continuity-strategy-during-COVID-19 (дата обращения: 11.01.2024).

¹³ John Koetsier. Facebook* Deleting Coronavirus Posts, Leading To Charges Of Censorship. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/johnkoetsier/2020/03/17/facebook-deleting-coronavirus-posts-leading-to-charges-of-censorship/?sh=3eb598255962> (дата обращения: 11.01.2024). *21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

¹⁴ Heldt, A.P. (2018) Reading between the Lines and the Numbers: An Analysis of the First NetzDG Reports. Режим доступа: <https://papers.ssrn.com/abstract=3413677> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁵ Zittrain, J.L. (2019) Three Eras of Digital Governance. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3458435> (дата обращения: 15.01.2024).

Отметим, что в обоснование таких мер упомянутые исследователи ссылались на пример выборов президента США 2016 года и якобы недостаточные меры по борьбе с «российским вмешательством» в них. Таким образом, российские пользователи Сети давно находятся «под прицелом» интернет-платформ и будут преследоваться с помощью инструментов ИИ в первую очередь – значительная часть дискурса о регулировании Сети в США и ЕС сосредоточена на том, чтобы направить усилия интернет-платформ на борьбу с «российской дезинформацией и вмешательством в выборы» (Saurwein & Spencer-Smith, 2020; Francois & Lin, 2021; Geissler, et al., 2023; Weintraub & Valdivia, 2020; Hodgins, 2022). Далеко не в последнюю очередь внедрение систем ИИ активизировалось в ответ на описанные требования, что предоставляет благоприятную среду для их неконтролируемого внедрения и нарушения прав российских пользователей. Упомянутый выше германский закон NetzDG также был принят в том числе под влиянием этого дискурса (Rumyantsev, 2019).

Важно понимать, что тот объем данных, которыми в настоящее время обладают крупнейшие интернет-платформы о том, где пользователь находится, что вводит с клавиатуры, какие делает фотографии и видео, какие посещает сайты и какими пользуется приложениями, сколько он прошел шагов и какой у него пульс, позволит в самом ближайшем будущем (в течение 1–2 лет) создавать цифровые модели пользователей, которые будут включать психологический портрет, карту социальных связей и в целом предугадывать поведение человека с постоянно возрастающей точностью.

Учитывая то, что в настоящее время такими корпорациями, как Google¹⁶ и Apple¹⁷, разрабатываются наушники с функциями электроэнцефалограммы мозга (так называемые нейроинтерфейсы), что в перспективе позволит им собирать данные о мозговой активности, соединяя эти данные с информацией о том, где человек находится, что он в данный момент пишет, читает, говорит в слух (эти данные соберут голосовые помощники в смартфонах), понятие «свобода мысли» начинает наполняться новым содержанием, трансформироваться в задачу обеспечения свободы человеческой мысли от вполне буквального контроля цифровыми средствами.

Описанное выше не может рассматриваться исключительно как гипотетическая возможность – примеры приложений, создающих иллюзорное, не существующее информационное пространство с помощью средств ИИ уже существуют. В частности, доступное для операционных систем iOS от Apple и Google Android приложение Parallel Live Simulator создает иллюзию того, что человек ведет прямую трансляцию, которую одновременно комментируют тысячи человек, ставят лайки и оставляют реакции на видео¹⁸. Цель приложения в том, чтобы стимулировать тщеславие, однако технология, которая используется данным приложением, может быть без труда масштабирована для того, чтобы создавать иллюзии коммуникации для пользователей любой интернет-платформы¹⁹.

¹⁶ Steven Levy. This startup wants to get in your ears and watch your brain. *Wired*. Режим доступа: <https://www.wired.com/story/nextsense-wants-to-get-in-your-ears-and-watch-your-brain/> (дата обращения: 16.01.2024).

¹⁷ Apple's new patent shows AirPods with brain wave-detecting sensors // *The Times of India*. Режим доступа: <https://timesofindia.indiatimes.com/gadgets-news/apples-new-patent-shows-airpods-with-brain-wave-detecting-sensors/articleshow/102278175.cms> (дата обращения: 16.01.2024).

¹⁸ Apple AppStore. Parallel Live Simulator. Режим доступа: <https://apps.apple.com/us/app/parallel-live-simulator/id1534165497> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁹ Прим., соответствующие угрозы будут также освещаться в других разделах статьи.

Отметим, что интернет-платформы с самого начала своей деятельности старались максимизировать сбор данных о пользователях. Шон Паркер, бывший вице-президент компании Facebook²⁰, в ходе одной из конференций поделился своими наблюдениями о том, что стояло за архитектурой социальной сети при ее создании в 2005 году: «Как нам поглотить как можно больше вашего времени и сознательного внимания? Это значит, что нам нужно время от времени давать вам немного дофамина, потому что кому-то понравилась фотография, или пост, или что-то еще. Лайки, комментарии, сообщения – все это дает пользователям небольшую дозу дофамина, заманивая в петлю социального одобрения»²¹. Важно учитывать то, что в 2005 году у интернет-платформ не было такого мощного инструмента, как доступные в настоящее время программные комплексы, использующие ИИ. Однако, по словам Марка Цукерберга, уже в 2024 году ИИ будет «главным приоритетом для инвестирования Facebook»²².

Угрозы свободе слова со стороны интернет-платформ

Для того чтобы проиллюстрировать данные тенденции более подробно, следует принять во внимание такие примеры использования цифровых технологий, которые в ближайшем будущем будут объединены в синергетические цифровые системы внутри интернет-платформ для получения «ИИ-клона» любого пользователя²³.

Распознавание политической ориентации по выражению лица – исследование М. Kosinski подтверждает, что ИИ уверенно распознает политическую ориентацию человека, для чего достаточно проанализировать одну фотографию, на которой четко видно выражение лица. Средняя точность, с которой ИИ устанавливает политическую ориентацию по фото, составляет 72% – это выше, чем анализ заполненного опросного листа, включающего не менее 100 вопросов (такой опрос дает ответ с точностью 66 %) (Kosinski, 2021). Для того чтобы получить соответствующий результат, потребовалась обработка около 1 миллиона доступных в сети анкет с сайтов знакомств. Отметим, что аналогичным образом ИИ может определять и другие личностные, а также социальные характеристики, глубоко затрагивающие частную жизнь человека. В частности, еще в 2018 году тем же исследователем сообщалось, что алгоритм может корректно определять половую ориентацию мужчин в 81 % случаев и женщин в 71 % случаев при загрузке одной фотографии человека. При загрузке не менее 5 фотографий точность алгоритма повышалась до 91 % у мужчин и 83 % у

²⁰ Продукт корпорации Meta Inc. признанной экстремистской организацией в Российской Федерации. 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

²¹ Mike Allen. Sean Parker unloads on Facebook*: “God only knows what it's doing to our children's brains”. Режим доступа: <https://www.axios.com/2017/12/15/sean-parker-unloads-on-facebook-god-only-knows-what-its-doing-to-our-childrens-brains-1513306792> (дата обращения: 16.01.2024). *21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

²² Meta's AI Investments Ramp Up as Reality Labs Loses Billions. Режим доступа: <https://www.pymnts.com/meta/2023/meta-threads-grabs-nearly-100m-users-just-three-months-after-launch/> (дата обращения: 15.01.2024).

²³ Yoon, D. (2023) AI clones made from user data pose uncanny risks. 4 June 2023. The Conversation. Режим доступа: <http://theconversation.com/ai-clones-made-from-user-data-pose-uncanny-risks-206357> (дата обращения: 15.01.2024).

женщин. Данный результат был достигнут с помощью выборки величиной 35 326 изображений (Wang & Kosinski, 2018).

Оценка общих психологических характеристик человека с помощью открытых данных социальных сетей также не представляет для IT-специалистов какой-либо сложности. В частности, проведенное D. Quercia, M. Kosinski, D. Stillwell, J. Crowcroft еще в 2011 году исследование подтвердило возможность составить психологический портрет пользователя по 5 ключевым параметрам с точностью не ниже 0.88 по шкале до 1,5 единиц на основании лишь трех показателей аккаунта любого пользователя: числа подписчиков, числа подписок и числа добавления в тематические списки (Quercia et al., 2011). Аналогичные выводы об основных психологических свойствах личности ИИ способен делать на основании одной достаточно четкой фотографии (Kachur, et al., 2020).

Как указывает корпорация Microsoft, программный комплекс Azure AI Content Safety способен идентифицировать 4 вида контента, который, как полагают создатели, должен удаляться или ограничиваться средствами автоматизации. В частности, речь идет о контенте или сообщениях, выражающих ненависть (hate speech), подстрекающих к насилию (violence), сексуально откровенных материалах (sexually explicit material) и информации, направленной на распространение членовредительства (self-harm). В принципе это основные категории контента, которые стремятся ограничивать и удалять любые интернет-платформы (Dym & Fiesler, 2020). На первый взгляд, ничего предосудительного в удалении соответствующей информации, сообщений и контента, действительно нет. Однако, по мнению автора, данный взгляд является несколько поверхностным. Оценка угроз, которые несут подобные программные комплексы, требует внимательного и детального погружения в проблематику свободы слова и самовыражения с учетом специфики процессов цифровизации, протекающих в настоящее время и характеризующихся колоссальным влиянием крупных интернет-платформ и широким внедрением ИИ.

Еще 20 лет назад профессор L. Lessig писал о сети «Интернет» как об особом пространстве, где у человека включается другая логика поведения: «Этот охват стал возможен благодаря отсутствию власти в сети: любой человек, где бы он ни был, мог публиковать [*любую информацию*] для всех, везде. Сеть дала возможность публиковать [*информацию*] без фильтрации, редактирования или ответственности. Можно было написать то, что ты хочешь, решить, подписаться или нет [*т.е. указывать свое авторство, или нет*], отправить сообщение в компьютеры по всему миру, и через несколько часов эти слова будут повсюду. Сеть убрала самые важные недостатки свободы слова в реальном мире – *границу между издателем и автором [курсив мой]*. В реальном мире существует «тщеславная публикация» [*модель, в которой за публикацию платит автор, а не издатель*], но только богатые могут получить охват широкой аудитории таким образом. Для остальных из нас в реальном мире можно высказаться только в том объеме, который издатели хотят дать нам» (Lessig, 1999).

Это чрезвычайно точное и важное замечание, однако эту логику можно развить и продолжить. В частности, следует отметить, что Сеть диктует совершенно иной темп информационного обмена, чем тот, что был доступен человечеству до создания технологии WWW (World wide web). До цифровизации, в эпоху печати и телевидения, информация была доступна в вечерних и утренних газетах, еженедельных или ежемесячных журналах, книгах, телевизионных программах, которые выходили в определенные промежутки времени. Соответственно, формы самовыражения, такие как возможность высказаться по каким-либо насущным вопросам, были ограничены

архитектурой средств коммуникации — обыватель мог направить письмо в редакцию газеты или телевизионной передачи, однако это была в первую очередь односторонняя связь. Тем более что размещение поступившего письма в газете или какая-то иная реакция оставались на усмотрение редакции — именно об этом и говорил L. Lessig.

Другой важной формой публичного самовыражения была и остается возможность принять участие в публичном мероприятии, собрании, встрече закрытой группы. Однако здесь речь идет, скорее, о таком конституционном праве, как право на публичные мирные собрания. Возможность выступить на каком-либо крупном собрании со множеством участников следует считать привилегией, т.к. правом высказываться в таком формате в основном пользуются лица, играющие роль докладчиков, модераторов, членов президиума. Безусловно, такие формы общественной дискуссии важны, однако они в определенном смысле зависят от внешних обстоятельств, которые не находятся под контролем человека. Как отмечал L. Lessig, Сеть дала возможность высказываться практически без ограничений, но что еще очень важно — без какого-либо контекста, внешних обстоятельств, без необходимости достигать договоренностей о публикации. Отметим, что, в свою очередь, интернет-платформы дают возможность не просто высказаться, но и мгновенно распространить свое высказывание для огромного количества пользователей — охват может достигать десятков и даже сотен миллионов просмотров за короткий промежуток времени. Важно так же учитывать, что общение в Сети мультимодально и может вести способами невозможными в реальной жизни, когда в ответ на текстовое сообщение другой пользователей отвечает картинкой, видео или ссылкой (Yushkina & Panagina, 2019). Разумеется, описанные обстоятельства породили множество негативных эффектов, например, падение качества общественной дискуссии, снятие множества табу, которые существуют в реальном мире, грубость и бесцеремонность, агрессия и буллинг в коммуникации распространились слишком широко (Baburin & Cheremnova, 2022; Nikishin & Galyashina, 2021; Zhumabekova, 2022; Romanov, et al., 2021).

Однако цензура со стороны интернет-платформ, которая часто действует под благовидным предлогом удаления «ненадлежащей информации», не может быть оправдана этими обстоятельствами, несмотря на тот факт, что в Сети есть множество видов деструктивного контента, с которым необходимо бороться (в том числе применяя ИИ) как по соображениям защиты морали, так и во исполнение законодательных запретов, таких как запрет порнографии, пропаганды вражды или розни, защиты несовершеннолетних от информации, которая может негативно повлиять на их развитие (Titov, 2021).

В подтверждение данного тезиса можно привести множество примеров цензуры со стороны интернет-платформ. В 2016 году ряд работников Facebook²⁴ анонимно сообщили о фактах целенаправленного ограничения распространения информации консервативного политического спектра — она намеренно удалялась из раздела «Тренды», с помощью которого пользователи могут узнать о том, что в настоящее

---

²⁴ Продукт корпорации Meta Inc. признанной экстремистской организацией в Российской Федерации. 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремис 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

время популярно. Особо отметим, что уже тогда данный раздел формировался с помощью алгоритмов, но мог подвергаться «ручному» вмешательству, нарушающему «органическую выдачу»,²⁵ то есть не имеющую политической предубежденности. Схожую информацию предоставили общественности бывшие модераторы Facebook²⁶ Райан Хартвиг и Зак МакЭлрой. В частности, они подтвердили многочисленные факты применения двойных стандартов при осуществлении модерации в зависимости от того, против какой политической группы были направлены рестриктивные меры²⁷. В 2018 году компания Twitter была уличена в применении цензуры путем применения «скрытого бана» (Shadow ban) – ее суть сводится к тому, что пользователь не знает о том, что к его аккаунту применяются какие-либо запретительные меры, однако другие пользователи не видят этот аккаунт в своей новостной ленте, сообщения от аккаунта не появляются в разделе «Тренды» (Jaidka, Mukerjee & Lelkes, 2023). В частности, такая мера применялась в отношении Президента США Дональда Трампа и Ронны Макдэниэл, председателя организационного комитета республиканской партии США²⁸. Отметим, что в руководстве Twitter последовательно отрицали, что данные действия были намеренными, ссылаясь на некий программный сбой²⁹. Более того, руководители обеих социальных сетей последовательно отрицали факты цензуры, причем делали это под присягой перед Конгрессом США³⁰. Тем не менее раскрытые Илоном Маском после приобретения компании X внутренние документы дают серьезные основания для утверждений о существовании системы цифровой цензуры со стороны крупнейших интернет-платформ, расположенных в США (Diskin, 2023).

Регулирование рекомендательных алгоритмов и модерации в России

В настоящий момент законодательство, регулирующее правоотношения по поводу рекомендательных алгоритмов, находится на ранних этапах формирования. Тем

²⁵ Michael Nunez. Former Facebook workers: We routinely suppressed conservative news. Режим доступа: <https://gizmodo.com/former-facebook-workers-we-routinely-suppressed-conser-1775461006> (дата обращения: 16.01.2024).

²⁶ Продукт корпорации Meta Inc. признанной экстремистской организацией в Российской Федерации. 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремис 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

²⁷ Christopher Boyle. Exclusive: Inside Facebook's* content moderator bias with Ryan Hartwig and Zach McElroy, two Ex-Employees come forward to Project Veritas. Режим доступа: <https://www.publishedreporter.com/2020/07/03/exclusive-inside-facebooks-content-moderator-bias-with-ryan-hartwig-and-zach-mcelroy/> (дата обращения: 16.01.2024). 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремис 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

²⁸ Alex Thompson. Twitter appears to have fixed “shadow ban” of prominent Republicans like the RNC chair and Trump Jr.’s spokesman. Режим доступа: <https://www.vice.com/en/article/43paqq/twitter-is-shadow-banning-prominent-republicans-like-the-rnc-chair-and-trump-jrs-spokesman> (дата обращения: 16.01.2024).

²⁹ Alex Thompson. Twitter appears to have fixed “shadow ban” of prominent Republicans like the RNC chair and Trump Jr.’s spokesman. Режим доступа: <https://www.vice.com/en/article/43paqq/twitter-is-shadow-banning-prominent-republicans-like-the-rnc-chair-and-trump-jrs-spokesman> (дата обращения: 16.01.2024).

³⁰ Kevin Roose, Cecilia Kang. Mark Zuckerberg Testifies on Facebook Before Skeptical Lawmakers. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2018/04/10/us/politics/zuckerberg-facebook-senate-hearing.html> (дата обращения: 16.01.2024).

не менее, в последнее время активизировались усилия, направленные на регулирование рекомендательных алгоритмов и модерации как самостоятельных явлений.

Освещая изменения в российском законодательстве, особое внимание следует уделить Федеральному закону от 31.07.2023 № 408-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон о рекомендательных алгоритмах)³¹. Данный закон вводит новое понятие «рекомендательные технологии», обязывает информационные ресурсы размещать правила их применения на русском языке в публичном доступе. Краеугольным камнем данного закона является введение ответственности для владельцев сайтов, страниц, информационных систем и программ для ЭВМ, для которых применяются рекомендательные технологии за нарушение прав и законных интересов граждан, а также за предоставление информации с нарушением законодательства (статья 10.2–2). Однако вопрос о том, что именно является нарушением законодательства, законных прав и интересов граждан в данном контексте остается неясным. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) содержит большое число норм об ответственности за различные нарушения в сфере распространения информации, однако их нельзя однозначно, без сомнения и длительного анализа соотнести с нарушениями в области рекомендательных технологий. Как известно, данное обстоятельство является препятствием для привлечения лица к ответственности в силу положений ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации, так, любые неустранимые сомнения в виновности толкуются в пользу обвиняемого. Отдельно отметим, что глава 13 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) не содержит специального состава, который бы устанавливал ответственность за нарушения, предусмотренные статьей 10.2–2 Закона об информации. В свою очередь статья 13.50 КоАП РФ не устанавливает ответственности за нарушения прав пользователей в ходе осуществления модерации, хотя и обязывает социальные сети отчитываться о ходе рассмотрения жалоб на наличие информации, размещенной с нарушением закона.

Таким образом, вопросы защиты прав граждан при осуществлении модерации интернет-платформ не были в полной мере учтены при принятии Закона о рекомендательных алгоритмах, хотя председатель комитета Государственной Думы по информационной политике, информатизации и связи Александр Хинштейн указывал, что основной идеей законопроекта было пресечь возможность «навязывать информацию, выгодную третьим лицам, как, например, это было во время последних выборов в США [в 2020 году]»³².

Необходимо указать, что злоупотребления интернет-платформ во время подготовки и проведения выборов президента США в 2020 году не сводились лишь к необоснованному продвижению информации, выгодной для кандидата в президента от демократической партии, Джозефа Байдена, но и намеренному удалению негативной информации о нем, в том числе путем блокировок, направленных против лиц, сообщавших негативные сведения о нем (Diskin, 2023). Примечательно, что данные

³¹ Федеральный закон от 31.07.2023 № 408-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202307310021> (дата обращения: 15.01.2024 г.).

³² Николай Козин. Как будет работать закон о рекомендательных алгоритмах // Парламентская газета. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/economics/kak-budet-rabotat-zakon-o-rekomendatelnnykh-algoritmakh.html> (дата обращения: 15.01.2024 г.).

блокировки проводились под предлогом борьбы с недостоверной информацией, в том числе якобы распространяемой в результате проведения специальной информационной операции властями Российской Федерации³³. Однако позже было доказано, что запрещенная к распространению ведущими интернет-платформами под предлогом распространения «русской дезинформации»³⁴ статья в газете *New York Post* о содержимом ноутбука сына президента Байдена Хантера была основана на фактах, а информация о «дезинформации» как раз и была информационной специальной операцией, организованной штабом демократической партии США³⁵. Описанные обстоятельства позволяют понять, почему противодействие недобросовестным практикам интернет-платформ в области модерации имеет большое значение. Удаление какой-либо информации под предлогом того, что она является «дезинформацией, исходящей из России»³⁶ с помощью инструментов ИИ становится инструментом цензуры, что безусловно недопустимо как с точки зрения защиты государственного суверенитета, так и прав граждан в области распространения и получения информации. Тем не менее, Закон о рекомендательных алгоритмах, хотя и нуждается в доработке, представляет собой важный шаг в области защиты прав и законных интересов пользователей интернет-платформ, в том числе в области модерации с применением технологий ИИ, так как обязывает платформы раскрывать методы работы рекомендательных технологий.

Делая обзор отечественного законодательства регулирующее правоотношения в области модерации интернет-платформ, необходимо упомянуть Федеральный закон от 04.03.2022 № 30-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» и статью 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – Закон о противодействии цензуре). Как указывалось в официальном сообщении Роскомнадзора, данный закон принимался с целью «пресечения цензуры со стороны иностранных интернет-компаний в отношении российских СМИ»³⁷. Согласимся с высказанным Роскомнадзором тезисом о том, что «российское право не может и не должно подменяться на территории страны правилами интернет-компаний»³⁸. Тем не менее несмотря на то, что в данном случае мы имеем официальное признание факта цензуры со стороны иностранных интернет-платформ в отношении

³³ Natasha Bertrand. Hunter Biden story is Russian disinfo, dozens of former intel officials say. Режим доступа: <https://www.politico.com/news/2020/10/19/hunter-biden-story-russian-disinfo-430276> (дата обращения: 15.01.2024).

³⁴ Kelsey Vlamis. Twitter's former trust and safety chief said it was a mistake to censor the Hunter Biden laptop story: 'We didn't know what to believe'. Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/yoel-roth-twitter-censor-hunter-biden-laptop-story-was-mistake-2022-11> (дата обращения: 15.01.2024).

³⁵ Paul Gigot, Bill McGurn, Kim Strassel. The Hunter Biden Laptop Disinformation Is Exposed. Режим доступа: <https://www.wsj.com/podcasts/opinion-potomac-watch/the-hunter-biden-laptop-disinformation-is-exposed/4e8baf05-447c-419e-80d8-7424827c7b52> (дата обращения: 15.01.2024).

³⁶ Twitter. Disclosing networks of state-linked information operations. Режим доступа: https://blog.twitter.com/en_us/topics/company/2021/disclosing-networks-of-state-linked-information-operations- (дата обращения: 15.01.2024).

³⁷ Роскомнадзор. В Госдуму внесен законопроект о противодействии цензуре иностранных интернет-компаний в отношении российских СМИ. Режим доступа: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73178.htm> (дата обращения: 18.01.2024).

³⁸ Роскомнадзор. В Госдуму внесен законопроект о противодействии цензуре иностранных интернет-компаний в отношении российских СМИ. Режим доступа: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73178.htm> (дата обращения: 18.01.2024).

российских юридических лиц, нельзя не отметить, что Закон о противодействии цензуре не дает пользователям эффективных мер по противодействию такой цензуре. Более того, он не содержит формального определения цензуры, которое бы расширяло понятие, которое содержится в статье 3 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124–1 «О средствах массовой информации». Сам Закон о противодействии цензуре состоит из трех статей, не содержит определений, ссылок на Закон об информации, не дает физическим лицам каких-либо инструментов по защите своих прав в спорах с иностранными интернет-платформами.

Регулирование рекомендательных алгоритмов и модерации в Европейском Союзе

Значительное внимание к регулированию правоотношений в области рекомендательных алгоритмов и модерации интернет-платформ уделяется в Европейском Союзе. В частности, 19.10.2022 был принят Регламент Европейского парламента и Совета ЕС 2022/2065, сокращенно именуемый «Закон о цифровых услугах (Digital Services Act – DSA)»³⁹. В области модерации интернет-платформ с применением технологий ИИ, DSA обязует информировать пользователей об использовании таких технологий (часть 1 статьи 14). Онлайн-платформы обязаны готовить ежегодные отчеты об использовании инструментов модерации, а Европейская комиссия обязана создать открытую базу данных, где будут содержаться все решения онлайн-платформ по модерации, что делает этот процесс значительно более прозрачным (часть 5 статьи 22). Тем не менее, в данном законе есть положения, которые могут иметь негативные последствия для пользователей. В частности, статья 19 DSA предусматривает назначение «доверенных информаторов» (trusted flaggers). Роль данных лиц состоит в том, чтобы сообщать об информации, нарушающей законодательство. Интернет-платформы обязаны обрабатывать жалобы, поступающие от этих лиц немедленно и эффективно. Доверенные информаторы будут назначаться координаторами, которые в свою очередь назначаются компетентными органами государств-членов ЕС (статья 38). Несмотря на указание на то, что координаторы должны быть независимыми в своей деятельности (статья 39), какой-либо ответственности за злоупотребление со стороны доверенных информаторов или координаторов не установлено, что позволит государствам ЕС воздействовать на интернет-платформы через механизм подачи жалоб от доверенных информаторов. К ним не предъявляется каких-либо специальных квалификационных требований, не установлена ответственность за их беспристрастность или злоупотребление механизмом жалоб.

Регулирование рекомендательных алгоритмов и модерации в США

В свою очередь в США, где находятся штаб-квартиры крупнейших транснациональных корпораций – владельцев интернет-платформ (таких как X Corp., Alphabet Inc., Microsoft Corp., Meta Inc. и др.), федерального законодательства, которое бы защищало права пользователей при осуществлении модерации и использовании рекомендательных алгоритмов нет, ввиду сформировавшейся в 1990-е годы концепции

---

³⁹ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act). Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R2065> (дата обращения: 16.01.2024).

невмешательства в деятельность технологических компаний. В силу данной концепции интернет-платформы могут самостоятельно определять контент, который можно и который нельзя публиковать пользователям на основании пользовательских соглашений. В свою очередь пользователи не имеют права оспаривать соответствующие решения интернет-платформ, а все споры должны рассматриваться по правилам, установленным в пользовательском соглашении. Это отражено в положении подраздела 230 раздела 47 (Section 230 Title 47) Акта о Пристойности Телекоммуникаций 1996 года (Communications Decency Act of 1996 – CDA; далее – подраздел 230), который дает интернет-платформам статус «издателя» (publisher), что в силу устоявшегося толкования Первой поправки к Конституции США (Билль о правах) наделяет их правами, аналогичными праву СМИ определять собственную редакционную политику, т.е. публиковать какую-либо информацию исключительно на основании редакционной политики, вмешательство в которую считается цензурой. Данное понимание правоотношений между интернет-платформами и пользователями является предметом как общественной дискуссии, так и борьбы за изменение законодательства. Например, текущий собственник платформы X Илон Маск отстаивает точку зрения, что такие интернет-платформы должны быть «цифровыми публичными пространствами» в том смысле, что они должны обеспечивать права на протест и высказывание, аналогичные публичным пространствам, как это гарантируется Биллем о правах⁴⁰. В этом смысле он является противником подраздела 230 как положения, позволяющего интернет-платформам цензурировать контент, избегая контроля со стороны государства и пользуясь иммунитетом от судебного преследования, связанного с нарушениями, которые допускаются при модерации.

Борьба за отмену подраздела 230 ведется и на законодательном уровне. По оценкам исследователей, по состоянию на 2023 год было предпринято 84 попытки отменить или существенным образом изменить подраздел 230 на уровне федерального закона, однако ни одна из них не увенчалась успехом. 32 штата предприняли попытки принять свои законы, отменяющие на местном уровне положения подраздела 230. Штаты Флорида и Техас приняли соответствующие законы, прямо запрещающие цензуру и алгоритмическую дискриминацию (злоупотребление алгоритмами для дискриминации пользователей), однако оба были признаны неконституционными федеральными судами первой инстанции (Sinnreich, et al., 2023). По состоянию на январь 2024 года соответствие обоих законов Конституции рассматривается Верховным судом США⁴¹. Отметим, что в сфере регулирования интернет-платформ есть и другие законодательные инициативы, например в штате Нью-Йорк (Senate Bill S4531A)⁴², однако их рассмотрение выходит за рамки настоящей статьи, так как они направлены на ужесточение модерации платформ, но не содержат требований по обеспечению гарантий прав пользователей.

⁴⁰ Ezra Klein. The Great Delusion Behind Twitter. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/12/11/opinion/what-twitter-can-learn-from-quakers.html> (дата обращения: 16.01.2024).

⁴¹ Amy Howe. Justices request federal government's views on Texas and Florida social-media laws. Режим доступа: <https://www.scotusblog.com/2023/01/justices-request-federal-governments-views-on-texas-and-florida-social-media-laws/> (дата обращения: 16.01.2024).

⁴² New York State Senate. Senate Bill S4531A. Режим доступа: <https://www.nysenate.gov/legislation/bills/2021/S4531> (дата обращения: 16.01.2024).

Перед заключением

Применение технологий ИИ для осуществления модерации интернет-платформ постоянно расширяется и все чаще становится причиной нарушения прав пользователей как в силу технологических ошибок, когда ИИ не способен понять контекст, в котором делается высказывание или распространяется информация, так и в силу специфической политики, направленной на подавление распространения информации по политическим соображениям. ИИ предоставляет интернет-платформам большие возможности для контроля за размещаемым пользователями контентом. Уже отмечены случаи, когда действия по блокировке общественно важной информации и сообщений, признанные впоследствии «ошибками» со стороны интернет-платформ, совершались полностью автоматически (средствами ИИ) в реальном времени – пользователь не мог разместить информацию или поделиться ею в личных сообщениях, так как она была заранее определена интернет-платформами как «недоверенная»⁴³.

Граждане России часто являются целью соответствующей политики интернет-платформ, когда под предлогом борьбы с недоверенной информацией удаляются аккаунты государственных органов, общественных организаций, СМИ, физических лиц. Так, начиная с 2021 года Роскомнадзор зафиксировал 132 акта цензуры со стороны иностранных интернет-платформ в отношении российских СМИ⁴⁴. К сожалению, внимание к защите физических лиц-пользователей со стороны отечественного законодателя явно недостаточно. В частности, признание многочисленных фактов цензуры не привело к разработке законодательного акта, который содержал бы необходимые определения, упорядочивал существующее законодательство и устанавливал систему прав пользователей и гарантий их осуществления в процессе модерации. В то же время обвинения в адрес государственных органов, общественных организаций, отдельных физических лиц в «распространении дезинформации» в основном остаются без ответа как со стороны государства, так и со стороны пострадавших лиц, ввиду отсутствия такой системы прав и гарантий. Принятый в 2022 году Закон о противодействии цензуре не достиг своей цели – цензура российских пользователей продолжается и расширяется. Так, в декабре 2022 года официальный представитель МИД России Мария Захарова заявила, что «Запад организовал против российских медиа самый масштабный в истории акт массовой тоталитарной цензуры»⁴⁵. Безусловно, предполагать, что один, пусть даже детально проработанный законодательный акт, решит проблему такого масштаба, было бы наивно. Тем не менее, очевидно, что Закон об информации должен быть дополнен группой норм, которая бы детально закрепляла права пользователей и системой гарантий их исполнения. В этом смысле ориентиром должен выступать Закон о цифровых услугах ЕС за исключением норм о доверенных информаторах, которые автор считает инструментом для опосредованной государственной цензуры.

⁴³ Facebook* and Twitter restrict controversial New York Post story on Joe Biden. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2020/oct/14/facebook-twitter-new-york-post-hunter-biden> (дата обращения: 16.01.2024). *21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

⁴⁴ Роскомнадзор выявил девять фактов цензуры в отношении российских СМИ. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/3806632> (дата обращения: 16.01.2024).

⁴⁵ Захарова заявила о масштабной цензуре Запада против российских СМИ. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/3763034> (дата обращения: 16.01.2024).

Заключение

Реакция России на описанные тенденции использования ИИ для осуществления цензуры не должна ограничиваться совершенствованием национального законодательства. В рамках председательства России в БРИКС+ необходимо обратить внимание данной организации на данную проблематику. В частности, предлагается создание специальной рабочей группы в рамках БРИКС+ по совершенствованию регулирования Сети, в том числе поставив перед ней задачу выработки мер по недопущению дискриминации граждан государств-участников со стороны интернет-платформ, с особым фокусом на наиболее крупных (very large providers), как это определено в Законе о цифровых услугах ЕС.

References / Список литературы

- Baburin, V.V. & Cheremnova, N.A. (2022) Harassment in the information space (cyberbullying) and victimization of juveniles and minors. *Altai Law Journal*. (3), 54–59. (in Russian).
Бабурин В.В., Черемнова Н.А. Травля в информационном пространстве кибербуллинг и виктимность малолетних и несовершеннолетних лиц // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3. С. 54–59.
- Chiroma, I. & Sule, I. (2022) ‘Twitching to Suspend Twitter’ – Social Media Censorship in Nigeria: Possibilities, Realities and Legalities. *Scholars International Journal of Law, Crime and Justice*. (5), 202–210. <https://doi.org/10.36348/sijlcj.2022.v05i06.004>
- Crosset, V. & Dupont, B. (2022) Cognitive assemblages: The entangled nature of algorithmic content moderation. *Big Data & Society*. 9(2). <https://doi.org/10.1177/20539517221143361>
- Diskin, E. (2023) Elon Musk and crusade against digital censorship. *Law*. (1), 106–109. <http://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-1-95-109> (in Russian).
Дискин Е.И. Илон Маск и крестовый поход против цифровой цензуры // Закон. 2023. № 1. С. 106–109. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-1-95-109>
- Douek, E. (2021) Governing online speech: From ‘posts-as-trumps’ to proportionality and probability. *Columbia Law Review*. 121(3), 759–833.
- Dym, B. & Fiesler, C. (2020) Social Norm Vulnerability and its Consequences for Privacy and Safety in an Online Community. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. 4(CSCW2), 1–24. <https://doi.org/10.1145/3415226>
- Filatova-Bilous, N. (2023) Content moderation in times of war: testing state and self-regulation, contract and human rights law in search of optimal solutions. *International Journal of Law and Information Technology*. 31(1), 46–74. <https://doi.org/10.1093/ijlit/eaad015>.
- Francois, C. & Lin, H. (2021) The strategic surprise of Russian information operations on social media in 2016 in the United States: mapping a blind spot. *Journal of Cyber Policy*. 6(1), 9–30. <https://doi.org/10.1080/23738871.2021.1950196>
- Geissler, D., Bär, D., Pröllochs, N. & Feuerriegel, S. (2023) Russian propaganda on social media during the 2022 invasion of Ukraine. *EPJ Data Science*. 12(35). <https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-023-00414-5>
- Griffin, R. (2022) New school speech regulation as a regulatory strategy against hate speech on social media: The case of Germany’s NetzDG. *Telecommunications Policy*. 46(9), 102411. doi:10.1016/j.telpol.2022.102411
- Hodgins, J.M. (2022) *Countering Russian Subversion during Federal Elections in Canada in the Era of Social Media and Fake News*. ITSS Verona Magazine. 1(1). Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/361532403_Policy_Paper_Countering_Russian_Subversion_during_Federal_Elections_in_Canada_in_the_Era_of_Social_Media_and_Fake_News [Accessed 16 January 2024].
- Jaidka, K., Mukerjee, S. & Lelkes, Y. (2023) Silenced on social media: the gatekeeping functions of shadowbans in the American Twitterverse. *Journal of Communication*. 73(2), 163–178. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-65358-6>

- Kachur, A., Osin, E., Davydov, D., Shutilov, K. & Novokshonov, A. (2020) Assessing the Big Five personality traits using real-life static facial images. *Scientific Reports*. (10), 8487. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-65358-6>
- Kosinski, Mi. (2021) Facial recognition technology can expose political orientation from naturalistic facial images. *Scientific Reports*. 11(100). <https://doi.org/10.1038/s41598-020-79310-1>
- Kovaleva, N.N., Anisimova, A.S., Tugusheva, Y.M. & Danilova, M.A. (2022) Artificial Intelligence and Social Media: Self-Regulation and Government Control. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. State and Law in the Context of Modern Challenges. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2022.01.56>
- Lessig, L. (1999) *Code and other laws of cyberspace*. 1st edition. New York, USA., Basic Books Inc. Режим доступа: <https://lessig.org/images/resources/1999-Code.pdf> [Accessed 16th January 2024].
- Monti, M. (2020) The EU Code of Practice on Disinformation and the Risk of the Privatization of Censorship. In: Giusti, S., & Piras, E. (eds.). *Democracy and Fake News: Information Manipulation and Post-Truth Politics*. 1st ed. London, Routledge. pp. 214–225. <https://doi.org/10.4324/9781003037385>
- Nikishin, V.D. & Galyashina, E.I. (2021) *Destructive Speech Behavior in the Digital Environment: Factors that Determine the Negative Impact on the User's Worldview*. *Lex Russica*. 74(6), 79–94. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.175.6.079-094> (in Russian).
Никишин В.Д., Галышина Е.И. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя // *Lex Russica* (Русский закон). 2021. № 6. С. 79–94. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.175.6.079-094>
- Quercia, D., Kosinski, M., Stillwell, D. & Crowcroft, J. (2011) Our Twitter Profiles, Our Selves: Predicting Personality with Twitter. In: *2011 IEEE Third International Conference on Privacy, Security, Risk and Trust and 2011 IEEE Third International Conference on Social Computing*, Boston, MA, USA. October 2011. pp. 180–185. <https://doi.org/10.1109/PASSAT/SocialCom.2011.26>
- Roberts, S.T. (2019) *Behind the Screen: Content Moderation in the Shadows of Social Media*. Illustrated edition. New Haven, Yale University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvhrcz0v>
- Romanov, A.A., Levashova, A.V., Sidenko, K.O. & Mikhailova, E.A. (2021) *The essence of bullying as a social and legal phenomenon*. *Matters of Russian and International Law*. 11(1A), 98–106. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.59.72.014> (in Russian).
Романов А.А., Левашова А.В., Сиденко К.О., Михайлова Е.А. Сущность буллинга как социально-правового явления // *Вопросы российского и международного права*. 2021. № 11. С. 98–106. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.59.72.014>
- Rumyantsev, A. (2019) The German law on social networks: regulatory fixing of technological stragglings. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*. 3(130), 27–53. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2019-3-27-53>. (in Russian).
Румянцев А.Г. Немецкий закон о социальных сетях: нормативное закрепление технологического отставания // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2019. № 3(130). С. 27–53. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2019-3-27-53>
- Saurwein, F. & Spencer-Smith, C. (2020) Combating Disinformation on Social Media: Multilevel Governance and Distributed Accountability in Europe. *Digital Journalism*. 8(6), 820–841. <https://doi.org/10.1080/21670811.2020.1765401>
- Sherstobitov, A., Neverov, K. & Barinova, E. (2018) Roskomnadzor vs. strategic and institutional limits of good public governance (case of blockage of online-resources in Russia). *South-Russian Journal of Social Sciences*. 19(3), 163–176. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-163-176> (in Russian).
Шерстобитов А.С., Неверов К.А., Баринова Е.А. Роскомнадзор против. Стратегические и институциональные ограничения качества публичного управления (на опыте блокировок онлайн-ресурсов в России) // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 163–176. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-163-176>

- Sinnreich, A., Sanchez, M., Perry, N. & Aufderheide, P. (2023) Performative Media Policy: Section 230's Evolution from Regulatory Statute to Loyalty Oath. *Communication Law and Policy*. 27(3–4), 167–186. <https://doi.org/10.1080/10811680.2022.2136472>
- Sirichit, M. (2015) Censorship by Intermediary and Moral Rights: Strengthening Authors' Control Over the Online Expressions Through the Right of Respect and Integrity. *Journal of Law, Technology and Public Policy and Methaya Sirichit*. 1(3), 54–159. Режим доступа: <https://www.semanticscholar.org/paper/Censorship-by-Intermediary-and-Moral-Rights%3A-Over-Sirichit/fe9c2543d07630482816c6657b3f8ffe70d353af> [Accessed 16th January 2024].
- Sorbán, K. (2023) An elephant in the room—EU policy gaps in the regulation of moderating illegal sexual content on video-sharing platforms. *International Journal of Law and Information Technology*. 31(3), 171–185. <https://doi.org/10.1093/ijlit/eaad024>
- Titov, A.A. (2021) Novelities in the Russian legislation regulating the counteraction to Internet censorship. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 3(83), 76–79. (in Russian).
Титов А.А. Новеллы в российском законодательстве, регламентирующие противодействие интернет-цензуре // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 3(83). С. 76–79.
- Wang, Y. & Kosinski, M. (2018) Deep neural networks are more accurate than humans at detecting sexual orientation from facial images. *Journal of Personality and Social Psychology*. 114(2), 246–257. <https://doi.org/10.1037/pspa0000098>
- Weintraub, E.L. & Valdivia, C.A. (2020) Strike and Share: Combatting Foreign Influence Campaigns on Social Media. *Ohio State Technology Law Journal*. 16(2), 701–721.
- Wu, T. (2019) Will Artificial Intelligence Eat the Law? The Rise of Hybrid Social-Ordering Systems. *Columbia Law Review*. (119), 2001–2028. Режим доступа: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/2598 [Accessed 16th January 2024].
- Yushkina, N.A. & Panarina, M.A. (2019) Features of the discursive environment as a source for creating meaning in online communication (using the example of social networks). *Digital Sociology*. 2(2), 25–33. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-25-33> (in Russian).
Юшкина Н.А., Панарина М.А. Особенности дискурсивной среды как источник создания смысла в онлайн-коммуникации (на примере социальных сетей) // Цифровая социология. 2019. № 2(2). С. 25–33.
- Zhumabekova, K. (2022) Topical issues of protecting children from cyberbullying. *Journal of actual problems of jurisprudence*. 104(4), 98–103. <https://doi.org/10.26577/JAPJ.2022.v104.i4.011>

Сведения об авторе:

Дискин Евгений Иосифович – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории цифровой трансформации в государственном управлении ИГМУ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

ORCID: 0000-0001-9259-9820; ResearcherID: ediskin; SPIN-код: 4364-0208

e-mail: ediskin@hse.ru

About the author:

Evgenii I. Diskin – Candidate of Legal Sciences, Leading research fellow of the International Laboratory of Digital Transformation in the State Administration of IGMU, National Research University “Higher School of Economics”, Russian Federation, 101000, Myasnitckaya 20, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9259-9820; ResearcherID: ediskin; SPIN-code: 4364-0208

e-mail: ediskin@hse.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-604-621>
EDN: JAPSAB

Научная статья / Research Article

Доктрина тщетности (a doctrine of frustration) и доктрина форс-мажора (a doctrine of force majeure) в индийской правоприменительной практике в цифровую эпоху

А.В. Бегичев^{ID}✉, Я.М. Цандер^{ID}

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
✉begichev100@mail.ru

Аннотация. Проведен сравнительно-правовой анализ наиболее актуальных доктрин форс-мажора («force majeure») и тщетности договора («frustration») в индийском законодательстве. *Цель:* исследовать правовую природу указанных концепций, выделить общие черты и различия, а также признаки обстоятельств, влекущих невозможность исполнения договора и являющихся форс-мажорными, посредством анализа индийского законодательства и судебной практики исследовать сферу применения данных концепций в условиях цифровизации и увеличения электронного документооборота. *Методы:* теоретические методы формальной и диалектической логики, сравнительно-правовой, интерпретации, описания; применялись также научно-исследовательские методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* доктрина «форс-мажора» в индийской практике применяется в случае определенного «форс-мажорного события», предусмотренного в контракте, тогда как «невозможность» охватывает другие непредвиденные обстоятельства, которые не подпадают под действие положения о форс-мажорных обстоятельствах. При этом в индийской практике «невозможность» означает «неосуществимость», а не просто буквальную физическую «невозможность». *Выводы:* основным отличием концепции фрустрации от форс-мажора в индийской практике является влияние события на договор, при этом, несмотря на имеющиеся различия, данные правовые институты имеют общую цель, которая состоит в уменьшении возможных убытков участников договора в случае возникновения непредвиденных обстоятельств.

Ключевые слова: доктрина форс-мажора, доктрина тщетности договора, невозможность исполнения, электронный документооборот, Индийский закон о договорах 1872, цифровизация, электронные договоры

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бегичев А.В., Цандер Я.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: *Бегичев А.В.* – сбор и обработка материалов, анализ данных, написание текста; *Цандер Я.М.* – сбор и обработка материалов, анализ данных, написание текста.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Поступила в редакцию: 22 апреля 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Бегичев А.В., Цандер Я.М. Доктрина тщетности (a doctrine of frustration) и доктрина форс-мажора (a doctrine of force majeure) в индийской правоприменительной практике в цифровую эпоху // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. С. 604–621. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-604-621>

The doctrine of frustration and the doctrine of force majeure in Indian law enforcement practice in the digital era

Alexander V. Begichev^{ID}✉, Yana M. Tsander^{ID}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉begichev100@mail.ru

Abstract. The article delves into the comparative legal analysis of the doctrines of force majeure and frustration in Indian legislation, which are the most relevant in contemporary scenarios. The objective is to examine the legal essence of these concepts, identify similarities and differences, and outline the characteristics of circumstances leading to contract impossibility and constituting force majeure events. Through a review of Indian legislation and judicial precedents, the article seeks to explore the application scope of these doctrines, including in the context of digitalization and the rise of electronic document management. The employed methods include theoretical approaches such as formal and dialectical logic, comparative-legal logic, interpretation, and description. Specific scientific methods comprise juridical-dogmatic analysis and the interpretation of legal norms. The results highlight that in Indian law, the doctrine of force majeure is invoked in the presence of a specified «force majeure event» outlined in the contract, while «impossibility» encompasses other unforeseen circumstances not covered by the force majeure clause. Notably, in Indian practice, «impossibility» is construed as «impracticability» not solely as literal physical «impossibility». In conclusion, a key distinction between frustration and force majeure lies in the event's impact on the contract. Nevertheless, despite these distinctions, both legal institutions share a common objective of mitigating potential losses for contractual parties when unforeseen circumstances impede the fulfillment of obligation.

Key words: doctrine of force majeure, doctrine of frustration, impossibility of execution, electronic document management, the Indian Contract Act 1872, digitalization, electronic contracts

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Begichev A.V.* – collection and processing of materials, data analysis, copywriting; *Tsander Y.M.* – collection and processing of materials, data analysis, copywriting.

Funding. The study was financed by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Received: 22nd April 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Begichev, A.V., Tsander, Y.M. (2024) The doctrine of frustration and the doctrine of force majeure in Indian law enforcement practice in the digital era. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 604–621. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-604-621>

Введение

Индия на сегодняшний день выступает одной из успешно развивающихся стран и является стратегическим партнером России во многих областях экономики. Двустороннее научно-техническое сотрудничество между Россией и Индией развивается в различных сферах: атомная энергетика, военно-техническое сотрудничество, космос. Существенные различия между национальными законодательствами двух стран, принадлежность к различным правовым системам предопределяет использование договора в качестве основного правового инструмента осуществления международных отношений между коммерческими предприятиями. Безусловно, правовой принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны исполняться) имеет ключевое значение в договорном праве. Однако в коммерческой практике возникают ситуации, когда исполнение участниками внешнеэкономических сделок взятых на себя обязательств может быть невозможно в силу определенных обстоятельств, на которые субъекты данных правоотношений не имеют возможности воздействовать. Природные катастрофы и стихийные бедствия, нестабильная экономическая и политическая ситуация, последствия пандемии covid 19, вводимые ограничения и санкции со стороны ряда государств затрагивают не только экономику стран в целом, но и хозяйствующие субъекты, являющиеся сторонами внешнеэкономического контракта и создают дополнительные риски невозможности его исполнения. Особую значимость данная проблема приобретает сегодня, в эпоху цифровизации и бурного технологического развития. Возникла необходимость использовать более удобные способы оформления документов, что, в свою очередь привело к широкому распространению в коммерческой практике электронного документооборота и дистанционных цифровых технологий (Begichev, 2022a). Стремительно растет количество электронных договоров. Очевидным преимуществом таких договоров является то, что цифровое взаимодействие способствует развитию деловых и организационных связей, упрощает коммуникацию между контрагентами. Однако использование участниками гражданского оборота (в том числе внешнеэкономической сделки) электронных договоров ставит перед юридической наукой и практикующими юристами новые вопросы, требующие их незамедлительного решения. Исполнению данных сделок также может помешать возникновение различных непредвиденных обстоятельств. При этом применение традиционных принципов права в цифровую эпоху оказывается непростой задачей, что вызывает необходимость переосмысления уже сложившихся доктринальных подходов.

В связи с этим представляется актуальным проведение анализа доктрин форс-мажора (*a doctrine of force majeure*) и фрустрации (*a doctrine of frustration*) в условиях развития цифрового общества как правовых институтов, позволяющих освободить должника от ответственности и дальнейшего исполнения договорных обязательств в случае наступления обстоятельств, повлекших невозможность исполнения в индийском законодательстве с целью выработки оптимальных правовых средств защиты сторон договора и минимизации рисков российской компании как участника внешнеэкономической деятельности.

Определение форс-мажора и («force majeure») и фрустрации («frustration»)

Доктрина форс-мажора и доктрина фрустрации являются общепризнанными моделями и нормами, применяемыми в ситуации невозможности исполнения коммерческих контрактов (Fonotova & Indinok, 2022).

Вначале обратимся к истории вопроса. Люди издревле вынуждены были учитывать влияние непредвиденных, неподвластных человеку ситуаций. Еще в праве Древней Индии были заложены основы освобождения от ответственности в случае наступления обстоятельств, влекущих невозможности исполнения. Так, в Артхашастре, или Науке политики Каутилья, упоминаются «великие бедствия, посланные судьбой: пожары, наводнения, болезни (эпидемии), голод, крысы, хищники, змеи и злые духи»¹. В другом памятнике древнеиндийского права – в законах Ману (II в. до н.э.) «несчастье, произошедшее по воле богов»², рассматривается как основание для освобождения перевозчика от штрафа.

Понятие *vis major* (непреодолимая сила) перешло в новейшее законодательство из римского права и означает «непредотвратимость вреда теми мерами предосторожности, которые требуются от добропорядочного хозяина (*diligentia diligentis patris familias*)» (Pirviz, 2010). «*Vis major*» определялся римскими правоведами как «непредотвратимый случай, которому невозможно противостоять, даже если о нем было заранее известно – *casus cui resisti non potes*» (Novitskii & Pereterskii (eds.), 2014). Должник освобождался от ответственности, если утрата вещи произошла вследствие непреодолимой силы, за исключением тех случаев, когда действию непреодолимой силы предшествовала вина должника. В качестве примера «*Vis major*» приводились такие события, как землетрясение, обвал, кораблекрушение, нападение разбойников и т.д.

В современном понимании доктрина форс-мажора впервые была сформулирована в Гражданском кодексе Франции. Следует отметить, что как предыдущие редакции кодекса, так и действующая³ не дают легальной дефиниции указанного понятия, ограничиваясь указанием на то, что не подлежат возмещению убытки, возникшие в результате неисполнения или просрочки исполнения обязательства ввиду действия непреодолимой силы («*force majeure*»). При этом бремя доказывания такого события лежит на должнике, который должен предоставить доказательство того, что неисполнение или просрочка произошла не по его вине и что он действовал добросовестно, то есть принял все разумные меры, чтобы избежать соответствующие правовые последствия. Указанные правила, по сути, были заимствованы из римского частного права. Признаками обстоятельств, повлекших невозможность исполнения в целях их квалификации в качестве форс-мажорных во французском законодательстве, является их непредотвратимость и непредвиденность.

¹ Артхашастра, или Наука политики: Пер. с санскрита / изд. подгот. В. И. Кальянов; [Рос. АН]. М.: Науч.-изд. центр Ладомир: Наука, 1993. 793 с.

² Законы Ману, пер. С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. М.: изд-во восточной литературы, 1960. 372 с.

³ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011). М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4–592. Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55696&cacheid=7818B7C6E6CD55E6BD421E47FEB2D44A&mode=splus&rnd=m0cdIlg#6U1nM7UiwI4b42lp> (дата обращения: 12.03.2024).

В современной юридической доктрине выделяют несколько теорий, пытающихся объяснить правовую природу данного института, от которых зависит также и стандарт доказывания наступления обстоятельств непреодолимой силы: объективная, субъективная и объективно-субъективная.

Согласно объективной теории под непреодолимой силой понимается событие, имеющее внешний характер по отношению к должнику, то есть не связанное с поведением сторон обязательства. С точки зрения объективной теории обязательство не прекращается, и должник будет нести ответственность, если невозможность наступает по причинам иным, чем непредвиденный случай и непреодолимая сила. Объективная теория сводится к конструированию понятия непреодолимой силы исходя из ее объективных (внешних) признаков, указывая на возможность возникновения таких причиняющих вред событий, которые фактически устраняют вероятность вины должника в нарушении обязательства.

В соответствии с представлениями сторонников субъективной теории непреодолимая сила – это «явления природы и деяния посторонних лиц, если их нельзя ни устранить, ни предотвратить и, если они влекут вредные последствия, которые нельзя избежать, даже если соблюсти всевозможную или требуемую при данных обстоятельствах осторожность» (Tololaeva & Tserkovnikov, 2023a; 2023b). Таким образом, событие оценивается через поведение должника – возможно ли ему было предотвратить событие при проявлении должной осмотрительности. То есть, согласно субъективной теории, непреодолимая сила ставится в зависимость от вины соответствующей стороны договора.

В литературе выделяется также объективно-субъективная теория (Korshunova, 2008) непреодолимой силы, одним из представителей которой является немецкий исследователь частного права Л. Эннексерус, предложивший следующее определение: «непреодолимая сила – это такое событие, которое хотя и происходит извне, но предотвратить вредоносное действие которого нельзя, несмотря на принятые меры, предпринятые разумным отношением к делу» (Ennekcerus, Kipp & Wolf, 1950).

В российском гражданском законодательстве термин «форс-мажор» не используется. Гражданский кодекс РФ оперирует термином «обстоятельства непреодолимой силы», под которыми понимаются чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства. Одной из характеристик непреодолимой силы наряду с непредотвратимостью и чрезвычайностью Верховный суд РФ⁴ в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции называет также ее относительный характер. Следует отметить, что как само понятие непреодолимой силы, так и понятия чрезвычайности и непредотвратимости правоприменительная практика относит к так называемым оценочным понятиям, при этом существенно то, что одновременное проявление этих признаков является необходимым критерием, которое с учетом оценки конкретных

⁴ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 5, май, 2020, Официальные документы, № 18-19, 19-25.05.2020 (еженедельное приложение к газете Учет, налоги, право) // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://online1.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=350813&cacheid=5E39F74BD549D70FCA213A024950DA9F&mode=splus&rnd=m0cdIg#Zk3oM7UMVgVpbWF72> (дата обращения: 12.03.2024).

условий позволяет суду квалифицировать то или иное обстоятельство как обстоятельства непреодолимой силы.

Верховный суд сформулировал правовую позицию, согласно которой под чрезвычайностью понимается исключительность, выход за пределы «нормального», обыденного, необычайность для тех или иных жизненных условий, что не относится к жизненному риску и не может быть учтено ни при каких обстоятельствах. Обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий.

Следовательно, в современной отечественной науке сформировались следующие признаки непреодолимой силы: чрезвычайность, непредотвратимость, внешний характер, относительный характер, а также наличие причинной следственной связи между событием и последствиями, к которому данное событие привело.

В международном праве под форс-мажорным обстоятельством понимается «такая ситуация, при которой субъект вынужден действовать вопреки международному обязательству в результате действия непреодолимой силы или не поддающегося контролю непредвиденного события» (Lukashuk, 2007).

Положения о событиях, повлекшие за собой ситуацию невозможности или существенной затруднительности исполнения контрактов, закреплены также в международных актах. Так, п. 1 статьи 79 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 (далее Венская Конвенция)⁵ содержит следующее положение: «сторона не несет ответственности за неисполнение любого из своих обязательств, если докажет, что оно было вызвано препятствием вне ее контроля и что от нее нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении договора либо избежания или преодоления этого препятствия или его последствий». Аналогичным образом основания освобождения от ответственности за неисполнение обязательств по контракту определяются в Принципах международных коммерческих договоров (далее Принципы УНИДРУА) (ст. 7.1.7., п.1)⁶.

Положения о затруднениях содержатся в ст. ст. 6.2.1–6.2.3 Принципов. Затруднениями считается случай, когда возникают события, существенным образом изменяющие равновесие договорных обязательств в силу либо возрастания для стороны стоимости исполнения, либо уменьшения ценности получаемого стороной исполнения, при этом необходимо соблюдение следующих требований: а) события возникают или становятся известны потерпевшей стороне после заключения договора; б) события не могли быть разумно учтены потерпевшей стороной при заключении договора; в) события находятся вне контроля потерпевшей стороны; и д) риск возникновения этих событий не был принят на себя потерпевшей стороной.

Исследуя подходы к формулированию понятия «непреодолимой силы» в международных актах, следует отметить, что в статье 7.1.7. Принципов УНИДРУА, которая называется «непреодолимая сила (форс-мажор)» также, как и в статье 79

⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=DXcaVQ&base=CMB&n=17547&dst=100136&field=134#YHboM7UoFYipsWJo> (дата обращения: 12.03.2024).

⁶ Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=14121&dst=1000000001&cacheid=0EFB13F20ACB10A959250419E77C1C61&mode=splus&rnd=DXcaVQ#32soM7UjNyu0C3wB> (дата обращения: 12.03.2024).

Венской конвенции, указывается на обстоятельства, являющиеся препятствием вне контроля должника. Таким образом, Принципы УНИДРУА, используя французский подход, наполнили его содержание концепцией Венской конвенции «препятствие вне контроля стороны». Использование «разработчиками Венской конвенции абстрактных категорий, таких как «препятствие вне контроля» вместо понятия «форс-мажор» или «непреодолимая сила», в свою очередь обеспечивает ее универсальность» (Kanashevsky, 2008).

Следует отметить, что такие понятия, как «форс-мажор», «затруднения» и «непреодолимая сила» в разных правовых системах имеют неодинаковый смысл, что обусловлено прежде всего существующими различиями между национальными правовыми системами, содержащими иногда различные концепции невозможности исполнения договора. Учитывая, что данные различия не позволяют сформулировать общие для всех стран определения, предложенная разработчиками Принципов УНИДРУА формулировка форс-мажора охватывает ситуации, входящие в доктрину фрустрации, но не идентична им.

Доктрина тщетности (a doctrine of frustration) представляет собой общепризнанную концепцию общего права, направленную на освобождение сторон от исполнения обязательства в случае наступления события, которые стороны не могли ожидать при заключении договора. Особенностью данного правового института является то, что в результате возникновения непредвиденного события фактическое исполнение будет кардинально отличаться от того, что стороны изначально согласовали, либо делая такое исполнение бессмысленным и слишком обременительным.

Помимо этого, в отличие от форс-мажора доктрина фрустрации не приостанавливает, а прекращает договор и не предполагает его изменение. Доктрина фрустрации применяется также лишь в тех случаях нарушения договорных обязательств, когда стороны не предусмотрели соответствующие положения (форс-мажорную оговорку) в договоре.

Определение тщетности было сформулировано Лордом Редклиффом в деле «Davis Contractors Ltd v Fareham UDC, 1956»: «Тщетность имеет место быть в тех случаях, когда право признает, что без вины какой-либо из сторон договорное обязательство стало невозможно исполнить, потому что обстоятельства, в которых испрашивается исполнение, сделали бы его существенно отличным от того, что было предусмотрено договором. “Non haec in foedera veni” (пер. с лат. «это не является тем, что я обещал сделать»)» (Beatson, Burrows & Cartwright, 2010). Вопросы становления и последующего развития доктрины фрустрации в праве Англии уже были предметом исследования ряда ученых (Protoporova & Botvinnik, 2020), в связи с этим мы остановимся только на некоторых аспектах.

Современная английская теория все основания применения доктрины frustration объединяет в три группы ситуаций: «невозможность исполнения (impossibility), тщетность цели договора (frustration of purpose), и незаконность исполнения (illegality)» (Gimadrislamova & Timofeeva, 2021).

Российское гражданское право не содержит легальное определение дефиниции невозможности исполнения. Между тем в отечественной научной литературе высказывается мнение, что доктрина тщетности договора является концепцией, объединяющей в себе сразу несколько различных институтов континентального права. В российском праве общие положения о невозможности исполнения содержатся в главе 26 ГК РФ и включают в себя следующие правовые институты:

фактическую невозможность исполнения обязательства (статья 416 ГК РФ), юридическую невозможность исполнения обязательства (статья 417 ГК РФ), существенное изменение обстоятельств (статья 451 ГК РФ) (Arhipov, 2020).

В целом следует отметить, что в российской доктрине отсутствуют четкие различия между категориями невозможности исполнения и обстоятельствами непреодолимой силы, что подтверждается также позицией Верховного суда РФ⁷, который проводит различие между непреодолимой силой и невозможностью исполнения исходя лишь из устранимости препятствующего исполнению обязательства обстоятельства. Как разъяснил суд, наступление обстоятельств непреодолимой силы само по себе не прекращает обязательство должника, если исполнение возможно после того, как они отпадут. В данном случае сторона освобождается от ответственности за просрочку исполнения обязательства, при этом договором могут быть установлены специальные правила прекращения обязательств в связи с возникновением обстоятельств непреодолимой силы. Следовательно, обязательства сторон сохраняются, если обстоятельство является временным.

Таким образом, исходя из специфики самого института, а также основываясь на особенностях английского договорного права – абсолютный характер обязательства можно сделать вывод, что применение доктрины тщетности влечет за собой прекращение обязательств по договору и освобождение стороны от исполнения в случае наступления таких обстоятельств, при которых дальнейшее исполнение становится невозможным, тогда как форс-мажор – доктрина, согласно которой соответствующее обстоятельство освобождает сторону от ответственности за неисполнение договора и не всегда влечет за собой прекращение обязательств.

Особенности применения доктрины *force majeure* и доктрины *frustration* в индийском законодательстве

Традиционно считается, что английская правовая традиция оказала огромное влияние на формирование правовой системы современной Индии. Несомненно, созданная Англией система управления оказала значительное влияние на конституционный строй и правовые институты Индии. В результате более чем столетнего британского правления значительная часть индийского законодательства и индийских правовых институтов основана на английском законодательстве. Законы «were drafted by Englishmen» (Rao, 1958).

Однако несмотря на то, что индийское право основано на английской правовой системе, оно имеет свои отличительные особенности, обусловленные особенностями материального и духовного развития, обычаями и традициями, а также собственным уровнем жизни в Индии. Кроме того, как отметил В.А. Белов, результаты проводимого английскими юристами правового эксперимента – установления, нормативного закрепления и практического применения общих начал английского права в индийском законодательстве – положены в основание многих английских законов. Одним из таких примеров может служить Закон Индии о контрактах

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=355061&dst=1000000001&cacheid=613E74B72751CE128244E589657B6A42&mode=splus&rnd=DXcaVQ#Tn8pM7UOW6Xzeq3m> (дата обращения: 12.03.2024).

1872 года⁸ (далее Закон о контрактах), который является одним из старейших действующих на сегодняшний день нормативных актов, положение главы VII которого в адаптированном виде легли в основу английского SOGA (Sales of Goods Act) 1893 года (Belov, 2014).

Следует добавить, что восприятию английского общего права во многом способствовала схожесть многих правовых институтов. Например, как заметила Крашениникова Н.А., Закон о контрактах вводил английский институт встречного удовлетворения, хорошо известный индуистскому праву (Krasheninnikova, 1982).

Таким образом несмотря на то, что английское право оказало заметное влияние на развитие индийского права, не следует говорить о копировании английского законодательства и буквальном следовании английской доктрине, что прослеживается в том числе в подходах к пониманию доктрины тщетности договора и доктрины форс-мажора.

В Индии нормы, регулирующие отношения, связанные с форс-мажором (статья 32 Закона о договорах) и фрустрацией (статья 56 Закона о договорах) с одной стороны представляют собой нормы позитивного права, которые обязывают и определяют конкретные права и обязанности, с другой стороны, форс-мажор является производным от гражданского права, в частности французского права, согласно которому он относится к любому последующему событию или случайности, которые могут повлиять на способность стороны соглашения его исполнить.

Следует отметить, что в правоприменительной практике для описания условий невозможности исполнения используется достаточно сложный набор терминов с пересекающимися значениями и неопределенным применением. Как суды, так и исследователи ссылаются на невозможность (объективную или субъективную), неосуществимость исполнения, нарушение цели и форс-мажорные обстоятельства.

Индийские юристы, отмечая сходство между концепцией форс-мажора и доктриной невозможности исполнения, при этом отмечают: «Положение о форс-мажорных обстоятельствах освобождает договорное обязательство от исполнения только в случае определенного «форс-мажорного события», предусмотренного в контракте, тогда как «невозможность» охватывает другие непредвиденные обстоятельства, которые не подпадают под действие положения о форс-мажорных обстоятельствах»⁹.

Следует подчеркнуть, что термины «frustration» и «force majeure» в Законе о контрактах не упоминаются, а используется категория невозможности («impossibility»).

Так, термин «невозможность» применяется в нормах статьи 32 Закона о контрактах, посвященных институту договора, заключенного под условием. В соответствии с данным разделом если контракт предусматривает наступление неопределенного будущего события, он не может быть приведен в исполнение до того момента, пока событие действительно не произойдет. Если событие не наступает в течение определенного срока, то контракт считается недействительным, а его исполнение прекращается.

⁸ The Indian Contract Act, 25 April 1872. Режим доступа: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/2187?sam_handle=123456789/1362 (дата обращения: 12.03.2024).

⁹ Raj A., Naidu V. M. Extending the Doctrine of Impossibility to Court Orders: A Conundrum//NLJ Law Review. 2021. Режим доступа: <http://nljlawreview.in/contract-law/extending-the-doctrine-of-impossibility-to-court-orders-a-conundrum> (дата обращения: 12.03.2024).

Правовые последствия первоначальной и последующей невозможности (в том числе незаконности) исполнения договорного обязательства определены в статье 56 Закона о контрактах. При этом Закон о контрактах связывает последующие невозможности последствия не с виновностью должника в ее наступлении, а с тем, знал ли и должен ли он был знать о такой невозможности. Однако, как отметил В.А. Белов, неясно, когда должник должен был узнать о наступлении невозможности исполнения. «В практике редко встречаются ситуации, когда в момент заключения договора исполнение обязательства еще возможно, но одна из его сторон (должник) точно знает, что через некоторое время оно станет невозможным» (Belov, 2014). Представляется, что в данном случае речь идет о возможном распределении рисков между сторонами в случае, если при заключении договора стороны могли предвидеть наступление определенного события, которое могло помешать исполнению. Данный подход уходит корнями в английское право, согласно которому договор не может быть признан тщетным в случае наступления события, возможное наступление которого стороны предполагали при заключении договора.

В индийском законодательстве доктрины «*force majeure*» и «*frustration*» развились посредством судебных прецедентов. Правоприменительная практика по данному вопросу формировалась на протяжении многих десятилетий, в том числе под влиянием решений английских судов. Например, указанное выше дело *Davis Contractors Ltd v Fareham UDC*, в котором Лорд Редклифф сформулировал определение доктрины фрустрации, оказало существенное влияние на судебную практику Индии.

Форс-мажор в индийской судебной практике определяется как событие, находящееся вне контроля сторон и препятствующее выполнению одной или обеими сторонами своих договорных обязательств. Так, Высокий суд Мадраса в деле «*Mohamed Hussain vs The Government Of Tamil Nadu, 2021*» указал, что оговорка о форс-мажорных обстоятельствах – это пункт в договоре, в котором указываются определенные события, наступление которых влечет за собой неисполнение договорных обязательств.

В деле «*Dhanrajamal Gobindram vs Shamji Kalidas And Co., 1961*» Верховный суд дал следующее определение форс-мажорных обстоятельств: форс-мажорные обстоятельства означают «событие или эффект, которые невозможно ни предвидеть, ни контролировать, включающие в себя как стихийные бедствия (например, наводнения и ураганы), так и действия человека (например, беспорядки, забастовки и войны). Целью данного принципа является уберечь исполняющую сторону от последствий чего-либо, над чем она не имеет контроля».

Интересным представляется решение Верховного суда по делу «*National Agricultural Coopertative Marketing Federation of India (NAFED) vs Alimenta SA, 2020*», в котором сформулированы основания применения статей 32 и статьи 56 Закона о контрактах.

Суд отметил, что положения статьи 32 Закона о контрактах применяются в тех случаях, когда в самом договоре предусмотрены непредвиденные обстоятельства, при наступлении которых договор не может быть исполнен, а также последствия их наступления.

Определяющим фактором применения статьи 32 Закона о контрактах является наличие в договоре условий, подразумеваемых или явных, предусматривающих

такую ситуацию, при которой исполнение обязательств будет считаться выполненным при наступлении условного события.

При определении того, может ли оговорка о форс-мажорных обстоятельствах быть условным договором по отношению к событию, решающим фактором обычно является изменение обязательств сторон, предусмотренных договором, при наступлении указанного события.

Если такой оговорки нет, или событие не подпадает под сферу действия форс-мажорных обстоятельств, предусмотренных контрактом, то будет применяться статья 56 Закона о контрактах. То есть положения статьи 56 Закона о контрактах касаются таких ситуаций, когда исполнение обязательства было возможно в момент заключения договора, однако из-за возникновения какого-либо последующего действия или ситуации, находящейся вне контроля любой из сторон, стало невозможным, что подорвало основу контракта.

Положения ст. 56 Закона о контрактах применяются в случаях, когда в контракте нет оговорки о форс-мажорных обстоятельствах, делающих выполнение контракта невозможным, при этом соглашение о совершении невозможного действия является недействительным. Кроме того, если после заключения контракта исполнение становится невозможным или незаконным, то такой контракт становится недействительным при наступлении такой невозможности или незаконности. Также указанные обстоятельства должны соответствовать признакам невозможности. Как только выясняется, что событие сделало невозможным исполнение контракта, контракт считается расторгнутым или недействительным, а сторона, не исполнившая обязательства, освобождается от ответственности без взыскания убытков.

Доктрина фрустрации, как отметил суд в деле «Boothalinga Agencies vs V.T.C. Poriaswami Nadar, 1968», является частью концепции прекращения обязательств в связи с невозможностью или незаконностью действия, которое стороны согласовали и, следовательно, подпадает под действие статьи 56 Закона о договорах.

Несмотря на то, что в ряде случаев суды используют невозможность (*impossibility*) и тщетность («*frustration*») как синонимы, основная идея, на которой основана доктрина фрустрации в индийском законодательстве, заключается в невозможности исполнения. Как отметил суд в деле «Delhi Development Authority v Kenneth Builders and Developers Limited, 2016» если стороны предполагают возможность возникновения обстоятельств, которые могут повлиять на исполнение договора, но прямо оговаривают, что договор будет оставаться в силе, несмотря на такие обстоятельства, доктрина фрустрации неприменима, поскольку контракт требует исполнения, несмотря на наступление определенного события, и обязательства не прекращаются в случае наступления такого события.

При этом тщетность договора («*frustration*») зависит от того, что на самом деле произошло, и его влияния на возможность выполнения контракта. Так, в указанном выше деле «National Agricultural Co-Operative Marketing Federation of India v. Alimenta S.A. Civil Appeal 667, 2020» суд указал, что, если одна сторона утверждает, что имела место «*frustration*», а другая сторона это оспаривает, суд должен решить вопрос «*ex post facto*» на основе фактических обстоятельств дела.

В деле «Energy Watchdog vs Central Electricity Regulatory, 2017» Верховный суд, ссылаясь на «*Chitty on Contracts*» (31 издание, параграфы 14–151), указал, что понятие «*hindered*» («затруднено») или «*prevented*» («предотвращено») должно толковаться с учетом слов, которые предшествуют и следуют за ним, а также с учетом

характера и общих терминов контракта и истолковал их как означающие «полностью» предотвращено или «частично» затруднено. Таким образом, судом установлено, что в данном деле непредвиденное событие (повышение цен на уголь), на которое ссылается сторона, не повлияло на цель контракта, соответственно доктрина фрустрации применена быть не может.

Определяя наличие оснований для применения доктрины фрустрации в соответствии со статьей 56 Закона о контрактах в деле «Industrial Finance Corporation of India Limited. v. Cannanore Spinning and Weaving Mills Limited, 2002» суд оценивал существование одновременно следующих трех условий: во-первых, наличие действительного и действующего договора между сторонами; во-вторых, факт неисполнения части договора, и в-третьих – исполнение обязательства по договору становится невозможным после его заключения.

Индийская доктрина невозможности исполнения шире, чем английская доктрина тщетности договора, так как охватывает как первоначальную, так и последующую невозможность, тогда как английская доктрина фрустрации применяется в случае наступления непредвиденного события, которое препятствует исполнению контракта, даже если такое исполнение было изначально возможно.

В целях нашего исследования принципиальным является решение Верховного суда по делу «Satyabrata Ghose v. Muneeram Bangur & Co, 1954». поскольку оно не только разъяснило сферу действия статьи 56 Закона Индии о договорах, но и выделило различия между английской и индийской доктриной тщетности. Фабула дела: застройщик взялся за освоение большого участка земли для постройки жилых домов. Он разделил землю на несколько участков, которые затем продал потенциальным домовладельцам. В период с 1941 по 1943 год часть участков в пределах схемы застройки были изъяты государством. Застройщик проинформировал об этом покупателя и предложил считать обязательства по сделке прекращенными. В качестве альтернативы застройщик предложил покупателю полностью оплатить участок и принять исполнение немедленно после того, когда земля будет возвращена и обстоятельства позволят завершить начатые работы. Затем застройщик указал, что, если ни один из предложенных вариантов не будет реализован, контракт будет считаться расторгнутым, а любые выплаченные суммы аннулированы. Истец не был заинтересован ни в одном из двух вариантов и подал иск о взыскании с застройщика выплаченных сумм.

Верховный суд согласился с тем, что распоряжение правительства было непредвиденным, но отказался признать, что оно существенно повлияло на контракт. Суд отметил, что срок действия распоряжения об изъятии участков был ограничен и что для застройки все еще были доступны другие участки земли. Суд также отметил, что сложности в исполнении не могут быть основанием для утверждения о том, что была затронута фундаментальная основа контракта. К тому же при заключении контракта стороны были осведомлены о возможных трудностях при исполнении обязательств по договору с учетом ведения военных действий на данной территории. Кроме того, в соглашении не были указаны конкретные сроки проведения строительства, работы должны были быть завершены в разумные сроки, которые с учетом военных событий могли быть длительными. Ключевым моментом, на который суд обратил внимание в данном деле, является то, что «Impossibility» в статье 56 Закона о контрактах означает «Impracticable», то есть «невыполнимость», а не просто буквальную физическую «невозможность». Согласно английскому праву при применении доктрины

фрустрации имеется в виду толкование подразумеваемых условий в договоре, на которых стороны основывали предположение относительно исполнения обязательств, т.е. когда непредвиденное изменение обстоятельств делает невозможным исполнение контракта, английские суды применяют принцип разумности. Индийское законодательство регулирует данные институты нормами позитивного права, а именно статьями 32 и 56 Закона о контрактах и не оставляет данный вопрос на усмотрение сторон. Невозможность, предусмотренная статьей 56 Закона о контрактах, не ограничивается чем-то, что не является физически возможным. Если исполнение договора становится невыполнимым или бесцельным, принимая во внимание предмет и цель, которые стороны имели в виду при заключении контракта, то следует считать, что исполнение договора становится невозможными. Таким образом индийская судебная практика указывает на то, что возникновение непредвиденных обстоятельств влечет за собой невозможность исполнения договора и освобождает сторону от его дальнейшего исполнения, в силу невозможности (невыполнимости), в то время как английская доктрина использует понятия «невозможность» и «тщетность» как синонимы.

Следует отметить, что, несмотря на то, что при рассмотрении споров индийские суды напрямую не ссылаются на английское право, утверждая, что «английские дела могут иметь убедительное значение и полезны только для того, чтобы продемонстрировать, как английские суды решают дела при аналогичных обстоятельствах», как это было в вышеупомянутом деле «*Satyabrata Ghose v. Muneeram Bangur & Co*, 1954», в то же время используют терминологию английской доктрины тщетности, чтобы объяснить понятие «невозможность».

Таким образом, как отметила Е.К. Терди, «несмотря на то, что индийский институт невозможности исполнения обязательств нельзя назвать прямо реципированным из английского права, он так или иначе опирается на английскую доктрину тщетности договора и по большей части соответствует ее содержанию» (Terdi, 2018).

Обычно стороны включают в условия контракта форс-мажорную оговорку, которая содержит конкретный перечень событий, которые могут оказать существенное влияние на исполнение/способность стороны выполнять контракт, а также последствия наступления таких событий. Однако зачастую стороны ограничиваются краткой, содержащей в себе открытые формулировки, оговоркой. Суды, при толковании такой оговорки как правило придерживаются принципа «*ejusdem generis*». Например, в упомянутом выше деле «*Dhanrajamal Gobindram vs Shamji Kalidas And Co*, 1961» Верховный суд истолковал условие контракта: «с учетом обычной оговорки о форс-мажоре» исходя из обычной коммерческой практики в отрасли, в которой стороны осуществляли свою деятельность.

Наряду с вышеизложенными обстоятельствами можно выделить также следующие основные моменты, которые учитывают суды при применении последствий доктрин форс-мажора и/или невозможности исполнения.

Во-первых, это непредвиденность. Обстоятельство, сделавшее невозможным и/или незаконным исполнение обязательства, должно быть непредвиденным для сторон во время их переговоров и исполнения контракта. В частности, не соответствуют признаку непредвиденности обстоятельства, которые можно было предвидеть при нормальном ведении бизнеса. Например, колебания цен и сложности в исполнении контракта не отвечают признаку непредвиденности.

Следует отметить, что российские суды также неоднократно указывали на то, что повышение среднестатистических цен на продукцию, финансовый кризис

и неблагоприятная экономическая ситуация не форс-мажор, а естественный предпринимательский риск. Однако в некоторых случаях российские суды признавали непрогнозируемый рост цен, возникший из-за геополитической ситуации и санкций, признавали в качестве форс-мажорных обстоятельств.

Российские суды также относят к предпринимательскому риску такие обстоятельства, как сложности в работе с контрагентами, транспортный коллапс и неблагоприятную погоду.

Во-вторых, индийские суды указывают, как, например, в деле «*Satyabrata Ghose v. Muneeram Bangur AIR, 1954*», что события должны быть такого характера, чтобы они существенно влияли на цель контракта. Определяя, была ли существенно затронута цель договора, суд исходит из того, являлось ли исполнение существенных обязательств, установленных сторонами при заключении договора, невозможным. В случае, если суд выяснит, что непредвиденное событие существенно не повлияло на цель контракта, оно не будет признано основанием для применения последствий тшестности договора. Как разъяснил Верховный суд в вышеупомянутом деле, сторона должна не только доказать факт наступления события, повлекшего за собой невозможность исполнения, но также обосновать, что указанное событие существенно повлияло на цель договора, которая была изначально определена сторонами.

В-третьих, сторона не может быть освобождена от исполнения своих договорных обязательств только потому, что такое исполнение стало обременительным из-за возникновения непредвиденного события. Как отметил суд в деле «*M/S. Alopri Parshad & Sons, Ltd vs The Union Of India, 1960*», изменение цен, курса валюты само по себе не является основанием для освобождения от исполнения обязательств по договору и не дает право стороне требовать вознаграждение выше, чем это было согласовано при заключении договора.

В-четвертых, сторонами должен быть соблюден уведомительный порядок. Сторона обязана уведомить вторую сторону о наступлении обстоятельств, препятствующих исполнению обязательств по контракту. Закон о контрактах, также, как и ГК РФ, не содержит норм, обязывающих сторону уведомлять контрагента о наступлении таких обстоятельств, однако суды учитывают факт такого уведомления. Кроме того, на практике стороны нередко прописывают в контрактах условие, что если одна сторона вовремя не уведомила другую сторону о наступлении непредвиденного события, то впоследствии она утрачивает возможность ссылаться на эти обстоятельства. Таким образом, несоблюдение сроков направления уведомления, а также отсутствие необходимых элементов, таких как подробное описание характера события, его влияние на исполнение договорного обязательства влечет за собой отказ в применении последствий наступления форс-мажора или тшестности договора.

Однако существуют и исключения. Так, в решении по делу «*MEP Infrastructure Developers Ltd. v. South Delhi Municipal Corporation W.P.*» от 12 июня 2020 гола суд указал, что в связи с наличием уведомления Министерства автомобильного транспорта, в котором COVID-19 был определен как форс-мажорное событие, у сторон отсутствовала обязанность в части соблюдения уведомительного порядка, несмотря на то, что контракт содержал подробные обязательства сторон по уведомлению в случае наступления форс-мажорного события. Однако, по мнению исследователей,

данная практика распространяется исключительно на государственные контракты, где одной из сторон выступает государственный орган власти¹⁰.

Следует отметить, что стороны вправе при защите своих интересов рассчитывать на правовые гарантии, обеспечивающие их право на защиту, вне зависимости от вида представленных доказательств и способов их собирания и фиксации (Begichev, 2022b; Rusakova & Frolova, 2022), что особенно актуально в эпоху цифровизации и увеличения электронного документооборота (Bezbakh & Frolova, 2022).

Высокий суд Карнатака по делу «Sudarshan Cargo Pvt. Ltd. против M/s. Techvac Engineering Pvt. Ltd, 2013» подтвердил действительность переписки по электронной почте. Суд разъяснил, что сообщение, отправленное по электронной почте, подпадает под действие раздела 2(b) Закона об информационных технологиях 2000 года (The Information Technology Act, 2000). Таким образом, стороны вправе направлять уведомление о невозможности исполнения договора и/или наступлении непредвиденных обстоятельств по электронной почте, если иное не предусмотрено условиями договора.

Одной из проблем, которые сегодня стоят перед юридической наукой, является применение доктрины фрустрации и форс-мажора применительно к электронным договорам.

Статья 160 ГК РФ устанавливает правило, согласно которому при совершении сделки обязательно наличие возможности воспроизвести ее содержание в неизменном виде на материальном носителе¹¹. Индийское законодательство прямо не содержит указанные нормы.

Источниками правового регулирования правоотношений в сфере электронных контрактов в индийском законодательстве является Закон о контрактах и Закон об информационных технологиях 2000. Так, согласно ст. 10 Закона об информационных технологиях¹² «если при заключении контракта оферта, предложение сделать оферту, встречное предложение или акцепт выражены в электронной форме, такой договор не считается не имеющим законной силы только на том основании, что такая электронная форма или средства были использованы для этой цели». При этом договор должен содержать все существенные условия, установленные в статье 10 Закона о контрактах.

Представляется, что к электронным договорам доктрина форс-мажора и фрустрации применяется по аналогии с традиционными договорами, заключаемыми в письменной форме.

Исходя из проведенного анализа индийской судебной практики следует отметить, что контрагенты редко прибегают к доктрине фрустрации в силу достаточно сложных условий применения данной концепции. На практике стороны отдают предпочтение включать в условия договора оговорку о форс-мажоре, что позволяет доказать возникновение форс-мажора и добиться освобождения от ответственности, а не основываться на положениях доктрины тщетности договора.

¹⁰ Shetty Smaran and Budihal Pranav. Force Majeure, Frustration and Impossibility: A Qualitative Empirical Analysis (August 1, 2020). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3665213> (дата обращения: 12.03.2024).

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024).

¹² The Information Technology Act, 2000. Режим доступа: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/15983/1/the_information_technology_act%2C_2008.pdf (дата обращения: 12.03.2024).

Заключение

Условия применения доктрины тщетности договора и доктрины форс-мажора проявляют схожие черты, такие как: внешний характер, непредвиденность, непреодолимость, возникновение события после заключения договора, так и различия: если для действия доктрины «frustration» необходимо исключение возможности исполнения обязательства и отпадение цели его исполнения, то действие института форс-мажора не всегда влечет за собой прекращение обязательств.

Концепция «форс-мажора» в индийской практике применяется в случае определенного «форс-мажорного события», предусмотренного в контракте, тогда как «невозможность» охватывает другие непредвиденные обстоятельства, которые не подпадают под действие положения о форс-мажорных обстоятельствах. При этом в индийской практике «невозможность» означает «неосуществимость», а не просто буквальную физическую «невозможность». Таким образом основным отличием концепции фрустрации от форс-мажора является влияние события на договор. При этом следует отметить, что несмотря на имеющиеся различия данные правовые институты имеют общую цель, которая состоит в уменьшении возможных убытков участников договора в случае возникновения непредвиденных обстоятельств.

References / Список литературы

- Arhipov, D.A. (2020) Modification of Obligations in the Event of Force Majeure: Theory and Practice. *Sudya*. 7(115), 59–64. (in Russian).
Архинов Д.А. Модификация обязательств при наступлении форс-мажора: теория и практика // Судья. 2020. № 7(115). С. 59–64.
- Beatson, J., Burrows, A. & Cartwright, J. (2010) *Anson's Law of Contract*. Oxford, Oxford University Press.
- Begichev, A.V. (2022a) The role of digitalization in the interaction of judicial and notarial authorities in conciliation procedures. *RUDN Journal of Law*. 26(2), 485–500. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-485-500> (in Russian).
Бегичев А.В. Роль цифровизации во взаимодействии судебных и нотариальных органов в применении примирительных процедур // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 2. С. 485–500. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-485-500>
- Begichev, A.V. (2022b) Remote Digital Technologies for Notary Protection of the Rights of Economic Activities Participants. In: Inshakova, A.O. & Frolova, E.E. (eds.). *Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. Smart Innovation, Systems and Technologies*, vol 254. Springer, Singapore. pp. 165–178. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_14
- Belov, V.A. (2014) Indian Law on Treaties of 1872 (General Information, General Commentary, Original Text and Russian Translation). *Journal of Jurisprudence*. 6(317), 143–205. (in Russian).
Белов В.А. Индийский Закон о договорах 1872 года (общие сведения, общий комментарий, оригинальный текст и русский перевод) // Правоведение. 2014. № 6(317). С. 143–205.
- Bezbakh, V.V. & Frolova, E.E. (2022) Augmented Reality and Civil Law Regulation of Business Relations. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (254), 29–37. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_3
- Ennekcerus, L. & Kipp, T., Wolf, M. (1950) *Course of German Civil Law*. Genkin, D.M. & Novitsky I.B. (eds.). Transl. from the 13th German by K.A. Grave et al. Foreign Literature Publishing House. (in Russian).

Эннекцерус Л., Кунп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права / пер. с 13-го нем. изд. К.А. Граве и др.; под ред. Д.М. Генкина и И.Б. Новицкого. М.: изд-во иностранной лит., 1950. 483 с.

Fonotova, O.N. & Indinok, P.D. (2022) Execution of International Commercial Contracts in the Context of the COVID-19 Pandemic: Foreign and Russian Legal Regulation. *Zakonodatel'stvo*. (5), 63–70. (in Russian).

Фонотова О.Н., Индинок П.Д. Исполнение международных коммерческих контрактов в условиях пандемии COVID-19: зарубежное и российское правовое регулирование // Законодательство. 2022. № 5. С. 63–70.

Gimadrislamova, O.R. & Timofeeva, K.S. (2021) Correlation of Russian Institutions of Force Majeure and Termination of Obligation with the English Doctrine of Frustration. *Eurasian Law Journal*. 1(152), 187–190. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2021-1-152-187-190> (in Russian).

Гимадрисламова О.Р., Тимофеева К.С. Соотношение российских институтов форс-мажора и прекращения обязательства с английской доктриной frustration // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1(152). С. 187–190. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2021-1-152-187-190>

Kanashevsky, V.A. (2008) *Foreign Economic Transactions: Substantive and Conflict Regulation*. Moscow, Wolters Kluwer Publ. (in Russian).

Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2008. 608 с.

Korshunova, N. P. (2008) Insuperable Force: A New Sight at the Old Problem. *Journal of Russian Law*. 3(135), 78–93. (in Russian).

Коршунова Н. П. Непреодолимая сила: новый взгляд на старую проблему // Журнал российского права. 2008. № 3 (135). С. 78–93.

Krasheninnikova, N.A. (1982) *Hindu Law: History and Modernity*. Preface by O. Zhidkov. Moscow, MSU Publishing House. (in Russian).

Крашенинникова Н.А. Индусское право: история и современность / предисл. О. Жидкова. М.: изд-во МГУ. 1982. 192 с.

Lukashuk, I.I. (2007) Issues of Responsibility in the Law of Treaties. *International Public and Private Law*. (1), 2–4. (in Russian).

Лукашук И.И. Вопросы ответственности в праве договоров // Международное публичное и частное право. 2007. № 1. С. 2–4.

Novitskii, I.B. & Pereterskii, I.S. (eds.). (2014) *Roman Private Law: Textbook*. Moscow, KNORUS Publ. (in Russian).

Римское частное право: учебник / коллектив авторов; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: КНОРУС, 2014. 608 с.

Pirviz, E.E. (2010) The Meaning of Guilt, Chance and Force Majeure in Civil Law. Part Two. *Civil law review*. (6), 146–206. (in Russian).

Пирвиц Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. Часть вторая // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 146–206.

Protopopova, O.V. & Botvinnik, S.L. (2020) Doctrine of frustration of contract in English law. *Economic Problems and Legal Practice*. (6), 159–164. (in Russian).

Протопопова О.В., Ботвинник С.Л. Доктрина frustration of contract в английском праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 6. С. 159–164.

Rao, T.S.R. (1958) Conflict of laws in India. *Zeitschrift Für Ausländisches Und Internationales Privatrecht*. 23(2), 259–279. Available at: <http://www.jstor.org/stable/27873899>

Rusakova, E.P. & Frolova, E.E. (2022) Current Problems of Digital Justice in the BRICS Countries. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (254), 143–153. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_12

Terdi, E.S. (2018) English Model of Impossibility of Performance of Obligation: History of Formation and Peculiarities of Reception (on example of India). *Russian Justice*. 6(146), 22–46. (in Russian).

Терди Е. С. Английская модель невозможности исполнения обязательства: история становления и особенности рецепции (на примере Индии) // Российское правосудие. 2018. № 6. (146) С. 22–46.

Tololaeva, N.V. & Tserkovnikov, M.A. (2023a) Scientific and Practical Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 of March 24, 2016 On Court Application of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation Regarding Liability for Breach of Obligations (Beginning). *Civil Law Review*. (5), 153–199. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-5-153-199> (in Russian).

Тололаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (начало) // Вестник гражданского права. 2023. № 5. С.153–199. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-5-153-199>

Tololaeva, N.V. & Tserkovnikov, M.A. (2023b) Scientific and Practical Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 of March 24, 2016 On Court Application of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation Regarding Liability for Breach of Obligations (Finale). *Civil Law Review*. (6), 133–197. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-6-133-197> (in Russian).

Тололаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (окончание) // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 6. С. 133–197. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-6-133-197>

Сведения об авторах:

Бегичев Александр Валерьевич – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0009-0003-4329-9938

e-mail: begichev100@mail.ru

Цандер Яна Меркурьевна – аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0001-8898-1234

e-mail: janastr@mail.ru

About the authors:

Alexander V. Begichev – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of Department of Civil Law and Civil Procedure and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0009-0003-4329-9938

e-mail: begichev100@mail.ru

Yana M. Tsander – graduate student of Department of Civil Law and Civil Procedure and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8898-1234

e-mail: janastr@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-622-633>
EDN: JDWSTG

Научная статья / Research Article

Согласие на обработку персональных данных – *sui generis* действие

К.А. Зюбанов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация
 kazyubanov@hse.ru

Аннотация. Согласие на обработку персональных данных – одно из наиболее используемых оснований обработки персональных данных, являющееся своего рода «специальной» концепцией регулирования в области персональных данных в сравнении с иными правовыми основаниями, включая, например, требования закона или заключенный с субъектом договор. Тем не менее ни в российской, ни в иностранной правовой науке до сих пор не сформировалось единообразного, однозначного или даже компромиссного представления в отношении правовой природы согласия на обработку персональных данных и действий по его предоставлению. Объектом исследования стала правовая природа согласия на обработку персональных данных. Изучив источники и концепции, автор предлагает свой подход – признание *sui generis* природы согласия на обработку персональных данных как действия субъекта, совершение которого предусмотрено регулированием публично-правового характера, но может влечь в том числе частноправовые последствия (в том, что касается самих действий по предоставлению согласия как самостоятельных юридических фактов). Данный подход основан на сформулированной автором обратной интерпретации принципа «Бритвы Оккама» о недопустимости объединения сущностей без объективной необходимости. Данный подход также позволит учесть как специфику регулирования в области персональных данных как сравнительно молодого и во многом междисциплинарного направления, так и интерес ученых, специализирующихся на различных отраслях права, в отношении регулирования в области персональных данных. Методологическую основу исследования составляют общенаучные (диалектический, логический, системный) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования).

Ключевые слова: приватность, неприкосновенность частной жизни, терминология, информационные технологии, информационное право, гражданское право

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 17 марта 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

© Зюбанов К.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Зюбанов К.А. Согласие на обработку персональных данных – *sui generis* действие // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. С. 622–633. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-622-633>

Consent to personal data processing – a *sui generis* action

Kyrill A. Zyubanov

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

kazyubanov@hse.ru

Abstract. The consent for processing personal data is one of the most commonly used legal grounds within the framework of data protection regulations. However, compared to other bases such as legal obligations or contractual necessity, neither Russian, nor international researchers have come to a clear and balanced understanding of the legal nature of the consent for personal data processing and the actions through which it is granted. Through this study, we have concluded that granting the consent to personal data processing the exclusive status of a civil transaction does not fully align with the primary purpose of the personal data protection regulations and presents additional risks to the evolution of the concept. The proposed approach is to acknowledge the *sui generis* nature of consent to personal data processing as an action, the right to which is specified in public law regulation but the initiation of which can also lead to civil law consequences, as the actions through which the consent is granted can be considered legal facts *per se*. This approach is based on a newly formulated interpretation of the “Occam’s Razor” principle, which discourages the unjustified multiplication of entities. The research methodology is based on general scientific (dialectical, logical, systemic) and specific legal methods (formal legal, comparative legal, legal modeling method). This approach allows embracing both the specifics of data protection regulations, which is still in the process of interdisciplinary crystallization, and the diversity of perspectives and angles from which researchers from various fields can address data protection regulations.

Key words: privacy, inviolability of private life, terminology, information law, digital law, civil law

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 17th March 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Zyubanov, K.A. (2024) Consent to personal data processing – a *sui generis* action. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 622–633. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-622-633>

Введение

Согласие на обработку персональных данных является краеугольным камнем законодательства в области персональных данных и самой концепции персональных данных как инструмента защиты фундаментальных благ – таких, в частности, как неприкосновенность частной жизни, личная, семейная тайна.

Согласие – флюгер, лакмусовая бумажка, сейсмограф концепции персональных данных. Состояние согласия, отношение к этому инструменту со стороны общества, представителей различных ветвей власти, предпринимателей – все это характеризует состояние концепции персональных данных в соответствующей юрисдикции или условно-изолированной социальной группе.

Согласие – одна из наивысших форм контроля, которыми может обладать субъект персональных данных в правоотношениях с оператором соответствующей обработки, уступающая по степени воздействия на осуществляемую обработку, возможно, только полному отказу от взаимодействия с тем или иным оператором и, следовательно, от предоставления ему персональных данных.

Согласие также называют «моральной магией, превращающей незаконное проникновение в званый ужин, нападение – в рукопожатие, кражу – в подарок, нарушение неприкосновенности частной жизни – в интимный момент...» (Hurd, 1996). Для того чтобы согласие как инструмент, обладающий подобной «властью», могло эффективно встроиться в общественные отношения, регулируемые законодательством в области персональных данных, к нему предъявляются определенные требования. Эти требования призваны сохранить баланс интересов сторон, обеспечить прозрачность функционирования инструмента согласия для наиболее слабой стороны общественных отношений, возникающих в связи с обработкой персональных данных, – самого субъекта персональных данных.

Д.Дж. Солоув, профессор Школы права Университета Джорджа Вашингтона (США), объединил все описанные требования под общим понятием «осмысленности» [meaningfulness] (Solove, 2023). При этом согласие, – считает Солоув, – в подавляющем большинстве случаев является не более чем фикцией, поддерживаемой и законом, и практикой (Solove, 2023). То, что согласие должно быть «осмысленным» [meaningful], подразумевает его информированность, свободу предоставления (отсутствие принуждения и манипуляций со стороны организаций, в пользу которых предоставляется согласие) и возможность для субъекта оценить цену, преимущества и риски предоставления согласия.

Согласие – это наиболее часто активно используемое основание обработки персональных данных в Российской Федерации и других «согласие-центричных» (Zyubanov, 2022) юрисдикциях. Это происходит из-за того, что согласие является результатом *lex specialis* развития отраслевого регулирования в области персональных данных и зачастую представляется, хоть и ошибочно, наиболее простым в практическом применении основанием обработки персональных данных.

Действительно, в большинстве случаев для того, чтобы использовать согласие на обработку персональных данных, достаточно учесть прямые требования законодательства в области персональных данных, а иные обязательные требования, как правило, регулируют иные аспекты осуществляемой деятельности (например, запрет отказа в заключении договора при непредоставлении избыточных персональных данных не касается согласия на их обработку *per se*, хотя на обработку персональных данных на основании согласия также распространяется принцип минимизации персональных данных, общий для большинства юрисдикций).

Вместе с тем камень преткновения, обуславливающий многочисленные сложности, сопряженные с использованием согласия в качестве основания обработки персональных данных, кроется во многом именно в правовой природе согласия. Российское законодательство в области персональных данных предусматривает – по разным оценкам – более 10 требований к согласию как основанию обработки

персональных данных. Анализируя зарубежные «лучшие практики», можно сделать вывод о том, что большинство из этих требований являются неотъемлемыми составляющими концепции согласия на обработку персональных данных. При этом, например, у российских требований «конкретности, предметности, информированности, сознательности и однозначности»¹ есть устойчивые европейские аналоги – согласие должно быть «*specific...informed...freely given*»² («конкретное, информированное, предоставленное свободно», англ.).

Согласие как концепция, *lex specialis* требования, затрагивающие эту концепцию, учитывая обширные правоприменительную практику, разъяснения профильных надзорных органов и доктринальные источники, могут быть проанализированы и интерпретированы с высокой долей определенности.

В том же, что выходит за рамки *lex specialis* регулирования в узком смысле и *lex specialis* требований в широком смысле (имея в виду не только *hard law* требования в их привычном понимании), согласие – лакмусовая бумажка – показывает чрезвычайно высокий уровень неопределенности.

Ответ на базовый вопрос о том, относится ли концепция персональных данных и связанная с ней система понятий, прав и обязанностей к сфере публичного или частного права, однозначно сформулировать можно только с рядом условностей. Имеющее (во всяком случае в новейшей истории развития концепции) публично-правовой генезис, произрастающее из международно-правовых инструментов (Zyubanov, 2023) и базирующееся на них законодательство в области персональных данных и само носит явный публично-правовой характер (Saveliev, 2014; Дмитрик, 2020). Публично-правовой аспект регулирования в области персональных данных определяет и доминирующий метод регулирования – императивный, особенно проявляющийся в отношениях операторов персональных данных с органами государственной власти.

Тем не менее как таковые отношения власти и подчинения между операторами и субъектами персональных данных отсутствуют, присутствует частноправовой аспект, обуславливающий, в свою очередь, большой уровень диспозитивности в структурировании отношений между оператором и субъектом персональных данных, несмотря на жесткие публично-правовые рамки.

Неразрешенным при этом остается вопрос правовой природы согласия субъекта на обработку его персональных данных.

Ответ на этот вопрос представляет чрезвычайно высокую практическую, научную и теоретическую ценность, так как в зависимости от него могут определяться доступные механизмы защиты прав субъектов, направления и тренды регулирования, границы полномочий тех или иных органов государственной власти, а также основные направления научной мысли. Несмотря на то, что в научной дискуссии рождаются многие теории, для эффективного и своевременного развития доктринально-теоретической базы необходим базовый понятийный аппарат. Если согласие играет значимую роль в определении концепции персональных данных и ее изучении, необходимо определить и его правовую природу.

¹ Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ [далее – 152-ФЗ], ч. 1 ст. 9 // СПС КонсультантПлюс.

² Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 On the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (hereinafter – GDPR), Art 4 (11) // EUR-Lex European Union Law. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02016R0679-20160504> (дата обращения: 21.01.2024).

Подобный анализ направлен на получение бинарного (положительного или отрицательного) ответа на вопрос: «Является ли согласие на обработку персональных данных гражданско-правовой сделкой?».

При этом необходимо отметить, что вопрос этот в рамках данного анализа задан именно в отношении согласия на обработку персональных данных. Концепция или концепции согласия в праве в целом – более широкий предмет, на исследование которого ответ на заданный выше вопрос влияет достаточно косвенно.

Правовая природа согласия на обработку персональных данных

Предметом этого анализа является не только и в некотором смысле не столько анализ формально-юридической составляющей и того, является ли согласие на обработку персональных данных «действием, направленным на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей», но также и *de lege ferenda* анализ необходимости его квалификации в качестве сделки.

С учетом обозначенных ограничений предмета этого анализа за его рамками находятся как вопросы квалификации иных согласий, предусмотренных самыми различными отраслями права (например, согласие на совершение сделки или согласие на медицинское вмешательство), так и вопросы, связанные с квалификацией согласия на обработку персональных данных в рамках конкретных правоотношений (например, при совершении какой-либо иной гражданско-правовой сделки).

Сторонники положительного ответа на поставленный вопрос о правовой природе концепции согласия на обработку персональных данных, причем как в отношении действующего, так и в отношении предпочтительных направлений развития регулирования (в частности, Н. А. Дмитрик (Dmitrik, 2018), В. В. Архипов (Arkhipov, 2018), А. И. Савельев (Saveliev, 2016), Н. Пуртова (Purtova, 2010) и др.), опираются на ряд аргументов междисциплинарного характера, краткий обзор которых приведен далее.

Во-первых, имеется весьма существенное семантическое и функциональное пересечение между согласием на обработку персональных данных, согласием на обнародование и использование изображения гражданина, предусмотренным ст. 152.1 ГК РФ, и в еще большей степени – согласием в отношении информации о его частной жизни, предусмотренным ст. 152.2 ГК РФ. В связи с этим, на первый взгляд, логичным представляется применить аналогию закона и использовать квалификацию гражданско-правовых согласий в качестве сделок³ в отношении согласия на обработку персональных данных.

Во-вторых, как было отмечено ранее, отношения субъекта и оператора персональных данных носят в том числе частноправовой характер, стороны обладают определенной степенью дискреции, пользуясь своего рода разновидностью «свободы договора».

В-третьих, правоприменительная практика, разъяснения контрольных (надзорных) органов и отдельные позиции органов государственной власти свидетельствуют о том, что применение отдельных институтов гражданского права «удобно» правоприменителям, так как имеет за собой многолетний фундамент

---

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», П. 46 // СПС КонсультантПлюс.

сложившихся концепций и подходов. Наиболее ярким примером является использование положений ГК РФ о дееспособности малолетних и несовершеннолетних при определении возраста, с которого допускается предоставление согласия на обработку персональных данных⁴.

Наконец, гражданское право сопровождает в первую очередь *имущественные* отношения, в связи с чем некоторые ученые сравнивают законодательство в области персональных данных и положения гражданского законодательства об интеллектуальной собственности. Были озвучены даже предложения ограничить действие правового режима защиты персональных данных только теми данными, которые имеют коммерческую ценность как относящиеся к конкретному лицу, исключив из-под действия законодательства в области персональных данных такие данные, которые хоть и обладают «идентифицирующим потенциалом», не используются как относящиеся к конкретному субъекту (Dmitrik, 2018). Другие ученые предостерегают, что вскоре эта сфера законодательства станет *the law of everything* («закон обо всем», англ.) и указывают на то, что такое направление развития не является правильным (Purtova, 2018).

Указанные аргументы являются отражением того же феномена, который когда-то лег в основу европейского подхода к концепции персональных данных. Это страх перед чем-то новым, только в этот раз это не только и не столько сами технологии, а регулирование, связанное с их использованием. Столь всеобъемлющая концепция, затрагивающая коммерческие интересы крупнейшего IT-бизнеса, банковского, медицинского и других секторов, не может не вызывать опасений у экспертов, представителей бизнеса и, как следствие, представителей государства.

Квалификация согласия на обработку персональных данных в качестве сделки – наиболее простой путь разрешения пугающей неопределенности. Если согласие на обработку персональных данных – гражданско-правовая сделка, то персональные данные неизбежно становятся объектом гражданских прав, полноправно входят в коммерческий оборот, а участники сделок, предусматривающих какие-либо действия с персональными данными в качестве, например, встречного предоставления, получают дополнительные гражданско-правовые гарантии (презумпция добросовестности, гражданско-правовые способы защиты и др.).

Тем не менее, перефразируя одну из наиболее известных интерпретаций принципа «Бритвы Оккама», можно заявить, что *entia non sunt coniungenda praeter necessitatem* («не стоит объединять сущности без надобности», лат.), квалификация согласия на обработку персональных данных, предусмотренного регулированием преимущественно публично-правового характера, в качестве сделки не решит существующих вопросов, возникающих на практике и в доктрине, но вызовет новые. Данный принцип, предлагаемый автором и являющийся своего рода продолжением фундаментального логического закона достаточного основания Лейбница, допустимо назвать «обратной Бритвой Оккама» в том смысле, в котором он препятствует концептуальному усложнению в виде объединения согласия на обработку персональных данных и иных согласий, в том числе предусмотренных гражданским правом.

В частности, описанное решение потребует изменения фундаментальных основ гражданского законодательства, включения в перечень объектов гражданских прав не только нематериальных благ, но и информации, которая была исключена из него

⁴ В том числе: Ответ от 30.03.2023 № 08-26424 «О рассмотрении обращения».

в связи с принятием Части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации⁵. Более того, необходимо будет пересмотреть полномочия органов контроля (надзора) и, вполне вероятно, полностью или частично привести положения специального законодательства в области персональных данных в соответствие с положениями гражданского законодательства.

Наконец, такой шаг еще больше отдалит концепцию персональных данных от достижения ее целей, заключающихся в защите прав, предусмотренных публично-правовым регулированием. Если «устанавливая некоторые правила обработки данных о частной жизни, государство признает, что такая обработка в принципе возможна» (Dmitrik, 2020), то признавая приоритет гражданского права в отношении определения формы и содержания концепции персональных данных в целом и согласия на их обработку в частности, государство может сократить или полностью устранить и от патерналистской функции защитника фундаментальных прав и свобод, «уступив» концепцию персональных данных коммерческому обороту.

Более того, смещение фокуса концепции персональных данных с публично-правового элемента в сторону частноправовых аспектов этой концепции представляет риск замедления развития публично-правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с технологическим развитием информационного общества. У переиспользования «наработок» отдельно взятой отрасли права – даже такой многогранной и имеющей тысячелетнюю историю, как гражданское право, – есть пределы, а у такого подхода есть ряд обозначенных выше недостатков.

Если обратиться к собственно гражданскому праву и сопровождающей его генезис доктрине, очевидным становится также и то, что между концепцией «согласие» и гражданско-правовой сделкой нет презюмируемого тождества. Более того, как отмечали М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, «согласие в отличие от соглашения само по себе не порождает обычных для юридического факта последствий: возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей. Его роль гораздо скромнее. Она проявлялась лишь в случаях, когда на этот счет есть прямое указание в ГК... и сводится к тому, что представляет собой непереносимое условие, при котором волеизъявление лица (для одной стороны) или совпадающее встречное изъявление воли других лиц (для договоров) способно создать правоотношение» (Braginsky & Vitryansky, 2020). Таким образом, даже если бы было принято решение полностью переиспользовать гражданско-правовые подходы к регулированию согласия, сторонники такого решения столкнулись бы с тем, что и в самом гражданском праве нет однозначного подхода к согласию как юридическому факту.

Учитывая противоречивый характер предложений ученых и практиков, поддерживающих подход, в соответствии с которым согласие на обработку персональных данных следует квалифицировать как гражданско-правовую сделку и возможное несоответствие такой квалификации основам гражданского права, целесообразным представляется воздержаться от такой квалификации и сохранить за этим согласием *sui generis* («своего рода», лат.) природу действия, осуществление которого предусмотрено регулированием публично-правового характера.

Для того, чтобы компенсировать отсутствие легального определения согласия на обработку персональных данных и сделать шаг в сторону единообразной интерпретации этой концепции учеными, предлагается использовать следующее

---

⁵ А.И. Савельев подробно анализирует подготовительные работы и собственно процесс принятия и текст Федерального закона от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», см.: (Saveliev, 2015:49).

определение: «Согласие на обработку персональных данных – это предусмотренное законом волеизъявление субъекта (Dmitrik, 2022), легализующее обработку персональных данных, в отношении которой оно совершено».

Может показаться, что среди надлежащих и эффективных решений обозначенных проблем может находиться полный отказ от использования или дальнейшего развития концепции согласия в регулировании персональных данных с тем, чтобы адаптировать его (законодательство) под современные реалии и вместо последствий недостатков, присущих согласию как основанию обработки персональных данных, устранить их «первопричину». Тем не менее, такое предложение не может соответствовать ни букве, ни духу регулирования в области персональных данных, не отвечает его цели и лишает субъекта и так немногочисленных инструментов контроля за своими персональными данными. Между тем согласие признается многими авторами не просто инструментом контроля: Н. Пуртова (N. Purtova) отмечала, что «ничто не устанавливает отношения контроля между субъектом и его персональными данными так прочно и безоговорочно, как согласие» (Purtova, 2015).

Под осуществлением субъектом контроля за своими персональными данными в работе Н. Пуртовой понимается совокупность действий лица, направленных на реализацию его прав как субъекта персональных данных в правоотношениях с конкретным оператором персональных данных соответствующего субъекта.

Согласие – *sui generis* действие обладает рядом преимуществ перед согласием – сделкой, и потому представляется более перспективной альтернативой частноправовому подходу.

Во-первых, такое согласие имплицитно учитывает жесткие публично-правовые рамки, ограничивающие и дискрецию оператора персональных данных, и возможности субъекта по реализации своих прав, связанных с использованием согласия в качестве основания обработки персональных данных.

Во-вторых, такой подход учитывает отсутствие отношений логического подчинения между объемами понятий «персональные данные» и «информация о частной жизни» по смыслу ст. 152.2 ГК РФ, предоставляя и практике, и доктрине свободу дальнейшей разработки и дальнейшего развития каждого из условно самостоятельных направлений.

В-третьих, *sui generis* согласие не противопоставляется согласию-сделке, а следует за траекторией развития гражданского законодательства Российской Федерации, более не признающего информацию *per se* в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Таким образом, этот подход не требует незамедлительного внесения изменений в положения гражданского законодательства.

В-четвертых, использование предлагаемого подхода не исключает возможности использования различных способов защиты нарушенных прав, а в отдельных случаях и прямо предусматривает использование гражданско-правовых способов защиты (например, в форме требования о компенсации морального вреда), снабжая субъекта дополнительным выбором инструментов и частично компенсируя его слабое положение по отношению к оператору.

В-пятых, упомянутый тысячелетний опыт регулирования общественных отношений, которым обладает гражданское право, может и должен использоваться в качестве «лучшей практики» при разработке отдельных концепций регулирования в области персональных данных или даже применяться по аналогии.

В-шестых, признание *sui generis* природы согласия субъекта как основания обработки его персональных данных не обязательно ведет к снижению роли

гражданского права в вопросах обеспечения – пусть и косвенного – прав субъектов персональных данных, ведь одним из оснований обработки является исполнение договора с субъектом персональных данных. Из этого следует, что вся полнота, весь разнообразный функционал многочисленных институтов и концепций гражданского права может и неизбежно должен найти свое место в структурировании правоотношений, связанных с персональными данными, но не распространяя свое действие на каждое из оснований обработки, а фокусируясь на тех основаниях, которые имеют заведомо гражданско-правовую природу, – таким основанием, в первую очередь, является исполнение договора с субъектом, так называемая *contractual necessity*⁶ («необходимость, обусловленная договором», англ.). Данная позиция разделяется и автором работы, в другом исследовании даже был заявлен тезис о том, что обработка персональных данных на основании договора – один из случаев, когда согласие не требуется и это не вызывает вопросов с точки зрения правомерности обработки этих данных ни у одной из сторон (Zyubanov, 2023).

Наконец, поскольку согласие на обработку персональных данных является волеизъявлением, оно облекается в какое-либо действие в объективной реальности, в связи с чем само предоставление согласия на обработку персональных данных может содержать в себе элементы гражданско-правовой сделки при условии соблюдения требований гражданского законодательства (например, если возможно с разумной точностью установить стороны правоотношений). В этом случае, хотя само согласие по-прежнему не будет являться сделкой, действия по его предоставлению могут быть квалифицированы как направленные на совершение сделки.

В указанном контексте и в зависимости от конкретных гражданско-правовых отношений, влекущих необходимость, зависящих от или иным образом связанных с предоставлением субъектом согласия на обработку персональных данных, согласие на обработку персональных данных может выступать, опираясь на теорию юридических фактов и вне зависимости от правомерности, в качестве юридического акта, «иногo действия физического лица» по смыслу пп. 8 п. 1 ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации, направленного, в частности, на возникновение, изменение или прекращение гражданско-правовых отношений.

Необходимо отметить и то, что как любое действие, согласие на обработку персональных данных не существует «в вакууме», предстает и предоставляется в определенном контексте, который является не элементом согласия-волеизъявления *per se*, но предпосылкой к его выражению (предоставлению). В связи с этим в данной работе автор рассматривает именно согласие на обработку персональных данных, по возможности изолируя концепцию от контекста предоставления согласия, и обратится к анализу контекста и требований к нему в дальнейших исследованиях.

Исходя из приведенного выше, нельзя не повторить тезис автора, заявленный в более обширном исследовании, о том, что «решение проблем, возникающих... в связи с ограничением доступа к персональным данным и их дальнейшего использования, должно находиться в сфере законодательства в области персональных данных, а не обеспечиваться ограничительным толкованием его положений в целях обхода ограничений» (Zyubanov, 2023).

⁶ Martin Nettesheim, профессор права Тюбингенского университета им. Эберхарда и Карла, даже отмечал, что «только на очень поверхностном уровне согласие может считаться эффективным инструментом обеспечения прав субъекта персональных данных в рамках договорных отношений», см.: (Nettesheim, 2023).

Наконец, обеспечение обособленности концепции согласия на обработку персональных данных служит цели институционального обеспечения защиты персональных данных, которое, по мнению Э.В. Талапиной, является перспективным и в определенной мере неизбежным направлением развития российского законодательства (Talapina, 2018).

Заключение

Проведенный анализ продемонстрировал – и в этом нет сомнений ни с практической, ни с научной, теоретической точек зрения, – что концепция согласия не только в законодательстве в области персональных данных, но и в гражданском праве, и в праве в целом является многогранной, неоднозначной и едва ли может быть приведена к «общему знаменателю» в угоду регулирования отдельных правоотношений.

Несмотря на концептуальные проблемы согласия как основания обработки персональных данных, российское законодательство предусматривает возможность его использования именно в этом качестве.

Решение описанных проблем лежит в дальнейшем совершенствовании регулирования в области персональных данных и в продвижении «лучших практик» и культуры работы с данными, включая персональные данные, в обществе. Согласие – это инструмент, который предназначен для осуществления субъектом контроля за своими персональными данными, в связи с чем предположить его избыточность как основания обработки было бы весьма наивно.

Согласие на обработку персональных данных, ввиду своей специфики как с точки зрения правоотношений, регулируемых законодательством в области персональных данных, так и с точки зрения механики функционирования этого инструмента, имеющего основной целью обеспечение прав субъектов персональных данных, имеет двойственную природу, частно- и публично-правовые аспекты.

Частноправовая природа выражается в горизонтальном характере отношений оператора и субъекта персональных данных, определенном уровне дискреции каждой из сторон в отношении структурирования правоотношений.

Публично-правовая природа выражается в обширном корпусе императивных ограничений, установленных на уровне федерального законодательства и сокращающих свободу усмотрения сторон правоотношений, связанных с обработкой персональных данных, а также в цели регулирования, выражающейся, в частности, в обеспечении права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации и ряда международно-правовых договоров.

Оптимальным подходом для дальнейшего развития концепции согласия на обработку персональных данных в частности и регулирования в области персональных данных в целом, как в практической, так и в научной, теоретической, доктринальной плоскостях, является, по нашему мнению, признание *sui generis* природы согласий как действия, осуществление которого предусмотрено регулированием публично-правового (или преимущественно публично-правового) характера.

Данный подход позволит согласию на обработку персональных данных сохранить концептуальную специфику, гибкость и независимость дальнейшего развития, не лишая ни законодателя, ни научное сообщество возможности применять те или иные подходы, сформировавшиеся к отдельным видам согласий, предусмотренных, в частности, гражданским правом, по аналогии.

Более того, данный подход не противоречит устоявшейся теории юридических фактов, допуская квалификацию согласия на обработку персональных в качестве юридического факта, исходя из содержания конкретных правоотношений гражданско-правового характера.

Согласие на обработку персональных данных – не сделка, но действия по его предоставлению могут являться юридическим фактом в гражданско-правовых отношениях, в таком подходе отсутствует противопоставление, так как он затрагивает две параллельно существующих системы правоотношений, а в нашем анализе центральным является вопрос о правовой природе концепции согласия на обработку персональных данных как таковой.

Так же, как классическая «Бритва Оккама» оберегает практику и науку от возникновения не имеющих права на существование концепций, паразитирующих на многолетних и даже многовековых трудах поколений ученых, предлагаемая автором «обратная Бритва Оккама», предполагающая недопустимость концептуального усложнения через объединение существующих сущностей без объективной необходимости, может и должна оберегать едва возникающие, но имеющие колоссальный потенциал концепции и институты, включая концепцию согласия на обработку персональных данных.

References / Список литературы

- Arkhipov, V.V. (2018) Personal data's nonmaterial values (or there is nothing more practical than a good theory). *Zakon*. (2), 52–68. (in Russian).
Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или нет ничего более практичного, чем хорошая теория // *Закон*. 2018. № 2. С. 52–68.
- Braginsky, M.I. & Vitryansky, V.V. (2020) *Contract law: general provisions*. 4th edition. Statut Publ. (in Russian).
Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 4-е изд. М.: Статут, 2020. 847 с.
- Dmitrik, N.A. (2018) On the legal nature of consent to the processing of personal data. *Zakonodatelstvo*. (5), 41–47. (in Russian).
Дмитрик Н.А. О правовой природе согласия на обработку персональных данных // *Законодательство*. 2018. № 5. С. 41–47.
- Dmitrik, N.A. (2020) The history and perspective of the personal data institute. *Civil law review*. 20(3), 43–82. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-3-43-82> (in Russian).
Дмитрик Н.А. История, смысл и перспективы института персональных данных // *Вестник гражданского права*. 2020. Т. 20. № 3. С. 43–82. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-3-43-82>
- Dmitrik, N.A. (2022) *Legal informatics*. Moscow, Infotripic Media Publ. (in Russian).
Дмитрик Н. А. Правовая информатика. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 172 с.
- Hurd, H.M. (1996) The moral magic of consent. *Legal Theory*. 2(2), 121-146. <https://doi.org/10.1017/S1352325200000434>
- Nettesheim, M. (2023) Data Protection in Contractual Relationships (Art. 6 (1) (b) GDPR). *Social Science Research Network*. pp. 48–81. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4427134> [Accessed: 03.08.2024].
- Purtova, N. (2010) Property in Personal Data: A European Perspective on the Instrumentalist Theory of Propertisation. *European Journal of Legal Studies*. 2:3. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2363634>
- Purtova, N. (2015) Illusion of Personal Data as No One's Property. *Law, Innovation and Technology*. 7(1), 83–111. <https://doi.org/10.1080/17579961.2015.1052646>

- Purtova, N. (2018) The Law of Everything. Broad Concept of Personal Data and Future of EU Data Protection Law. *Law, Innovation and Technology*. 10(1), 1–42. <https://doi.org/10.1080/17579961.2018.1452176>
- Solove, D.J. (2023) Murky Consent: An Approach to the Fictions of Consent in Privacy Law. *104 Boston University Law Review* (Forthcoming), Available at: <https://ssrn.com/abstract=4333743> [Accessed 23rd February 2024].
- Saveliev, A.I. (2014). Data localization legislation and its impact on the e-commerce market in Russia. *Zakon*. (9), 51–68. (in Russian).
Савельев А. И. Законодательство о локализации данных и его влияние на рынок электронной коммерции в России // Закон. 2014. № 7. С. 51–68.
- Saveliev, A.I. (2015) *Article-by-Article Commentary to Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 On Information, Information Technologies and Information Protection*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Савельев А.И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М.: Статут, 2015. 320 с.
- Saveliev, A.I. (2016) Directions of the evolution of freedom of contract under the influence of modern information technologies. *Freedom of contract: Collection of articles. Kutafin Moscow State Law University*. Moscow, Statut Publ. pp. 481–542. (in Russian).
Савельев А.И. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Свобода договора: сборник статей / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. М.: Статут, 2016. С. 481–542.
- Talapina, E.V. (2018) Personal Data Protection in the Digital Age: Russian Law in the European Context. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, (5), 117–150. (in Russian).
Талатина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в Европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 5. С. 117–150.
- Zyubanov, K. (2023) The Scope of the Personal Data Concept in Russia. *Legal Issues in the Digital Age*. 4(1), 53–76. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2023.1.53.76>
- Zyubanov, K.A. (2023) Legal grounds for processing of personal data of relatives of job applicants and employees of credit organization: detecting and preventing cases of conflict of interest. *Zakonodatelstvo*. (9), 40–45. (in Russian).
Зюбанов К.А. Правовые основания обработки персональных данных родственников кандидатов и работников в кредитной организации при выявлении и предотвращении конфликта интересов // Законодательство. 2023. № 9. С. 40–45.
- Zyubanov, K.A. (2022) Agreement to personal data processing – classification of forms. *Zakonodatelstvo*. (9), 48–58. (in Russian)
Зюбанов К. А. Согласие на обработку персональных данных – классификация форм // Законодательство. 2022. № 9. С. 48–58.

Сведения об авторе:

Зюбанов Кирилл Алексеевич – аспирант Аспирантской школы по праву, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 109028, Российская Федерация, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3

ORCID: 0000-0002-6752-0516

e-mail: kazyubanov@hse.ru

About the author:

Kyryll A. Zyubanov – graduate student of the Doctoral School of Law, National Research University “Higher School of Economics”; 3 Bolshoy Trekhsvyatitelsky Pereulok, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6752-0516

e-mail: kazyubanov@hse.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-634-650>
EDN: JGHMES

Научная статья / Research Article

Демистификация имущественных прав в контексте цифровой трансформации экономики

А.В. Ефимов

Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация
[✉ av_efimov@inbox.ru](mailto:av_efimov@inbox.ru)

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена как классической цивилистической проблемой правовой природы имущественных прав, так и развитием цифровых технологий, в результате чего появляются имущественные права в цифровой форме (цифровые права). В этой связи обнаруживается необходимость определения правового режима таких цифровых прав, как утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, в общем контексте имущественных прав. Нерешенной является проблема правового режима цифровой валюты, поскольку отнесение ее к имущественным правам представляется затруднительным. Кроме того, в целях квалификации имущественного права объектом гражданских прав необходимо акцентировать внимание на наличие абсолютного права, которое будет характеризовать противоположенность и принадлежность данного объекта определенному субъекту. Цель – выработка научно-теоретических положений о квалификации имущественного права как объекта гражданских прав в условиях цифровизации экономики. Достижение цели осуществляется посредством системного метода, группы формально-логических методов (дедукция, индукция, аналогия и т.д.), а также специальных юридических методов (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования). В результате выработан двухуровневый подход к исследованию имущественных прав. На первом уровне предполагается рассмотрение содержания самого имущественного права в контексте относительного правоотношения, а на втором уровне – рассмотрение определенного абсолютного права на такое имущественное право. Применение данного подхода показывает, что безналичные денежные средства (в том числе цифровой рубль) и цифровая валюта не относятся к имущественным правам, они являются самостоятельными объектами гражданских прав. Кроме того, обосновано, что абсолютные и относительные права в отношении имущественных прав могут выражаться в виде токенов.

Ключевые слова: имущественное право, объект, цифровое право, утилитарное цифровое право, цифровой финансовый актив, цифровая валюта, криптовалюта, цифровой рубль, токен, NFT

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Работа выполнена с использованием Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Поступила в редакцию: 16 апреля 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

© Ефимов А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Ефимов А.В. Демистификация имущественных прав в контексте цифровой трансформации экономики // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. С. 634–650. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-634-650>

Demystification of property rights in the context of the digital transformation of the economy

Anatoly V. Efimov

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

 av_efimov@inbox.ru

Abstract. The research relevance lies in the intersection of the classical civil problem of the legal nature of property rights and the evolving landscape of digital technologies, which has given rise to property rights taking on a digital form (digital rights). This has led to the need to establish the legal framework for such digital rights, including utilitarian digital rights and digital financial assets, within the broader context of property rights. The issue of the legal framework for digital currency remains unresolved since it poses challenges in classification within the realm of property rights. Furthermore, in order to qualify property law as falling under civil rights, the focus must be on the presence of an absolute right that defines the opposition and ownership of this property by a certain entity. The objective is to develop scientific and theoretical principles for qualifying property rights as objects of civil rights within the context of economic digitalization. This objective is pursued through the application of a systematic approach and a group of formal logical methods (deduction, induction, analogy, etc.), as well as special legal methods (formal legal, comparative legal, legal modeling method). The research has resulted in a two-tiered approach to the study of property rights. The first level involves examining the content of the property right within the context of relative legal relationships, while the second level involves considering a specific absolute right to such property rights. The research concludes that non-cash money (including the digital ruble) and digital currency do not fall under the realm of property rights; they are independent objects of civil rights. Additionally, it asserts that absolute and relative rights pertaining to property rights can be manifested in the form of tokens.

Key words: property right, object, digital right, utilitarian digital right, digital financial asset, digital currency, cryptocurrency, digital ruble, token, NFT

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Acknowledgements. The work was performed using the Consultant Plus Legal Reference System.

Received: 16th April 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Efimov, A.V. (2024) Demystification of property rights in the context of the digital transformation of the economy. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 634–650. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-634-650>

Введение

Преобразование экономического оборота тесно связано с внедрением цифровых технологий. В.С. Белых и М.А. Егорова справедливо подчеркивают, что в контексте цифровой трансформации экономики особо интенсивно развивается учение об объектах гражданских прав (Belykh & Egorova, 2020:29). В частности, рост рынка

утилитарных цифровых прав, цифровых финансовых активов, использование их в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам¹, ажиотаж вокруг невзаимозаменяемых токенов (Non-Fungible Token) (далее – NFT), оборот цифровой валюты, в том числе введение цифрового рубля, актуализируют проблематику системы объектов гражданских прав с акцентом на имущественные права.

Пристальное внимание к объектам гражданских прав в связи с цифровой трансформацией обусловлено прежде всего появлением имущественных прав, которые учитываются и обращаются только в контексте цифрового пространства (цифровых платформ). Характерно, что согласно ст. 128 ГК РФ² цифровизация объектов гражданских прав непосредственно связана с введением цифрового рубля и цифровых прав, которые относятся к имущественным правам.

Рассмотрение влияния цифровизации на объекты гражданских прав невозможно без обращения к общей теории объектов и, в частности, к теории имущественных прав. При этом понятие имущественных прав остается одним из самых неопределенных в цивилистической теории. С одной стороны, имущественное право описывается как объект (право требования кредитора к должнику и т.д.), с другой стороны, как свойство принадлежности объекта определенному субъекту (например, право собственности) (Rozhkova, 2020:5). Кроме того, существуют убедительные основания сомневаться, что все виды имущественных прав по ст. 128 ГК РФ действительно являются таковыми. Смещение понятий и нерациональное признание тех или иных объектов имущественными правами приводит к отрыву права от реальности и к мистификации понятия имущественных прав. Представляется, что необходимая демистификация имущественных прав позволит выработать четкие представления о том, что является объектом, а что лишь характеризует принадлежность объекта определенному субъекту.

Цель исследования заключается в выработке научно-теоретических положений о квалификации имущественного права как объекта гражданских прав в условиях цифровизации экономики. Данная цель достигается посредством решения следующих задач: 1) определить имущественное право в системе объектов гражданских прав, 2) разграничить объекты гражданских прав и права, которые возникают на такие объекты, 3) выявить природу цифровых прав на примере утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов, 4) выявить природу цифровой валюты, 5) обосновать потенциал использования токенов в целях обозначения абсолютных и обязательственных прав, возникающих на имущественные права как на объекты.

Достижение указанных цели и задач предполагает комплексный набор методов. В частности, для оценки места имущественных прав в общем перечне объектов гражданских прав был применен системный метод и формально-логические методы. Также использовались специальные юридические методы. В частности, потенциал формально-юридического, сравнительно-правового методов, метода правового моделирования позволили исследовать различные объекты, относящиеся в силу закона к имущественным правам, а также описать двухуровневую модель исследования имущественных прав, предполагающую выявление относительного правоотношения, в контексте которого возникает имущественное право, и абсолютного права, которое должно возникать на имущественное право как на объект.

¹ Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 12. ст. 1569.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

Имущественные права в системе объектов гражданских прав

В силу прямого указания закона к имущественным правам относятся безличные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права. Вместе с тем открытый перечень имущественных прав позволяет относить к ним иные субъективные права (обязательственные, корпоративные, исключительные права). Основная идея выделения имущественных прав в системе объектов заключается в том, что имущественное право отражает связь одного участника оборота с другим и олицетворяет в себе какое-то конкретное субъективное право или их совокупность, которые имеют ценность и могут отчуждаться.

Исследуя ст. 128 ГК РФ, В.А. Белов пишет, что имущественные права относятся к объектам (Belov, 2016:291). В то же время В.А. Белов отмечает, что частные субъективные права стоит рассматривать не как объект других субъективных прав, а как элементы, из которых складывается гражданская правоспособность (Belov, 2016:291). Представляется, что проблемы с признанием субъективного права объектом возникают тогда, когда такое право рассматривается без учета возникающего в отношении него некоего абсолютного права. Отсюда следует опасность смешения субъективного права как объекта и как части правоспособности, на что фактически указывает цитируемый автор.

Впрочем, если субъективное право рассматривать как объект, в отношении которого возникает иное право как часть правоспособности, ситуация становится не такой проблемной. В теории права данная конструкция получила название «право на право». Р.С. Бевзенко указывает, что такие права могут иметь ценность, участвовать в обороте и дают их обладателям определенные правовые возможности (Bevzenko, 2010:36-37). Однако в итоге цитируемый автор делает вывод о нецелесообразности их выделения как объектов (Bevzenko, 2010:40).

Несмотря на сомнения относительно смыслового содержания конструкции «право на право», имущественные права выступают в качестве объекта в экономическом обороте (уступаются права требования, продаются акции и т.д.). В то же время риск смешения имущественного права как объекта с неким правом на такой объект требует более четкого разграничения понятий. В этой связи проблема заключается не в том, что субъекту принадлежит, например, право требования, а в том, какое право возникает у субъекта в отношении этого права требования. Стоит согласиться с позицией А.О. Рыбалова, согласно которой «объектом может быть лишь то, что может выступать объектом абсолютного права»³. Представляется, что именно такое абсолютное право, характеризующее принадлежность определенного объекта определенному субъекту, способно придать имущественному праву характер объекта, который по своей природе противопоставлен субъекту (Lektorsky, 2010:136). В таком случае субъективное (имущественное) право теоретически может выступать объектом гражданских прав, только если вместе с таким имущественным правом рассматривать и абсолютное право в отношении него. Для условного обозначения такого абсолютного права можно использовать понятие «уникальное право».

Данное теоретическое построение представляется возможным, поскольку спектр действий лица, которому принадлежит имущественное право, не ограничивается лишь его обязательственным отношением с обязанным лицом. Ведь обязательственное отношение связано лишь с получением исполнения по требованию, но в

³ Рыбалов А.О. К вопросу об объектах гражданских прав. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2024/03/14/k_voprosu_ob_obektah_grazhdanskih_prav#_ftn2 (дата обращения: 23.03.2024).

целом имущественное право как объект может быть уступлено, заложено, завещано и т.д., что выходит за рамки обязательственной связи должника и кредитора. Это значит, что у кредитора есть какое-то другое (абсолютное) право в отношении такого объекта, которое не выводится из обязательственных отношений с должником. В целом стоит сказать, что уточнение этого права на объект позволяет понять спектр действий с данным объектом.

Объекты гражданских прав и права на них

При отграничении объектов от прав, которые могут возникать на объекты, последние определяют отношение субъектов к объектам, характеризуют принадлежность объектов субъектам. Например, на вещь у субъекта возникают вещные права (например, право собственности), на результат интеллектуальной деятельности – интеллектуальные права (например, исключительное право). Воссоздавая общую модель связи объектов с правами на них по ст. 128 ГК РФ, можно задаться вопросом о том, какие права возникают в отношении имущественного права как объекта?

Представляется, что такое право на объект само не должно являться объектом. Так, очевидно, что право собственности не является объектом, объектом является именно вещь, а право собственности лишь характеризует отношение определенного лица к этой вещи. В то же время данная логика почему-то меняется при рассмотрении иных объектов и прав на них. Например, результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (далее – РИД, СИ) являются самостоятельными объектами, в отношении которых возникает исключительное право. Исключительное право, как и право собственности, характеризует отношение определенных субъектов к таким объектам. Однако исключительное право по странной причине подпадает под понятие имущественного права как отдельного объекта и происходит смешение понятий: исключительное право воспринимается и как характеристика принадлежности РИД, СИ, и как самостоятельный объект. Представляется, что именно объектом должны выступать РИД, СИ, а исключительное право как абсолютное должно лишь характеризовать принадлежность данного объекта определенным субъектам.

Развивая логику, согласно которой абсолютное право на объект находится вне системы объектов гражданских прав, необходимо выявить те объекты, на которые возникают абсолютные права. Но если в случае с вещами и РИД, СИ ответ не представляется столь проблемным, то с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами возникают сложности.

Стоит привести позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой безналичные денежные средства представляют собой обязательственное требование на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт счет⁴. При этом, учитывая, что сами безналичные денежные средства характеризуются как имущественные права, в отношении них проблематично распространение абсолютных (в т.ч. вещных) прав. Но насколько обоснованно говорить о том, что безналичные денежные средства являются объектами, если в отношении них не рассматривать абсолютное право?

С одной стороны, можно предположить, что «обязательственное требование на определенную сумму» указывает на наличие некой суммы как объекта, а сами безналичные денежные средства заключаются в обязательственном требовании. Но сразу

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П // СЗ РФ. 2014. № 51. ст. 7528.

же возникает вопрос, о какой сумме идет речь, ведь «определенная сумма», в отношении которой и возникает обязательственное требование клиента, это и есть безналичные денежные средства?

С другой стороны, если есть «определенная сумма», которая, как следует полагать, и является деньгами, то какое право возникает у субъекта в отношении этого объекта? Само по себе отрицание наличия абсолютного (вещного) права на безналичные денежные средства не проливает свет на то, какие права все же возникают в отношении безналичных денежных средств. Попытку разграничения денежных средств как объектов от имущественных прав на них предпринимает Л.Г. Ефимова. Она пишет, что безналичные деньги необходимо рассматривать как в контексте договора банковского счета, где они являются обязательственными правами, так и в контексте абсолютных правоотношений, где они выступают нематериальным имуществом (Efimova, 2022:9). Вместе с тем если денежные средства являются именно суммой на счете, то общий спектр действий субъекта не ограничивается лишь тем, что он может сделать с этой суммой по договору банковского счета. Права на эту сумму в обязательственных отношениях с банком являются лишь частным случаем в общем спектре возможных действий с такой денежной суммой. В таком случае странно называть денежными средствами некое право требования клиента к банку, если на самом деле это право не охватывает всего спектра возможных действий субъекта, которому они принадлежат, и в целом предполагается, что под безналичными денежными средствами понимается даже не право требования, а именно «определенная сумма».

Более того, критический подход к пониманию денежных средств нивелирует необходимость устанавливать именно обязательство, в контексте которого существует некое право требования. Л.Г. Ефимова справедливо пишет, что если изначально банкноты и предполагали право на их обмен на определенное количество драгоценного металла, то в процессе демонетизации золота данная опция была фактически утрачена (Efimova, 2022:13). С.Л. Будылин также высказывается, что в связи с отказом от золотого стандарта деньги превратились в самостоятельное платежное средство без привязки к праву требования чего-то от эмитента (Budylin, 2023:125–126). В этой связи С.Л. Будылин делает вывод, что деньги центрального банка представляют собой идеальные (воображаемые) объекты, которые ценны сами по себе без привязки к праву на размер на драгоценный металл (Budylin, 2023:140). Воображаемый объект вовсе не создает проблем для его юридической квалификации. Опять же можно вспомнить РИД, СИ, которые сами по себе не существуют в физическом виде, но являются объектами, в отношении которых существует абсолютное (исключительное) право. Поэтому и деньги также могут выступать такими воображаемыми объектами, причем независимо от их внешнего выражения. Как отмечал И.В. Архипов, между наличными и безналичными деньгами нет существенной разницы, поскольку по существу и те, и другие являются самостоятельными видами объектов гражданских прав (Arkhipov, 2014:60). При этом все же стоит допустить, что вещественная форма денег добавляет специфику в их правовой режим (например, на них распространяются нормы о виндикации, находке), однако эти нормы обусловлены не самими свойствами денег, а другим фактором – формой выражения денег.

В связи с квалификацией денег как отдельного объекта гражданских прав возникает вопрос о том, какое абсолютное право может характеризовать их принадлежность определенному субъекту? Конечно, деньги не являются вещами в том смысле, что их нельзя ощутить физически (в случае монет и купюр ощущается лишь

вещественная форма денег). В этой связи теоретически проблематично сказать, что в отношении денег возникают вещные права. Однако даже если закон по различным причинам прямо не называет такое право, его необходимо выявить, «достроив» модель правового регулирования таким правом, которое в целом похоже на право собственности или исключительное право, но характеризует спектр возможных действий субъекта уже по отношению к такому объекту, как деньги.

В целом данная логика характерна и для ценных бумаг. Отнесение бездокументарных ценных бумаг к числу имущественных прав связано, как стоит полагать, с тем, что в них включено определенное обязательственное или иное право. В этом смысле ценные бумаги по своему содержанию и независимо от формы могут быть признаны имущественными правами. Однако стоит учитывать, что «ценность» ценной бумаги на рынке определяется не только наличием определенного права в отношении обязанного лица, но и ее редкостью относительно спроса, ее «ценность» формируется под влиянием спроса и предложения даже если сам набор обязательственных прав не меняется. В этом смысле «ценность» бумаги определяется не только наличием обязанного лица по ней. При этом само право, которое следует из ценной бумаги, не тождественно самой ценной бумаге, на которую, собственно, возникает некое абсолютное право.

Такая же логика рассуждения может быть применена и в отношении так называемых криптотокенов. Как пишет С.Л. Будылин, криптоактивы также являются идеальными (воображаемыми) объектами, которые имеют собственную ценность в силу спроса на них и в силу определенного обязательственного требования к эмитенту (Budylin, 2023:147). В таком контексте криптомонеты, подобно деньгам, не будут относиться к имущественным правам в принципе, а крипто токены стоит воспринимать не просто как права требования, а как самостоятельные объекты, в отношении которых могут быть абсолютные права.

Говоря про имущественные права, представляется необходимым проводить их двухуровневое исследование: на первом уровне исследованию подлежит само содержание имущественного права с обозначением обязанного и управомоченного субъектов, характера относительного права, сроков и иных условий осуществления права и т.д., а на втором уровне исследованию подлежит некое абсолютное («уникальное») право на имущественное право.

Цифровые права

Подход к пониманию правового режима безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг может быть применен и к цифровым правам (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ). Несмотря на достаточно большое количество возможных вариантов имущественных прав, которые теоретически могут существовать в виде цифровых прав, к числу легальных разновидностей цифровых прав отнесены утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы. Данное законодательное положение сформулировано на базе идеи, что цифровое право, будучи разновидностью имущественных прав, относится к объекту гражданских прав. В качестве цифрового права рассматривается то или иное имущественное право, выпуск, учет, оборот которого осуществляется в рамках конкретных цифровых (информационных, инвестиционных) платформ.

Однако, по справедливому замечанию Е.А. Суханова (Sukhanov, 2021:26), Р.М. Янковского (Yankovsky, 2020:65), собственно цифровыми являются не сами

субъективные права, а лишь форма их фиксации и способы осуществления. В этом смысле цифровое право фактически является лишь формой различных имущественных прав, которые сами по себе выступают объектами.

Представляется, что выделение цифровых прав как разновидности имущественных прав в ст. 128 ГК РФ является излишним. Несмотря на цифровую форму и особенности учета и оборота цифровых прав, они сами по себе являются определенными имущественными правами, а не какой-то отдельной их разновидностью. При этом для имущественных прав, которые существуют в форме цифровых прав, характерна такая же проблема неопределенности абсолютного права, которое может возникать у субъектов в отношении такого объекта.

Утилитарные цифровые права

В ст. 8 Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ⁵ получили закрепление такие виды утилитарных цифровых прав, как: 1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Функционирование инвестиционных платформ позволяет осуществлять краудфандинг в целях финансирования коммерческих и некоммерческих проектов. В целом выстраивается такая модель отношений, при которой инвесторы принимают решение о финансировании определенного проекта, и через инвестиционную платформу они вносят свое имущество (в частности, деньги). Взамен инвесторы приобретают определенные имущественные права (например, права требования передачи определенных вещей) к лицу, которое привлекает инвестиции. Несмотря на то, что утилитарные цифровые права являются цифровой формой определенных имущественных прав, их квалификация как объектов возможна лишь постольку, поскольку у обладателей в отношении таких объектов возникает некое характеризующее их принадлежность абсолютное право.

Цифровые финансовые активы

В п. 2 ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах и цифровой валюте⁶ закреплены следующие виды цифровых финансовых активов: денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Представленный перечень прав также свидетельствует о том, что речь идет об имущественных правах, которые лишь по форме квалифицируются как цифровые. Подобно утилитарным цифровым правам выпуск, учет и обращение цифровых финансовых активов осуществляется в рамках цифровой платформы посредством

⁵ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. ст. 4418.

⁶ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). ст. 5018.

совершения записей такими способами, которые установлены правилами конкретной цифровой платформы (информационной системы).

По своему правовому режиму цифровые финансовые активы похожи на утилитарные цифровые права. Пожалуй, главное отличие данных цифровых прав заключается лишь в том, что они содержат в себе разные права, что предопределяет их разные характеристики как объектов на первом уровне исследования. Общей проблемой как для утилитарных цифровых прав, так и для цифровых финансовых активов является выявление абсолютного права в отношении них. Кроме того, цифровые права по содержащимся в них имущественным правам могут быть весьма похожи на ценные бумаги. Например, в виде цифрового финансового актива могут быть акции (ст. 13 Закона о цифровых финансовых активах и цифровой валюте).

Е.А. Суханов весьма однозначно пишет, что цифровые финансовые активы хотя и имеют технологические особенности учета и оборота в рамках цифровой платформы, вместе с тем по своему правовому режиму они являются бездокументарными ценными бумагами (Sukhanov, 2021:23). Однако действительно ли любое цифровое право будет являться ценной бумагой?

С одной стороны, можно сказать, что сама по себе цифровая форма полностью предопределяет правовой режим конкретного имущественного права. В таком случае цифровая форма будет предполагать только правовое регулирование действий по учету и обороту цифровых прав как таковых, исключая ценно-бумажное правовое регулирование. Так, подчеркивая значение цифровой формы имущественных прав, А.И. Савельев отмечает тенденцию поглощения правового режима самого имущественного права правовым режимом токена (Saveliev, 2018:41). Несмотря на учет специфики формы, такой подход не учитывает само содержание имущественного права.

С другой стороны, для квалификации имущественного права как ценной бумаги необходимо оценивать именно его содержание. Дело в том, что цифровой финансовый актив или утилитарное цифровое право могут выражать разные права. Поскольку не любое имущественное право является ценной бумагой, постольку и не любое имущественное право в цифровой форме будет являться ценной бумагой. Для квалификации определенного имущественного права как ценной бумаги в мировой практике чаще всего используется тест Хоуи (доктрина, сформировавшаяся по мотивам дела SEC v. W.J. Howey Co⁷). По данному тесту некое имущественное право (в т.ч. в цифровой форме) может быть квалифицировано как ценная бумага при наличии четырех признаков: 1) было осуществлено вложение денег (или иного имущества), то есть инвестирование, 2) инвестирование осуществлено в общее предприятие, 3) от такого общего предприятия инвестор ожидает получения прибыли и 4) получение прибыли происходит исключительно благодаря усилиям организатора или другой третьей стороны, то есть сам инвестор не участвует в процессе управления предприятием (Girasa & Scalabrini, 2022:18–19; Henderson & Raskin, 2019:459–460). Впрочем, такой подход к квалификации ценных бумаг может восприниматься критически, поскольку российское право в большей степени ориентируется на формальные признаки ценных бумаг (ст. 142 ГК РФ). Представляется, что признание имущественного права в цифровой форме ценной бумагой (например, при положительном тесте Хоуи) должно влечь распространение прежде всего ценно-бумажного правового регулирования, в то время как правовое регулирование, направленное на учет и оборот цифровых прав как таковых, должно применяться субсидиарно.

⁷ SEC v. W.J. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946).

Цифровая валюта

Определение правового режима цифровой валюты осложняется тем, что данное понятие не упоминается в ст. 128 ГК РФ. При этом если цифровые права в ряде случаев приобретают признаки ценных бумаг, то цифровая валюта имеет схожие признаки с деньгами. Л.Г. Ефимова пишет, что цифровая валюта является общим понятием, в т.ч. и для понятия криптовалюты (Efimova, 2022:11). Похожее рассуждение встречается в работе С.Л. Шварца, который указывает на три подхода к цифровой валюте с разным уровнем поддержки со стороны государства и частного сектора: общие криптовалюты, стейблкоины и цифровые валюты центральных банков (CBDC) (Schwarcz, 2024). Таким образом, цифровая валюта является собирательным понятием, охватывая как собственно деньги, так и такие объекты, которые деньгами не являются (криптовалюта).

Криптовалюта

В докладе Банка России о криптовалютах отмечается, что к ним относятся необеспеченные криптовалюты (биткойны и альткойны) и обеспеченные криптовалюты, которые имеют привязку к определенному активу (стейблкойны)⁸. Данный подход к классификации криптовалюты также проявляется и в Регламенте ЕС о рынках криптоактивов (MiCA)⁹. В ст. 3 Регламента определяется, что «криптоактив» (crypto-asset) означает цифровое представление стоимости или права, которое можно передавать и хранить в электронном виде с использованием технологии распределенного реестра или аналогичной технологии. При этом Регламент устанавливает правовой режим в отношении трех видов криптоактивов: 1) токен, привязанный к активу (asset-referenced token); 2) токен электронных денег (electronic money token); 3) третий тип состоит из криптоактивов, отличных от токенов, привязанных к активам, и токенов электронных денег (например, служебные токены (utility token)).

Регламент фактически называет два вида стейблкоинов (токены, привязанные к активу, и токены электронных денег), отграничивая их от необеспеченной криптовалюты, а также служебные токены, которые в контексте российского понимания можно отнести к цифровым правам, похожим на утилитарные цифровые права.

Впрочем, российское право оперирует легальным определением цифровой валюты, которое раскрывается в Законе о цифровых финансовых активах и цифровой валюте. В целом под цифровой валютой понимается совокупность электронных данных, которые могут выступать 1) в качестве средства платежа, или 2) в качестве инвестиций (ст. 1). Закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте не подразделяет цифровую валюту на общие криптовалюты, стейблкоины и цифровую валюту центрального банка. Логично допустить, что в России легализован оборот любой криптовалюты, если он осуществляется в соответствии с упомянутым законом.

⁸ Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций. М.: Центральный Банк Российской Федерации, 2022. С. 6.

⁹ Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) № 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 (Text with EEA relevance). Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj> (дата обращения: 09.03.2024).

Основы правового режима цифровой валюты закреплены в ст. 14 цитируемого закона. Интересно отметить, что в п. 5 ст. 14 данного закона российские резиденты не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг). Данный пункт коллидирует с общим определением цифровой валюты как средством платежа. Представляется, что данный запрет касается лишь ситуаций, когда российские резиденты получают цифровую валюту, что не исключает возможность для российских резидентов рассчитываться цифровой валютой. Так, А.А. Ситник подчеркивает, что российские резиденты могут использовать цифровую валюту в качестве средства платежа в отношениях с нерезидентами, а также совершать сделки, связанные с куплей-продажей цифровой валюты, получением и выдачей займов, внесением в уставный капитал и т.д. (Sitnik, 2020:110).

Использование цифровой валюты как средства платежа предполагает вопрос о ее сходстве с деньгами. В работе от 2021 года Е.А. Суханов отмечал, что ее выпуск и обращение являются противоправными (Sukhanov, 2021:24). Однако легализация цифровой валюты исключает противоправность ее использования. Более того, цифровой рубль как разновидность цифровой валюты прямо относится к деньгам.

Оценивая правовой режим цифровой валюты, Л.Ю. Василевская пишет, что «законодатель относит ее к определенной разновидности имущества — имущественному праву требования» (Vasilevskaya, 2023:14). Однако если считать цифровую валюту имущественным правом, то возникает вопрос о том, какое право удостоверяет цифровая валюта? Представляется возможным согласиться с Р.М. Янковским, что цифровая валюта является объектом сама по себе без необходимости выявлять какое-то предполагаемое относительное субъективное право (Yankovsky, 2020:50). Данный подход позволяет представить цифровую валюту не как имущественное право, а как обособленный (виртуальный) объект, на который в свою очередь возникает абсолютное право особого рода (*sui generis*) (Yankovsky, 2020:50).

А.В. Саженов также предпринимает попытку описать криптовалюты как обособленные объекты, применяя к ним общий правовой режим вещей и вещных прав в отношении них (Sazhenov, 2018:111).

Говоря о месте криптовалют в системе объектов гражданских прав, А.И. Савельев хотя и не называет их вещами, но склоняется к тому, что криптовалюта является иным имуществом (Saveliev, 2017:151). Аналогичную мысль высказывает С.Л. Будылин, который на примере биткойна допускает возможность называть держателя криптоактива собственником¹⁰. Представляется, что такой подход позволяет говорить о возможности возникновения в отношении криптовалюты абсолютного права, схожего с правом собственности. Однако криптовалюту стоит признавать разновидностью имущества, которое наряду с деньгами как таковыми имеет схожий правовой режим с вещами (или можно сказать, что даже является вещью с некоторыми допущениями). В таком случае предполагается обозначение абсолютного права, которое может характеризовать принадлежность криптовалюты определенному субъекту.

¹⁰ Будылин С.Л. «Объекты гражданских прав» vs «имущество»: правоведческая проблема или игра в слова? Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2024/3/20/obekty_grazhdanskih_prav_vs_imuschestvo_pravovedcheskaya_problema_ili_igra_v_slova (дата обращения: 10.04.2024).

Цифровой рубль

Отдельного рассмотрения требует легализация цифрового рубля¹¹. В отличие от криптовалют цифровой рубль является цифровой валютой центрального банка, фиатной валютой, то есть валютой Российской Федерации. Как поясняет Банк России, «цифровой рубль – это национальное денежное средство, форма национальной валюты»¹². Н.Ю. Рассказова также пишет, что цифровой рубль является формой обычного рубля, который эмитируется Центральным банком РФ (Rasskazova, 2023:132). Квалификация рубля в качестве цифрового осуществляется в связи с тем, что расчеты цифровыми рублями осуществляются путем их перевода Банком России в рамках платформы цифрового рубля в соответствии с законодательством о национальной платежной системе (п. 4 ст. 861 ГК РФ¹³). Операции с цифровыми рублями осуществляются через счет цифрового рубля. Однако цифровой рубль отличается от «обычных» безналичных денежных средств по некоторым функциям. Цифровой рубль создан как средство для проведения платежей и переводов, а не как средство сбережения или кредитования. В этой связи закреплен запрет, например, на привлечение цифровых рублей во вклады (депозиты) (ст. 5 Закона о банках и банковской деятельности¹⁴).

Согласно ст. 128 ГК РФ цифровой рубль относится к безналичным денежным средствам. Учитывая легальное отнесение безналичных денежных средств к имущественным правам, Л.Ю. Василевская пишет о цифровом рубле как о разновидности имущественных прав, которые имеют лишь особенности цифровой фиксации (Vasilevskaya, 2023:13). Однако изложенные выше умозаключения о природе денег как обособленного идеального (виртуального) объекта гражданских прав позволяет сказать, что и в случае с цифровым рублем речь идет именно о деньгах как о виртуальном объекте, в отношении которого предполагается определенное абсолютное право. При этом специфика цифровой фиксации данного права на цифровые рубли также предопределяет и содержание прав в отношении такого объекта, отличая по форме собственно цифровые рубли, например, от наличных денег. Таким образом, цифровая форма рубля добавляет специфику правового режима денег, но не меняет его общую квалификацию как денег.

Обозначение абсолютных и относительных прав в отношении имущественных прав и цифровой валюты посредством токенов

В контексте цифровизации сведения о характере принадлежности объектов определенным субъектам могут быть учтены в рамках цифровых платформ. В этой связи с помощью цифровых технологий можно формализовать абсолютные права,

¹¹ Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (Часть III). ст. 5765; Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023, № 31 (Часть III). ст. 5766.

¹² Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться // Банк России: официальный сайт. 2023. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 21.04.2023).

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1996. № 5. ст. 410.

¹⁴ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 12.12.2023) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. ст. 492.

позволяя с одной стороны через цифровой профиль субъекта видеть все его абсолютные права в отношении определенных объектов, а с другой стороны, видеть все абсолютные права на определенный объект, которые имеются у разных субъектов. Так, в цифровую платформу можно внести запись о принадлежности земельного участка определенному субъекту X на праве собственности. Также в отношении этого земельного участка можно внести запись о праве аренды, которое принадлежит субъекту Y, о сервитуте, который принадлежит субъекту Z. Данный пример показывает, что в виде цифрового кода может быть как вещное право (право собственности, сервитут), так и обязательственное право (право аренды). Нет разницы, какое именно субъективное право будет учитываться в цифровой платформе; главное, что оно будет показывать принадлежность того или иного объекта определенному субъекту в цифровой платформе.

Цифровая трансформация предполагает учет в цифровых платформах не только самих имущественных прав в рамках относительных отношений, но и абсолютных и относительных прав, которые характеризуют принадлежность определенным субъектам имущественных прав как объектов. В целях отражения различной информации об объектах, в том числе и об их принадлежности субъектам, используется понятие токена (Saveliev, 2018:38), (Fedorov, 2018:32), (Novoselova, 2017:37). Несмотря на то, что понятие токена зачастую используется в качестве синонима цифрового права как объекта, токен как определенная запись может использоваться для характеристики принадлежности объекта тому или иному субъекту, в т.ч. выражая некое абсолютное право субъекта в отношении объекта.

Поскольку токен может характеризовать принадлежность субъекту различных объектов, справедливым является суждение Л.А. Новоселовой, что «к токену может осуществляться привязка как в отношении нематериальных (бездокументарные ценные бумаги, недокументированные права требования, исключительные права и т.д.), так и материальных активов (недвижимость, биржевые товары) (токенизация актива)» (Novoselova, 2017:34). Таким образом, в рамках цифровой платформы может быть сделана запись (токен) о принадлежности субъекту как вещи, так и иных объектов, которые к вещам не относятся. В контексте вышеизложенного можно сказать, что токен может определять и характеризовать права субъекта на физические вещи, РИД, СИ, деньги, ценные бумаги, цифровую валюту и в целом на так называемое «цифровое имущество» (Efimova, 2021:56).

Стремление обозначить абсолютные и относительные права в отношении тех или иных объектов привело к появлению невзаимозаменяемых токенов (NFT). По технической характеристике данные токены также представляют собой запись в цифровой платформе, содержащую ссылку на конкретный объект в реальном или цифровом изменении. Д.С. Емельянов и И.С. Емельянов пишут, что «NFT представляют собой запись в реестре блокчейн с информацией о правах на тот или иной объект» (Yemelyanov & Yemelyanov, 2021:73). Э.Р. Вальдес-Мартинес также указывает, что NFT является уникальной цифровой записью, по которой возможно отследить историю владения именно этим токеном (Valdez-Martinez, 2023:77).

Стоит лишь отметить, что речь, видимо, идет о записи не о владении токеном (иначе возникает логическая ошибка), а о принадлежности субъекту базового актива, то есть определенного объекта. Именно базовый объект предопределяет нетождественность (или невзаимозаменяемость) такой записи по сравнению с другими записями на другие объекты. В этом смысле стоит согласиться с Ю.С. Харитоновой, которая подчеркивает, что «невзаимозаменяемость токенов в первую очередь связана с уникальностью объекта токенизации» (Kharitonova, 2023:63).

Обычно NFT рассматривается только в отношении такого базисного актива, как цифровые объекты. Так, О.А. Полежаев (Polezhaev, 2023:69), П.И. Петкилев (Petkilev, 2022:19), Д.С. Емельянов и И.С. Емельянов (Yemelyanov & Yemelyanov, 2021:75) пишут, что NFT выполняют функцию фиксации информации о закреплении цифрового объекта за конкретным лицом в сети блокчейн. При этом Э.Р. Вальдес-Мартинес справедливо отмечает, что «под базовым активом следует понимать совершенно любой объект материального мира – картину, билет в кино, недвижимость и т.п., – информация о котором переведена в цифровую запись» (Valdez-Martinez, 2023:78). В таком случае в отношении вещей NFT как записи в распределенном реестре могут выполнять роль регистрации права собственности или иных вещных прав, а в отношении иных объектов – фиксации определенных абсолютных и относительных прав, характеризующих принадлежность этих объектов определенным субъектам. В частности, токенами могут закрепляться абсолютные (и относительные) права на имущественные права. При этом отчуждению должны подлежать именно базовые активы, то есть объекты, в отношении которых установлены абсолютные права, а не сами NFT, которые являются лишь цифровым обозначением абсолютных прав как формы принадлежности этих объектов определенным субъектам.

Таким образом, посредством токенов, в том числе NFT, могут обозначаться абсолютные и относительные права субъектов в отношении объектов. В этом смысле токены будут являться цифровой формой прав, аналогичных праву собственности, исключительному праву, которые характеризуют принадлежность вещей и РИД, СИ определенным субъектам. Учитывая изложенное, токены не должны относиться к имущественным правам и не должны включаться в систему объектов гражданских прав.

Заключение

Двухуровневый подход к исследованию имущественных прав предполагает рассмотрение на первом уровне содержание самого имущественного права в контексте относительного правоотношения, а также рассмотрение на втором уровне определенного абсолютного права на такое имущественное право. При этом имущественные права должны относиться к объектам гражданских прав только в том случае, если в отношении них рассматривать определенное абсолютное право, характеризующее принадлежность такого объекта тому или иному субъекту. Абсолютное право на имущественные права можно назвать «уникальное право». При этом, учитывая построение общей модели зависимости абсолютного права от характера самого объекта, содержание абсолютного («уникального») права будет предопределяться свойствами конкретного имущественного права.

Учитывая представленный подход, было обосновано, что под влиянием цифровизации появляются имущественные права в цифровой форме. В этом смысле цифровые права не являются самостоятельными объектами гражданских прав, но являются лишь цифровой формой традиционных имущественных прав. Несмотря на достаточно большое количество возможных вариантов имущественных прав, которые теоретически могут существовать в форме цифровых прав, к числу легальных разновидностей цифровых прав отнесены утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы. Специфика данных цифровых прав заключается в том, что они учитываются и обращаются именно в рамках цифровых платформ. В ходе исследования также сделан вывод, что, если данные цифровые права по своим признакам

становятся похожими на ценные бумаги, то к ним стоит применять ценно-бумажное правовое регулирование, в то время как специальное законодательство о цифровых правах должно применять субсидиарно.

Кроме того, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что безличные денежные средства и цифровая валюта не относятся к имущественным правам, поскольку при их исследовании на первом уровне не обнаруживается относительное правоотношение. Поэтому деньги и цифровая валюта являются самостоятельными объектами гражданских прав, наряду с вещами, РИД, СИ.

Поскольку токены могут характеризовать принадлежность субъектам различных объектов, их использование позволит записывать в цифровых платформах абсолютные и относительные права субъектов как на объекты реального мира, так и на объекты идеального (воображаемого) мира. Таким образом обозначение абсолютных («уникальных») и относительных прав в отношении имущественных прав и цифровой валюты возможно посредством токенов. Если речь идет о принадлежности субъекту индивидуально-определенного объекта, то для этих целей могут быть использованы NFT.

References / Список литературы

- Arkhipov, I.V. (2014) Objects in binding legal relations. In: Aksenchuk, L.A. (ed.). *Modernization of civil law regulation of contractual relations: a collection of scientific articles*. Moscow, RAP Publ., pp. 55–61. (in Russian).
Архипов И.В. Объекты в обязательственных правоотношениях // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений: сборник научных статей / отв. ред. Л.А. Аксенчук. М.: РАП, 2014. С. 55–61.
- Bevzenko, R.S. (2010) *Objects of civil law relations: A textbook for law students*. Moscow, Higher School of Economics. (in Russian).
Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений: учебное пособие для студентов юридических специальностей. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 72 с.
- Belov, V.A. (2016) *Civil law*. In 4 vols. vol. II. The general part. In 2 books. Books 1. Moscow, Yurait Publ. (in Russian).
Белов В.А. Гражданское право: в 4 томах. Т. II. Общая часть: в 2 книгах. Кн. 1. М.: Юрайт, 2016. 453 с.
- Belykh, V.S. & Egorova, M.A. (2020) The concept and significance of digital law in the modern legal system. In: Blazheev, V.V. & Egorova, M.A. (eds.). *Digital law: textbook*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Белых В.С., Егорова М.А. Понятие и значение цифрового права в современной правовой системе // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.
- Budylin, S.L. (2023) Money: economic function and legal nature. *Herald of economic justice of the Russian Federation*. (7), 121–164. <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2023-18-7-121-164> (in Russian).
Будылин С.Л. Деньги: экономическая функция и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 121–164. <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2023-18-7-121-164>
- Efimova, L.G. (2021) An alternative view on the legal regulation of civil law relations in the digital economy. *Current problems of Russian law*. (8), 52–62. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.052-062> (in Russian).
Ефимова Л.Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 52–62. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.052-062>

- Efimova, L.G. (2022) On the legal nature of non-cash money, digital currency and digital ruble. *Civilist*. (4), 6–15. (in Russian).
Ефимова Л.Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // *Цивилист*. 2022. № 4. С. 6–15.
- Fedorov, D.V. (2018) Tokens, cryptocurrency and smart contracts in domestic bills from the perspective of foreign experience. *Herald of Civil Law*. (2), 30–74. (in Russian).
Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // *Вестник гражданского права*. 2018. № 2. С. 30–74.
- Girasa, R. & Scalabrini, G.J. (2022) *Regulation of Innovative Technologies: Blockchain, Artificial Intelligence and Quantum Computing*. Springer Nature Switzerland AG.
- Henderson, M.T. & Raskin, M.A. (2019) Regulatory Classification of Digital Assets: Toward an Operational Howey Test for Cryptocurrencies, ICOs, and Other Digital Assets. *Columbia Business Law Review*. (2), 443–493. <https://doi.org/10.7916/cblr.v2019i2.3423>
- Kharitonova, Yu.S. (2023) Utilitarian non-fungible tokens in the Russian legal order: problems of legalization. *Law*. (9), 58–67. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-58-67> (in Russian).
Харитонов Ю.С. Утилитарные невзаимозаменяемые токены в российском правовом порядке: проблемы легализации // *Закон*. 2023. № 9. С. 58–67. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-58-67>
- Lektorsky, V.A. (2010) An object. In: Stepin, V.S., Guseinov, A.A. Semigin, G.Yu. & Ogurtsov A.P. (eds.). *New philosophical encyclopedia: in 4 vols. 3*. Moscow, Mysl Publ. (in Russian).
Лекторский В.А. Объект // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3 / под ред. В.С. Степина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина, А.П. Огурцова. М.: Мысль, 2010. 692 с.*
- Novoselova, L.A. (2017) Tokenization of objects of civil rights. *Economics and law*. (12), 29–44. (in Russian).
Новоселова Л.А. Токенизация объектов гражданских прав // *Хозяйство и право*. 2017. № 12. С. 29–44.
- Petkilev, P.I. (2022) Non-fungible token (NFT) as an object of civil right. *Legislation*. (7), 15–21. (in Russian).
Петкилёв П.И. Невзаимозаменяемый токен (NFT) как объект гражданского права // *Законодательство*. 2022. № 7. С. 15–21.
- Polezhaev, O.A. (2023) NFT-assets in the system of objects of civil rights: problems of legal qualification of relations. *Law*. (9), 68–75. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-68-75> (in Russian).
Полежаев О.А. NFT-активы в системе объектов гражданских прав: проблемы юридической квалификации отношений // *Закон*. 2023. № 9. С. 68–75. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-68-75>
- Rasskazova, N.Yu. (2023) The digital ruble: an understandable law and vague goals. *Law*. (9), 132–147. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-132-147> (in Russian).
Рассказова Н.Ю. Цифровой рубль: понятный закон и туманные цели // *Закон*. 2023. № 9. С. 132–147. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-132-147>
- Rozhkova, M.A. (2020) Property rights to new intangible objects in the system of absolute rights. *Law of the digital economy – 2020 (16). Yearbook-anthology. Ser. Analysis of state law*. Moscow, Statut Publ, pp. 5–78. (in Russian).
Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав // *Право цифровой экономики – 2020 (16): Ежегодник-антология. М.: СТАТУТ, 2020. С. 5–78.*
- Saveliev, A.I. (2017) Cryptocurrencies in the system of objects of civil rights. *Law*. (8), 136–153. (in Russian).
Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Закон*. 2017. № 8. С. 136–153.
- Saveliev, A.I. (2018) Some risks of tokenization and blockchainization of civil law relations. *Law*. (2), 36–51. (in Russian).

- Савельев А.И.* Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2. С. 36–51.
- Sazhenov, A.V. (2018) Cryptocurrencies: dematerialization of the category of things in civil law. *Law*. (9), 106–121. (in Russian).
- Саженов А.В.* Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. 2018. № 9. С. 106–121.
- Sitnik, A.A. (2020) Digital currencies: problems of legal regulation. *Current problems of Russian law*. (11), 103–113. (in Russian).
- Ситник А.А.* Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 103–113.
- Sukhanov, E.A. (2021) On the civil nature of “digital property”. *Civil Law Review*. (6), 7–29. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29> (in Russian).
- Суханов Е.А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29>
- Schwarcz, S.L. (2024) De-Mystifying Digital Currencies. *Law and Contemporary Problems, Forthcoming, Duke Law School Public Law & Legal Theory Series № 2024-14*. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4707764> (дата обращения: 15.04.2024).
- Valdez-Martinez, V.R. (2023) Digital objects of Fine Art and NFT: myths and reality. *Law*. (9), 76–86. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-76-86> (in Russian).
- Вальдес-Мартинес Э.Р.* Цифровые объекты изобразительного искусства и NFT: мифы и реальность // Закон. 2023. № 9. С. 76–86. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-9-76-86>
- Vasilevskaya, L.V. (2023) The digital ruble: a civilist's view of the problem // *Lex Russica*. (1), 9–19. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.194.1.009-019> (in Russian).
- Василевская Л.Ю.* Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 1(194). С. 9–19. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.194.1.009-019>
- Yankovsky, R.M. (2020) Cryptocurrencies in Russian law: surrogates, “other property” and digital money. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. (4), 43–77. (in Russian).
- Янковский Р.М.* Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77.
- Yemelyanov, D.S. & Yemelyanov, I.S. (2021) Non-fungible tokens (NFT) as a separate object of legal regulation. *Property Relations in the Russian Federation*. (10), 71–76. (in Russian).
- Емельянов Д.С., Емельянов И.С.* Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10. С. 71–76.

Сведения об авторе:

Ефимов Анатолий Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права, Российский государственный университет правосудия; 117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

ORCID: 0000-0002-8222-4432; SPIN-код: 5100-8924

e-mail: av_efimov@inbox.ru

About the author:

Anatoly V. Efimov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Business and Corporate Law, Russian State University of Justice; 69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8222-4432; SPIN-code: 5100-8924

e-mail: av_efimov@inbox.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-651-668>
EDN: JJDPBD

Научная статья / Research Article

Трансграничные аспекты административной защиты интеллектуальной собственности: обзор российской судебной практики

С.А. Агагамедова

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
[✉saniyat_aga@mail.ru](mailto:saniyat_aga@mail.ru)

Аннотация. Актуальность исследования вопросов защиты интеллектуальных прав в условиях современных вызовов и угроз, изменения экономической парадигмы России, поиска новых конкурентных преимуществ в контексте мировой экономики не вызывает сомнений. Целью выступает анализ выделенных трансграничных аспектов административной защиты интеллектуальной собственности на основе обзора российской судебной практики. В качестве методов исследования использовались формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, метод системного анализа актов судебных органов. На основе анализа судебной практики по административным делам в области интеллектуальной собственности, возбужденным таможенными органами, определены группы проблем подобной практики. К ним отнесены вопросы: компетенции таможенных органов при осуществлении таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности; использования экспертных процедур, участия правообладателя в подобных судебных спорах, исчерпания прав на объекты интеллектуальной собственности в условиях введения санкционного режима в отношении России. Применительно к компетенции таможенных органов в области административной защиты интеллектуальных прав определены четкие пределы такой компетенции, обусловленные наличием факта трансграничного перемещения товара, то есть нахождения такого товара под таможенным контролем. Сделан вывод об ограниченности таможенной защиты интеллектуальной собственности в связи с тем, что только часть объектов интеллектуальной собственности защищается при трансграничном перемещении. Выделена важная роль экспертных процедур в судебной практике по административным делам в области интеллектуальной собственности с участием таможенных органов, приведены доводы против использования заключений, выданных правообладателями, дана оценка участию правообладателя в административной защите исключительных прав при трансграничном перемещении товаров. Особое внимание уделено принципу исчерпания прав и его реализации в судебной практике в условиях усиления санкционного режима против России и частичной легализации параллельного импорта. Сделан вывод о позиционировании трансграничной защиты интеллектуальных прав в качестве элемента всей системы правовой защиты интеллектуальных прав.

Ключевые слова: административные дела, интеллектуальная собственность, таможенные органы, исчерпание прав, товарный знак, экспертиза, правообладатель, судебная практика, компетенция, контрафакт

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 15 сентября 2023 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

© Агагамедова С.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Агагомедова С.А. Трансграничные аспекты административной защиты интеллектуальной собственности: обзор российской судебной практики // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 651–668. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-651-668>

Cross-border aspects of administrative protection of intellectual property: a survey of Russian court practice

Saniyat A. Agamamedova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

 saniyat_aga@mail.ru

Abstract. The importance of studying the protection of intellectual property rights in the face of modern challenges and threats, changes in Russia's economic paradigm, and the search for new competitive advantages in the global economy is undisputed. The article aims to analyze the selected cross-border aspects of the administrative protection of intellectual property based on a review of Russian judicial practice. In this research, the formal-legal, comparative-legal, historical methods, as well as method of system analysis of the judiciary acts are used. The analysis of judicial practice in administrative cases related to intellectual property identified by the customs authorities reveals several problem areas. These issues include the competence of customs authorities in implementing customs control of goods containing intellectual property items, the use of expert procedures, the participation of the right holder in such litigation, and the exhaustion of intellectual property rights in the context of sanctions against Russia. Regarding the competence of customs authorities in the field of administrative protection of intellectual property rights, clear limits of such competence are defined, particularly in relation to the cross-border movement of goods under customs control. It is concluded that customs protection of intellectual property is limited to part of the intellectual property during cross-border movement. The article emphasizes the significant role of expert procedures in administrative cases related to intellectual property involving customs authorities. Arguments are presented against the use of opinions issued by copyright holders, and the participation of the copyright holder in the administrative protection of exclusive rights in the cross-border movement of goods is assessed. Special attention is paid to the principle of rights exhaustion and its implementation in judicial practice, particularly in the context of strengthening the sanctions regime against Russia and the partial legalization of parallel imports. The article concludes that cross-border protection of intellectual rights is positioned as an element of the entire system of legal protection of intellectual rights.

Key words: administrative cases, intellectual property, customs authorities, exhaustion of rights, trademark, examination, copyright holder, judicial practice, competence, counterfeit

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 15th September 2023

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Agamamedova, S.A. (2024) Cross-border aspects of administrative protection of intellectual property: a survey of Russian court practice. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 651–668. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-651-668>

Введение

Исследование посвящено анализу судебной практики трансграничных аспектов административной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в России. Выделено несколько проблемных аспектов судебной практики, связанных с компетенцией таможенных органов при осуществлении таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, с экспертными процедурами,

с участием правообладателя в подобных судебных спорах, с исчерпанием прав на товарный знак в условиях введения санкционного режима во внешней торговле с Россией.

Рассматриваемые аспекты трансграничного перемещения товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, базируются на действующем гражданском, административном и таможенном законодательстве России. Основой гражданского законодательства выступает Гражданский кодекс РФ (4 часть), основой административного законодательства является Кодекс РФ об административных правонарушениях. Применительно к таможенному законодательству следует говорить о двух его уровнях: интеграционном уровне или уровне Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и национальном уровне. На уровне ЕАЭС основным документом является Таможенный кодекс ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС), а также целый ряд иных актов (например, Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 06.03.2018 № 35 «О ведении единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств – членов Евразийского экономического союза» и другие). На национальном уровне это прежде всего Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Таможенные органы играют важную роль в борьбе в оборотом контрафактной продукции при перемещении товаров через таможенную границу, таможенное законодательство в данном направлении достаточно прогрессивно и во многом соответствует международным стандартам. Тем не менее практика таможенных органов в части проведения таможенного контроля подобных товаров и судов в части рассмотрения дел об административных правонарушениях, возбужденных таможенными органами, неоднозначна и отличается различными подходами.

Для обоснования существующих тенденций в судебной практике и некоторых проблемных моментов приведен анализ судебных решений как судов первой инстанции, так и высших судов, среди которых Конституционный Суд Российской Федерации. Решения последнего имеют прецедентный характер и оказывают влияние на всю последующую судебную практику судов по аналогичным делам.

Особенностью рассматриваемой категории судебных дел, как и всех спорных вопросов в рамках административной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, является поиск правоприменителем оптимального баланса частных интересов (правообладатели, бизнес) и публичных интересов (потребители товаров, государство) в подобных спорах. При этом соотношение подобных интересов в каждой ситуации зачастую бывает разным.

Компетенция таможенных органов РФ в области трансграничной административной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности

Функции российских таможенных органов по защите интеллектуальных прав формируются в начале 90-х гг. XX в. и активно эволюционируют. За последние десятилетия они стали более обеспеченными в нормативно-правовом и процедурном аспектах.

Вступление в силу Договора о ЕАЭС (2015 г.) и образование Евразийского экономического союза ознаменовали новый этап в развитии рассматриваемой функции таможенных органов. По аналогии с практикой Европейского Союза в ЕАЭС внедряется возможность регистрации единого товарного знака ЕАЭС.

Судебная практика по административным делам, связанным с защитой интеллектуальных прав таможенными органами, обширна и разнообразна. Таможенные органы РФ при выявлении нарушений возбуждают и расследуют дела о нарушении авторских и смежных прав и незаконном использовании товарного знака или иного средства

индивидуализации товаров¹. После завершения административного расследования материалы дела передаются в суд для рассмотрения и вынесения решения.

В судебной практике нередко возникают вопросы компетенции таможенных органов, ее пределов. Следует выделить два аспекта в этом направлении: 1) вопросы, связанные с компетенцией таможенных органов относительно процедуры «ex officio»; 2) вопросы, связанные с разграничением компетенции таможенных органов и иных государственных органов (пересечение или совпадение компетенции).

В первом случае судами устанавливается правомерность действий таможенных органов по приостановлению выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, не внесенные в ТРОИС².

Во втором случае таможенные органы обязаны доказать факт нахождения товара под таможенным контролем, в противном случае административные процедуры по защите интеллектуальных прав будут признаны превышением полномочий таможенных органов³.

Вообще, следует отметить значимость административно-правовой защиты интеллектуальных прав в системе правовой защиты интеллектуальных прав в целом. Ученые в связи с этим отмечают тот факт, что, несмотря на то, что основными средствами защиты прав на объекты интеллектуальной собственности традиционно выступают гражданско-правовые, административно-правовые методы борьбы с правонарушениями в этой сфере зачастую оказываются более действенными средствами воздействия на нарушителей, а основными преимуществами их применения являются простота и быстрота реализации (Sergeev, 2004:390).

В зарубежной литературе имеют место исследование трансграничных аспектов оборота отдельных категорий товаров с нарушениями прав интеллектуальной собственности, к примеру табачных изделий (Nowak (ed.), 2021) или фармацевтической продукции (Calboli, 2022).

Исследования такого узкого направления деятельности таможенных органов, как пределы их компетенции по выявлению и пресечению административных нарушений в области интеллектуальной собственности, практически отсутствуют.

Представляется, что основным принципом определения данной области компетенции таможенных органов является четкость закрепления ее пределов, которая заключается в следующем.

Во-первых, таможенные органы владеют такой компетенцией при наличии (доказанности) факта реального нахождения товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, под таможенным контролем, то есть при условии его трансграничного перемещения (в настоящем, прошедшем или будущем времени). Этот аспект ограничивает компетенцию таможенных органов от компетенции иных государственных органов, задействованных в системе административно-правовой защиты интеллектуальных прав на внутреннем рынке (органы полиции, Роспотребнадзора и прокуратуры, антимонопольные органы).

Во-вторых, данная компетенция таможенных органов с 2018 г. расширена за счет полномочий процедур «ex officio», когда таможенные органы вправе принимать меры по защите прав правообладателя, не внесшего свои объекты интеллектуальной собственности в ТРОИС. Это вовсе не значит, что нарушение интеллектуальных прав будет обязательно выявлено. Речь идет о том, что у таможенных органов имеются основания начать проверку в рамках процедуры приостановления таких товаров. Если признаки нарушения

¹ По ч. 1 статьи 7.12 и статье 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.01.2018 N C01-1018/2017 по делу № А32-6617/2017.

³ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.09.2018 № 12АП-9170/2018 по делу № А12-9361/2018.

будут выявлены, таможенный орган возбudit дело об административном правонарушении, расследует его и после составления протокола об административном правонарушении передаст материалы в суд. Только суд может признать товар, содержащий объекты интеллектуальной собственности и перемещаемый через таможенную границу, контрафактным.

В-третьих, необходимо уточнить перечень объектов интеллектуальной собственности, в отношении которых таможенные органы правомочны принимать меры по защите. Речь идет о шести объектах интеллектуальной собственности: товарные знаки, знаки обслуживания, объекты авторского права, объекты смежных прав, наименования мест происхождения товаров и географические указания. Последние стали предметом административной защиты таможенных органов РФ только в 2023 г., а точнее с 6 марта 2023 г.⁴ Соответствующие изменения были внесены в часть 2 статьи 327 и в часть 3 статьи 334 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Таким образом, из 17 объектов интеллектуальной собственности, закрепленных в статье 1225 ГК РФ, только шесть защищаются при трансграничном перемещении. Это свидетельствует, на наш взгляд, об ограниченности трансграничной защиты интеллектуальных прав в сравнении с ее защитой на внутреннем рынке.

Ситуацию с ограниченностью таможенной защиты интеллектуальных прав по объектам вполне можно обосновать. Такое положение имело место и в иных интеграционных экономических образованиях (например, в Европейском Союзе). Первоначально, как правило, подлежат защите наиболее распространенные средства индивидуализации, в первую очередь, – товарные знаки. Объекты патентного права попадают в данный перечень позднее, когда данный уровень защиты уже сформирован, а единый рынок успешно функционирует.

В России мы сегодня видим такую модель таможенной защиты, которая отличается узостью не только по категориям объектов, но и иным, дополнительным критериям. К последним следует отнести изъятия по категориям товаров, по правообладателям, их резидентству (связи с определенным государством). В отечественной модели сегодня существуют исключения по объектам, по товарам и авторам-правообладателям. Если ранее таможенной защите подлежали права всех авторов-правообладателей, то теперь часть иностранных владельцев прав выпала из существующей системы.

Экспертные процедуры в судебной практике с участием таможенных органов

При необходимости использования специальных знаний в области науки, техники, искусства и ремесла в судопроизводстве назначается экспертиза⁵. Принцип назначения таможенной экспертизы такой же. Таможенная экспертиза – это исследования и испытания, проводимые таможенными и иными экспертами с использованием специальных и (или) научных знаний для решения задач, возложенных на таможенные органы⁶. Заключение эксперта в судебной практике – важное доказательство.

Выделим два аспекта использования заключений эксперта при рассмотрении дел об административных нарушениях в области интеллектуальной собственности.

1) Проведение экспертизы не является обязательным и единственным доказательством, подтверждающим контрафактность товара.

⁴ Федеральный закон от 05.12.2022 № 488-ФЗ «О внесении изменений в статьи 327 и 334 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 12.12.2022, № 50 (Часть III), ст. 8782.

⁵ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

⁶ Статья 388 ТК ЕАЭС.

Вывод о незаконности использования товарного знака может быть сделан на основании совокупности иных доказательств, представленных в материалах судебного дела. В большинстве случаев эксперту задаются вопросы сходства обозначений и однородности товаров.

По общему правилу специальных знаний для установления степени сходства обозначений и однородности товаров не требуется, что разъяснено в актах высших судебных органов⁷. Суд может установить вопросы сходства или однородности с позиций рядового потребителя на основании совокупности иных доказательств. Судебная практика свидетельствует о том, что это достаточно распространено⁸.

Разрешение вопроса о назначении судебной экспертизы по данной категории споров с точки зрения целесообразности такой экспертизы относится к усмотрению суда⁹.

2) Практика показывает, что административными и судебными органами при определении признаков контрафактности используются заключения экспертов и документы, подготовленные правообладателями или их официальными представителями. Последние не являются заключениями эксперта, но часто учитываются судом в качестве доказательства. Часто в судебном разбирательстве одновременно используются и заключение независимого эксперта, и письмо (заключение, акт оценки или другой документ) правообладателя¹⁰. Ситуаций, когда в материалах дела есть данные о признаках контрафактности товаров, предоставленные правообладателем, без заключения эксперта, практически не бывает, так как правообладатель в данных судебных делах является заинтересованным лицом.

Кроме того, имеют место случаи, когда в материалах дела имеются и заключение таможенного эксперта, и заключение специалиста, подготовленное правообладателем¹¹.

Принцип назначения любой экспертизы – нужда в использовании специальных знаний в определенной сфере. Сфера интеллектуальных прав обладает существенной спецификой. Не случайно в 2012 г. в России начал функционировать специализированный суд в системе арбитражного правосудия. Это определенным образом подтверждает сложность и уникальность таких судебных дел. В практике имеют место случаи, когда по одному и тому же предмету экспертизы выносились различные заключения. Кроме того, имеют место проблемы с определением однородности товаров. Как правило, при выяснении признака однородности эксперты во главу угла ставят отнесение к определенному классу Международной классификации товаров и услуг (МКТУ). Однако класс МКТУ здесь не должен быть главным фактором. Товары могут быть в разных классах данного классификатора, но по иным признакам считаться однородными. Таким признаком может быть категория потребителей товаров, условия реализации товаров. Так, кондитерские изделия относятся к 30 классу, а мармелад – к 29 классу МКТУ. Однако с позиции обычного потребителя данные категории товаров могут считаться однородными, иметь одного покупателя.

В целом следует считать экспертные вопросы наиболее значимыми по судебным спорам в рассматриваемой сфере. Ни таможенный орган, ни суд в большинстве случаев такими специальными знаниями не обладают. Поэтому заключения экспертов – важный

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁸ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.11.2018 N C01-796/2018 по делу № А56-11299/2018; Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2021 № 05АП-7681/2020 по делу № А51-12357/2020.

⁹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.04.2021 № C01-509/2021 по делу № А14-18330/2019.

¹⁰ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.02.2023 № C01-2414/2022 по делу № А33-14168/2022; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.01.2023 № C01-2407/2022 по делу № А51-4937/2022.

¹¹ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2021 № 05АП-7681/2020 по делу № А51-12357/2020.

козырь для административных и судебных органов при выявлении контрафакта и защите прав авторов-правообладателей. Значение экспертной помощи усиливается в условиях роста доли товаров, в производстве которых использованы интеллектуальные ресурсы. Такой рост присущ и внутренней, и внешней современной торговле.

Участие правообладателя в административной защите исключительных прав

Отдельным аспектом, требующим рассмотрения со стороны обеспечения прав правообладателя в рамках административно-правовой защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, является участие правообладателя в подобном процессе. В рассматриваемой категории судебных дел он привлекается к участию в деле в качестве третьего лица, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований¹², в качестве потерпевшего¹³.

Согласно позиции высших судов правообладатель по делу о привлечении лица к административной ответственности за незаконное использование товарного знака может быть признан потерпевшим в силу статей 25.2, 28.2 КоАП РФ¹⁴. Таким образом, признание правообладателя потерпевшим – это право, такой обязанности у административного и судебного органа нет.

На основании данного положения суды в своих решениях констатируют, что у административного органа отсутствует обязанность признавать правообладателя потерпевшим¹⁵.

Правовой статус правообладателя в таможенных отношениях является, на наш взгляд, сложным, так как сочетает в себе гражданско-правовой статус и административно-правовой статус. Первый заключается в том, что правообладатель в таможенных отношениях является обладателем исключительных прав на определенные объекты интеллектуальной собственности (перечень их определен нами выше). Второй, административно-правовой статус выражается в том, что правообладатель может различными способами и на различных этапах таможенного контроля участвовать в административно-правовой защите своих исключительных прав. Безусловно, гражданско-правовой статус правообладателя в таможенных отношениях первичен, без него лицо не сможет участвовать в защите своих интеллектуальных прав вообще. Административно-правовой статус правообладателя в таможенной сфере включает в себя несколько аспектов:

- 1) деятельность правообладателя по включению своих объектов интеллектуальной собственности в ТРОИС;
- 2) деятельность правообладателя в рамках приостановления выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, таможенными органами;
- 3) участие правообладателя в расследовании дел об административных правонарушениях в области интеллектуальных прав, возбужденных таможенными органами;
- 4) участие правообладателя в судебном рассмотрении подобных дел.

В рамках последнего аспекта выделим несколько качеств правообладателя, имеющих значение для эффективной защиты своих исключительных прав при трансграничном перемещении товаров.

Во-первых, это активность правообладателя, который взаимодействует с таможенными и судебными органами, проявляет заинтересованность в защите своих

¹² Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2022 N 14АП-4430/2022 по делу № А52-1056/2022.

¹³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.01.2023 № С01-2407/2022 по делу № А51-4937/2022.

¹⁴ Пункт 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

¹⁵ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2020 № 08АП-2113/2020 по делу № А46-23812/2019.

исключительных прав. Правообладатель вправе использовать иные способы защиты своих прав, отличные от административно-правовых способов с участием таможенных органов. Речь идет о возможности защиты своих прав гражданско-правовыми способами одновременно или после применения мер административно-правового регулирования. То есть при привлечении нарушителя к административной ответственности за незаконное использование товарного знака или иных объектов интеллектуальной собственности (полномочиями по защите которых обладают таможенные органы) у правообладателя сохраняется право на возмещение убытков или выплату компенсации за такие неправомерные действия в соответствии с ГК РФ. Более того, использование всех средств защиты (публично-правовых и частноправовых) в системной взаимосвязи позволяет повысить эффективность подобной защиты в целом, стимулировать добросовестное поведение лиц в отношении чужих объектов интеллектуальной собственности.

Во-вторых, это нетерпимость правообладателя к любым попыткам незаконно использовать его исключительные права на объекты интеллектуальной собственности. Она может выражаться в помощи таможенным органам при выявлении таких нарушений, административном расследовании, а также заблаговременной заботе о защите своих исключительных прав (своевременном внесении объекта интеллектуальной собственности в ТРОИС).

В-третьих, правообладатели в целях эффективной защиты своих прав как на внутреннем рынке, так и при трансграничном обороте товаров могут объединяться в общественные объединения правообладателей. Примером последнего выступает Ассоциация производителей фирменных торговых марок «Русбренд», основанная в 2002 г.¹⁶

Полагаем, что объединение авторов-правообладателей в такие союзы отражает их уровень сознательности, профессиональной зрелости, социальной ответственности, активной гражданской позиции по защите своих прав (не только друг с другом, но и с государством).

Рассматриваемая категория судебных дел очень специфична и по природе, и по субъектному составу. Во-первых, несмотря на административный характер дела, его основа – гражданские основания, основания приобретения исключительного права. Во-вторых, достаточно традиционный спор между государством и частным бизнесом во внешнеэкономической сфере усложняется наличием нового и особого субъекта – автора-правообладателя. Вместо привычной двухзвенной формулы: «государство – бизнес» мы имеем формулу из трех независимых элементов «государство – бизнес – автор-правообладатель». Конечно, их интересы пересекаются. Но эти интересы все же обособлены и самостоятельны. И дело не только в том, что у бизнеса и автора-правообладателя исключительно интересы частного свойства, а государство при этом призвано чтить публичные интересы. Особая роль государства в этой формуле независимо от того, в чьем образе оно выступает (таможенного органа, суда или его какого-либо органа). Эта роль несет в себе заботу и о публичных, и о частных интересах. Ведь по отношению к автору-правообладателю оно должно не просто оберегать его собственность, но и создавать условия для последующей его активности, мотивировать его создавать новые интеллектуальные продукты и ценности. В противном случае деятельность государства в данной сфере теряет смысл и ограничивается поверхностными и кратковременными задачами.

Долговременная стратегия государства в нашей ситуации должна быть нацелена на развитие интеллектуальной и одновременно экономической активности, гарантировать авторам-правообладателям получение материального удовлетворения от создания новых интеллектуальных, в том числе рыночных, продуктов. В каждом конкретном

¹⁶ Ассоциация производителей фирменных торговых марок «Русбренд». Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.rusbrand.com/page/3/> (дата обращения: 14.09.2023).

административном судебном деле речь должна идти не о единичном случае, а о части экономики в целом, о большом обслуживающем экономическом секторе – секторе интеллектуальных продуктов. Последние должны восприниматься властью не просто как разновидность собственности, а как потенциальное конкурентное преимущество. Причем преимущество не отдельных предпринимателей, а отечественного бизнеса в целом.

5. Исчерпание прав на товарный знак и санкционный режим (Exhaustion doctrine)

Проблема исчерпания исключительных прав на товарный знак вызывает время от времени определенные всплески научного интереса и отражает определенное соотношение частных и публичных интересов при защите исключительных прав авторов и иных правообладателей при трансграничном перемещении товаров с интеллектуальной составляющей. Несмотря на частноправовой характер института интеллектуальной собственности, процессы создания, коммерциализации, иного использования исключительных прав на товарный знак связаны с формированием и отстаиванием целого ряда публичных интересов (потребителей товаров, государства).

В ЕАЭС действует региональный принцип исчерпания прав на товарный знак. В определенный период (начало 2022 г.) процедуры внутригосударственного согласования проходили проекты документов, устанавливающие применение международного принципа в отношении отдельных категорий товаров в ЕАЭС¹⁷.

В 2018–2019 гг. интерес к проблеме исчерпания прав в ЕАЭС обусловлен решением Конституционного Суда Российской Федерации, в котором отразилась позиция судебной власти по отношению к параллельному импорту¹⁸.

Во-первых, Конституционный Суд РФ запретил применение одинаковых санкций за параллельный импорт и реализацию контрафактной продукции.

Во-вторых, признавая национальный принцип исчерпания исключительных прав, закрепленный в ГК РФ, не противоречащим Конституции РФ, суд, тем не менее, не исключает возможность правообладателя недобросовестно использовать исключительное право на товарный знак и ограничивать введение в оборот посредством ввоза на национальный рынок России товаров, обозначенных товарным знаком. Конституционный суд РФ справедливо признал потенциальную опасность подобных действий в рамках санкционной политики, проводимой в отношении России в настоящий период. Суд может отказать правообладателю в иске полностью или частично, если выполнение его требований может создать угрозу для конституционно значимых ценностей.

В-третьих, Конституционный Суд установил обязанность нижестоящих судов учитывать фактические обстоятельства каждого дела при решении вопроса о размере ответственности импортера, вводящего товар, обозначенный товарным знаком, в национальный оборот.

Профессор Э.П. Гаврилов дал высокую оценку значению данного постановления, в котором Конституционный Суд РФ дал указания по судебному толкованию действующего законодательства, которые вносят в судебную практику значительные изменения. Одновременно это ясный и четкий сигнал федеральному законодателю: «Принцип исчерпания исключительного права урегулирован действующим законодательством неполно, в нем есть большие пробелы» (Gavrilov, 2018:43).

¹⁷ Распоряжение коллегии Евразийской экономической комиссии от 24 апреля 2017 г. № 30 «О проекте Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года». Режим доступа: <http://eaeunion.org/> (дата обращения: 03.09.2023).

¹⁸ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ».

Подход Конституционного Суда РФ к соблюдению принципа справедливости получил развитие в последующей конституционной практике¹⁹.

Следующая волна теоретического и практического интереса к проблеме исчерпания прав связана с частичной легализацией параллельного импорта (частичным введением международного принципа исчерпания прав) в марте 2022 г. Правительство РФ определило такие меры в качестве мер помощи отечественной экономике, оказавшейся в сложных условиях.

С 30 марта 2022 г. действует Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы»²⁰. Согласно данному документу Министерство промышленности и торговли РФ по предложениям федеральных органов исполнительной власти утверждает перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия.

Целью принятых мер стало в том числе удовлетворение спроса на товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности.

Прежде чем перейти в новейшей судебной практике по делам, связанным с параллельным импортом в рамках административной защиты интеллектуальных прав, осуществляемой таможенными органами, остановимся на теоретических основах принципа исчерпания прав в современной правовой науке. Ведущие ученые в области интеллектуальной собственности справедливо отмечают, что отсутствие хорошей теории, касающейся принципа исчерпания исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, серьезно сказывается на практике применения указанного принципа (Gavrilov, 2020: 69).

Доктрина исчерпания исключительных прав была сформирована в конце XIX в. в Германии. Впоследствии нормы об исчерпании прав были закреплены в большинстве национальных законов, регулирующих правоотношения в сфере имущественного оборота интеллектуальной продукции (Pirogova, 2008).

Ведущие отечественные исследователи этой проблемы справедливо связывают современную ситуацию с ней с Соглашением о торговых аспектах интеллектуальной собственности²¹ (далее – Соглашение ТРИПС) и справедливо отмечают, что научная доктрина и практика в рассматриваемой сфере призваны обеспечивать так называемый баланс интересов авторов-разработчиков, инвесторов, производителей новой продукции и в целом государственных интересов в области промышленной политики (Pirogova, 2012).

Исчерпание исключительных прав на объект интеллектуальной собственности отождествляется с прекращением права или позиционируется в качестве особого вида их прекращения (Bogdanova, 2013).

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // Собрание законодательства РФ, 10.08.2020, № 32, ст. 5362.

²⁰ Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // Собрание законодательства РФ, 04.04.2022, № 14, ст. 2286.

²¹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005) // Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849.

При исследовании проблемы исчерпания прав ученые справедливо обращаются к международным стандартам в этой сфере, к примеру Генеральному соглашению по тарифам и торговле 1994 г. (Соглашению ГАТТ 1994 г.)²². Анализ отдельных авторов приводит к выводу, что Соглашение ГАТТ 1994 г. не налагает на свои договаривающиеся стороны обязательства принимать определенную доктрину исчерпания прав на товарный знак, но доктрина международного исчерпания прав на товарный знак, по-видимому, более соответствует законодательству, относящемуся к Соглашению ГАТТ 1994 г. (Grigoriadis, 2014). Близкую позицию занимают и отечественные ученые, полагающие, что как с экономической, так и с юридической точки зрения международный принцип исчерпания является эффективным средством для достижения баланса интересов и наибольшим образом соответствует изначальному смыслу и содержанию доктрины исчерпания права, а также в наибольшей степени соответствует требованиям Всемирной торговой организации (Ivanov & Voinikanis, (eds.), 2021:430–431).

Представляет интерес позиция ученых, заключающаяся, с одной стороны, в признании гибкости статьи 6 Соглашения ТРИПС, с другой стороны, дифференцировании вариантов решения проблемы исчерпания в зависимости от уровня развития страны (развитые, развивающиеся и наименее развитые страны). Ими делается вывод о целесообразности разрешения параллельного импорта и извлечения выгоды из параллельной торговли для развивающихся стран и наименее развитых стран (Calboli, 2022).

Применительно к интеграционным образованиям (в частности, к Европейскому Союзу) принцип исчерпания рассматривается как ограничитель желаний правообладателей интеллектуальной собственности осуществлять контроль на протяжении всего процесса распространения и послепродажного обслуживания (Steppe, 2019).

Характеризуя развивающуюся доктрину исчерпания прав, следует подчеркнуть сложный, комплексный характер проблемы параллельного импорта, который рассматривается как экономико-правовая категория (Belykh & Panova, 2023), как инструмент управления международными санкциями (Tuunin, et al., 2023), а исчерпание прав относится к одному из центральных институтов на стыке права интеллектуальной собственности и законодательства о конкуренции (Godt, 2023). Ученые справедливо оценивают влияние принципа исчерпания исключительного права на состояние конкуренции на товарных рынках (Saidashev, 2021).

Интересно, что в отдельных случаях ученые говорят даже о параллельной торговле (Parallel Trade) (Pathak, 2018), о либерализации параллельного импорта (Shalimova, 2017:213–216), а в судебной практике используется понятие «норм права о параллельном импорте»²³.

Кроме того, заслуживает внимания дифференциация вопросов параллельного импорта: по объектам интеллектуальной собственности, секторам экономики, по пространственному признаку (к примеру, отдельного рассмотрения требует исчерпание прав в зоне свободной торговли) (Yang & Song, 2023). Отдельные юрисдикции отличаются дискуссией по вопросу о том, исключает ли статья 6 Соглашения ТРИПС вопрос исчерпания из сферы действия соглашения в целом или же он применяется только к процедурам урегулирования споров (Celli & Huzik, 2001).

²² Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года (ГАТТ/GATT) [рус., англ.] (Вместе с <Договоренностями в отношении положений о платежном балансе, освобождения от обязательств, о толковании статей II:1 "b", XVII, XXIV, XXVIII>, «Марракешским протоколом...») (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2524–2538.

²³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.02.2023 № С01-2414/2022 по делу № А33-14168/2022.

Обзор современной судебной практики по административным делам, возбужденным таможенными органами за нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности (в большинстве случаев за незаконное использование товарного знака), свидетельствует о том, что процедуры выявления таких правонарушений существенным образом не изменились. Небольшой процедурной новеллой можно считать применение нарушителем аргумента в свою защиту, заключающегося в наличии оснований для применения в отношении его действий норм права о параллельном импорте²⁴. Данные доводы отклоняются судом как доводы, основанные на неверном толковании норм материального права. В настоящее время в практике таможенных органов можно четко разграничить факты выявления таких нарушений до выпуска товаров (электронными таможенными²⁵) и после выпуска товаров (Dorofeev & Glushchenko, 2021).

Современная судебная практика с участием таможенных органов свидетельствует о наличии вопросов определения контрафактности (товары, контрафактные «по смыслу положений статьи 1252 ГК РФ»), соотношения защиты интеллектуальных прав и недостоверного декларирования товаров (статья 16.2 КоАП РФ), разграничения параллельного импорта и действия статьи 14.10 КоАП РФ, возможности отказа в защите прав на товарные знаки на основании отнесения правообладателей к резидентам стран, признанных недружественными по отношению к Российской Федерации, учета положений указа Президента Российской Федерации от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» при рассмотрении дел, решения и действия в рамках которых совершались до его принятия и другие²⁶.

Отклоняя доводы лиц о необходимости применения положений пакета нормативных актов, связанных с частичной легализацией параллельного импорта (в частности, Федерального закона от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», постановления Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы», приказа Министерства промышленности и торговли РФ от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта б статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия», суды дают собственное определение «параллельному импорту, понимая под ним «ввоз на территорию Российской Федерации без согласия правообладателей оригинальных иностранных товаров, которые правомерно введены в гражданский оборот за рубежом»²⁷, или «оборот оригинальных товаров, маркированных товарным знаком правообладателя, но без его разрешения»²⁸.

²⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.02.2023 № С01-2414/2022 по делу № А33-14168/2022.

²⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.02.2023 № С01-2414/2022 по делу № А33-14168/2022.

²⁶ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.06.2022 № С01-521/2019 по делу № А73-7537/2018.

²⁷ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.01.2023 N С01-2407/2022 по делу № А51-4937/2022.

²⁸ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2022 № 14АП-4430/2022 по делу № А52-1056/2022.

Обзор судебной практики свидетельствует о том, что таможенными органами при выявлении фактов незаконного использования товарного знака возбуждаются дела по части 1²⁹ и части 2³⁰ статьи 14.10 КоАП РФ.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что после частичного введения международного принципа исчерпания прав в судебной практике появилось много дел, связанных с расторжением договорных отношений (например, ситуации, когда суд удовлетворяет требования о расторжении договора в связи с тем, что исполнение договора оказалось невозможным в связи с существенным изменением обстоятельств (статья 451 ГК РФ), связанным с усилением санкционного режима³¹. Несмотря на то, что эти дела не относятся к категории административных дел, они тесно связаны с последними в части наличия в договоре требований по совершению таможенных операций и аспектов защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

Защита прав авторов-правообладателей может осуществляться по-разному: посредством регуляции (частноправовыми и публично-правовыми способами), правоприменения (административного и судебного). Все выделенные факторы имеют значение, соотношение факторов в различные периоды меняется. Административная и судебная практика – важный, но неустойчивый фактор защиты. На нее сложно влиять, ее непросто прогнозировать. Представляется, что для более оперативного реагирования на изменение обстановки лучше работают регуляторные меры, причем именно административной природы. Они имеют более определенный для экономики характер, более предсказуемы, устойчивы, способны соответствовать законным ожиданиям экономических субъектов. Причем в рассматриваемых нами механизмах все сложнее отграничить частноправовые и публично-правовые элементы, они неразрывно связаны друг с другом. Введенные в 2022 г. изъятия из принципа исчерпания, с одной стороны, имеют частную природу, так как устанавливают исключения из положений гражданского закона, с другой стороны, само установление изъятий происходит посредством акта управления – подзаконного акта, принятого высшим органом исполнительной власти и детализированным федеральным органом исполнительной власти. То есть порядок действия частноправовых норм установлен публичным (административным) средством управления. И это, по нашему мнению, не парадокс, а специфика отношений в области интеллектуальных ресурсов. Считаем, что среди имеющихся ролей государство выбирает роль, максимально соответствующую текущей политической и экономической ситуации. Между ролями государства-регулятора, государства-стимулятора, государства-наблюдателя, государства-контролера, государства-защитника сегодня в России власть выбирает последний вариант, причем применительно к отечественным субъектам.

Хотя надо признать, что границы между данными статусами государства очень условны, размыты.

Последние изменения в список товаров (групп товаров), в отношении которых не могут применяться положения гражданского законодательства о защите исключительных прав правообладателей, вступили в силу в июле 2023 г. Полагаем, что это не последние изменения в разработанный правительством механизм. На основе проведенного обзора нормативного регулирования и правоприменительной практики можно сделать следующие выводы.

²⁹ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2021 N 05АП-7681/2020 по делу № А51-12357/2020.

³⁰ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2022 № 14АП-4430/2022 по делу № А52-1056/2022.

³¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.05.2023 № 13АП-6335/2023 по делу N А56-106859/2022 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Во-первых, механизм исчерпания прав содержит в себе потенциал защиты экономических интересов как государства, так и экономических субъектов, потребителей. Данный механизм может использоваться посредством судебной практики и судебного усмотрения для защиты прав отечественных экономических субъектов. Другим вариантом использования данного механизма является административный ресурс власти, меняющей полностью или частично принцип исчерпания. Российское правительство пошло по второму пути (первый путь аккуратно проявлялся в период предыдущего периода санкционного давления, то есть до 2022 г.). В условиях жесткого санкционного давления публичная власть использовала данный потенциал в целях защиты отечественных производителей, а также национальной экономики в целом.

Во-вторых, при трансформации механизма параллельного импорта мы имеем дело с максимальным сближением методов частноправовой и публично-правовой защиты исключительных прав правообладателей. Меры публично-правовой защиты инициируются государством сверху, частноправовые меры зависят от экономической активности и устойчивости правообладателей.

В-третьих, использование механизма исчерпания исключительных прав направлено в современных российских условиях на доминирование защиты интересов публичных, интересов неопределенного числа лиц, а не правообладателей, которые выступают в данном случае слабой, менее защищенной стороной. Причем речь идет не обо всех правообладателях, а о правообладателях исключительно из недружественных стран.

В-четвертых, с момента введения частичной легализации параллельного импорта мы наблюдаем ситуацию, когда протекционизм, защита отечественного экономического субъекта и экономики в целом побеждает конкуренцию, естественное экономическое соперничество, прежде всего, за счет результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

В-пятых, в ситуации с частичной легализацией параллельного импорта универсальные международные стандарты не нарушаются, так как они не содержат жестких рамок для национального решения этого вопроса. В то же время не соблюдаются нормы интеграционного уровня.

На уровне ЕАЭС установлен региональный принцип исчерпания прав, в современных условиях в России он частично не соблюдается. Конкретная ситуация корректирует вектор использования принципа исчерпания прав, в рамках ЕАЭС задолго до рассматриваемого периода планировались изъятия из регионального принципа в целях поддержки отдельных отраслей экономики. В марте 2022 г. эти изъятия были внедрены для защиты национальной экономики, подвергнувшейся санкциям. На санкционные (по сути – политические) решения был дан экономический ответ с политическим критерием выборки. Антисанкционная повестка стала более значимой и важной для экономической безопасности, чем интеграционная.

С одной стороны, это связано с общим вектором снижения актуальности глобализации в мире. Сегодня национальная, в том числе правовая, идентичность играет все значимую роль. Тренд глобализации и экономической интеграции в определенной части отходит на задний план. Национальные интересы доминируют во всем: в экономике, в политике, в регуляции всех сторон социальной жизни. В рассматриваемой нами сфере, сочетающей в себе и экономические интересы, и права лиц на творчество, науку, создание новых интеллектуальных продуктов, также преобладают национальные задачи и приоритеты. Считаем, что в иерархии ценностей, подлежащих обеспечению со стороны национальной власти, изменяется соотношение. Совокупность ценностей сохраняется, но меняется их место в пирамиде ценностей, иным образом расставляется значимость, удельный вес ценностей, приоритетный порядок их защиты государством.

Заключение

Анализ российской судебной практики административной защиты интеллектуальной собственности свидетельствует о неоднозначности понимания и применения судами вопросов компетенции таможенных органов по защите интеллектуальных прав, целесообразности использования экспертиз и привлечения правообладателя в судебном разбирательстве, применения принципа исчерпания прав на товарный знак.

1. Применительно к вопросам компетенции таможенных органов необходимо унифицировать объем полномочий таможенных органов в различных государствах-членах ЕАЭС, а также четко разграничить подобные полномочия на национальном уровне.

2. Следует активно привлекать правообладателей к рассмотрению подобных дел и активно использовать заключения экспертиз, подготовленных не правообладателями.

3. Современная трактовка российскими судами принципа исчерпания прав трансформируется под воздействием санкционной политики в отношении России и отстаивает интересы российского бизнеса, то есть национальные интересы.

4. Частичная легализация параллельного импорта в России в ответ на усиление санкционного давления не изменила существенно тенденции судебной практики таможенных органов по административным делам. В полномочия таможенных органов относилось и относится выявление исключительно контрафактных товаров. Относительно новым элементом данной практики можно считать появление аспекта учета пакета нормативных актов, связанных с легализацией параллельного импорта, выдвигаемого в качестве довода внешнеторгового бизнеса. По-прежнему сохраняют актуальность вопросы соотношения административной и гражданской ответственности за нарушения интеллектуальных прав, а также содержания понятия контрафактности товаров, перемещаемых через таможенную границу.

5. Трансграничные аспекты административной защиты интеллектуальной собственности – это часть правовой защиты интеллектуальных прав в целом. Они находятся под влиянием развития законодательства и научной доктрины, получают отражение в правоприменительной практике. Последняя также определенным образом формирует и оптимизирует существующую систему защиты интеллектуальных прав. Учет тенденций судебной практики позволит повысить эффективность подобной защиты, обеспечить оптимальный баланс интересов правообладателей, потребителей, государства. Соотношение данных интересов является уникальным в каждой конкретной ситуации реального или потенциального нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности.

Можно предположить, что модель исчерпания в России может в последующем измениться. Активное использование данного механизма в мире – свидетельство его подвижности, оперативности, возможности влияния на самые разные группы отношений. Это и отношения научного, технического и иного творчества, конкуренции, экономической безопасности, производства, торговли, защиты потребителей. Полагаем, что последний аспект также имеет важное значение, так как проблема сервисного обслуживания после продажи товара, введенного в оборот без участия автора-правообладателя, существует. Вполне возможно, что появится судебная практика и по таким спорным вопросам. Актуальность этой проблемы покажет время.

Трансграничный аспект защиты интеллектуальных прав получил существенное значение в системе мер по защите отечественной экономики. Причем мы можем здесь выделить как сами административные меры по изъятиям из принципа исчерпания прав, так и тенденции судебной практики, также направленные на защиту российских хозяйствующих субъектов. Если спорными вопросами судебной практики предыдущего периода были аспекты компетенции таможенных органов, соотношения ее с полномочиями иных органов (антимонопольных органов, органов полиции и других), то современный период

развития судебной защиты характеризуется вектором защиты отечественного бизнеса, находящегося сегодня в непростых санкционных условиях.

Судебная практика по делам, связанным с трансграничным перемещением товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, в предыдущие годы использовала экспертные и иные процедуры для защиты как публичных, так и частных интересов. Причем частные интересы были представлены интересами любых категорий авторов и иных правообладателей. В настоящее время мы наблюдаем принципиальную дифференциацию: и правообладателей (в зависимости от резидентства), и товаров (в зависимости от востребованности их на внутреннем рынке, от уровня доступности, от национальных условий его производства).

При этом судебная практика становится дополнением, вспомогательным фактором защиты национальных экономических интересов. Основными мерами стали административные решения по частичной легализации параллельного импорта, которые стали логическим, в определенной степени «зеркальным» ответом российской экономики на ужесточение санкционного давления.

Безусловно, судебная практика – отражение воли суда, судебной власти. Последняя – часть публичной власти в целом. Регулирование социальных отношений в определенной сфере всегда осуществляется всеми ветвями государственной власти. Законотворческая власть устанавливает правила, исполнительная власть реализует эти правила, а судебная власть отражает позицию всей власти путем правосудия, разрешения конкретных споров. Несмотря на то, что акты суда в отечественной практике не являются источниками права, но они по-своему формируют, отражают властную позицию, мнение государства по тем или иным вопросам социального взаимодействия. Если же усилия всех ветвей власти имеют один вектор, то регулирующее воздействие государства на определенный блок отношений будет наиболее эффективным. Если данный вектор не совпадает, то воздействие государства будет нечетким, расплывчатым, менее видимым и, конечно, менее эффективным.

Разрешение же судом административных споров имеет важное значение в части судебного контроля над действиями административных органов, в нашем случае – таможенных органов. Это уникальные по своему статусу административные органы, полномочия которых включают и чисто фискальные задачи, и регулятивные, и защитные, и стимулирующие, и пресекающие. При защите в области интеллектуальных ресурсов это проявляется особенно отчетливо. Таможенные органы призваны соблюсти здесь баланс частных и публичных интересов, при этом обеспечить финансовые аспекты (в виде включения в таможенную стоимость товаров различного типа лицензионных отчислений).

При этом ответственность таможенных органов в обеспечении, с одной стороны, экономической и иной безопасности, с другой стороны, содействию внешнеторговой деятельности существенно возрастает. Они продолжают оставаться барьером для попадания в национальный оборот контрафактных товаров, которые могут нести угрозы для здоровья российских граждан, качества их жизни. Функционал российских таможенных органов не изменился, но усложнился в связи с дополнительными критериями выборочности товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности и перемещаемых через таможенную границу. От их административной практики и судебной практики во многом зависит успешность предложенных и реализуемых российским правительством мер, направленных на защиту национальной экономики.

References / Список литературы

- Belykh, V.S. & Panova, A.S. (2023) Parallel import as an economic and legal category. *Lawyer*. (3), 34–40. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-3-34-40> (in Russian).
Бельх В.С., Панова А.С. Параллельный импорт как экономико-правовая категория // Юрист. 2023. № 3. С. 34–40. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-3-34-40>

- Bogdanova, E. (2013) Exhaustion of the right to a trademark as a special type of termination of exclusive rights. *Intellectual Property. Industrial property*. (3), 17–24. (in Russian).
Богданова Е. Исчерпание права на товарный знак как особый вид прекращения исключительных прав // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2013. № 3. С. 17–24.
- Calboli, I. (2022) Intellectual Property Exhaustion and Parallel Imports of Pharmaceuticals: A Comparative and Critical Review. In: Correa, C.M. & Hilty, R.M. (eds.). *Access to Medicines and Vaccines*. Springer, Cham. pp. 31–71. https://doi.org/10.1007/978-3-030-83114-1_2
- Celli, A.L. & Hyzik, M. (2001) The Swiss Federal Supreme Court Rejects International Exhaustion in Patent Law. *Eur Bus Org Law Rev.* (2), 175–183. <https://doi.org/10.1017/S1566752900000380>
- Dorofeev, V.D. & Glushchenko, V.V. (2021) Problems of protecting intellectual property rights during customs control after the release of goods. *IS. Industrial property*. (11), 41–46. (in Russian).
Дорофеев В.Д., Глущенко В.В. Проблемы защиты прав интеллектуальной собственности при таможенном контроле после выпуска товаров // ИС. Промышленная собственность. 2021. № 11. С. 41–46.
- Gavrilov, E.P. (2018) The principle of exhaustion of exclusive rights and its interpretation in the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Economy and Law*. (5) (496), 36–46. (in Russian).
Гаврилов Э.П. Принцип исчерпания исключительного права и его толкование в Постановлении Конституционного Суда РФ // Хозяйство и право. 2018. № 5(496). С. 36–46.
- Gavrilov, E.P. (2020) The principle of exhaustion of the exclusive right and the right to selection achievement. *Economy and Law*. (7) (522), 69–75. (in Russian).
Гаврилов Э.П. Принцип исчерпания исключительного права и право на селекционное достижение // Хозяйство и право. 2020. № 7(522). С. 69–75.
- Godt, C. (2023). How to Stay Modern Feudalism? Comparing EU and US Methodologies in Containing Post-Sale Restraints by Way of IP Exhaustion. In: Godt, C. & Lamping, M. (eds.). *A Critical Mind. MPI Studies on Intellectual Property and Competition Law*. Vol. 30. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-662-65974-8_12
- Grigoriadis, L.G. (2014). Exhaustion of Trademark Rights and Legality of Parallel Imports Under the GATT 1994. In: *Trade Marks and Free Trade*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-04795-9_4
- Ivanov, A.Yu. & Voinikanis, E.A. (eds.). (2021) *Patent law, alive and dead*. Ivanov, A.Yu., Voinikanis, E.A. & Sivitsky, V.A., et al. National research University “Higher School of Economics”. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. (in Russian).
 Патентное право живое и мертвое / А. Ю. Иванов, Е. А. Войниканис, В. А. Сивицкий и др.; под науч. ред. А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 483 с.
- Nowak, C. (ed.). (2021) *Combatting Illicit Trade on the EU Border. Comparative Perspective*. Springer Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-51019-0>
- Pathak, V. (2018) Intellectual Property Rights and Parallel Trade: Debate on National Versus International Exhaustion of Rights. In: Nirmal, B. & Singh, R. (eds.). *Contemporary Issues in International Law*. Springer, Singapore. pp. 347–358. https://doi.org/10.1007/978-981-10-6277-3_24
- Pirogova, V.V. (2008) *Exhaustion of exclusive rights and parallel imports*. Moscow. 155 p. (in Russian).
Пирогова В.В. Исчерпание исключительных прав и параллельный импорт. Москва, 2008. 155 с.
- Pirogova, V.V. (2012) TRIPS Agreement (WTO): exhaustion of rights and parallel imports. *State and Law*. (6), 119–122. (in Russian).
Пирогова В.В. Соглашение ТРИПС (ВТО): исчерпание прав и параллельный импорт // Государство и право. 2012. № 6. С. 119–122.

- Saidashev, R.Z. (2021) The influence of the principle of exhaustion of the exclusive right to a trademark on the state of competition in commodity markets. *Russian Competition Law and Economics*. (2), 36–41. <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-2-26-36-41> (in Russian).
Сайдашев Р.З. Влияние принципа исчерпания исключительного права на товарный знак на состояние конкуренции на товарных рынках // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 2. С. 36–41. <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-2-26-36-41>
- Sergeev, A.P. (2004) *Intellectual property rights in the Russian Federation*: Textbook. 2nd ed., revised. Moscow, TK Welby, Prospect Publ. (in Russian).
Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2004. 752 с.
- Shalimova, L.Yu. (2017) Consequences of liberalization of parallel imports in Russia. *Economics and business: theory and practice*. (11), 213–216. (in Russian).
Шалимова Л.Ю. Последствия либерализации параллельного импорта в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 11. С. 213–216.
- Steppe, R. (2019) Belgium. In: Kellezi, P., Kilpatrick, B. & Kobel, P. (eds.). *Liability for Antitrust Law Infringements & Protection of IP Rights in Distribution. LIDC Contributions on Antitrust Law, Intellectual Property and Unfair Competition*. Springer, Cham. pp. 365–402. https://doi.org/10.1007/978-3-030-17550-4_16
- Tyunin, M.V., Ereemeeva, N.V. & Nabiev, S.R. (2023) Parallel import as a tool for managing international sanctions. *IS. Industrial property*. (3), 58–65. (in Russian).
Тюнин М.В., Еремеева Н.В., Набиев С.Р. Параллельный импорт как инструмент управления международными санкциями // ИС. Промышленная собственность. 2023. № 3. С. 58–65.
- Yang, H. & Song, H. (2023). Intellectual Property Protection in Free Trade Zones: Main Issues from China's Perspective in the International Context. In: Zhang, L. & Tan, X. (eds.). *A Chinese Perspective on WTO Reform*. Springer, Singapore. pp. 59–96. https://doi.org/10.1007/978-981-19-8230-9_3

Сведения об авторе:

Агамагомедова Саният Абдулганиевна – кандидат юридических наук, доцент, сектор административного права и административного процесса, Институт государства и права Российской академии наук; 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ORCID: 0000-0002-8265-2971

e-mail: saniyat_aga@mail.ru

About the author:

Saniyat A. Agamagomedova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Sector of Administrative Law and Administrative Procedure, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8265-2971

e-mail: saniyat_aga@mail.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

PROCEEDING LAW. PROSECUTOR SUPERVISION

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-669-684>
EDN: INHHRE

Научная статья / Research Article

Привлечение специалиста для исследования криптовалют в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводствах

Ю.П. Гармаев¹, Г.П. Осипов²

¹Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация

²Красноярский государственный аграрный университет;
Акционерное общество «Шард», г. Москва, Российская Федерация
 garmaeff@mail.ru

Аннотация. Распространение и использование криптовалюты (цифровой валюты) в России и в мировом масштабе с каждым годом увеличивается в разы. С ростом рынка криптовалют одновременно выросла и криминальная его составляющая. Количество и степень общественной опасности преступлений, где в качестве предмета, цели или средства, орудия совершения выступает криптовалюта, неуклонно растет. Лавинообразно нарастает и количество гражданских, арбитражных споров по поводу криптовалют. Соответственно возникает объективная потребность в эффективной защите интересов потерпевших от преступных посягательств, расследовании соответствующих преступлений и разрешении возникающих споров. Все это невозможно без помощи специалистов по криптовалютам. В статье формулируется определение криптопреступлений, анализируются проблемы использования криптовалют: от неполноты нормативного регулирования ее оборота до невысокой компетентности большинства практикующих юристов. Исследована и обобщена противоречивая практика в части требований к специалисту по криптовалютам, условиям и порядку его привлечения в различных судопроизводствах. Отмечена распространенность случаев некомпетентности и недобросовестности отдельных лиц и компаний, предлагающих услуги на крипторынке. Сформулированы соответствующие предупреждения. Систематизированы и описаны типичные криминальные, следственные и судебные ситуации, в которых может быть использована помощь специалиста по криптовалютам. Сформулированы отдельные выводы и рекомендации по организации и тактике взаимодействия с ним в интересах, прежде всего, потерпевшего (включая организации), следствия и/или суда. В заключении обобщены формы участия криптоспециалиста на различных стадиях и в различных судопроизводствах: уголовном, гражданском и арбитражном – от устных и письменных консультаций,

© Гармаев Ю.П., Осипов Г.П., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

подготовки заключений специалистов до участия в следственных действиях, судебных заседаниях и переговорах между конфликтующими лицами. Методы: в ходе исследования использовались не только общенаучные методы познания, но и научно-научные (системно-структурный, формально-логический экстраполяции, прогностический, документального анализа, статистический, метод интервьюирования и др.).

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, криптовалютное исследование, криптопреступления, преступления, связанные с хищениями криптовалюты, криптовалютная преступность, криминальный крипторынок, преступность и биткоин, криптовалюта как орудие и средство преступления

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Поступила в редакцию: 15 декабря 2023 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Гармаев Ю.П., Осипов Г.П. Привлечение специалиста для исследования криптовалют в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводствах // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 669–684. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-669-684>

Engaging a specialist for the investigation of cryptocurrencies in criminal, civil and arbitration proceedings

Yury P. Garmaev¹ , Grigory P. Osipov

¹Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

²Krasnoyarsk State Agrarian University; Joint-Stock Company «Shard»,
Moscow, Russian Federation

garmaeff@mail.ru

Abstract. The spread and use of cryptocurrencies (digital currency) in Russia and globally is increasing significantly every year. As the cryptocurrency market has grown, its criminal component has also grown at the same time. The number and degree of public danger of crimes where cryptocurrency acts as an object, aim or means of crime is steadily increasing. Civil and arbitration disputes over cryptocurrencies are also on the rise. Consequently, there is an objective need to effectively protect the interests of victims from criminal offenses, investigate relevant crimes and resolve disputes. Addressing these issues is impossible without the assistance of cryptocurrency specialists. The article formulates a definition of cryptocurrency crime, analyzes the challenges of using cryptocurrencies, ranging from the incomplete regulatory framework of its circulation to the lack of expertise among most practicing lawyers. It investigates and summarizes the conflicting practices in terms of requirements for cryptocurrency specialists, their conditions and procedure of their involvement in various legal proceedings. The prevalence of incompetence and dishonesty among individuals and companies offering services in the crypto market is noted, and appropriate warnings are put forth. The study systematizes and describes typical criminal, investigative and judicial scenarios where the expertise of a cryptocurrency specialist is necessary. It also provides conclusions and recommendations on organizing and strategizing interaction with cryptocurrency specialists in the interests of victims (including organizations), investigative authorities and/or the court. The conclusion summarizes the roles of cryptocurrency research specialists in various stages and legal proceedings (criminal, civil and arbitration) from oral and written consultations, preparation of specialist opinions to participation in investigative actions, court hearings and negotiations between conflicting parties. The research incorporates both general and specific scientific methodologies such as system-structural analysis, formal-logical extrapolation, document analysis, statistical analysis, prognostic and interviewing techniques.

Key words: cryptocurrency, digital currency, cryptocurrency research, cryptocrimes, crimes related to cryptocurrency theft, cryptocurrency crime, criminal crypto market, crime and bitcoin, cryptocurrency as a weapon and means of crime

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: inseparable co-authorship.

Received: 15th December 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Garmaev, Y.P., Osipov, G.P. (2024) Engaging a specialist for the investigation of cryptocurrencies in criminal, civil and arbitration proceedings. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 669–684. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-669-684>

Введение

Распространение цифровых технологий по всему миру, их проникновение во все сферы жизнедеятельности привело к значительным трансформациям как в позитивную, так и в негативную сторону. Как отмечается в литературе, инструменты шифрования и дешифрования информации используются не только в социально полезных целях, но и применяются злоумышленниками для совершения преступлений. Всемирная паутина зачастую выступает местом незаконной продажи наркотических и психотропных веществ, оружия, взрывных устройств, распространения информации экстремистского характера и многих других противоправных деяний. Использование в том числе криптовалют во многом затрудняет процесс расследования таких преступлений как в России, так и во всем мире (Titov & Vasyukov, 2023; Holmes & Buchanan, 2022; Trozze, Kamps & Akartuna, 2022; Tziakouris, 2018). По данным Центрального банка РФ, в последние годы криптовалюты (в частности, Bitcoin) используются на всех стадиях разнообразной преступной деятельности¹.

Для юристов разных специализаций вопросы использования специальных знаний в области криптовалют в настоящее время являются одними из ключевых в профессиональной деятельности. Некоторые из этих вопросов будут рассмотрены в настоящей статье. Причем рассмотрены будут вопросы не только правового характера (относящиеся к нормам материального и процессуального права), но и отдельные аспекты организации и тактики использования крипто-знаний юристами разных специальностей, особенности взаимодействия с носителями этих знаний – специалистами по криптовалютам.

Правовые основы привлечения специалиста в области криптовалют

Действующее законодательство Российской Федерации не закрепляет понятие криптовалюты. Однако сформулировано более общее определение – цифровой валюты. Оно установлено Федеральным законом от 31.07.2020 №259-ФЗ (в редакции от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Так,

---

¹ Доклад для общественных консультаций Центрального банка РФ «Криптовалюты: тренды, риски, меры». Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

согласно пункту 3 статьи 1 закона цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам. Однако организация выпуска и обращения цифровых валют в Российской Федерации, в соответствии с частью 4 статьи 14 указанного федерального закона регулируется в соответствии с федеральными законами.

При этом согласно письму Министерства Финансов РФ² организация выпуска и (или) выпуск, организация обращения цифровой валюты в Российской Федерации будут регулироваться федеральными законами, которые в настоящее время разрабатываются.

Законодательством не урегулированы вопросы выпуска, обращения цифровых валют в Российской Федерации, многие иные насущные вопросы.

Вместе с тем несмотря на отсутствие четкого законодательного регулирования оборота криптовалюты в России, ее использование в настоящее время не запрещено³. Более того, востребованность ее как финансового актива за последние несколько лет существенно повысилась. И хотя цифровая валюта в нашей стране не является денежной единицей и не может выступать средством платежа за товары, работы и услуги, Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» признает цифровую валюту имуществом. Присоединяемся к позиции, согласно которой необходимо легально закрепить имущественную составляющую криптовалюты (Pinkevich, 2021).

Судебная практика по гражданским и уголовным делам идет по пути признания криптовалюты имуществом. Ряд решений Верховного суда Российской Федерации подтверждает такую позицию⁴.

Противодействие криптопреступлениям: уровень разработки проблемы

Пользуясь псевдоанонимностью криптовалюты, злоумышленники применяют ее различными способами для подготовки, совершения и сокрытия преступлений, иных правонарушений. Например:

– приобретение с ее помощью запрещенных или ограниченных к обороту предметов, веществ (наркотики, оружие и т.п.);

² Письмо Министерства Финансов РФ от 08.12.2021 № 03-11-11/99619.

³ За некоторыми исключениями. См., например: Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами».

⁴ См., например: кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 08.06.2023 года по делу №6-УДП23-6-А1; определение Верховного суда Российской Федерации от 02.02.2021 по делу №44-КГ20-17-К7 № 2-2886/2019 и другие.

– сбор пожертвований на террористическую, экстремистскую и иную запрещенную законом деятельность и т.п.;

– совершение разнообразных форм хищений (мошенничество, кража, вымогательство, присвоение, грабежи и разбои и др.), коррупционных деяний.

При этом, как видим, криптовалюта может быть объектом, точнее предметом или целью преступного посягательства (например, хищение криптовалюты, хищение денежных средств с последующим «превращением» их в криптовалюту и т.п.), либо средством, орудием совершения преступлений (приобретение оружия для совершения убийства с помощью криптовалюты и т.п.). Двухединная сущность криптовалюты позволяет помимо термина «криптопреступность» (Sidorenko, 2018) предложить в научный и деловой оборот понятие «криптовалютные преступления» или «криптопреступления». Криптопреступления – это запрещенные уголовным законом общественно опасные деяния, где криптовалюта является либо предметом преступной деятельности, либо средством, орудием преступления, целью злоумышленников.

Помимо криптопреступлений криптовалюта как имущество все чаще фигурирует в гражданском обороте, становится предметом споров при разделе имущества, наследовании, в бракоразводных процессах, по делам о банкротстве, в иных хозяйственных спорах. Самая «популярная» категория среди гражданско-правовых споров – требования о взыскании неосновательного обогащения при приобретении криптовалюты⁵.

Несмотря на возрастающее число криптопреступлений, государство в лице правоохранительных органов пока не вполне готово эффективно их выявлять, пресекать, расследовать. Тому есть ряд причин.

1) Отсутствие полноценного законодательного регулирования в области криптовалют, определяющего порядок ее приобретения, использования, учета и налогообложения. Как мы указывали выше, законодатель установил некоторые запреты на совершение купли-продажи криптовалюты, но не определил полноценные правила ее оборота и ответственность за ее использование.

2) Отсутствие в системе государственных экспертных учреждений соответствующего направления и нехватка экспертов, специалистов в области исследования криптовалют. Более того, до настоящего времени отсутствует такой тип экспертного исследования; в частности, нет саморегулируемых организаций, объединяющих таких специалистов.

3) Уровень квалификации сотрудников правоохранительных органов, равно как и судей, адвокатов, в вопросах исследования криптовалют пока находится на достаточно низком уровне. Проведенный опрос более 20 респондентов – следователей, оперативных сотрудников, судей и адвокатов, показал, что сами опрошенные признают свою некомпетентность. Им не ясно, что такое криптовалюта, как проводить с ней оперативно-розыскные мероприятия, следственные и судебные действия, где найти специалиста и как использовать его помощь. Многие адвокаты и юристы компаний также не имеют достаточных знаний и практики работы по делам, связанным с криптовалютой.

---

⁵ См., например, спор между продавцом и покупателем криптовалют, в котором после совершения обмена покупатель обратился в суд с требованием о взыскании с продавца средств, полученных от него как неосновательное обогащение: решение Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14.12.2021 по делу №2-1768/2022 (2-6841/2021).

4) Публикаций, посвященных использованию помощи специалистов по криптовалютам по уголовным и гражданским делам в России пока мало (Galushin & Karlov, 2017; Nesmeyanov, 2021; Perov, 2017).

За рубежом исследования, посвященные решению проблем противодействия крипто-преступлениям разноотраслевыми средствами, также находятся в начальной стадии своего развития (Duhani, Baggili, Raymond & Marchry, 2023; Park, Hyejin, Park & Jeong, 2023; Zajac, 2019; Watters, 2023). Так, М. Кутера на основе анализа 57 публикаций из базы данных Scopus и иных исследований утверждает, что криптовалюты как предмет преступления в целом являются новой областью научных исследований, хотя и развиваются достаточно интенсивно. Относительно небольшое количество публикаций по сравнению с другими аналогичными направлениями также свидетельствует о том, что данная тема еще широко не исследована учеными и в ней может быть создано множество различных исследовательских направлений (Kutera, 2022).

С учетом обстановки, в которой число преступлений с использованием криптовалюты постоянно растет, законодательное регулирование неполноценно, государственные экспертные учреждения соответствующего профиля отсутствуют, а квалификация правоприменителей в этой области знаний оставляет желать лучшего, остро встает вопрос привлечения лиц, сведущих в области оборота криптовалют и взаимодействия с ними⁶.

Кто может быть специалистом по криптовалютам: требования, порядок привлечения в различных судопроизводствах, добросовестность

Статья 58 УПК РФ определяет специалиста как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Согласно части 3 статьи 188 ГПК РФ специалист дает суду консультацию в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний, без проведения специальных исследований, назначаемых на основании определения суда.

АПК РФ в статье 55.1 указывает, что специалистом в арбитражном суде является лицо, обладающее необходимыми знаниями по соответствующей специальности, осуществляющее консультации по касающимся рассматриваемого дела вопросам.

Основное требование, предъявляемое к лицу, привлекаемому в таком качестве в рамках любого судопроизводства – это наличие специальных, а не общедоступных знаний в области исследования, в данном случае криптовалют. Наличие специальных знаний на практике подтверждается предоставлением информации об образовании (дипломов об окончании вузов, курсов повышения квалификации по

⁶ «Специалист по исследованию криптовалюты: понятие и обзор практики» / официальный сайт компании «Шард». Режим доступа: https://shard.ru/article/cryptocurrency_analyst_concept_and_practice_overview?ysclid=lotyxk9jrpj902538308 (дата обращения: 26.11.2023). Соавтор этой статьи – Г. П. Осипов, является одновременно одним из соавторов цитируемого просветительского материала.

соответствующему профилю), а также сведениями о месте и опыте работы по исследованию криптовалют. Такие специалисты чаще всего являются сотрудниками организаций, занимающихся аналитикой в сфере криптовалют или вопросами информационной безопасности. Тем, кто собирается обратиться в такую организацию, рекомендуется предварительно изучить ее на предмет релевантного опыта работы в этой сфере, выяснить, кто в организации непосредственно является нужным специалистом, каким опытом он обладает.

Необходимо отметить, что ряд недобросовестных компаний в целях ускорения получения информации от бирж и криптосервисов прибегают к подделке запросов правоохранительных органов, что недопустимо и подпадает под признаки преступления, предусмотренного частью 5 статьи 327 УК РФ «Использование заведомо подложного документа».

Из числа известных отечественных компаний в этой области можно отметить «Цифровой контроль» (<https://digitalinspect.ru/>), «ШАРД» (<https://shard.ru/>), «Плейн Чейн» (<https://plainchain.ru/>) и другие.

На практике существует две точки зрения относительно того, какое образование должно быть у эксперта или специалиста по исследованию криптовалют. Согласно первому подходу, это техническое образование в области математики и компьютерной техники. В соответствии с этой позицией такое исследование ближе к компьютерно-технической экспертизе. Оно связано с пониманием технологии блокчейн, а также со знаниями о том, как функционируют программные продукты, используемые для совершения операций с криптовалютами. В части второй точки зрения у эксперта, специалиста должно быть экономическое образование. Исследование движения криптовалют относится именно к финансовой экспертизе, к экономическому анализу, проводя аналогию с изучением бухгалтерии либо изучением движения финансовых средств. Единства в применении двух подходов на практике пока нет, у каждого из них есть свои аргументы. Возможно, для сложных случаев возникнет необходимость привлечения нескольких специалистов из разных областей знаний и проведение комплексной экспертизы⁷. Мы больше склоняемся ко второй точке зрения. Подход о необходимости наличия экономического образования у специалиста по криптовалюте видится наиболее применимым, поскольку процессы, происходящие при совершении операций в криптовалюте, имеют сходство с экономическими процессами. Хотя однозначный и категоричный вывод в действующих правовых реалиях невозможен.

Необходимо отметить, что самого наличия документа о прохождении, например, курса по криптовалютам недостаточно для того, чтобы считаться надлежащим специалистом в этой области, поскольку пока отсутствует единый образовательный стандарт по обучению таких специалистов, а качество оказываемых в сети Интернет образовательных услуг зачастую оставляет желать лучшего. Так, большинство организаций, обучающих цифровой криминалистике или исследованию криптовалют, часто даже не имеют лицензии на образовательную деятельность⁸. В целом добросовестность и профессионализм в крипто-обучении, законность и этичность в деятельности отдельных так называемых «специалистов» по криптовалютам – все

⁷ См., например: п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

⁸ Например, на ряде сайтов онлайн-курсов по криптовалютам мы не нашли данных о такой лицензии. См., например: Онлайн-курс по криптовалютам. Режим доступа: <https://dream-academydao.ru/?ysclid=lp18sjzxa183444150> (дата обращения: 16.12.2023).

это пока в стадии формирования. Например, известны случаи, когда недобросовестные «специалисты» подделывают подписи и иные официальные реквизиты запросов сотрудников правоохранительных органов и отправляют их в адрес криптобиржи с фиктивных или действительных электронных адресов (в последней ситуации налицо коррупционная составляющая). В действиях таких псевдоспециалистов усматриваются признаки преступлений, предусмотренных частями 1 и 5 статьи 237 УК РФ – подделка, изготовление или оборот поддельных документов, использование заведомо подложных документов. Усматриваются признаки коррупционных и иных противоправных деяний. Причем зачастую потерпевшие, в чьих интересах направляется такой запрос, могут стать соучастниками преступлений.

Без достаточного опыта и знаний в области исследования криптовалют привлекаемый специалист, в случае обнаружения его некомпетентности, может быть отстранен от участия в уголовном деле согласно пункту 3 части 2 статьи 70 УПК РФ⁹. Требования к специалисту в том числе основываются на требованиях законодателя об отводе специалиста во всех рассматриваемых видах судопроизводств (ст. ст. 61, 69, 71 и ч. 2 ст. 70 УПК РФ, ст. 18 ГПК РФ, ст. ст. 21 и 23 АПК РФ).

Здесь же необходимо отметить, что мы в основном говорим о практике привлечения именно специалистов по исследованию криптовалюты, а не экспертов. Это связано опять-таки в первую очередь с отсутствием законодательного регулирования и должной научной базы для экспертной деятельности в этой области, единого образовательного стандарта. Однако примеры назначения экспертизы по исследованию криптовалют уже имеются¹⁰.

Кто, когда и как может привлекать специалиста

Действующее уголовно-процессуальное законодательство наделяет правом привлечения специалиста как сторону обвинения, так и сторону защиты, суд. Сделать это можно как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. В гражданском и арбитражном процессах специалист также может быть привлечен как сторонами дела (истец, ответчик, их представители), так и судьей.

Вопросы правового статуса и порядка привлечения специалиста, его полномочий в разных судопроизводствах не являются предметом настоящего исследования, поскольку достаточно хорошо разработаны в научной литературе (Semenov, Vasyukov & Volevodz, 2020).

Более подробно остановимся на типичных ситуациях, связанных с привлечением специалиста для исследования криптовалют на различных стадиях процесса и тактике взаимодействия с ним юристов и потерпевших.

⁹ Лебединский В., Жарский И. Как сделать отвод судебному эксперту: чек-лист для проверки. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/216136/?ysclid=lotui925f5432647567> (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁰ По уголовному делу, возбужденному в 2021 г. по ст. ст. 159, 210 УК РФ, по версии следствия в отношении организаторов криптовалютной пирамиды «Finiko» следственным департаментом МВД России была назначена и проведена комплексная компьютерно-техническая и финансово-экономическая судебная экспертиза, оценившая ущерб от деятельности мошенников, собиравших средства как в обычной валюте, так и в криптовалюте в размере 179,6 млн. рублей. Подробнее см.: Ущерб – 179 620 288 рублей 78 копеек: как скукожилось дело Finiko. Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/575282?ysclid=lng9kweaps158806182> (дата обращения: 15.12.2023).

К вопросу об организации и тактике взаимодействия со специалистом по криптовалюте

Опишем кратко несколько общих для большинства указанных ниже типичных криминальных ситуаций организационно-тактических особенностей взаимодействия юристов и потерпевших со специалистом. Имеющийся опыт показывает, что в большинстве типичных ситуаций критически важно как можно скорее обратиться к специалисту, получить от него результаты исследования по возможности быстрее. Чем раньше специалист определит пути движения криптовалюты, тем больше шансов на ее возвращение законному владельцу. Счет идет на дни, а иногда – на часы и минуты. Здесь привлечение специалиста относится к числу мероприятий, обеспечивающих тактику и методику раскрытия преступления «по горячим следам». Как отмечается в литературе, если в определенных ситуациях преступление не обнаружено и не раскрыто в самое ближайшее время после его совершения (обычно указываются сутки), впоследствии придется затратить в разы больше сил и средств, времени для возмещения ущерба и изобличения преступников (Lavrov & Sidorov, 1989).

Подготовленное специалистом исследование может использоваться, например, как приложение к заявлению (сообщению) о возбуждении уголовного дела в обоснование наличия признаков состава преступления. Сведения от специалиста могут служить ориентирующей информацией для проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Нельзя приуменьшать и роль *устных консультаций* специалиста по криптовалютам для всех заинтересованных лиц. В криминальных и следственных ситуациях, связанных с хищениями криптовалюты, иными криптопреступлениями, потерпевший, его адвокат являются лицами, заинтересованными прежде всего в скорейшем возврате своих средств, возмещении ущерба.

Их законный интерес может выражаться также в том, чтобы в рамках доследственной проверки, уголовного дела, возбужденного по их заявлению:

– следственные действия и ОРМ были проведены «по горячим следам», то есть быстро и эффективно;

– преступники изобличены и задержаны, а их преступная деятельность полностью задокументирована и доказана.

По ряду обозначенных выше причин (низкая квалификация сотрудников правоохранительных органов, отсутствие государственных экспертных учреждений и т.д.) без высокопрофессиональной консультативной помощи специалиста по криптовалюте следственные действия зачастую либо не будут проводиться вообще, либо будут проводиться с длительными задержками, ошибками и неточностями, которые позволят преступникам скрыть похищенное и уйти от уголовной ответственности.

В этой связи, с позиции интересов заявителя, важнейшее значение приобретает тактика переговоров потерпевшего, его представителя, со злоумышленником, включая переписку с предполагаемым преступником. Отметим лишь кратко: в жизненных реалиях интересы потерпевшего, к сожалению, зачастую сильно отличаются от интересов сотрудников правоохранительных органов, суда. Чаще всего главный интерес среднестатистического следователя – это не возмещение ущерба потерпевшему, а успешное раскрытие и расследование уголовного дела, направление его в суд и обвинительный приговор – «галочки» в отчетности. При этом желательно как можно меньше личных (следователя) усилий. Интересы потерпевшего зачастую лишь

второстепенная задача. Это важное обстоятельство должно обязательно учитываться в тактике взаимодействия между следователем, потерпевшим, а также специалистом.

Если специалист прежде всего на стороне потерпевшего, его представителя, то тактика использования его (специалиста) помощи существенно отличается от тактики взаимодействия следователя со специалистом. Потерпевшим следует учитывать эту реальность применительно ко всем описываемым ситуациям.

Типичные ситуации привлечения специалиста для исследования криптовалют на стадии возбуждения уголовного дела

Ситуация 1. Типичной исходной криминальной ситуацией может быть участие потерпевшего в мошенническом «инвестиционном» проекте. Потерпевший перевел мошенникам цифровую валюту, а злоумышленники либо перестали выходить на связь, либо под надуманными предлогами не возвращают средства.

В данной ситуации помощь специалиста позволит потерпевшему, его адвокату совершить неотложные действия, направленные на блокировку похищенных средств на криптовалютных сервисах. В такой ситуации специалист по обращению потерпевшего или его адвоката может провести *исследование путей движения криптовалюты* для определения криптосервисов, куда были направлены похищенные средства. Разумеется, специалист не может взять и просто вернуть криптовалюту ее законному владельцу. По информации от специалиста, сотрудники правоохранительных органов могут направить запросы на указанные криптосервисы. По таким запросам криптосервисы могут:

- а) заблокировать похищенные средства,
- б) сообщить, куда они были направлены дальше,
- в) раскрыть данные о принадлежности аккаунта, через который осуществлялась операция конкретному физическому или юридическому лицу.

Ситуация 2. В деятельности различных коммерческих организаций широко распространены ситуации, когда в действиях сотрудников усматриваются признаки хищения криптовалюты. При этом зачастую руководство не заинтересовано предавать огласке случившееся. Есть необходимость разобраться в обстоятельствах произошедшего, принять необходимые решения до обращения в правоохранительные органы.

Привлеченный специалист по исследованию криптовалют может изучить обстоятельства случившегося, провести анализ программного обеспечения, обеспечивающего хранение цифровых валют, зафиксировать программный код на момент совершения операций и после.

Специалист также может оказать квалифицированную *консультационную помощь* и при необходимости *провести письменное криптовалютное исследование*. По решению руководителя компании юристы могут приложить исследование специалиста к заявлению о преступлении при обращении в правоохранительные органы либо использовать при проведении внутреннего аудита, служебной проверки и т.п. С позиции интересов организации важное значение имеет тактика использования рекомендаций специалиста. Возможно его непосредственное участие в проведении служебной проверки, аудита, а также участие его в беседах, переговорах между руководством организации и заподозренными сотрудниками. Организация и тактика такого взаимодействия – тема для отдельного и глубокого исследования.

Типичные ситуации привлечения специалиста по исследованию криптовалют на стадии предварительного расследования

Ситуация 1. Наиболее типичной следственной ситуацией привлечения специалиста по криптовалютам на данной стадии уголовного процесса вновь выступает ситуация, сходная с вышеизложенной, но уже по возбужденному уголовному делу о мошенничестве или ином хищении. Потерпевший отправлял криптовалюту неизвестным злоумышленникам или своим знакомым под воздействием обмана или злоупотребления доверием. Средства были похищены, и потерпевший обратился в полицию. По его заявлению возбудили уголовное дело.

В такой следственной ситуации чаще всего возникает необходимость проведения *письменного исследования* по установлению путей движения криптовалюты. Результаты исследования обычно оформляются в виде заключения специалиста. Исследование может быть назначено следователем либо проведено по инициативе потерпевшего, его адвоката, юристов компании, потерпевшей от преступления.

Работа специалиста по установлению путей движения криптовалюты в большинстве случаев позволит определить криптовалютные сервисы (биржи), через которые криптовалюта была обменена на обычные денежные средства. По полученным от специалиста данным в криптосервисы следователем может быть направлен запрос. На его основании биржи могут раскрыть данные о принадлежности аккаунта, а также сообщить реквизиты банковских карт, на которые были выведены финансовые активы.

Специалисту могут быть поставлены, например, такие вопросы:

- действительно ли криптовалюта была отправлена именно потерпевшим;
- какой эквивалент денежных средств был переведен в криптовалюте;
- иные вопросы.

Так, по уголовному делу, возбужденному 07.10.2022 следственным отделом МВД России по району Свиблово г. Москвы по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, специалист по криптовалютам привлекался для участия в следственном осмотре ноутбука потерпевшего, который переводил с него криптовалюту предполагаемому мошеннику. Задачи специалиста в данной следственной ситуации были в том, чтобы:

– удостовериться в наличии доступа к аккаунту на криптобирже, с которой выводились средства;

– выяснить биржевые криптовалютные адреса (с которых выводились средства) для их использования в проведении исследования.

Особенности привлечения специалистов по криптовалютам к участию в отдельных следственных действиях, в том числе и при конфискации криптовалют, уже частично нашли свое отражение в ряде научных трудов (Galushin & Karlov, 2017; Titov & Vasyukov, 2023). Однако тактика защиты интересов потерпевшего, а также обвиняемого с использованием помощи специалиста по криптовалютам еще не описана в литературе и станет предметом отдельного издания. Имеющиеся публикации уголовно-процессуального и криминалистического характера:

– либо посвящены использованию профессиональными участниками процесса помощи специалиста любого профиля (Lazareva, 2011),

– либо использованию специальных знаний по уголовным делам о преступлениях иного вида (не связанных с криптовалютами) (Shapiro, 2008; Gvozdeva, 2008).

Ситуация 2. Еще одной типичной следственной ситуацией и задачей участия специалиста по криптовалютам может быть необходимость подтвердить следствию, что похищенная криптовалюта является имуществом, и рассчитать причиненный ущерб.

Так, по уголовному делу, возбужденному 19.10.2023 СУ УВД по ТиНАО ГУ МВД России по г. Москве по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, *допрос специалиста* проводился именно по таким вопросам¹¹.

Привлечение специалиста для исследования криптовалют в уголовном процессе на судебных стадиях уголовного судопроизводства

Согласно статье 251 УПК РФ «Вызванный в суд специалист участвует в судебном разбирательстве в порядке, установленном статьями 58 и 270 УПК РФ». Так, специалист привлекается, когда участникам процесса могут потребоваться его специальные знания и навыки, в рассматриваемом случае в области изучения криптовалют.

Зачастую в материалах уголовного дела на стадии судебного разбирательства уже имеются исследования специалистов, протоколы их допросов, а также протоколы следственных действий с их участием на стадии предварительного следствия. Вместе с тем, используя правило ч. 4 ст. 271 УПК РФ, по ходатайству защитника выбранный специалист может быть привлечен для допроса в рамках судебного разбирательства. Так, привлеченный специалист может быть *допрошен относительно объективности и компетентности выводов другого специалиста*, готовившего заключение об исследовании криптовалют на стадии предварительного расследования.

В том числе по такому ходатайству стороны защиты может быть вызван на *допрос ранее участвовавший в деле специалист*, для уточнения используемых методов исследования, подтверждения и обоснования выводов, к которым он пришел ранее.

По ходатайству стороны защиты в суд могут быть представлены документы, в том числе *письменное заключение специалиста* по криптовалютам. Также в числе представляемых документов могут быть *справочные материалы, собранные по рекомендациям специалиста по криптовалютам*:

- о стоимости криптовалюты на определенную дату;
- об юрисдикции криптовалютного сервиса;
- иная информация, которая может быть использована по делу.

Необходимо отметить очевидное. Возможность привлечения специалиста по криптовалютам, разумеется, не ограничивается судом первой инстанции. Он может быть привлечен и на других стадиях судебного разбирательства.

Привлечение специалиста для исследования криптовалют в гражданском и арбитражном процессе

Ситуация 1. Одной из типичных ситуаций привлечения специалиста по криптовалютам является ситуация блокировки цифровой валюты на бирже или криптосервисе. Обычно это связано с тем, что отправленная криптовалюта не

---

¹¹ По указанному и предыдущему примеру один из авторов статьи – Г. П. Осипов, привлекался в качестве специалиста.

отвечает требованиям AML (Anti-money laundering) политики, установленной биржей. Специалист по криптовалютам в данном случае может *оказать профессиональную консультацию* с учетом юрисдикции сервиса и требований его политик безопасности, а также *провести исследование путей поступления заблокированных средств* для подтверждения законности их происхождения.

Необходимость привлечения специалиста по криптовалютам возникает по всем делам, где криптовалюта как имущество выступает объектом гражданско-правовых отношений и соответственно является, как уже отмечалось, предметом споров при разделе имущества, в бракоразводных процессах, о наследстве, по делам о банкротстве¹², в иных хозяйственных спорах. Тут специалист может *проконсультировать* относительно того:

– где может находиться криптовалюта,

– какие действия необходимо предпринять для ее установления, фиксации, возможной блокировки, возврата собственнику или иному законному владельцу.

В ситуациях, когда хранящаяся на бирже или отдельном кошельке криптовалюта была выведена, специалист посредством *проведения исследования* может установить, когда это произошло, как и куда она была направлена.

Ситуация 2. Другой часто встречающейся ситуацией является необходимость взыскания средств в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства при неосновательном обогащении при приобретении криптовалюты. Такая ситуация возникает, когда, например, недобросовестные контрагенты по сделкам приобретают на незаконно полученные денежные средства криптовалюту, и законные владельцы этих денежных средств предъявляют требования к продавцам криптовалюты, различным площадкам. В таких ситуациях специалист также может быть привлечен для *подготовки письменного заключения, проведения консультаций* для выяснения обстоятельств того, как обогатился злоумышленник и как защитить добросовестного продавца криптовалюты.

В рамках гражданского и арбитражного процессов стороны могут ходатайствовать перед судом о *назначении исследования криптовалют таким специалистом, его допросе*. Кроме того, стороны могут ходатайствовать о приобщении уже проведенного специалистом исследования к материалам дела. При этом суд может поручить специалисту по криптовалютам провести независимое от сторон исследование криптовалют, если, например, есть сомнения в достоверности исследования, предоставленного одной из сторон.

Специалист, который уже проводил исследование криптовалют в рамках дела, также как и в уголовном процессе, может быть вызван судом на допрос для уточнения используемых методов исследования, подтверждения и обоснования выводов, к которым он пришел и т.п.

Формы использования помощи специалистов по криптовалютам и крипто-просвещение (вместо заключения)

Обобщив практику привлечения специалистов по исследованию криптовалют по уголовным, гражданским и арбитражным делам на разных стадиях судопроизводства можно выделить основные формы их участия:

---

¹² Примером может служить Решение 9-го Арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 г. по делу № А40-124668/2017.

- проведение устных и письменных консультаций для участников разнообразных правоотношений до начала судопроизводства, а также по уже имеющимся делам и материалам, проблемным ситуациям;
- подготовка заключения специалиста по вопросам, входящим в его компетенцию, в интересах стороны обвинения (включая интересы потерпевшего) и стороны защиты;
- участие в переговорах между конфликтующими лицами, сторонами в процессе;
- привлечение специалиста к участию в оперативно-розыскных мероприятиях, следственных действиях;
- изучение носителей информации, содержащих программное обеспечение, обеспечивающее хранение криптовалюты;
- подготовка специалистом справочных материалов, выписок по вопросам, связанным с криптовалютами и их оборотом;
- выступление в суде по вопросам, входящим в компетенцию специалиста;
- участие специалиста по криптовалютам в профилактических и просветительских мероприятиях, подготовке публикаций и разработке контента.

Последний пункт перечня требует пояснений. Наиболее эффективной формой взаимодействия со специалистами этого профиля является их приглашение для проведения совместных (специалист + юрист) обучающих, просветительских, профилактических мероприятий в правоохранительных, иных государственных органах и учреждениях, в компаниях, в образовательных организациях. Не менее полезной была бы организация массовых выступлений специалистов по криптовалютам в СМИ, особенно в Интернете, в соцсетях и пабликах, создание онлайн-курсов по соответствующей тематике и модернизация, дополнение имеющихся разработок вопросами профилактики преступлений и иных правонарушений.

В результате проведения такого рода занятий можно предупредить подавляющее большинство криптопреступлений и правонарушений. Даже такие меры, как введение специальных норм об уголовной ответственности за использование цифровой валюты в преступных целях, не сравнятся по эффективности с мероприятиями по правовому и криптопросвещению широких слоев населения.

Как отмечается в литературе, помимо занятий и онлайн-курсов в настоящее время особо востребованы краткие прикладные рекомендации в виде памяток, пособий, буклетов, специальных электронных, программных продуктов, особенно в виде мобильных приложений и иных программ в телефонах и на компьютерах. То есть их можно и нужно распространять не только и не столько в печатном, а в электронном виде. Для разработки любого типа просветительских материалов нужно создавать авторские коллективы, включающие специалистов по криптовалюте и юристов соответствующего профиля.

References / Список литературы

- Duhani, S., Baggili, I., Raymond, D. & Marchry, R. (2023) The current state of cryptocurrency forensics. *Forensic Science International: Digital Investigation*. 46, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2023.301576>
- Galushin, P.V. & Karlov, A.L. (2017) Information about transactions with cryptocurrencies (using bitcoin as an example) as evidence in a criminal case. *Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2(4), 90–100. (in Russian).
- Галушин П.В., Карлов А.Л. Сведения об операциях с криптовалютами (на примере биткойна) как доказательство по уголовному делу // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2(4). С. 90–100.

- Gvozdeva, I.S. (2008) *The use of special knowledge in the investigation of group mercenary and violent crimes of minors*. Diss ... cand. Legal of sciences. Krasnodar, Kuban State Agrarian University. (in Russian).
Гвоздева И.С. Использование специальных знаний при расследовании групповых корыстно-насильственных преступлений несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2008. 252 с.
- Holmes, A. & Buchanan, W. (2022) A framework for live host-based Bitcoin wallet forensics and triage. *Forensic Science International*. (44), 1–18. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2022.301486>
- Kutera, M. (2022) Cryptocurrencies as a subject of financial fraud. *Journal of Entrepreneurship, Management and Innovation*. 18(4), 45–77. <https://doi.org/10.7341/20221842>
- Lavrov, V.P. & Sidorov, V.E. (1989) *Investigation of crimes in hot pursuit: a textbook*. Moscow, Higher Law Correspondence School Publ. (in Russian).
Лавров В.П., Сидоров В.Е. Расследование преступлений по горячим следам: учебное пособие. Москва: ВЮЗШ, 1989. 56 с.
- Lazareva, L.V. (2011) *Conceptual foundations of the use of special knowledge in Russian criminal proceedings*. Diss ... doct. Legal of sciences. Vladimir, Law Institute of the Federal Penitentiary Service. (in Russian).
Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. Владимир: Юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2011. 470 с.
- Nesmeyanov, A.A. (2021) About some features of the investigation of crimes related to the use of cryptocurrency. *Education and law*. (9), 386–390. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-9-386-390> (in Russian).
Несмеянов А.А. О некоторых особенностях проведения расследования преступлений, связанных с использованием криптовалют // Образование и право. 2021. № 9. С. 386–390. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-9-386-390>
- Park, A., Hyejin, R., Park, W. & Jeong, D. (2023) Forensic investigation framework for cryptocurrency wallet in the device. *Computers & Security*. 133(2), 103392. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2023.103392>
- Perov, V.A. (2017) *Identification, qualification and organization of investigation of crimes committed using cryptocurrency: a textbook*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
Перов В.А. Выявление, квалификация и организация расследования преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты: учебно-методическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2017. 197 с.
- Pinkevich, T.V. (2021) Prevention of crimes committed in the sphere of circulation of digital currency (cryptocurrencies). *The rule of law: theory and practice*. 4(66), 82–96. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.4.5> (in Russian).
Пинкевич Т.В. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере оборота цифровой валюты (криптовалюты) // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4(66). С. 82–96. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.4.5>
- Semenov, E.A., Vasyukov, V.F. & Volevodz, A.G. (2020) *Legal status and legal regulation of a specialist's participation in criminal proceedings: theoretical, procedural and organizational aspects: monograph*. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Семенов Е.А., Васюков В.Ф., Волеводз А.Г. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: теоретические, процессуальные и организационные аспекты: монография. М.: Проспект, 2020. 227 с.
- Shapiro, L.G. (2008) *Special knowledge in criminal proceedings and their use in the investigation of crimes in the field of economic activity*. Diss ... doct. Legal of sciences. Krasnodar, Kuban State Agrarian University. (in Russian).
Шapiro Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2008. 497 с.

- Sidorenko, E.L. (2018) Crypto Crime as a New Criminological Phenomenon. *Society and law*. (2), 15–21. (in Russian).
Сидоренко Э.Л. Криптопреступность как новое криминологическое явление // Общество и право. 2018. № 2. С. 15–21.
- Titov, A.A. & Vasyukov, V.F. (2023) Procedural and tactical problems of seizure of electronic media and copying of information in the investigation of crimes using cryptocurrency. *The Russian investigator*. (2), 23–27. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2023-2-23-27> (in Russian).
Титов А.А., Васюков В.Ф. Процессуальные и тактические проблемы изъятия электронных носителей и копирования информации при расследовании преступлений с использованием криптовалюты // Российский следователь. 2023. № 2. С. 23–27. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2023-2-23-27>
- Trozze, A., Kamps, J. & Akartuna, E.A. (2022) Cryptocurrencies and future financial crime. *Crime Science*. 11(1), 1–35. <https://doi.org/10.1186/s40163-021-00163-8>
- Tziakouris, G. (2018) Cryptocurrencies – A Forensic Challenge or Opportunity for Law Enforcement? An INTERPOL Perspective. *IEEE Security & Privacy*. 16(4), 92–94.
- Watters, C. (2023) When Criminals Abuse the Blockchain: Establishing Personal Jurisdiction in a Decentralised Environment. *Laws*. 12(2), 33.
- Zajac, D. (2019) Criminal Jurisdiction over the Internet: Jurisdictional Links in the Cyber Era. *Cambridge Law Review*. 4, 1–28.

Сведения об авторах:

Гармаев Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, ведущий научный сотрудник, Институт права и экономики, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова; 670000, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24 «а»

ORCID: 0000-0001-5431-8063; SPIN-код 9555-5164

e-mail: garmaeff@mail.ru

Осипов Григорий Павлович – соискатель, Красноярский государственный аграрный университет; директор по расследованиям, акционерное общество «Шард»; 121099, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новый Арбат, д. 30/9, офис 2/22

ORCID: 0009-0007-9626-6901

e-mail: grigory.osipov@shard.ru

About the authors:

Yury P. Garmaev – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Institute of Law and Economics, Dorzhi Banzarov Buryat State University; 24 «a» Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5431-8063; SPIN-code 9555-5164

e-mail: garmaeff@mail.ru

Grigory P. Osipov – external doctoral candidate, Krasnoyarsk State Agrarian University; Director of Investigations, Shard Joint Stock Company; 30/9, Novy Arbat street, Moscow, 121099, Russian Federation

ORCID: 0009-0007-9626-6901

e-mail: grigory.osipov@shard.ru

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-685-693>

EDN: IRSAGW

Рецензия на монографию:

Rochford F. Environmental Personhood: New Trajectories in Law. Abingdon, Oxon [UK]; New York: Routledge, 2024. 106 p. = Рочфорд Ф. Экологическое лицо: новые направления в юриспруденции. Абингдон, Оксон [Великобритания]; Нью-Йорк: Раутледж, 2024. 106 с.

**Е.В. Алферова , Е.В. Скурко **

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
(ИНИОН РАН), г. Москва, Российская Федерация
[✉ealf@list.ru](mailto:ealf@list.ru)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Поступила в редакцию: 3 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Алферова Е.В., Скурко Е.В. Рецензия на монографию: Rochford F. Environmental Personhood: New Trajectories in Law. Abingdon, Oxon [UK]; New York: Routledge, 2024. 106 p. = Рочфорд Ф. Экологическое лицо: новые направления в юриспруденции. Абингдон, Оксон [Великобритания]; Нью-Йорк: Раутледж, 2024. 106 с. // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 685–693. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-685-693>

© Алферова Е.В., Скурко Е.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

**Review of the monograph:
Rochford F. (2024) Environmental Personhood:
New Trajectories in Law. Abingdon, Oxon [UK]; New York: Routledge**

Elena V. Alferova , **Elena V. Skurko**

Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ealf@list.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: inseparable co-authorship.

Received: 3rd June 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Alferova, E.V., Skurko, E.V. (2024) Review of the monograph: Rochford F. (2024) Environmental Personhood: New Trajectories in Law. Abingdon, Oxon [UK]; New York: Routledge. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 685–693. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-685-693>

В 2024 г. в издательстве Раутледж в рамках серии «Новые траектории в юриспруденции» вышла в свет рецензируемая книга Франсин Рочфорд, адъюнкт-профессора Университета Ла Троба (Австралия), посвященная концепции признания окружающей среды «экологическим лицом». Речь идет о придании статуса «юридического лица» окружающей среде и ее отдельным компонентам, создании новых правовых средств защиты окружающей среды, а также о расширении субъектов прав и обязанностей, предусмотренных национальным законодательством государств.

Идея наделить окружающую среду правосубъектностью и социально-правовая концепция придания ей такого статуса – новая в юриспруденции. Однако, как показали исследования, в законодательстве некоторых зарубежных стран встречаются случаи придания правового статуса отдельным компонентам окружающей среды – рекам, озерам, паркам, деревьям и др. – статуса «экологического лица». По мнению сторонников этой концепции, такой подход к окружающей среде создает стратегические преимущества при ее защите. Как следует из содержания книги, Ф. Рочфорд придерживается позиции, что «движение за признание отдельных объектов природы “экологическим лицом” ... может оказать трансформирующее воздействие на право и позволяет с альтернативной точки зрения взглянуть на содержание национального и международного права». Наделение чертами «индивидуальности» нечеловеческих (non-human) форм с неясными и изменчивыми границами и отсутствие у них возможности самостоятельно отстаивать свои «права» либо нести обязанности создают, по ее мнению, как концептуальные, так и практические трудности для правоприменителей в отношении таких «субъектов» (р. 1).

Исходя из такого подхода, Ф. Рочфорд прежде всего обращается к традиционной концепции правосубъектности и на этой основе пытается ответить на вопрос: является ли придание правосубъектности окружающей среде и ее компонентам полезным решением и позволит ли это решить современные экологические проблемы:

«Вправе ли мы использовать здесь понятие «лицо» («person») в юридическом или в совершенно ином, далеком от юридического, смысле?» (р. 2).

Работа состоит из пяти глав. Первая и последняя структурированы как введение и заключение. В гл. 2 содержится комплексный историко-культурный анализ юридических представлений о правосубъектности, понятии «юридическое лицо» («legal person»), и, с этой позиции автор оценивает, насколько современные обстоятельства и некоторые реализуемые в различных правовых системах концепции «экологической индивидуальности» способствуют антропоцентрическому построению устойчивого развития. Глава 3 содержит подборку тематических исследований юридической защиты окружающей среды в Эквадоре, Новой Зеландии, Индии, США и Австралии, представленной в формах, характерных для юридического лица. Юридическая защита «экологического лица» в указанных странах строится на разных правовых источниках – от национальных конституций и других законодательных актов до прецедентного права и международных договоров. В гл. 4 дан критический анализ известных подходов по наделению окружающей среды (в целом или частично) статусом «юридического лица»: рассматриваются ключевые противоречия между концепциями придания правовых форм «экологическому лицу» и традиционным правопониманием, сложившимися ценностями и понятиями в соответствующих правовых системах. В заключительной главе автор приводит аргументы в пользу комплексности подходов к развитию правовой охраны окружающей среды.

Заслуживает внимания позиция автора, объясняющая основной мотив ее обращения к этой теме – кризис экосистемы, возникший в результате антропоцентрического использования окружающей среды; ее разрушение затрагивает как человеческие, так и «нечеловеческие» жизненные интересы.

Следует согласиться с Ф. Рочфорд, утверждающей, что рост населения на планете, увеличение его плотности в крупных городах и регионах, индустриализация и урбанизация наносят потенциальный ущерб экосистеме, и прежде всего – ущерб людям или их интересам, проживающим в экономически развитых странах. Например, загрязнение тяжелыми металлами в результате деятельности промышленно-вредных предприятий считается одним из наиболее опасных загрязняющих факторов. Юридические подходы по устранению такого рода воздействий можно увидеть в нормах общего права и законах об охране окружающей среды многих стран мира. Эти правовые инструменты дополняются другими неправовыми механизмами, такими как этические кодексы добросовестного поведения либо руководящие принципы из наилучших практик. Регулирование функционирования рынка также способствует тому, чтобы потребители отдавали предпочтение экологически чистому производству, транспортировке, упаковке. В связи с этим традиционное право, развивающееся как в рамках прецедентов, так и в законодательства, на сегодняшний день уже во многом регулирует вопросы, касающиеся ограничения действий, наносящих ущерб окружающей среде (р. 6).

Справедлива позиция автора, что при принятии решений по вопросам, требующим баланса между потребностями человека (а также его желаниями) и экосистемой, приоритет, почти неизбежно, будет отдаваться интересам наибольшего числа затронутых этой проблемой людей, а в кризисных ситуациях предпочтение будет отдано текущим потребностям перед будущими. Такие решения могут носить как единовременный, так и системный характер. В связи с этим автор приводит ряд примеров. Так, расчистка земель для снижения риска возникновения пожаров теперь

разрешена во многих частях Австралии. Такой подход отменяет или ограничивает ранее действовавшую правовую политику, направленную на предотвращение уничтожения местной растительности. Другой пример – ст. 86А(1) Закона Австралии о водных ресурсах 2007 г. определяет приоритет насущных потребностей человека, включая использование крупных инженерных проектов для забора воды из водохранилищ и ее транспортировки даже из засушливых районов в столичный Мельбурн.

Следует заметить, что общесистемные и фундаментальные изменения, подобные тем, которые выдвигаются сторонниками, с одной стороны, «интересов природы» и, с другой – формирования «экологического лица» окружающей среды или ее элементов, реализуются сегодня путем внесения изменений в законодательство, которые предварительно проходят общественные обсуждения, консультации со специалистами, научные экспертизы и т.п. Такой подход позволяет учитывать «экологические интересы» и «экологические ценности» при принятии законов.

Исследование, проведенное автором, показывает, что расширяющийся спектр последствий изменения климата приводит эоактивистов различных стран к отказу от традиционных информационно-пропагандистских мер и перенесению их борьбы в судебные инстанции, а также предпочтению представлять петиции с требованием о юридическом решении острых вопросов охраны окружающей среды, включая климат. Однако именно такой способ судебного решения проблемы защитники окружающей среды нередко рассматривают как препятствие на пути к существенной экологической реформе. Объясняет это автор тем, что в большинстве правовых систем существуют сложные правила признания «правоспособности» субъекта. Они предусматривают наличие у заявляющего иск лица достаточного интереса в том или ином вопросе для возбуждения судебного процесса. Действующие правила различны в зависимости от типа судебного иска и юрисдикции, но они, в принципе, являются выражением сбалансированности прав и интересов по ходу рассмотрения дел в судах. Вместе с тем существующие процедуры могут не предусматривать возможность подачи судебного иска исключительно по экологическим соображениям, а в большинстве правовых систем, как известно, ни деревья, ни животные не имеют правоспособности.

Именно в этом автор видит источник, насколько можно судить из контекста книги, возникновения идеи «экологического лица», т.е. признания правового статуса «юридического лица» за окружающей средой, которое обеспечит для нее набор прав и позволит этически подойти к решению данного вопроса. В связи с этим вызывает научный интерес то, какие вопросы, порой острые, формулирует автор, как то: чьи права, в ряду признаваемых правовыми системами субъектов права, будут преобладающими – человека, природы, общественных или коммерческих организаций и др.; кто может стать «представителем» интересов окружающей среды, которая «не может говорить сама за себя»; как следует отбирать этих «представителей»; почему они считаются более подходящими, нежели те, которые формируются через традиционные демократические процедуры представительства.

Справедливо утверждение Ф. Рочфорд, что «лицо» («person») – термин, недостаточно точный, чтобы его использовать и сформулировать понятие и передать в нем значение слова «правосубъектность», имеющее сложные смысловые нагрузки, связанные с концепциями науки, религии, политики и философии. Кроме того, это понятие изменчиво во времени, отличается в разных культурах и даже внутри них. Пересекающиеся с концепцией «лица» такие понятия, как «гражданин» или

«субъект», еще больше усложняют понимание сути правосубъектности окружающей среды и ее составляющих объектов природы.

Принимая выражение «экологическое лицо», важно указать, что формулировка понятия «прав» такого «лица» может скрывать политико-экономический аспект запрашиваемых мер защиты, и в некоторых случаях она может быть использована для обхода существующих законных требований и ограничений об использовании государственных средств и других общественных ресурсов при определении приоритетов между различными защищаемыми законом правами и интересами и проч.

Позитивно то, что автор обращает внимание на различное юридическое, политическое и философское значение и смысл терминов, отражающих одно и то же явление, и замечает, что сегодня использование правовых средств экоактивистами нередко приводит к разрушению традиционно сложившихся правовых категорий. Общеизвестно, что закон является консервативной силой, и, хотя он может использоваться для реагирования на экологические вызовы и угрозы, закон мало склонен к радикальным изменениям. Современные же коммуникативные возможности приводят к тому, что сохранение таких постулатов, как «юридическое лицо», в их традиционном понимании становится практически невозможным.

Общепринятые свойства или характеристики юридического лица, в том числе правосубъектности, включают в себя его способность предъявлять иски и быть привлеченным к ответственности, владеть и распоряжаться имуществом и самостоятельно заключать договоры. Это права структурируются вокруг экономических интересов, и они могут быть закреплены за «искусственными» юридическими лицами, такими как корпорации или органы власти, которые могут быть «правосубъектны» в объеме, установленном законодательством.

В связи с этим представляет определенный интерес примеры из Индии, где идолам был присвоен статус юридического лица, чтобы пожертвования, сделанные божееству, оставались «на его имени» (*Йогендра Натх Наскар против комиссара по подоходному налогу, Калькутта, 1969*). и Новой Зеландии, где «экологическое лицо» со статусом юридического лица было создано в отношении национального парка, управляемого правительственным учреждением и т.п.

Тем не менее, современный импульс к переменам в данном вопросе возникает не столько потому, что существующие механизмы юридически не способны защитить окружающую среду, сколько в силу того, что существует некоторая неудовлетворенность результатом: подтекст движения за признание «экологической индивидуальности» в праве в отношении окружающей среды заключается в том, что искомая защита направлена на оспаривание решений правительства или других административных органов, принятых в ущерб или способных причинять ущерб окружающей среде. То есть создание системы правоохранительного характера вокруг «экологического лица», замечает автор, способно повысить приоритетность этих «индивидуальностей».

Следует согласиться с Ф. Рочфорд, что движение в защиту «экологического лица» сегодня вышло за рамки вопроса о «правоспособности» компонентов окружающей среды и стремится к более широкому спектру мер защиты и концепций, вытекающих из международного права, а не только внутреннего законодательства и судебной практики. Эта тенденция, предполагает автор, еще усилится: окончательная доработка проекта «Всеобщей декларации прав рек» (*Universal Declaration of*

River Rights) придаст дополнительный импульс соответствующим законодательным изменениям на всех уровнях (р. 31).

В настоящее время уже несколько стран придерживаются позиции, что природа или ее части в той или иной форме обладают юридической субъектностью. Правосубъектностью наделяются не только животные, но и реки, озера, высокогорья, джунгли, леса, ледники, экосистемы и Мать-Земля или самая Природа. Последствия признания «юридического лица» в каждом конкретном случае различны и вытекают из принятых судебных решений, законодательства или конституционных положений в различных правовых контекстах. В случаях, когда принимались законодательные решения, касающиеся конкретных экосистем, это изначально расценивалось как совершенно новый шаг, способный коренным образом изменить их правозащиту. Однако, как правило, это была избыточная правовая реакция. Например, «права природы» (rights for nature) были признаны в Новой Зеландии (река Вангануи), Канаде (Мутешекау-шип/река Магпи), Австралии (река Ярра), Эквадоре (река Вилькабамба и Пачамама/Мать-Земля), Уганде («Природа»), Боливии (Пачамама/Мать-Земля), Панаме и Испании (лагуна Мар-Менор). Однако эти объекты природы не обязательно наделяются индивидуальными правами (personhood rights), хотя могут рассматриваться живой формой существования материи – «живым существом» (a 'living entity'). В других случаях суды признали «юридическими лицами», например, реки Ганг, Ямуна и Аtrato, Магдалена, Каука, Рио-де-ла-Плата, Коэльо, Комбейма, Кокора и Отун. Однако в некоторых случаях такие решения были оспорены в апелляционном порядке, так что «параметры» заявленного «лица», с точки зрения истцов, остаются неясными (р. 40).

Одна из ключевых проблем, рассматриваемых в книге, – вызов современного эоактивизма антропоцентрическому представлению о человеческом праве как о служении только людям. Наряду с этой позицией существует идея концептуализации прав человека лишь как части интегрированной (эко)системы, – причем не обязательно самой важной ее части. Одни защитники природы и окружающей среды утверждают, что права природы стоят на первом месте, за ними следуют права человека, а затем права общества; другие – что сегодня в мире наблюдаются процессы антропоморфизации природы, персонификации деревьев, очеловечивания животных и анимизации людей и т.п.

Здесь важно обратить внимание на то, как автор искусно пытается рассмотреть идею «экологического лица» через призму правового плюрализма. Казалось бы, этот демократический институт является естественным сопутствующим элементом правовых систем, опирается на онтологию и учитывает мировоззрение коренных народов, проживающих в данном государстве, которые могут отличаться от позиции государства. Это выражается в общем сдвиге в государственно-правовой структуре в сторону признания прав групп коренного населения на автономию, включая самоуправление и самоопределение, в том числе в случае признания правосубъектности в отношении компонентов окружающей среды. Именно здесь, полагает автор, возникает иная форма плюрализма, которая расширяет антропоцентрическое понимание окружающей среды и обращает внимание государства на развитие «права Земли» («Earth-law»). Такого рода «эоцентрический» плюрализм практически неотличим в своей аргументации от правового плюрализма; это, в свою очередь, оправдывает многие из существующих претензий на формирование правосубъектности у окружающей среды – ее «экологического лица (индивидуальности)».

Свою точку зрения автор подкрепляет интересными и редкими примерами. Так, в Эквадоре легитимность «экологического лица» «Матери-Земли» напрямую основана на онтологии коренных народов страны. Такой нарратив служит борьбе коренных народов за охрану окружающей среды. То есть опыт, знания и понимание конкретных экосистем корректируют концепции и представления, заложенные в основы современных правовых системы. Однако следует согласиться с автором, что вряд ли основательным будет утверждение, что понимание культур коренных народов предпочтительнее, например, научных открытий или что религиозное отношение к окружающей среде ведет к наилучшему экологическому результату (р. 77–78). В связи с этим примечательна ремарка Ф. Рочфорд о том, что признание притязаний коренных народов на объекты окружающей среды является, по сути, ответом на пережитки колониальной политики прошлого. Тот факт, что тезис об антиколониализме используется в качестве инструмента пропаганды в защиту «прав окружающей среды», не лишен, по мнению автора, иронии (р. 78).

Можно было бы предположить, что все коренные народы согласны с идеей «экологического лица» окружающей среды, однако здесь явно происходят некоторые деформации известных правовых доктрин. Изучение вопросов окружающей среды «через призму колониализма» неудивительно, учитывая его доминирование в интеллектуальной (включая юридическую) мысли в последние десятилетия. Однако попытки совместить постколониальные идеи с эгоцентризмом не обязательно приводят к созданию когерентной системы. В частности, постколониальные выгоды от добывающей и сельскохозяйственной промышленности, развития инфраструктуры, возникающие вследствие эксплуатации окружающей среды, для постколониальных государств были бы существенно уменьшены в случае применения эгоцентрических оговорок (правил).

Сопоставляя предполагаемые «права» «экологического лица» с правами коренных народов на процветание за счет использования своих национальных ресурсов для участия в современной рыночной экономике, автор приходит к существенному выводу о том, что аргумент в пользу «экологического лица», даже основанный на особенности бытия коренных народов, является весьма проблематичным. Этот вывод распространяется и на стратегически беднейшие сообщества в том смысле, что эти сообщества могут объединиться с экологическими группами для принятия мер по предотвращению разрушения местных экосистем (например, в результате добычи полезных ископаемых или обезлесения), что может позитивно отразиться на росте уровня средств к существованию у местных сообществ. Однако есть множество примеров, когда обедневшее местное сообщество, получив полномочия, скорее использует ресурсы своей собственной окружающей среды, чтобы вырваться из бедности.

Таким образом, если наделение окружающей среды правоспособностью имеет целью создание «равноправных отношений, в которых каждая сторона имеет ту же ценность, что и другая», или «диалог между различными эпистимологиями», то возникает вопрос свободы воли: кто уполномочен выступать от имени нечеловеческих объектов окружающей среды / Природы в правовом поле, на чем основана такая возможность и как ее реализовать? И здесь, важно обратить внимание на эмоциональное восклицание автора: «На человеческую деятельность полагаются как на „рупор“»

окружающей среды, что с неизбежностью порождает проблему „перевода“ („делегирования“) представительства интересов Природы человеку и возможность потенциального наступления непреднамеренных и весьма негативных последствий даже от благонамеренных сторонников такого рода «представительства» (р. 81). Существует множество правовых, политических и экономических инструментов, используемых для решения проблем загрязнения или истощения ресурсов, борьбы с изменением климата. Полезность идеи «экологического лица», позволяющей решить проблемы охраны окружающей среды, можно оспорить.

Для подтверждения своей точки зрения автор приводит необычный пример неудачной попытки использовать судебный процесс для придания реке Колорадо статуса «юридического лица» (*Colorado River Ecosystem vs Colorado, 2017*). В этом процессе суд установил, что истец «преувеличил дихотомию между «экологическим лицом» – рекой Колорадо – и правом собственности, одновременно преувеличил ее потенциал и недооценил богатые и разнообразные имущественные взаимоотношения, возможные в рамках концепции собственности в общем праве...» (р. 90). То есть суд указал, что ссылаться на такое «лицо», как река Колорадо, в данном случае малопродуктивно, постольку если рассматривать реку в категориях «вещи» – то существует больше правовых инструментов ее защищать.

Таким образом, исследование Ф. Рочфорд показывает, что концепция «экологического лица» в праве, ее развитие и применение еще неясны. Однако понятно то, что различные механизмы привязки такого «лица» к окружающей среде можно рассматривать как трансформацию представлений о праве и «правосубъектности». Вместе с тем идея признания форм «экологического лица» в праве для отличных от человеческой личности явлениям появилась не случайно, тому причина – кризис экосистемы, возникший в результате антропоцентрического использования окружающей среды, а также понимание того, что разрушение экосистемы затрагивает как человеческие, так и «нечеловеческие» интересы.

Полагаем, что заявленная тема данной монографии – весьма амбициозна, а расставленные акценты представляют собой сложный набор порой противоречивых философских, юридических и практических вопросов, с которыми сталкиваются сторонники «экологического лица». Вместе с тем эти вопросы не являются непреодолимыми, поскольку понятие «лица» концептуально изменчиво и присваивание такому «лицу» правосубъектности вряд ли обеспечит ему больше защиты, чем это делает конкретная правовая система посредством многочисленных законодательных инструментов. Наделение правосубъектностью окружающую среду сопряжено с риском манипулирования на «зеленой повестке», что часто наблюдается в политических и общественных ответах на экологические проблемы. Полагаем, придание значимости «правам Природы» для улучшения экологических результатов не является безоговорочной и требует широкого обсуждения и исследования.

Несмотря на остро дискуссионные вопросы, рассмотренные в данной монографии, ее научное и практическое значение в том, что сегодня человек озабочен сохранением природы даже таким необычным способом, как присвоение ее объектам статуса правосубъектности, и «консервативный» закон – на примере ряда стран – может стать прогрессивным, признавая реки, озера, парки «экологическим лицом» = «экологической индивидуальностью».

Сведения об авторах:

Алферова Елена Васильевна – кандидат юридических наук, заведующая отделом правоведения, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН); Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

ORCID: 0000-0003-1630-1070; SPIN-код: 8179-7888

e-mail: ealf@list.ru

Скурко Елена Вячеславовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН); Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

ORCID: 0009-0004-1139-951X

e-mail: e.skurko@mail.ru

About the authors:

Elena V. Alferova – Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Jurisprudence, Leading Researcher, Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 51/21 Nahimovskiy avenue, Moscow, 117418, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1630-1070; SPIN-code: 8179-7888

e-mail: ealf@list.ru

Elena V. Skurko – Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher, Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 51/21 Nahimovskiy avenue, Moscow, 117418, Russian Federation

ORCID: 0009-0004-1139-951X

e-mail: e.skurko@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-694-697>
EDN: GNKBYA

Информационная статья / Information Article

Судебная власть и судоустройство: обзор международной научно-практической конференции

Е.Ю. Комлев , Д.А. Добряков

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Komleve@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Поступила в редакцию: 2 июня 2024 г.
Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Комлев Е.Ю., Добряков Д.А. Судебная власть и судоустройство: обзор международной научно-практической конференции // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 694–697. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-694-697>

Judicial Power and Judicial System: Review of the international scientific and practical conference

Evgeny Y. Komlev , Denis A. Dobryakov

RUDN University, Moscow, Russian Federation
Komleve@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.
The authors' contribution: inseparable co-authorship.

Received: 2nd June 2024
Accepted: 15th July 2024

© Комлев Е.Ю., Добряков Д.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Komlev, E.Y., Dobryakov, D.A. (2024) Judicial Power and Judicial System: Review of the international scientific and practical conference. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 694–697. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-694-697>

12 апреля 2024 года на площадке Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности юридического института была проведена международная научно-практическая конференция «Судебная власть и судоустройство».

В работе конференции приняли участие действующие судьи и судьи в отставке, работники аппаратов судов, адвокаты и практикующие юристы, представители научного сообщества, в том числе из ведущих высших учебных заведений, аспиранты и студенты из России, Беларуси, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и Армении.

Среди основных тем, которые были затронуты на пленарном заседании и во время работы секций конференции, были вопросы, связанные с осуществлением правосудия, судоустройством и обеспечением деятельности судов в Российской Федерации и зарубежных странах.

Открыл пленарное заседание конференции с приветственным словом ректор Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, д-р юрид. наук, профессор О.А. Ястребов, который поздравил кафедру судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности и ее нового заведующего – Е.Ю. Комлева с возрождением традиции проведения в стенах юридического института научно-практических мероприятий, посвященных судебной власти, подчеркнул большое значение конференций такого типа для образовательного процесса и пожелал всем участникам конференции внести свой вклад в науку.

Актуальность и востребованность мероприятия отметил заведующий кафедрой международного права юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, д-р юрид. наук, профессор А.Х. Абашидзе, остановившись на вопросах оптимизации подходов к преподаванию юридических дисциплин, развития сравнительно-правовых и междисциплинарных исследований.

С докладом на тему «Стратегия правового регулирования судоустройства: от научной концепции к практике реализации» в рамках пленарного заседания выступил заведующий центром судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор Н.С. Бондарь, указав, помимо прочего, на целесообразность научной разработки концепции развития судебной системы Российской Федерации в контексте процессов суверенизации правосудия и специализации судоустройства.

Необходимость защиты национальных интересов, а также обеспечения соответствия решений и позиций судов при осуществлении правосудия (в том числе и конституционного) актуальным потребностям государства и общества отметил в докладе на тему «Новеллы судебного конституционного контроля в Республике Беларусь» заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь в отставке, Заслуженный юрист Республики Беларусь, д-р юрид. наук, профессор Г.А. Василевич.

Развитию системы административной юстиции, особенностям рассмотрения дел в рамках административного судопроизводства и ряду других вопросов был посвящен доклад заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Заслуженного юриста Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессора Н.М. Чепурновой на тему «Актуальные вопросы становления и развития системы административной юстиции в Российской Федерации». Отдельно Н.М. Чепурнова отметила роль профессора, д-р юрид. наук А.Б. Зеленцова и О.А. Ястребова в разработке действующего Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Представил доклад на тему «Судебная реформа в Российской Федерации: анализ и перспективы» председатель Первого апелляционного суда общей юрисдикции, Заслуженный юрист Российской Федерации В.Н. Ананьев, подчеркнув необходимость продолжения реформирования судебной системы Российской Федерации в целях совершенствования кассационного производства и других ее элементов (включая институт мировых судей) с учетом объективных потребностей правосудия.

Также с докладами на пленарном заседании выступили судья Конституционного Суда Республики Узбекистан, канд. юрид. наук, доцент А.Э. Рахманов («Развитие института конституционной жалобы в Республике Узбекистан»), советник Конституционного Суда Российской Федерации, канд. юрид. наук Б.А. Ревнов («О некоторых позициях Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам конституционного судопроизводства»), судья Первого кассационного суда общей юрисдикции, канд. юрид. наук А.С. Омарова («Кассация по гражданским делам: результаты реформы и некоторые проблемы») и судья Третьего арбитражного апелляционного суда, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук Н.А. Морозова («Роль научных заключений при рассмотрении дел судами»).

По окончании пленарного заседания была организована работа двух тематических секций и «Трибуны молодого ученого» (модераторы: Р.А. Тютюнник и Я.В. Садовский) для студентов Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы и других высших учебных заведений, принявших участие в конференции.

В рамках первой секции «Осуществление правосудия в Российской Федерации и зарубежных странах: современное состояние и тенденции» (модераторы: Д.А. Добряков и А.А. Терехов) были затронуты проблемы и тенденции организации судопроизводства, особенности и тенденции развития конституционного судопроизводства, досудебное производство по уголовным делам, обязательный претензионный порядок и досудебное урегулирование споров, участие в деятельности судов по рассмотрению споров адвокатов и иных лиц, развитие института судебного представительства, «обвинительный уклон» и формы уголовного судопроизводства, развитие законодательства и его значение для оправления правосудия, внесудебное урегулирование споров (третейский суд, арбитраж, медиация) в России и зарубежных странах.

Вторая секция «Судоустройство и обеспечение деятельности судов» (модераторы: Д.А. Ширёв, Е.П. Дёмина) была посвящена вопросам проведения и перспектив судебных реформ в России и зарубежных стран, статуса судей и кадров судебной власти, материально-технического обеспечения деятельности судов, внедрения новых (цифровых и иных) технологий в деятельность судов, обеспечения безопасности судебных органов и участников судопроизводства.

Работа секций конференции была продуктивной, а ряд докладов и, в частности, выступления профессора кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, профессора кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, д-р юрид. наук профессора М.Т. Аширбековой («Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) как форма поощрения за заслуженное поведение, проявленное обвиняемым»), заведующего кафедрой судебной и правоохранительной деятельности, заместителя директора юридического института по учебной работе Южно-Уральского государственного университета, канд. юрид. наук, доцента Н.В. Ткачёвой («Разумный срок судебного разбирательства в суде первой инстанции по уголовным делам») и руководителя судебной практики Intana Legal (ex Crowe), канд. юрид. наук А.А. Шугаева («Обвинительный уклон судебной практики по делам о привлечении к субсидиарной ответственности и взыскании убытков в процедуре банкротства»), вызвали оживленную дискуссию, обеспечившую обмен мнениями между юристами-практиками и представителями научного сообщества.

Материалы конференции будут доступны в сборнике статей участников, который планируется к изданию и последующему размещению в открытом доступе в сети «Интернет». По итогам конференции было принято решение о ее ежегодном проведении.

Сведения об авторах:

Комлев Евгений Юрьевич – кандидат юридических наук, заместитель директора юридического института по научной работе, заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0001-7246-8014; SPIN-код: 4470-8099; AuthorID: 927596

e-mail: Komleve@mail.ru

Добряков Денис Андреевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-2384-8659; SPIN-код: 7147-4646; AuthorID: 868333

e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

About the authors:

Evgeny Y. Komlev – Candidate of Legal Sciences, Deputy Director of the Law Institute for Research, Head of the Department of Judicial Power, Civil Society and Law-Enforcement Activities, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7246-8014; SPIN-code: 4470-8099; AuthorID: 927596

e-mail: Komleve@mail.ru

Denis A. Dobryakov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Judicial Power, Civil Society and Law-Enforcement Activities, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-2384-8659; SPIN-code: 7147-4646; AuthorID: 868333

e-mail: den-dobryakov@yandex.ru